

Пётр Червинский

Предметный мир
примет и поверий

(Проживание смерти)

UNIWERSYTET ŚLĄSKI
WYDAWNICTWO

Предметный мир примет и поверий
(Проживание смерти)

Пётр Червинский

**Предметный мир примет
и поверий
(Проживание смерти)**

Redaktor serii: Językoznawstwo Słowiańskie
Jolanta Lubocha-Kruglik

Recenzja
Jarosław Wierziński

Rada naukowa:
Ewa Komorowska – Uniwersytet Szczeciński
Tadeusz Szczerbowski – Uniwersytet Pedagogiczny w Krakowie
Katarzyna Dembska – Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu
Zdeňka Nedomová – Uniwersytet w Ostrawie
Anastasija Urža – Moskiewski Uniwersytet Państwowy im. M. Łomonosowa

Decyzją autora publikacja ukazała się na prawach maszynopisu gwarantowanego
– teksty nie były poddane redakcji w Wydawnictwie Uniwersytetu Śląskiego.

Решением автора публикация издана на правах гарантированной рукописи
– тексты не были отредактированы в Издательстве Силезского университета.

Оглавление

Остановленное существование умерших	7
О признаках мертвого	7
О мертвом, себя объявляющем в том, что живое	17
О трансгрессии пораженного состояния	22
Контактные следствия поражения	26
Параметризация витальной ослабленности	32
Признаки приближения к смерти	36
О мотивирующем различении анализируемых единиц	40
Компонентный состав определяемых конструкций	41
Взаимосвязь составляющих компонентов	43
Действия и недействия как компоненты состава	49
Предметы, в них заключенного знания	52
Знаки проявленной смерти	67
Субъекты и позиционные роли	67
О действиях, которые следует не совершать	75
Об адресатах действиями вызываемой смерти	81
О различии провоцирующих смерть положений	88
О признаках распознавания смерти	94
Кое-что о невидимости	95
Некоординированное проявление человека	98
Запахи и обоняние	101
Возможное действие локуса	109
Загадывание на близкую смерть	112
Контакты с умершими	118
Сигнализирующее явление	119
Действия, исходящие от живых	122
Случайное вызывание	135
Нежелательные обстоятельства собственной смерти	138
Ожидание смерти и умирание	143
Признаки наступления	148
Замедление совершаемых действий	153
Дом и животные существа	157
Мышь, собака и кошка	164

Определение состояния больного	173
Предостережение для живых	177
Открытие пути	180
Свидетельствующие обстоятельства	184
Направленные предсказания смерти	186
Обращенность к отмеченному лицу	194
Неизбежность вследствие совершаемых действий	205
Сигналы кукушки	209
Отношение живых к умершему	215
Смерть и мертвые для живого	224
Распознаваемые знаки смерти	226
Литература и примечания	241
Streszczenie	285
Summary	287

Остановленное существование умерших

Прежде чем перейти к изучению материала примет и поверий, каким-либо образом связанных с проявлением смерти¹, представляется небезразличным обратить внимание на одну существенную особенность. Касается она восприятия, не то, чтобы отличающего смертное состояние человека от его состояния в жизни, но такого, которое, может не так чтобы прямо, свидетельствует о своеобразном к нему отношении. Исходя из слов языка, таких, как *умирать*, *покойник*, *смерть*, *мертвый*, *усопший*, *почить* и пр., впрочем, не только из слов, привычно воспринимать упомянутое состояние как замирание, остановку движения жизни, наблюдаемого в теле, его прекращение, представляемое как покой. Это все общеизвестно, но не об этом речь и не на это хотелось бы обратить внимание, а на нечто другое, в материале исследования объявляемое далеко не всегда, нередко не напрямую и в какой-то другой связи. Вместе с тем та особенность, которую хотелось бы обозначить, видится важной и не случайной, в концептуальном и мировоззренческом отношении дающей возможность не только понять, но и объяснить, равным образом, как другие особенности, так и возможные признаки предполагаемых к изучению положений. Представим ее на примере, с тем чтобы вывести и в явном виде отметить.

О признаках мертвого

Предметом отмеченного определения будут „Рассказы о мертвецах”, помещенные в „Народных русских сказках”^{*} А.Н. Афанасьева (351–362). Сюжеты, в них отраженные, повторяются. Часть из этих повествований (354–356) к тому же посвящена колдунам², т.е. таким умершим, которые, будучи наделены исключительной силой, во-первых, не просто выходят

^{*} *Народные русские сказки А.Н. Афанасьева*. В трех томах. Москва: Государственное издательство художественной литературы. Т. 1–3, 1957.

по ночам из могил или, опять-таки по ночам, приходят и появляются для того, чтобы умертвить кого-либо или съесть, а во-вторых, могут быть окончательно умерщвлены, без возможности появления, посредством каких-то особых приемов с использованием определенных предметов. Об этих приемах солдат узнает (354–355) от самого колдуна, и дело, тем самым, впоследствии разрешается.

Та особенность, о которой упоминалось, видится в проявлении ряда стабильных признаков. Разберем их на первом (351) сюжете. Повествование касается героини, определяемой как „девка – лежачка, лентяйка”, которая „не любила работать, абы как погудорить да побалакать”. Характеризуется данная героиня как такая, которая говорит о себе «Я ничего не боюсь!», чего следствием для нее становится получаемое от подружек задание принести ночью образ из церкви, что она, не задумавшись, делает. После чего образ надо нести обратно, а время уже к полуночи, но ее это не смущает. „Пошла, поставила образ на место. Только идет назад мимо погосту и видит: мертвец в белом саване сидит на могиле. Ночь-то месячная, все видно. Она подходит к мертвецу, стащила с него саван; мертвец ничего не говорит, молчит – знать, время ему не пришло говорить-то”. По приходе домой она своим приобретением перед подружками хвастает, одни пугаются, другие не верят, смеются. „Только поужинали и легли спать, мертвец приходит, стучится в окна и говорит: «Отдай мой саван! Отдай мой саван!» Девки перепугались – ни живы ни мертвы; а лежачка берет саван, идет к окну, отворила: «На, – говорит, – возьми!» – «Нет, – отвечает мертвец, – неси туда, где взяла!» Только вдруг петухи запели – и мертвец исчез”.

Во вторую ночь ситуация, но уже без присутствовавших перед этим девиц, повторяется. Мертвец в тот же самый час приходит, стучит в окно и требует отдать ему саван. Отец с матерью отворяют окно, чтобы отдать ему саван. «Нет, – говорит, – пушай она отнесет туда, где взяла!» Та на погост с мертвецом не идет, и снова все обрывается пением петухов. На другой день отец с матерью просят священника отслужить обедню. „Назавтра пошла лежачка к обедне, началась служба, народу много нашло! Только как стали херувимскую петь, вдруг откуда поднялся страшный вихрь, ажно все ниц попадали! Ухватил ее да оземь. Девки не стало, только одна коса осталась”.

При взаимодействии с мертвым на данном примере можно отметить, прежде всего, как общеизвестное, строго определенное время активности с их стороны для живых, от полуночи до пения петухов, что находит свое отражение во всех приводимых сюжетах. В этот период они ходят и говорят, после чего исчезают. Вторая особенность предполагает непреодолимую в них привязанность к своим предметам, каковым выступает саван, как в рассмотренном повествовании (в белом саване они также нередко и появляются), в следующем (352) таковой была гробовая крыш-

ка, затем сапоги колдуна (356), которые мертвые настойчиво и упорно требуют им возвратить, в том числе и неоднократно приходят за этим. В рассмотренном примере с саваном (351) трижды.

Особенность сюжета с девкой-лежачкой в связи с разбираемым признаком определяется также тем, что мертвец не просто приходит за саваном, требуя его возвратить, но непременно с тем, чтобы та отнесла его туда, где взяла, и чтобы именно она это сделала (не принимая его в окно ни от нее, ни от ее отца с матерью).

Еще одна, видящаяся немаловажной, черта заключается в косвенном, хотя и не так, чтобы косвенном, отношении к церкви. Образ героиня берет из церкви, которая на погосте при кладбище, туда же она его возвращает, а по дороге обратно мертвеца в белом саване на могиле видит на том же погосте. Туда же тот требует, чтобы она с ним саван и занесла. И обедню, как следует предполагать, отслужить отец с матерью просят, видимо, в той же церкви, вряд ли, чтобы в другой. Из той церкви девка и исчезает.

Ситуативно пространственно нечто подобное себя отражает и в следующем сюжете (352). Выходящий ночью в белом саване с гробовой крышкой мертвец, бежит поначалу к церкви, у которой в дверях крышку свою оставляет, после чего „сам в село”. В часовню в сюжете 360 забегает от мертвеца солдат, в которую вслед за ним тот также затем является. К церковному склепу ночью приходят со школьным учителем разбойники (362), понуждая его снять у умершей „пани семь золотых перстней с драгоценными камнями”, а после того как та пробудилась, спасаясь, вбегает тот в церковь, прячась на хоры и запирая дверь.

Повторяющимся мотивом в связи с отношением к мертвым можно считать также свадьбу, на которую умерший колдун, придя, жениха с невестой тем либо иным путем умерщвляет (усыпив и набрав от них крови в 354; будучи невидим, засовывая в рот свою руку по самое плечо тому и другой в 356). Либо, как в сюжетах 358 и 359, с приглашением либо приходом умершего близкого друга или меньшого брата на свадьбу.

И еще два момента, на которые стоило бы обратить внимание – приглашение со стороны умершего приятеля (с десятков лет тому, через год плюс несколько месяцев) к себе и питье у него вина (353 и 358), которое, если вовремя не уйти, заканчивается, как в сюжете 358, с каждой выпитой чашей, а было их три, тем, что прошло сто лет, в результате триста. А если уйти, то, скача верхом на любезно предоставленной мертвым лошади, – „что твой вихрь летит!” – оказаться в итоге с пением петуха ездоком на надгробном камне (353).

Попробуем вывести, на основе сюжетов о мертвецах у А.Н. Афанасьева, те признаки, которые, будучи не случайными и повторяющимися, с одной стороны, способны служить свидетельством таких представлений о мертвых³, которые, составляя общее знание, должны их в какую-то важную

сторону характеризовать. А с другой, те же признаки, определенным образом между собой сводясь и сочетаясь, смогут составить не столько картину, сколько концептуальный вектор заложенных в то, что мертвое, предположений. Тех и таких, которые, осознаваясь либо не осознаваясь носителями данной ментальной культуры, представляют собой некий комплекс в своем единении ощущений и впечатлений, касающихся как не близких, так и близких в известном смысле умерших. Полученный смысловой набор позволит в последующем соотнести его с тем, что находит свое отражение в выбранном для анализа материале, выведя сходное либо не сходное, себя повторяющее либо новое и дополнительное.

Крайне важным параметром, в отношении представленного по сюжетам рассказов о мертвецах, видится то, что, связываясь со временем, себя отражает в двух, а точнее трех, проявлениях. Первым будет время активности (от полуночи до петухов)⁴, отмечаемое хождением, говорением и совершением ими каких-либо действий, не исключительно вредоносных. В сюжете 359 умерший младший брат⁵ спасает своего старшего брата от девятиглавого змея в первую брачную ночь. В сюжете 361 „покойная мать в том самом платье, в каком ее схоронили” приходит по ночам кормить мертвой грудью ребенка, после чего, однако, „Все, кто ее видел, превратились в камень, а малютку нашли мертвым”.

Вторым временным проявлением следует полагать, известное и по другим сюжетам, представление о несоотношении времени для живых и для умерших. То, что для последних действует, совершается в один миг (в один день), для живых себя обращает в сто лет, которое можно считать в таком своем обозначении в известном смысле условным. Такое время выглядеть будет, скорее, как неисчислимое, применительно к человеческим меркам, и вечное.

И третьей позицией в отношении времени можно считать момент умирания в прошлом встретившегося либо того, к кому на могилу затем приходят, но не всякого, а знакомого или близкого мертвеца. Выглядит это время на материале рассказов циклично, замыкая какой-то порядок – десять лет или год, после чего еще несколько месяцев.

Время умерших, тем самым, себя объявляет в проекциях признаков ‘глухого темного’ как для них потенциально активного, ‘неисчислимого вечного’ в своем для них прохождении-протекании, а тем самым, и ‘проживании’ ими его, и ‘отмеченного цикличного’ для возможной встречи и обращения к *своим* живым с их стороны.

Стабильна и неотвратима привязанность мертвых к своим предметам, к савану, гробовой крышке, сапогам, золотым перстням с драгоценными камнями, как в сюжете 362, которые они либо требуют непременно отдать (351, 352), вплоть до возможности выведать у них под этим предлогом секрет, как оживить ими умеренных (352), и опять же с помощью савана,

клочка от его левой полы, либо приходят за ними (351, 356), настойчиво домогаясь, либо сами пытаются у похитившего их отобрать (362), при этом зовя на помощь других умерших, „сестриц и братцев“. Важным при этом видится то обстоятельство, что эта привязанность сопровождается отбиранием этих предметов у мертвых живыми, что грозит неизбежным преследованием либо мольбой и требованием возратить. В свою очередь, мертвые, приходя по ночам к живым, предметы у них как таковые не отбирают, они приходят с тем, чтобы их умертвить либо съесть или, как в сюжете 355, колдун, появляясь на свадьбе, забирает со скатертью со стола, все, что на нем было наставлено, поедая затем это все вместе с ложками, ножами, бутылками и самой скатертью. Оставаясь при этом голодным (неистоцимость), он собирается съесть и внука, с которым на свадебный промысел отправлялся.

Все это, в отношении их предметной привязанности, предполагает признаком (в соединении) ‘непременность’ и ‘обусловленность’. Без этих своих предметов они не то, чтобы не могут существовать, но, видимо, как это следует из громкого крика покойницы в повествовании 362, не могут себе обрести покоя: «не знала я покоя при жизни», – кричит она, призывая на помощь других умерших, – «не дают мне его и при смерти!». Из чего получалось бы, что их этот покой обусловлен наличием, у них и при них, этих самых предметов. Если развить эту мысль, их эти предметы⁶ составляют покой, который можно интерпретировать как «экзистенциональное» их обеспечение и уравновешенное бестревожное состояние, понимая под экзистенциональностью, в отношении умерших, то, что предполагает их собственное для них бытие с возможностью, в том числе, и ночного, предполагающего обязательность возвращения, выхода, с посещениями живых.

Трудно в рассмотренных случаях говорить об их каком-либо отношении к потустороннему и тому свету⁷, материал не дает для этого оснований, предполагая и допуская, что существование их ограничивается пребыванием в могиле в гробу, вставанием из него по ночам и хождениями к поселениям. Своего рода маятниковое, строго по времени и во времени распределенное и равновесное, в отношении ‘тут и там’, повторяющее себя в таком своем постоянстве, пребывание. Однако, исходя из приведенных сюжетов, это не то, что принято воспринимать как состояние подвешенное, характерное для так называемых неуспокоенных душ⁸, т.е. таких, которые, не находя себе места, блуждают, не будучи в состоянии обрести загробный покой и не имея одновременно с этим возможности возвратиться к утраченной жизни. Покой у них, как получается, есть, он может быть только нарушен живыми, при отбирании, лишении мертвых принадлежащих им, их облекающих, составляющих их непременный кон-кон, предметов.

‘Непременность’ и ‘обусловленность’, тем самым, с их таковыми пред-
метами связанная, проецируется к их равновесно-маятниковому, стабиль-
ному, в чередовании сменами ночи и дня, временному, из этого, существо-
ванию, с той оговоркой, что время ночное для них есть время с полуночи
до петухов, после которого они замирают. Из чего получалось бы, что
предметная их обусловленность становится следствием, отражением, обе-
спечением и воплощением самого их стабильного в переменах времени
бытия. Указанные предметы, тем самым, все это для них предполагают
и проецируют, определяясь в составляющих целое признаках ‘чередую-
щейся темпорально стабильности’.

Возникает вследствие этого представление об ограниченном замкну-
том круге – пребывания в могиле в гробу, выхода из нее к полуночи,
хождения к поселениям, включая контакты с живыми, с возможным, но
не обязательным, лишением их жизни и возвращением (до пения петухов)
в свою могилу в конце. Все не только по часам, но и как в часах – могила
открывается, покойник выходит, покойник входит, в нее возвращаясь, та
за ним закрывается. Круг и цикл обращения с ним завершен.

Круг и цикл обращения, расширяясь, может приобретать и еще один
вид – обращения живого к умершему, с его приглашением на свадьбу
(358), и в обратную сторону, обращения умершего к своему живому,
с просьбой исполнить что-либо, чтобы земля его приняла (359). В обоих
случаях это *свой* умерший, брат или самый близкий товарищ, как родной
брат. Оба сюжета при этом связываются со свадьбой живущего и либо
потерей им времени человеческой жизни при посещении могилы (про-
шло триста лет, что не следует понимать буквально, но как трижды по
сто – трижды неисчислимое для человека время), либо защитой умершим
младшим братом своего живущего старшего от девятиглавого змея. Для
чего умерший приходит к старшему перед полуночью в первую брачную
ночь и стоит с мечом в руке, ожидая змея, у изголовья.

То и другое можно и, видимо, следует воспринимать как проекцию
мертвого к своему живому для признаков ‘чередующейся темпорально
стабильности’. Такой же проекцией к своему живому, в еще более близ-
ком, по сравнению с братской привязанностью, проявлении, было бы то,
что описано в 361 с посещением в полночь покойной матерью своего
ребенка с тем, чтобы кормить его ‘мертвой грудью’. То, чего не следует
видеть при этом живым, иначе они превратятся в камень, а дитя умрет.
Поскольку, можно бы было добавить, круг стабильного, по времени че-
редующегося, обращения мертвого вмешательством со стороны живых
(а изба осветилась ими, чтобы увидеть) оказался нарушен.

Умершие во всех рассмотренных случаях сохраняют все имевшиеся
при жизни связи и отношения с живыми и, соответственно им, себя
с ними ведут, узнают, называют, беседуют, что также можно рассма-

тривать, интерпретируя, как круг, точнее расходящиеся от центра, как наиболее тесного отношения, круги. Смерть, тем самым, не прерывает подобного рода связей. В центре, видимо, следует поместить отношение матери к своему ребенку (361), далее будет связь между братьями, старшим живым и младшим умершим (359), еще далее близость между товарищами, которые „друг друга за родного брата почитали” (358). После этого, можно бы было сказать, отношение деда, умершего колдуна, и внука, солдата (355), если бы не то обстоятельство, что дед намеревается своего внука, в конечном итоге, съесть, – желание, объясняемое, впрочем, его дополнительной, помимо мертвого, «колдовской» природой.

Имеется также то, что представлено в виде позиции ‘старинный приятель’ (353), связываемой с взаимным расположением, приглашением мертвого выпить, зайдя к нему, посещением живым его могилы-избы и предложением живому в конце со стороны умершего у него переночевать, от чего тот все же отказывается, и это, видимо, его от смерти, в конечном итоге, спасло. Мертвый в этом случае не умерщвляет живого, того живого, который *свой*, но может, при условии согласия с его стороны у него остаться, тому поспособствовать. Намерение, которое, как от мертвого, от него не исходит, но, как мертвый, он ненамеренно соответственным образом поступает и действует, по такой вот природе своей.

Остальные контактные взаимодействия с мертвыми не предполагают ни родственности, ни перед смертью знакомства, строясь на том, что можно было бы определить условно как перетягивание, кто кого, в чью выигрышную либо не выигрышную пользу и сторону. Для живого это своего рода качание, балансирование на краю, на круге мертвого, стремящегося, своего для себя добившись, живому либо не поддаваться (352, 354), либо вернуть свое забранное (351, 356, 362), либо живого к тому же и разорвать (354, 356, 362), либо, догнав, настигнуть (357) и после этого также съесть (360).

То, что затрагивает пространственные объекты, связанные с их отношением к мертвым, обращается вокруг, в первую очередь, церкви, а если кладбища и, соответственно, погоста, что само собой разумеется, то, так или иначе, при ней. Нельзя сказать, чтобы это был какой-либо центр событий, скорее распознаваемо присутствующее наличие, хотя и не фон. Появляется церковь при этом не во всех просмотренных в сборнике Афанасьева „Рассказах о мертвецах”, и появляется не одинаково. И в этом случае, как и в предыдущем, с отношениями родственной близости и знакомства либо неблизости и незнакомства с умершими, можно усматривать некоторую градационность.

В первую очередь, это место, к которому, вышедши из растворенной могилы, мертвец в белом саване бежит перед своим умертвляющим походом в село, с тем чтобы оставить у церковных дверей свою гробовую крышку, а затем за ней и вернуться (352). Церковных границ он при этом

не пересекает и внутрь не входит. Далее возникает, впрочем, не церковь, часовенка, в которой на столе лежит покойник и в которую „прибегает и лезет” „тот, первый”, гнавшийся за солдатом, с желанием его съесть. Между обоими в той же часовне по этому поводу затевается драка (кому тот достанется), вплоть до петухов, – „тут оба упокойника упали на пол замертво, и солдат спокойно ушел домой”, „спасся от колдунов” (360).

Упали на пол замертво опять же в часовне. Выходит, ничто не мешает им там находиться и пребывать, да к тому же и определяясь в качестве колдунов, пусть и по представлениям ушедшего с жизнью солдата (повествователя также).

Появляется церковь в сюжете с церковным склепом (362) и похороненной в нем богатой пани, семь золотых перстней с драгоценными камнями которой разбойники посылают учителя снять. Спасаясь от преследующих его мертвецов, вышедших на крики ограбленной из растворенных гробниц, учитель вбегает в церковь, затем на хоры, за собой запирая дверь. Мертвецов это не смущает, они уже в церкви и, чтобы достать учителя, увидев его, „принялись таскать свои гроба и становить один на другой, чтобы за ним взобраться на хоры”.

Получается, церковь для мертвых – место не только им хорошо знакомое, но и ими освоенное, как кладбище или погост. В так называемое неурочное время, или „неуказные часы”, как это определяется в текстах, они, выходя из могил⁹, способны в ней к активному действию, ничто их при этом не сдерживает и потенциальную жертву не защищает.

Развивая мысль о напрасной защите, стоит напомнить первый, с девкой-лежаккой, сюжет (351). Церковь в нем предстает в несколько неожиданном повороте. Прежде всего, и это бы было обычным, это церковь, идя к которой „мимо погосту”, девка сначала снимает образ с ее дверей, а потом, возвращаясь к полуночи, ставит его на место. Внутрь при этом не входит. Снова мотив церковных дверей, перед которыми предмет оставляется на какое-то время либо, как в данном случае, наоборот, снимается, с тем чтобы через какое-то время его вернуть. Идя от этой церкви „мимо погосту”, она видит мертвеца, сидящего на могиле в белом саване, который с него и стащила. После чего тот дважды приходит за ним с требованием отнести „туда, где взяла”. И затем опять появляется церковь. Напомним этот фрагмент, с тем чтобы к нему присмотреться. Родители просят священника „пособить горю” и отслужить обедню. Тот соглашается. Лежакка приходит к обедне, начинается служба, „народу много нашло! Только как стали херувимскую петь, вдруг откуда поднялся страшный вихрь, ажно все ниц попадали! Ухватил ее, да бзеть. Девки не стало, только одна коса от нее осталась”.

Ни то, что во время обедни, т.е., как получается, днем, ни то, что не просто прилюдно, но при большом их стечении, ни то, что, само собой

разумеется, в церкви и при священнослужителях, – ничто не мешает, не мертвецу прийти, появившись, а чему-то, в его, в общем-то, пользу исполнится. Может быть, если более точно, то не в пользу его, а в установление нарушенного между живыми и мертвыми равновесия. Саван опять фигурирует как предмет не обычной, по своему существу, принадлежности мертвому, но как его в себе содержащая, необходимая форма.

Не случайно, видимо, то, что поднявшийся страшный вихрь имел своим отнесением херувимскую, при исполнении первой части которой открываются царские врата и которая, сопровождаясь так называемым великим входом, разделяется им на две части¹⁰. Мотивы оставления житейского попечения и невидимого присутствия ангельского воинства в тексте ее песнопения также можно воспринимать как с поднявшимся страшным вихрем соотносимые. Не случайно, по той же причине, „ажно все ниц попадали!“ Отмечаемое появление высших сил, не от мертвого, не им посылаемого, но такое, которое восстанавливает произведенное девкой несоответствие, в итоге своем, забирая ее, уносит с собой земную („Ухватил ее, да оземь!“) ее оболочку, форму, «саван» житейского, здешнего, ее бытия, оставляя косу, в замещение того, что ею было у мертвого в свое время отобрано. Мера за меру, равное к равному, подобное к подобию своему в отношении живого и мертвого.

Церковь, в итоге, фигурирует как объект пространства, место, которое в неурочное время, с полуночи до пения петухов, открыто для проявления и активного действия мертвого в нем. Однако не потому, что связано с мертвым и потусторонним, а потому, что служит таким объектом земного пространства, который призван в себе содержать и, тем самым, также и устанавливать возможность взаимодействующего (можно бы было сказать, что отчасти и пребывающего) контакта двух соприкасающихся, но не так чтобы очевидных во взаимном проникновении миров – видимого и невидимого, посюстороннего и не посюстороннего, верхнего и не верхнего (поскольку нельзя сказать, чтобы нижнего, однако не исключено, что в том числе и его в каких-то особых случаях).

И, как такое место, она неизбежно предполагает способность присутствующего в ней пребывания в свое отведенное время того, что мертвое, и того, что от мертвого, поскольку мертвое не есть отверженное и отторгнутое от всего остального сущего, оно непременная составная часть его. Отсюда возможность его прихода и появления, как в церкви, так и не только в ней, но в ней, как в месте «врат и дверей», в свое отведенное время для них открытых и в другое, также положенное и отведенное, время затем для них закрывающихся. Не успев возвратиться в свою могилу, такое мертвое падает на пол замертво в часовне и в церкви. Поэтому поднимается во время обедни с началом пения херувимской, отнюдь не случайно, что *страшный* вихрь, ибо это не мертвое и не посылаемое от

лишенного савана мертвеца. *Страшный* вихрь этот потому, что не здешний, не посюсторонний, невидимый в видимом и неземной.

Подводя короткий итог всему сказанному, видится важным отметить такое существование мертвого в его отношении к живому и при сравнении с ним, которое предполагает, 1) при остановленно не исчисляемом состоянии пребывания во времени, 2) исходно стабильную повторяемость активного, кругового, своего обращения, 2а) в отведенное («неурочное») время, 2б) в неизменной привязанности к предметам своего облачения, с необходимостью при отбирании непременно их возвратить, 2с) в питающемся жизнью живого расположении с его поеданием и умерщвлением (для тех, кто определяется колдуном), и 3) таким отношением к часовне и церкви при погосте и кладбище, которое допускает во время (2а) свободно-активное там пребывание. К этому следует также добавить 4) обусловленно градационное и сохраняющееся, распознаваемое, отношение к живому с позиции кровной родственности, близости и знакомства-товарищества, допускающее при этом возможность и соответствующего, не отличающегося от земного в прошлом, контакта с ним.

Заключая, можно предположить, что основное отличие (опуская мысль о противоположенности и противопоставленности, страха и избегания мертвого со стороны живого), – основное отличие видится в том, что можно назвать *остановленностью*. Живое движется, развивается, растет, переходит из одного своего состояния и положения в другое. Мертвое, не обладая такой способностью, замерло, в одном, единственно возможном для себя состоянии, обращаясь в круге во времени и в характере ограниченных положений и действий. Не изменяясь и не переходя из одного своего состояния к другому, от одного возрастного, статусного, общественного и пр. положения к другому, не обретая, не обрастая и не теряя (по крайней мере терять ничего не должно, ибо при возможной потере необходимым следствием будет возврат), оно вместе с тем и не движется к своей смерти. По известной присказке, *мертвому смерти не грозит*. Однако не в философском и концептуально-мировоззренческом отношении будем мы видеть данное положение в применении к стоящей задаче, а в принципиально характеризующей его общую парадигму и с ней семантику статике. Той парадигме и той семантике, которые дадут возможность определять значения, структурные и композитные формы мертвого в его отношении к своему для него живому. Как-то так это видится, находя свое отражение в материале.

О мертвом, себя объявляющем в том, что живое

Речь пойдет о положении при смерти, когда неизвестно (или известно), будет жив человек или скоро умрет, а также вместе с тем и о том, какими признаками отмечается его то ли перед выздоровлением, то ли, напротив, предсмертное состояние. Наблюдения могут касаться не только близкого и болеющего на глазах человека, но и, по каким-то своим и особым признакам, кого-либо из посторонних, в том числе и неизвестно кого. Все это будет предполагать не случайные с концептуально-парадигматической точки зрения проявления, которые могут укладываться, но могут и не укладываться в какие-то, если не закономерности, то, по крайней мере, ряды.

Начнем с простого и вместе с тем очевидного. Что может следовать и, тем самым, что можно вывести, исходя из такой единицы*:

Если человек заболел да чихает, то не помрет, поправится?

Если не интерпретировать данное положение с медицинских позиций, поскольку не в этом дело и не об этом речь, – мол, раз *заболел да чихает*, то болезнь, скорее, простудного характера, а такая болезнь к умиранию, как правило, не ведет, – если так это не определять и подобным образом не рассматривать, то что тогда может за этим стоять?

Первое, что лежит на поверхности и сразу приходит в голову, без определения болезни, ее видового характера, что трудно было бы в деревенских условиях прошлого вообразить, – это то, что чихающий человек и вместе с этим чихание следует себе представлять как признак, если не удаляющий и не отталкивающий, то отводящий от смерти. Чихание¹¹, по-

* Здесь и далее цитируемые единицы приводятся по источнику, который был основным: В.А. Кульматов, Т.В. Кульматова: *Русские народные приметы и поверья*. Москва: АСТ, 1999. Обширный материал, выбранный из самых разных опубликованных сборников, располагается в нем тематически, позволяя доступным и очевидным образом к нему обращаться, что и было причиной выбора данного собрания примет и поверий как исходного.

лучается, признак живого, живого в широком смысле, не исключительно человека (животные тоже чихают), но не просто живого, а очнувшегося и пробуждающегося. Скажем, после долгого сна, что можно заметить в сказках, точнее фильмах на сказочные сюжеты, – проснулся и сразу чихнул или, наоборот, чихнул и тут же проснулся.

В то же время, с еще одной своей стороны, чихание, в тех же сказках и фильмах по ним, что отнюдь не случайно, связывается с восприятием на нюх, обонянием, невидимого, где-нибудь прячущегося и укрывающегося пришельца другого мира. Черти и великаны нередко в таких кинематографических версиях чихают, поначалу не видя пришедшего к ним героя, – не тем духом им пахнет. Одновременно с этим чихание (как и плевание) может иметь характер, если не апотропеического, что, впрочем, также вовсе не исключено, т.е. защитного и ограждающего по своему значению действия, то игнорирующего, пренебрежительного и, тем самым, как следствие, отделяющего, удаляющего и избегающего. Находит это свое отражение в языке. Ср.: *чихать (чихать) на кого-либо, чихал я на тебя (на него, на них, на все это), чихать я хотел, начхать (начихать) на все это* (с синонимичным *послать все это к черту, ко всем чертям*), – как выражение неприятия, отказа, нежелания иметь с кем-либо, с чем-либо дело, оставаясь, что стоит добавить, при своем собственном интересе и, пренебрегая, не желать кого- или что-либо замечать, не принимать в расчет и не считаться с чьим-либо установлением, мнением, требованием и пр. Иными словами, из своего поля действия и представления вследствие этого исключить. С отправлением его на ‘ту сторону’ (*ко всем чертям*).

К этому стоит добавить общеизвестное и продолжающее быть активным пожелание здоровья чихнувшему. Возникает вопрос, почему здоровья желают чихнувшему, не кашляющему, не сморкающемуся, ни тем более, скажем, зевнувшему, причем в специфической формуле *На здоровье!*, а не в какой-то возможной иной? В контексте всего предыдущего можно было бы заключить все тот же себя объявивший, невидимый, но ощущаемый носом (точнее ощутившийся носом, поскольку в данный происходящий момент) контакт, столкновение, встречу с чем-то, а может, и с кем-то, потусторонним, с тем, что не просто потустороннее, а такое, которое ведет с собой нездоровье, а с этим болезнь и, в итоге, возможно, смерть. Намеренно это делается или как следствие и потому не намеренно, не суть важно. Важно то, что момент такого контакта себя объявляет, что он, в отношении здоровья как целостности для человека, потенциально небезопасен и не менее, если не более, важно, что реакцией на возникшее обстоятельство было чихание.

Такое чихание можно определять как отталкивающее. То ли отпугивающее, то ли отводящее от себя, то ли как бы так обнаруживающее – импульсивно происходящим физическим проявлением то, что

присутствует где-то рядом и близко, если не перед самым носом, некое потустороннее, и чиханием, его объявляя и обнаруживая, не исключено, что тем самым его получается обезоружить, остановить, лишив его намеренно либо намеренно действующей направленной силы. Как если бы (можно такое себе представить) хлопнуть кому-нибудь перед носом или вдруг неожиданно осветить. Реакцией на подобное проявление будет встревоженная приостановленность, если не растерянность и испуг.

Однако не об этом речь в приведенной примете¹³, поскольку это не то чихание, при котором желают здоровья здоровому, по существу, человеку, зная либо предполагая, что он здоров. Говорится о том, что *Если заболел да чихает*, и не просто, а *то не помрет*. Мало того, что болезнь уже вошла, уже есть, но такая, которая может окончиться смертью.

Представим себе две вероятные ситуации. Человек заболел, долго лежал в тяжелом либо полутяжелом, но близком к спящему или сонному состоянии, едва реагируя либо не реагируя на то, что вокруг, находясь в забытии, в полужабытии, в ослабленно-неподвижном и полуживом наблюдаемом виде. Вроде бы или уже, или почти не жилец, не о мира сего, на границе с тем, что может далее связывать его с умиранием и отходом. В пограничном, как получается, между живым и мертвым для себя положении. И лежа так, не подавая явных признаков распознаваемой в поведенческих действиях жизни, вдруг чихнул и потом начинает чихать – *чихает*. Такое чихание можно было бы определять как очнувшееся и пробуждающееся. Можно было бы, оборачивая, определять его также как пробуждающее и такое, которое, возвращая к жизни, приводит в себя, как бы расталкивая, но изнутри, уснувшего, в небытие отошедшего, потерявшего или теряющего сознание, спящего либо в дремотное состояние погруженного человека.

Второй ситуацией было бы то, что, заболев, что-нибудь этакое мало-приятное где-нибудь подцепив, человек начинает чихать, вследствие в нем теперь находящегося, недавно, а может, и только-только вошедшего, заболевания. Чихание в этом случае следовало бы, воспринимая, интерпретировать как его признак, симптом. Как то, и это видится необходимым добавить (не в медицинском, понятно, ключе), что также и вместе с тем, если не в первую очередь, является способом тела и организма, но не бороться, а вытолкнуть, вывести из себя болезнь. С одной стороны, скажем так, чисто физически, толчками чихания, с другой, что в укрытой концептуальности также не исключено, в представлении игнорирующего, пренебрегающего избегания, интуитивного и волевого ограждения себя от того, что хотят обойти, не принять для себя, не иметь с этим дело. И это было бы то, что можно определять как выталкивающее, отторгающее из себя, выведение. С тем отличием от того, которое было определено как отталкивающее, что не с отталкиванием от себя чего-то

либо кого-то, находящегося близко и перед собой, а в себе, внутри себя, в своем теле и организме.

Три выведенных на примере чихания при потенциально грозящем либо переживаемом нездоровье проявления – отталкивание от себя (пропульсация, пропульсив*), пробуждающее, приводящее в чувство толкание изнутри (экссусцитация, экссусцитив*) и выталкивание из себя внутри уже находящегося (экспульсия, экспульсив*), – необходимо рассматривать как характерные для изучаемой парадигматики и предметного мира поверий с приметам действия. Возможно исходно защитные, однако не исключительно, поскольку могущие быть свидетельством, знаком живущего, а не умирающего или умершего, состояния либо, опять же знаком, случившегося контакта с потусторонним, возможно также, что с чем-либо или кем-либо чуждым, чужим, несвоим.

Возвращаясь к представленной единице, с учетом предполагаемого смысла контекста (*Если человек заболел да чихает, то не помрет, поправится*), поскольку при заболел важно, что не помрет, поправится, видимо, следует говорить о таком состоянии, которое смертью могло грозить. Либо так окружением переживаемое им состояние воспринималось, что вместе с тем не существенно. Можно допустить, что заболел недавно, только что, на глазах, что, впрочем, также сути дела не изменяет, – заболевание видится как такое, которое, коль скоро чиханием определяется в положении *не помрет*, предположение о подобной опасности для него неизбежно содержит. Исходя из того, что, скорее всего, речь идет о болезни, которая уже внутри, наиболее вероятным было бы определение производимого при посредстве чихания как экспульсии – выталкивания из себя, без уточняющего представления о времени вошедшей в тело и организм болезни.

Говоря о предметном мире в отношении поверий-примет для такого его фрагмента, который связывается с жизнью, смертью и умиранием, заболевание, болезнь, отмечающие нарушенную физическую и витальную целостность, понимаемую как здоровье для человека, а также, возможно, но это покажет в последующем материал, состояние при смерти, или близкое к смерти, равно как и смерть (не входя в многочисленные о ней представления), – заболевание, болезнь и смерть будут себя отражать как нечто такое (без дальнейшего уточнения на данном этапе), что полагает себя, с позиции переживающего либо имеющего к этому

* Лат. *prōpulso, āvi, ātum, āre* [*intens. к propello*] ‘отражать, отбивать’; ‘отвращать’; ‘устранять, отстранять, отбрасывать’; *exsuscito, āvi, ātum, āre* ‘поднимать’; ‘будить, пробуждать’; ‘вызывать’; ‘возбуждать, поощрять’: *se e.* ‘приободриться, встряхнуться, собраться с силами’; *expulso, (āvi), ātum, āre* [*intens. к expello*] ‘отбивать’; ‘прогонять, выгонять, сгонять’. Для иллюстрации необходимого смысла значения латинских слов передаются не полностью, отбираясь из большего их числа.

то или иное определяемое отношение человека, в проявлениях, обра- щаемых вокруг отталкивания от себя, отряхивания с себя, при приводящем в чувство толкании, и из себя выталкивания. Все три объединяет пульсирующее, в толчках обнаруживающее себя проявление, с различением далее в том, что составляет смысл 'от себя', 'с себя', 'из себя', понимаемый в направленности и позиции для субъекта, как акци- ональный ауто субъектный вектор, в различных значениях формы которого определяется общий для них пульсатив, или толкающее по своему виду движение. Указанный вектор может накладываться также и на какие-то другие, не исключительно акциональные и не только субъ- ектные, проявления, что, если объявит себя, впоследствии будет заметно в анализируемом материале.

То, что передано в разбираемой единице, можно рассматривать так- же еще с одной стороны. Определяющим в этом случае будет лежащее в основе ее представление о том, что, связываясь с ведущей позицией *не помрет*, содержит внутренне положение о длящести, продолжении, не приостановленности имеющегося животного состояния. *Не помрет* – зна- чит будет жив, если точнее, то будет продолжать быть живым, не меняя данного своего состояния и не переходя, постепенно либо сразу, в другое, которое связано с прерыванием, остановкой, движения и процесса в нем его собственной жизни. Жизнь в этом случае и при таком повороте себя полагает как экзистенциально-витальный континуум, то, что у древних воспринималось, отнюдь не метафорически, как нить, ко- торая тянется, пока человек живой, но которую также и можно прервать. Как экзистенциальный этот континуум, данную длительность следует воспринимать с точки зрения существования, всего того, что человек ощущает, проходит и переживает, что создает, формирует и вместе с тем что его самого формирует и создает. Витальный аспект того же контину- ума составлять будет его животную и физическую природу, связываемую с жизнью в нем, ее присутствием и наличием, а также, как следствие, со здоровьем и нездоровьем.

Исходя из сказанного разбираемую единицу следует понимать как такую, в которой содержится представление а) о состоянии, физическом в данном случае состоянии для него, передаваемом тем, что он *заболел* (условное *Если* не будет при этом существенно, относя положение к пред- полагаемой ситуации); б) о проявлении, сопровождающем переживаемое им состояние в (а), передаваемом формой *чихает*; в) об указанной ранее длящести, продолжении, непрерывании, витальности жизни в нем в *не помрет* и, наконец, последнее, д) определяемое как ожидаемый выход из состояния (а) для *поправится*.

В итоге, с одной стороны, перед нами конструкция, предполагаю- щая соотношение между входящими компонентами, при котором то, что

чихает, как проявление, сопровождает позицию состояния *заболел*, выступая одновременно знаковым распознаваемым показателем витального непрерывания в *не помрет* и вместе с этим, как следствие (не неизбежное вне данного случая), ожидаемого выхода для *поправится* из состояния *заболел*. Форма данной конструкции имела бы следующий вид: $(A < B) > (C < D|A)$.

Ту же форму и ту же конструкцию, вместе с тем и с другой стороны, переводя ее в план стоящих за ней представлений, обусловленно связанных между собой, можно видеть как определенный тип характерных для разбираемого мира примет и поверий положений, в его фрагменте, относящемся к жизни и смерти, животной, витальной жизни, что необходимо добавить, и смерти как ее прерывания. Характеризующими параметрами при таком понимании, предполагающем типологизирующее обобщение с отнесением определяемого типа к разряду континуумных в отношении экзистенциально-витальности, будут А) поражение – *detrimentum* (экзистенциально-витальности в *заболел*); В) определенное ранее как выталкивающее из себя проявление (*чихает*), в типологическом обобщении, без учета аутосубъектного вектора, это было бы действие, имеющее в своем основании, возможно повторяющийся, кратный толчок – *impulsus*; С) указанная перед этим длящееся, неостановленность, продолжение экзистенциально-витального проживания – *perdurativum*; D) освобождение, избавление, выход из пораженного состояния – *remissio*.

В разряде континуумных для экзистенциально-витальных (что следует понимать как более высокий по уровню класс, в состав которого входят континуумные наряду с другими) разбираемый тип можно описывать как импульсативно-пердуративный, предполагая то, что в качестве определяющего было бы положение о непрерываемости (жизненной нити), ее продолжении, обеспечиваемом, поддерживаемом, отмечаемом производимым при ее поражении толчком.

О транgressии пораженного состояния

Касаясь вопроса о типах, разрядах и классах, отражаемых в конструкциях, с тем чтобы вывести вероятные разные положения, обратимся к единицам принципиально иного порядка. Одной из них будет следующая:

Нельзя на себе показывать болезни другого – к тебе перейдут.

В данном случае нет оснований видеть в сказанном проявление континуумности, равно как и не находит своего отражения признак экзи-

стациональности. Перед нами витальность, связываемая с тем, что было выведено, будучи обозначенным как поражение (*detrimentum*), в каком-то возможном для себя проявлении и виде. Речь идет о том, чтобы не перенести на себя заболевания кого-то другого, но, прежде чем к тому или иному типологическому заключению подойти, проанализируем то, что выражено.

Для начала имеются обозначенные словами *болезни другого*, в обобщении, поскольку ситуативно возможным было бы, при показе, не столько болезнь, сколько поражение органа или органов кого-либо одного. Впрочем, не в этом дело и разбираемая суть. Важно то, что говорится о *detrimentum* как таковом применительно к тому, кто *другой*, или *alius*, а не субъект-адресат, тот, к кому предостережение обращается. Далее, следуя из отрицания, поражение переходит, способно переходить, при показе, на того, кто данного предостережения либо не знает, либо пренебрегает им (различие между тем и другим несущественно). Что и как показывается, в единице, естественно, не отражено, а смысл ее сводится к переходу, перенесению поражения с одного лица, пораженного, на другое, не пораженное. И это было бы определяемым типом в субъектной его разновидности для не пораженного с его направленным на себя показом.

Идя по порядку, концептуальную семантическую единицу, выражаемую с помощью передаваемых в приведенном предостережении слов, можно представить как относящуюся к классу витально-статальных (животная жизнь как проживаемое живущими состояние, каждым свое) в разряде, определяемом в этом классе как детриментный, с последующим подразделением, в подразряде, перенесения поражения, трансгрессии, перехода с одного на другое лицо. То, что данное перенесение производится (либо может происходить) как следствие демонстрации поражения не себе, допускает а) агентное по своему характеру действие субъекта, направленное им на себя, б) заключающееся в показе того, что имеется у другого. Представленное в (а) и (б) предполагает уровни, второй из которых становится проявлением первого.

Обращаясь к вопросу о типологии, с мыслью о стоящей за ними парадигматике, то, что в (а), т.е. действие того или иного субъекта в отношении трансгрессивного типа в детриментном разряде витально-статального класса, было бы трансгрессивным подтипом. Вместе с тем, то, что в (б), определяясь к показу, демонстрации на себе пораженного органа у другого, имело бы отношение к актуализации, выходя за пределы парадигматического и виртуального.

Теоретическим видится также вопрос о том, что было названо концептуальной семантической единицей, и тем, что отражала бы схема стоящей за выраженной вербально конструкцией, имеющей отношение к отображаемому с ее помощью предостережению. Это последнее составляет

существенный для разбираемого предметного мира поверий с приметамы слой (в его характеризуемом фрагменте), иного, прагматико-коммуникативного, ряда, который не будет предметом нашего рассмотрения, но который при этом необходимо иметь в виду и учитывать.

Концептуальная семантическая единица, стоящая за тем, что нашло свое отражение в приводимых словах, могла бы быть описана как представление о том, что ‘болезни одного имеют способность (и склонность) передаваться, переходить, при каких-то определенных условиях, на другого’. То, что подобное происходит, может происходить, при показе их на себе, составляя условия, относилось бы в этой связи к обстоятельствам, сопровождающим и способствующим, происходящего, составляя то, что может быть названо как агентно-акциональный кондиционалис, имеющий отношение к синтагматике определяемого парадигматического устройства.

Конструкция, передаваемая в рассматриваемом предостережении с помощью соответствующих слов, могла бы видеться в двух своих проявлениях – обобщенно не актуализированном и актуализированном, т.е. таком, который нашел свое отражение в сказанном. Обобщенно не актуализированный предполагает то, что, ‘действуя каким-то образом, направленным на себя, субъект способствует возникновению в нем болезни (витальному своему поражению)’, что выражалось бы в формуле $S(ActCond>S) > Detriment(S)$. И это был бы субъектно-акциональный кондициональный детриментив (то, что направленно на себя, непосредственно следует из кондициональности).

Актуализированный, применительно к выраженному в предостережении словами, накладываясь на более общее представление о том, что ‘нельзя, не следует, не положено так и так поступать, делать то-то и то-то, ибо это ведет к поражению (заболеванию)’, получил бы характер $NonDemonstr(DetrimentAl>S) \geq Detriment(S)$. И это был бы выраженный через предостережение, запрет (*interdictum*), аутодемонстративный алиотрансгрессирующий детриментив, как такое, синтагматическое по своему виду, значение.

Если сравнивать с типологической точки зрения то, что было представлено в отношении предыдущей приметы (*Если человек заболел да чихает...*) и рассмотренного перед этим предостережения (*Нельзя на себе показывать болезни другого*), помимо отличия семантического, определяемого как импульсативный пердуратив, с опущением признаков детриментности и либератива как расширяющих для первого и кондиционального аутодемонстратива для второго, – можно отметить также отличие валентностно-конструктивное (так его можно было бы называть). Суть его заключается в том, что внутренняя и внешне себя проявляющая в концептуальной конструкции схема для первой рассмотренной единицы, имея вид ‘поражение (детриментив) для заболел – толкающий импульс

в *чихает* (импульсатив) – продолжение витально-экзистенционального состояния в *не помрет* (пердуратив) – освобождение, выход из детриментного положения в *поправится* (либератив)», была бы, тем самым, как было показано, четырехместной: $(D < I) > (P > L|D)$. В то время как аналогичная схема для второй определялась бы как двухместная: поражение одного (его детриментное состояние, *болезни*) ведет за собой перенос (трансгрессию) на другого, того, кто на себе их показывает: $DS^I > T(DS^2)$. То, что это оформлено в виде *Нельзя на себе показывать...*, как уже отмечалось, выступая предостережением, определяет не парадигматический, а синтагматический план отражения, характеризуясь в нем в виде аутодемонстративности (показа на себе) как условия (кондициональность).

Продолжая мысль о стоящей за разбираемым материалом парадигматико-синтагматической типологии, имеет смысл различать представления более высших и низших порядков по уровню. На первом уровне было бы то, что можно определять как классы. В отношении двух рассмотренных единиц их было бы два – экзистенционально-витальный, связанный с проживаемой жизнью в ее социализируемом, скажем так, и биологическом проявлениях, выраженных с помощью слов *не помрет*, что включает в себя не одно только физическое и животное положение. Вторым, соответственно, был бы витальный, первого положения в виду не имеющий, отражаемый в представлении о *болезнях*, которые *перейдут*.

Далее, на последующем уровне, опираясь на материале все тех же двух единиц, следует говорить о разрядах – детриментном и пердуративном. Оба связываются либо могут связываться как с витальностью, так и с экзистенциональностью, предполагая по смыслу не совпадающий вид. Одно дело поражение здоровья, ведущее к заболеванию, ослаблению организма и умиранию, в крайнем и заключающем случае. Другое дело то, что можно представить себе как поражение существования и человеческого на этой земле и в его для него условиях протекания бытия. Детриментность подобного рода будет иметь иной характер и выражение. Однако поскольку в рассмотренной единице с позицией к *не помрет* о различении витального и экзистенционального положения не приходится говорить, нет оснований для выведения соответствующего разряда, отдельного от имеющего отношение к витальному классу. То же касалось бы пердуратива, относимого, на примере рассмотренной единицы, к экзистенционально-витальному классу, в объединении той и другой стороны, предполагая при этом идею возможного в нем различения.

На последующем уровне (трудно было бы говорить, что третьем, поскольку нет общего представления целого), выделяя типы, в материале рассмотренных двух единиц себя проявили определяемые как либеративный (освобождение, выход из состояния, в разбираемом случае болезненного) и трансгрессивный, предполагающий перенесение, переход

состояния одного к другому, в результате которого (перенесения) этот другой начинает переживать такое же состояние, что у первого.

Следующий уровень дает представление о производимых действиях либо сопровождающих что-либо проявлениях в отношении субъекта (*чихает*, когда заболел), и это был бы уровень, предполагающий то, что можно определять как подтип – импульсативный для первого случая и кондициональный, в отношении условий трансгрессии, для второго. То, что кондициональность перенесения болезни связывается с показом ее на себе, проявляясь, тем самым, в аутодемонстративности, будет иметь отношение, как отмечалось ранее, к синтагматике, выходя за пределы классов, разрядов и типов с подтипами.

Представим сказанное в отношении уровневого подразделения для большей наглядности в таблице, места которой заполнены на основании материала двух рассмотренных единиц, а потому предполагают дальнейшее расширение:

<i>Классы</i>	Экзистенциально-витальный	Витальный
<i>Разряды</i>	Детриментный Пердуративный	Детриментный
<i>Типы</i>	Либеративный	Трансгрессивный
<i>Подтипы</i>	Импульсативный	Кондициональный
<i>Проекция к синтагматике</i>		<i>аутодемонстратив</i>

Контактные следствия поражения

Перейдем теперь к рассмотрению других примеров, с тем чтобы вывести основания к более полному представлению, как типологическому, в отношении рассматриваемой парадигматики, включая в это также определение концептуальных и семантических единиц фрагмента предметного мира с положениями о проживании смерти, так и того, что будет нас выводить на стоящие за всем этим традиционные представления.

Не в общем и целом, что необходимо добавить и уточнить, и не исключительно этнокультурные, скорее ареально-культурные, типичные и типовые для определенной, какого-то ареально-культурного круга, ментальности. Впрочем, не это важно и не об этом речь, в связи с чем и определение этого круга не входит в задачу. Речь пойдет, оговариваясь и уточняя, о том, что можно вывести и, выведя, парадигматически и отчасти синтагматически получить для того фрагмента определяемого как предметный, в концептуальном его отношении, мира который связан с материалом рассматриваемых русских поверий-примет, обусловленных связями с обозначенном в заглавии книги проживанием смерти.

Пониматься под этим последним будет в данном разделе то, что предполагает потенциальное к ней отношение, через витальное поражение (в болезни, ослаблении), а также реальное, приближающее в тяжелом заболевании, постепенном уходе из жизни и умирании, с наступающей смертью и с тем, что возможно и происходит потом, с самим умершим и теми, кто с его смертью связан по родственным либо другим каким-либо основаниям. Все это, помимо типологической, концептуально-парадигматической с подключением синтагматики для предполагаемого описания стороны, предполагать будет виды, ментально организованные структуры и формы мировоззренческого по своему основанию характера, имеющего отношение к связанным с болезнями, умиранием, смертью и тем, что после нее, представлениям, нашедшим свое отражение в материале рассматриваемых для этого поверий-примет.

Следующим примером для рассмотрения, похожим на предыдущий, поскольку содержит в себе в чем-то сходное представление, был бы такой:

На горячее место (на место больного) нельзя садиться.

Нельзя садиться, как можно предположить, и в этом не будет несоответствия, чтобы болезнь от больного на севшего на его место не перешла. Тем самым, это еще одна разновидность встретившегося на предшествующем примере перенесения (трансгрессии), предполагающего в данном случае не показ на себе (аутодемонстрацию), а телесный контакт, не с самим больным, с его местом.

Прежде чем пойти далее в определении, обратим внимание на важные обстоятельства – признаки больного и признаки заболевшего. В первом примере это было *Если человек заболел да чихает*. Во втором – *горячее место*. Задумаемся над тем и другим. То, что *чихает*, имеет под собой основанием переживаемое состояние *заболел*, будучи признаком, следствием заболевания? Или тем, что дает возможность судить, о том, что *не помрет, поправится*? Иными словами, не следствием состояния *заболел*, а следствием выхода из этого состояния. Видимо, так. Вместе с этим чихание может служить показателем заболевания, однако тогда порядок выглядел бы обратным: ‘если чихает, то заболел’. И это было бы другим представлением, равно как и само чихание иметь иной, по внутреннему своему положению, характер и вид.

В связи с чем необходимо было бы различать *чихание*¹ и *чихание*². Одно как признак начавшегося или себя продолжающего болезненного состояния, поражения, детриментива. Другое – как признак освобождения, выхода из пораженного состояния (либератив). Имея в виду это первое как возможное, говорить объективно о нем не приходится, поскольку не отражается это в анализируемом материале. Не исключено в связи с этим,

что для разбираемого предметного мира поверий-примет такой вид чихания в концептуальном своем отношении, не осознаваясь, не характерен.

В то же время то, что касается представления *горячего места*, сомнений в указанном смысле не вызывает. *Горячее место* – осознаваемый признак больного, без уточнения того, в какой мере и как, но, видимо, больного в известном смысле серьезно и основательно, поскольку предостережение внутренне предполагает связанную с этим опасность через контакт и прикладывание к себе. Трансгрессия в этом случае имела бы также кондициональный вид, синтагматически проявляемый в месте «больного» сидения через прикладывание (приходится повторить) к нему со стороны того, кто на это место садиться.

Тем самым, в отношении трансгрессивного типа в кондициональном подтипе выводилось бы представление о том, что можно назвать локализованно обусловленной аутоапликативностью, продолжая синтагматическую проекцию к аутодемонстративности в параллель. В отношении также интересующего нас признака применительно к разбираемому фрагменту предметного мира, следующего из того, что речь о больном, это было бы то, что названо, вербально выразившись, как *горячее место*.

Попробуем определить, что за этим стоит, исходя из задачи формализации, но не парадигматики, концептуальной и семантической в своем основании, а понятийно-предметной системы поверий-примет для проживания смерти. Под *горячим местом*, видимо, не следует полагать привычное представление о высокой температуре, служащей признаком ряда заболеваний. Не столько даже в силу того, что из них далеко не каждое имеет подобный симптом, а его характер в указанном предостережении не учитывается, сколько по той причине, что само представление о температуре вряд ли может приписываться народно-традиционной ментальности, хотя осознание горячего в теле и горячего тела как признак болезни сомнению не подлежат.

Как бы там ни было, положение о *горячем месте*, видимо, следует понимать в несколько более широком аспекте, как нечто вошедшее в тело и в нем пребывающее, делающее вследствие этого *горячим местом* то, где больной находится, сидит или лежит. То, в конечном итоге, что его распяляет и горячит, будучи вместе с этим его, и не только его, *Горячкой*, с уклонением в сторону также и персонифицирования, допускающего и предполагающего самостоятельность проявлений и действий с ее стороны.

Исходя из этого, возможность перехода и переноса, обусловленная не просто прикосновением и не любым телесным контактом с больным, а таким, который связывается, не столько, может быть даже, с сидением на месте больного, сколько с сажанием себя на него (трудно выразить данное положение по-другому, поскольку *нельзя садиться*, т.е. *себя сажать*), – возможность подобного рода с ее достаточной вероятностью связывается

определенным образом с тем, что «нагретое» и «зараженное» место, точнее нагруженное и заряженное (болезнью), действует на сажащегося не от больного, а через него. Причем, если учитывать то обстоятельство, что контакт производится с оставлением горячего места больным, то заряженность эта действует после его на нем пребывания. Не говорится при этом, какое время и как продолжительно, а к предположению того, что пока горячее место само по себе не остынет, нет особенных оснований.

Задумываясь над тем, что же собственно происходит с тем местом, на котором больной посидел, стоит учитывать два, а точнее три, дополнительных обстоятельства, которые вполне допустимо предположить. Во-первых, если иметь в виду персонифицирование болезни, проявляемое в том, что место больного делается горячим, то возникает вопрос, что за этим стоит и как нагревающее его существо, в больном пребывающее (в больном или рядом с ним и при нем, как, скажем, также персонифицируемая, смерть?), как оно себя проявляет и, соответственно, действует. Существо или не существо, естество, натура, природа больного, какая-то сила, энергия, поле, заряд или что-то другое. Будучи важным для определения мировоззренческих представлений, с позиции описания разбираемой парадигматики это не так уж и важно, достаточно лишь отметить наличие чего-то или кого-то такого, если предполагать существо.

Во-вторых, на что еще не обращалось внимания. Предостережение не содержит прямого и несомненного указания на то, почему на место больного *нельзя садиться*. К этому следовало бы добавить, что это *место больного*, сообщается в пояснение (текстуально в скобках), в то время как изначально, видимо, это звучало бы без него – *На горячее место нельзя садиться*, и на этом конец. Получается, что *горячее место*, хотя и имеет вроде бы отношение к больному, по существу реализует себя без него. Все остальное было бы в мыслях и допущениях. При этом натянутым и без особого основания обобщающим было бы отождествление персонифицируемой в народной традиции болезни больного с тем, существом ли или чем-то другим, что делает место горячим, пребывая в нем, на нем либо около.

И, наконец, то, что было бы в-третьих и что также ничто не мешает иметь в виду, прямо следуя из того, что отмечено «во-вторых». В приведенном предостережении не сообщается о том, что *нельзя садиться*, потому что тот, кто сядет, зарядившись горячим местом, содержащееся в нем, тем самым, на себе переймет. Иными словами, также станет больным. Не сообщается не потому, и это стоит добавить, что подобное не предполагается, возможно также, и не потому, что неизвестны последствия, которые в каждом случае неприятны, но, может быть, потому, что они могут быть неоднозначны. В этом месте было бы допустимо предположить, исходя из ранее сказанного, последствия в отношении не только того, кто на горячее место сядет, но и, возможно, самого больного, равно как и окружающих.

С тем, кто сядет, описанная картина более или менее была бы ясна. Через горячее место на севшего что-то такое малоприятное и его поражающее, переместившись, перенесется и перейдет. Важным условием при этом было бы то, что сядет, а не просто рядом окажется, будет стоять, прикоснется, рукой проведет и пр. Сядет – стабильным, книзу открытым, весомым и основательным образом. И тогда это так подействует.

То, что касалось бы отношения к больному, поскольку *горячее место* с ним так или иначе связано, не исключено, что, на это место сев и его собой придавив, припечатав, в силу каких-либо необъяснимых, поскольку невидимых, а потому и не обосновываемых, причин, через само ли место или через посредство того, что место горячим сделало (скажем, возбудив его и активизировав, на него ли сев либо на оставшийся след от него), – больному можно вследствие всего этого причинить какой-либо дополнительный вред, усилив, возобновив, пробудив в нем его нездоровое состояние.

И, наконец, то, что могло бы касаться не только севшего и не только больного, но и всех (или не всех) окружающих. Обстоятельство крайне важное и, учитывая общественный характер многих предостерегающих единиц, вполне вероятное. То нечто или то некто, которое, сделав место горячим, оставаясь ли и пребывая в нем либо будучи где-то рядом и около, но то ли видя, то ли ощущая и чувствуя, что на *его* место кто-то сел (живая картинка возможного представления скрыто-невидимого), – намеренно или стихийно в силу таковой природы своей, оно это нечто, активизировавшись, получит способность распространяться и переходить на других. Расширение, распространение с захватом человеческих новых объектов есть общеизвестное свойство того, что воспринимается как живая ходячая смерть, болезни, чума, лихорадки, а также лихо, несчастье, беда и всякое прочее, в традиционном сознании, если не прямо персонафицируемое, с приписыванием им желаний и воли, поскольку это не обязательно и не всегда, то в силу подобного представления об их таковой неизменной природе.

Как бы там ни было и каким бы образом характеризуемое предостережение ни объяснять, стоит за ним нечто не выраженное и не объявляемое, а поскольку стоит, то и следовало бы также учитывать. Из чего получается (говоря теперь о концептуальных и семантических единицах рассматриваемого ментального «словаря»), что за всем этим имеется представление (исходя из мысли о необходимости избегать садиться на горячее место) о том, что, с одной стороны, ‘существуют заряженные и, тем самым, небезопасные, для стабильно-прикладываемого к ним контакта, места’, а с другой, как следствие, ‘заряженная небезопасность подобных мест обусловливается их способностью поражающей (*detrimentum*) передачи, перехода, перенесения (*трангрессия*) и распространения, расширения

(эмиссия) того, что их таким образом зарядило, в его поражающих свойствах, на того, кто вступает с ними в стабильно-прикладываемый контакт, или, если не на него, то через него на других, с ним как-то связанных и его окружающих’.

Довольно громоздкое представление необходимо было для уточнения различных взаимодействующих условий и обстоятельств. Схематично оно сводилось бы к положению, прямо не связанному с тем, что было выведено в отношении предыдущего (*Нельзя на себе показывать болезни другого – к тебе перейдут*), и не обязательно предполагающему его развитие и продолжение. Иными словами, не следует, однозначно во всяком случае, интерпретировать предостережение для горячего места как переход, перенесение заболевания на себя.

Возвращаясь к тому, что было выведено и показано как классы, разряды, типы, подтипы, с их различением по уровням, разбираемое положение с горячим местом можно было бы относить к витальному классу (сомнительно, чтобы экзистенциональность имела в виду), к разряду детриментивов, поскольку вряд ли стоило бы отрицать заключенное в нем представление о поражении. Что касалось бы типа, то здесь, исходя из описанного для концептуально-семантической единицы, можно видеть как трансгрессивность, так и эмиссию, в объединении или не объединении, поскольку и то и другое возможно. И тогда это был бы либо трансгрессивный и вместе с тем эмиссивный тип, либо один только эмиссивный.

Продвигаясь далее и переходя к подтипу, стоило бы говорить о таком избегании, которое физически, предполагая более или менее стабильно-прочное локализованно определяемое неприкладывание, имеет в своем основании то, что можно представить себе как отстраняемое (ремотив), минующее, огибание (амбитив), с «неприкасаемым» отделением, в более широком понятии, себя от чего-то иного (сепарация). И это был бы сепаративный подтип в его ремотивно-амбитивной (отстраняемо-огигающей) подразновидности. С проекцией, в синтагматическом проявлении для разбираемого случая, к локализованному стабильно обусловленному неприкладыванию – аутоапликату в одном из его возможных проявлений.

В дополненном выведенном на основании сказанного виде представленная ранее схема витального класса могла бы выглядеть следующим образом:

<i>Класс</i>	Витальный
<i>Разряд</i>	Детриментный
<i>Тип</i>	Эмиссивный
<i>Подтип</i>	Сепаративный (ремотивно-амбитивный)
<i>Проекция к синтагматике</i>	аутоапликатив (стабильный, по локусу)

Сопоставляя заложенную в основе рассмотренной единицы конструкции с теми, которые были показаны ранее для двух других, и имея в виду не выраженный в следствии характер предостережения, представить ее можно себе как такую, в которой имеется представление о 'горячем месте' (предполагая, что это место больного, но если смотреть на это шире и обобщеннее, то не только). Место это, продолжая далее рассуждение, будучи заряжено тем, что 'горячее', содержит в себе опасность как поражение (*detrimentum*), и это вполне можно было бы допустить. В связи с чем, и теперь переходим к предостережению, местá подобного рода не просто, как в материале представлено, следует избегать, но, поскольку на них *нельзя садиться*, поражение, от них исходящее, передается вследствие основательного прикладывания к ним.

Выразить сказанное можно в двух моделирующих формулах – приближенной к реализации и обобщенной. Первая получает вид $Loc(Detrim) > ApplStabil(Detrim)$ – 'пораженное место поражает при прочно-стабильном прикладывании'. Вторая, по отношению к которой первая представляет собой актуализированную к условиям разновидность, предполагая другие возможные реализации, выглядела бы как $L(D) > RA$, что означало бы 'имеются такие заряженные поражением места, $L(D)$, которые следует, отстраняясь от них, огибать, RA '.

Как несложно заметить, подобная схема, концептуальная в своем основании, будучи достаточно обобщенной, не относилась бы исключительно к представлениям о грозящем кому-либо заболевании, равно как и о 'горячем месте' как таковом, если под тем, что 'горячее', понимать определенный характер заряженности, она относилась бы к представлениям о возможных опасных местах в целом, предполагая вместе с тем стоящий за нею, в первую очередь, все же витальный класс. И если не только витальный, то, скорее, с отвлеченным, а не физическим представлением о месте, как позиции, отношении, событийности и т.п. Уточнение данного положения, однако, не входит в задачу и уводило бы в сторону, виделось необходимым поэтому лишь отметить такой расширяющий переход.

Параметризация витальной ослабленности

Обращаясь к следующему, по своему характеру, наблюдению, а потому и не предостережению, а поверию или примете, имеющему отношение к витально пораженному, скажем так, состоянию, можно отметить в нем нечто принципиально иное по сравнению со всем предыдущим:

Если человек заболевает на молодом месяце, то будет долго болеть.

В чем-то наблюдается сходство с тем положением, которое было первым – *Если человек заболел да чихает (то не помрет, поправится)*. С немаловажным отличием, во-первых, для вида переживаемого пораженного состояния. Одно дело *заболел* при *если*, другое, при том же *если*, но *заболеет*. И во-вторых, для определяемого далее следствия – *будет долго болеть* либо *не помрет, поправится*.

Имеется некий субъект, который уже поражен (в первом случае) или может быть поражен (во втором). Этот первый, который уже поражен, проявляя определенные признаки (в том, что *чихает*), имеет вследствие этого основания к выходу из пораженного состояния, о чем уже говорилось. Второй себя не проявляет, к тому же и то пораженное состояние, о котором речь, дается в виде условия, а само оно, как возможное, соотносится с тем, что не только от него не зависит (в чихании также трудно усматривать было бы такую зависимость), но и не связано с наблюдаемым в нем проявлением. Зависимая обусловленность к характеру длящегося его пораженного состояния (*будет долго болеть*), вероятного для него, в силу того, что *если*, определяется, связываясь с показателем обрабатываемого цикла времени, исчисляемого к фазам луны.

Из чего получается, что, если в первом случае, применительно к пораженному состоянию в *заболел*, следует говорить о содержащемся в данном поверии признаке продолжения жизни при пораженности: *чихает*, поэтому *не помрет*, – то второе также содержит в себе представление о продолжении, а точнее длящегося, но в отношении пораженного состояния.

Возвращаясь к тому, что было рассмотрено ранее применительно к пониманию жизни как нити в ее протянутости, которая, ослабляясь в болезни, прерывается смертью (и с этим *чихает*, поэтому *не помрет*), – то, что себя обнаруживает в *будет долго болеть*, говорило бы не о протянутости нити жизни в непрерывании, а о протягивании, раз уж об этом речь, ослабленного, той же жизненной нити, поскольку заболеванием пораженного, состояния. И тогда, если первое определялось в значении не прерывающего и продолжающего вследствие выхода из болезни пердуратива, то второе, в протягивании, применительно к ослаблению, характеризовалось бы как лонгитив. Его признаком становилось бы то, что (*заболеет*) *на молодом месяце*.

Отличие, вокруг которого обращается представляемое рассуждение в отношении поражаемых болезнью субъектов, сводилось бы к следующему. Признаком выздоровления (*поправится*) и непрерывания нити жизни (*не помрет*), витального пердуратива, видится наблюдаемая в импульсативе активность субъекта (*чихает*). В то время как признаком длящегося в поражении ослабления, но не витального пердуратива, а его

протяжения (интентива*), становится совпадающая с начавшимся поражением начальная фаза луны. Тем самым, начало пораженного состояния, при условии совпадения по времени с началом лунного месяца, предполагает его временную протянутость: $Init(Detrim) = Init(Lun) > Long(Detrim)$.

Можно было бы, предполагая некое обобщение, в чем не видится противоречия с отнесением к предметному миру поверий-примет, однако с выходом за пределы фрагмента о поражении витального состояния, расширить позицию инициального положения чего-либо, в его совпадении с инициальной луны, к представлению о лонгитиве того, что с этой первой инициальной связано. И это был бы тогда стальной (имея в виду проживаемое состояние) либо акциональный (в отношении действия или деятельности) лонгитив, как условие для шести состояния или акциональности, связываемое с инициальной луны: $Init(St/Act) = Init(Lun) > Long(St/Act)$.

Отмечая воздействующий характер начальной фазы луны на протянутость совпадающего с ней начала пораженного состояния субъекта, можно вывести то, что уточняет детриментный разряд витального класса с распространением в тип, который видится лонгитивным, поскольку речь идет о длящемся пораженного состояния, с подтипом к маркируемому совпадением (с чем-то, не только с фазой луны) началу, – инициаль с разновидностью к ее конгруэнтности. Совпадение с начальной фазой луны (на молодом месяце) было бы признаком синтагматичным:

<i>Класс</i>	Витальный
<i>Разряд</i>	Детриментный
<i>Тип</i>	Лонгитивный
<i>Подтип</i>	Инициальный (инициально-конгруэнтный)
<i>Проекция к синтагматике</i>	<i>темпоратив</i> (инициально-конгруэнтного положения)

Пораженное витальное состояние (болезнь, ослабление, что-то подобное), следовательно, определяет себя в отношении а) способности переходить с одного на другого (трансгрессия); б) распространяться, выходя за пределы первоначального положения и захватывая вследствие этого новые, большие (эмиссия); в) длиться, начавшись, какое-то более или менее ощутимое в его протяженности время (лонгитивность).

Что касается разбираемого предметного мира в его соответствующем фрагменте, то, опираясь на передаваемое в материале словами, можно представить себе нечто следующее:

* Лат. **intento**, **āvi**, **ātum**, **āre** [*intens.* к *intendo*] ‘простирающий, протягивать’; ‘устремлять’.

Субъект(ы) (*S*): человек (как объект своего состояния)

Пораженное состояние субъекта (*D*): а) заболел (вхождение в него, *In*); б) болезни другого (алиенативное, возможно также мультипликативное, переживание, *Al / Multi*); к тебе перейдут (перенос на себя, *Tr*); в) если заболит (инициальная обусловленность, *Cn*) – на молодом месяце (темпоральное совпадение с инициальной обусловленностью, *Tm*); г) будет долго болеть (длящаяся протянутость, *Lg*)

Проявление субъекта, выводящее его из пораженного состояния (*P*): чихает

Непрерывание витального состояния (*V*): не помрет

Выход из пораженного состояния (*E*): поправится

Действия субъекта, способные привести к пораженному состоянию (*A*):

а) направленные на себя – показывать на себе, *Dm* (болезни другого);

б) производимые над собой – садиться, *Sd* (на горячее место)

Заряженный поражением локус (*L*): горячее место (место больного)

Тем самым, в итоге, можно было бы говорить о предварительном представлении общего положения, связываемого с поражением человека, обращаемся вокруг витальной ослабленности, вызываемой заболеванием, получением, переживанием его и возможным выходом (либо не выходом) из него. Получаемые позиции в их объединении структурируют некое концептуальное положение, которое с последующим расширением в материале можно будет дополнить:

Человек	– его пораженное состояние	- вхождение (<i>заболел</i>)
	– действия, способные привести: - направленные на себя (<i>показывать на себе болезни другого</i>) - производимые над собой (<i>садиться на горячее место</i>)	- инициальная обусловленность (<i>если заболит</i>) - темпоральное совпадение (<i>на молодом месяце</i>)
	– выводящее проявление (<i>чихает</i>)	- длящаяся протянутость (<i>будет долго болеть</i>)
	– непрерывание витального состояния (<i>не помрет</i>)	- выход из пораженного состояния (<i>поправится</i>)
	– алиенативно-мультипликативное переживание (<i>болезни другого</i>)	
– заряженный поражением локус (<i>горячее место</i>)		
	<i>S</i>	<i>D</i> <i>In</i> <i>Cn – Tm</i> <i>A Dm</i> <i>Lg</i> <i>Sd</i> <i>E</i> <i>P</i>
		<i>V</i>
	<i>L</i>	<i>Al</i>

Признаки приближения к смерти

От пораженного состояния в заболевании с возможностью выхода из него следующим шагом будет фаза, выход не предполагающая. Определяется это по следующим признакам:

Если больной просит меду – к смерти.

Если больной просит постелить ему на полу – к смерти.

В рассмотренном ранее случае с состоянием, которое предполагало то, что заболевший *поправится*, знаком чего было не управляемое с его стороны проявление (*чихает*), данное положение, выраженное предложно-именным сочетанием *к смерти*, связывается с тем, что может видеться как нечто направленно исходящее от больного, поскольку он *просит*. Стоящее за этим *просит* можно воспринимать в двух возможных и не исключаемых одно другое соотношениях. Во-первых, исходящее от ощущения больным своего приближения *к смерти*. И это было бы знаком его для него самого переходно-граничного состояния, поддаваясь которому и которое не только в теле и организме, но и психологически переживаясь, внутренне толкает его, возможно, что для него неосознанно, к тому, что проявляет себя в *просит меду* и *постелить ему на полу*. А во-вторых, как исходящее не от него, но от присутствия смерти в нем либо, опять же, смерти, однако при нем уже находящейся. Различие, для разбираемого случая значения не имеющее. Присутствие смерти либо смерть, при нем находящаяся, действуют на больного так, что он *просит меду* или *постелить ему на полу*. И тогда то, что выражено с помощью оборота *к смерти*, понималось бы в этом ключе, – смерть при нем, и то, что в нем себя объявляет, есть не что иное, как знак ее появления либо прихода-присутствия.

Задумываясь над тем состоянием, которое связывается с переживаемой болезнью, видится немаловажным для понимания происходящего определять его в отношении, с одной стороны, к состоянию здоровому, бодрому, не больному, заболеванием не пораженному, а с другой, к состоянию, обращенному к смерти. Это еще не смерть и, собственно, также не умирание, но вместе с тем и не выход, не намечаемое освобождение от болезни с возвращением к здоровью. То состояние, которое было обозначено в его обобщении как пораженное для витальности, следует воспринимать как такое, которое предполагает при своей длительности, большей или меньшей неважно, отмечаемый в своем завершении выход, будучи состоянием, по существующим представлениям, временным. Выход этот, что объяснений не требует, может иметь в своем следствии возвращение к здоровью либо (и это также выход из состояния болезни) обращение *к смерти*, с последовательным, возможно в каких-то этапах, переходом к ней, что можно определить, соответственно, как *умирание*.

Сказанное предполагает, что выход, как в ту, так и в другую сторону, к выздоровлению либо умиранию, получает отмеченно-обозначенный вид. То, что больной выздоравливает либо, напротив, готовится к смерти, характеризуется определенными признаками, и эти признаки необходимо рассматривать как признаки перехода. Имеется витальное ослабление, которое предполагает, начинает предполагать, пробуждение к усилению с выправлением в своем результате либо, напротив, став ослаблением необратимым, оно проявляет тенденцию, начинает ее в себе проявлять, к ослаблению еще большему, с постепенным, а может и нет, угасанием, движением по наклонной вниз или сразу падением. То, что выражается с помощью слов *больной выздоравливает, пошло на поправку* либо, наоборот, *умирает*, – в контексте понятийно-предметного мира примет отмечается (на рассмотренном материале) в виде *чихает* и, соответственно, *просит меду, постелить ему на полу*. Как первое, так и второе становится знаком указанного перед этим выхода из пораженного (детриментного) состояния с переходом к открывшемуся, начавшемуся, проклянувшемуся, другому. Вошедшим началом другого. Больной начинает в себе содержать возникшее в нем проявление изменяемого состояния.

Возвращаясь к двум приведенным к *смерти* примерам, не определяя отображенные в них признаки с физиологической стороны и не рассуждая о том, почему *просит меду* или *постелить ему на полу*, важным видится, с точки зрения определяемого предмета, то, что выход из пораженного состояния (в данном случае не существенно то, что к *смерти*) отмечается чувствительным, с тягой к определенному рода продукту, либо ориентационным, с тягой к определенному положению, образом. Возникшее новое состояние себя проявляет, начинает себя проявлять, в пробуждаемой в человеке потребности нечто переживать включением чего-либо в рацион или же изменением занимаемого положения. Потребности, исходящей, тем самым, не от него, а от того, что себя проявлять начинает в нем.

С точки зрения представленной ранее схемы, то, что к *смерти*, относилось бы к точке *V* (непрерывание витального состояния), в значении, не то, чтобы противоположном выраженному с помощью слов *не помрет*, но в ином его разрешении, нейтрализующем непрерывание, делающем его не реализуемым, поскольку отмеченным началом чего-то другого. Возникает тогда вопрос – чего? какого другого теперь положения? Ничто не мешает при этом предположить, что раз *просит меду* или *постелить ему на полу*, то скоро помрет, но дело все же не столько в этом, сколько в том, что наступает такой оборот, при котором о поправлении состояния к лучшему говорить не приходится. То, что выражено с помощью к *смерти*, отмечая указанный оборот, можно выразить как ‘обращение (возникшего состояния больного) от непрерывания витального состояния в нем’. Для большей точности определяющие слова приходится повторить.

Если представить себе упомянутую ранее, не только метафорически, нить проживаемой жизни как перемещающееся продвижение живущим по ней человеком, то позиционное его состояние *к смерти* в двух приведенных примерах означало бы тормозящее, приостанавливающееся замедление его продвижения по ней, которая при этом, также и одновременно, становится все более ослабевающей и утончающейся. Для него и для его по ней продвижения. Исходя из этого *к смерти* можно было бы определять как ‘усилившееся (неотвратимым образом) ослабевание витального состояния’, и *V* приобретает значение отступление, отход (децессив), получая, тем самым, в детриментном разряде экзистенциально-витального класса* проекцию децессивного типа, в противоположность и пару к либеративному (для *поправится*).

Подтип в отношении получаемого децессивного типа, будучи связан с ним, но не привязан к нему исключительным образом, способный себя проявить и для другого какого-то типа (типов), определяет себя из того, что стоит за словами *просит меду* и *просит постелить ему на полу*. В обоих случаях себя отражает *просит*, чего-то, что следует из возникшей потребности в нем в связи с децессивностью состояния. То, что *меду* или что *постелить на полу*, предполагает переход к синтагматике.

Возникшая из состояния потребность (вспомним импульсатив для *чихает* того же уровня), себя объявившая в *просит*, также, собственно говоря, в силу своей неосознанности импульсивна и так же можно воспринимать ее как к чему-то толчок. Видимо, было бы небезосновательным в этой связи импульсативный подтип наблюдать и в представленном случае, с уточнением к произвольному объявлению (обнаруживаемому, наблюдаемому проявлению) в действии для *чихает*, и это была бы тогда его инволюнтативно-акциональная разновидность, а для направленного вербального обращения к своему окружению в отношении *просит* – разновидность апеллятивно-коммуникативная. Применительно, далее, к синтагматике, как консумптива (для *меда*) и диспозитива (для *постелить на полу*).

Для синтагматического представления, и не только, важно, что больной *просит меду* или *постелить ему на полу*, поскольку именно это определяет признак того основания, который служит распознаваемым показателем открывшегося перед ним продвижения *к смерти* в проживаемой им в настоящее время болезни. Мед¹⁴, тем самым, равно как и появившаяся потребность лечь на пол, для предметного мира поверий-примет в раз-

* Отнесение разбираемого положения к экзистенциально-витальному, а не к витальному классу обусловлено, как это было раньше показано, тем, что *к смерти* затрагивает в равной мере обе жизненных составляющих человека, животной-физическую (биологическую) и социальную.

бираемом фрагменте, имеющем отношение к умиранию и смерти, должны занять надлежащее им место в составе предметов (веществ в данном случае) и действий, точнее позиций телесного расположения субъектов, которое (место), при парадигмально-словарном, скажем так, представлении, наряду с другими и в соотношении с ними, описывало бы не только связи и отношения в данной концептуальной сфере, но и указывало бы на семантику определяемого в слове понятия.

<i>Класс</i>	Экзистенциально-витальный
<i>Разряд</i>	Детриментный
<i>Тип</i>	Депессивный
<i>Подтип</i>	Импульсативный (инволюнтативно-акциональный) Апеллятивно-коммуникативный
<i>Проекция к синтагматике</i>	<i>Консумптив</i> : <i>Диспозитив</i> (<i>меду</i>) : (<i>постелить на полу</i>)

В качестве иллюстрации, для примера, это могло бы выглядеть как-нибудь так: ‘мед’ (как понятийно-признаковая предметность и поэтому в одинарных прямых кавычках) – ‘потребляемое в процессе его поглощения вещество, выступающее, в случае просьбы о нем со стороны больного субъекта, показателем открывшегося для него перехода не к выздоровлению, а к смерти’. То же самое было бы при определении позиций ‘постелить на полу’, ‘постель на полу’ для больного. Аналогичным образом, в каждом случае с учетом предполагаемой семантики, можно описывать встретившиеся ‘заболел’, ‘чихает’, ‘болезни другого’, ‘горячее место’, ‘на молодом месяце’ и т.п. При более полном и обстоятельном, в перспективе исчерпывающем, обращении к материалу такого рода задача виделась бы желательной и разрешимой. В данном месте, имея в виду лишь несколько рассмотренных единиц, ее представление можно было только наметить.

Интересным и показательным было бы также, но это принципиально иная задача, выходящая за пределы описываемой парадигматики в ее составе, типологическом виде и действии, – интересным и показательным было бы характеризующее описание того, почему именно мед или постель на полу выступают в роли представленных показателей. С чем это связано и чем обусловлено с учетом культурно-ментальной традиции. Какое место в сознании то и другое, равно как и все остальное, с этим связанное, каждое из них занимает. Как соотносятся (когда соотносятся) в том же сознании между собой.

Возвращаясь к оставленным двум последним в ряду рассмотренных единицам, видится необходимым вывести, указав, при посредстве соответствующих формул, те модельно организуемые структуры, которые, также типологически и обобщенно, определяют стоящие за разбираемым

представления. Характеристикой той и другой, поскольку с этой точки зрения обе не различаются, было бы $S(D) > Ap(X/Y) > Ind(MortS)$ – ‘субъект, находясь в детриментном физическом состоянии, $S(D)$, если просит, Ap , некое определенное X либо Y , указывает это, Ind , на объявившее себя в нем состояние смерти, $MortS$ ’.

В обобщении, для большей и, соответственно, включающей в себя концептуальной модели, данная могла бы быть проявлением показателя объявляющего себя состояния для субъекта, в каком-то уже своем состоянии находящегося, с изменением апеллятива Ap к любому возможному со стороны субъекта обнаружению: $S(St') > Pr(X/Y) > Ind(St^2S)$ – ‘субъект S в состоянии St' , проявляя себя, Pr , в отношении какого-то X либо Y , указывает, тем самым, Ind , на свое состояние St^2S (подобное указание предполагается, видится в нем, в нем себя проявляет и обнаруживает)’. Представленная модель в семантическом отношении, отмечаясь определяющим для нее позиционным признаком Ind , относилась бы к группе индикативных, т.е. таких, которые содержат в своем составе распознаваемый и, тем самым, указывающий показатель чего-либо, не исключительно возникающего нового состояния, как в разбираемом случае. Соответственно, и сами вербально выраженные соответствующим образом единицы с просьбой *о меде и постелить на полу* относились бы к индикативным.

Концептуальная семантическая единица, стоящая за анализируемыми примерами (с тем чтобы завершить надлежащее им рассмотрение), виделась бы как такая, в которой себя отражает способ распознавания (в определяемом предметном контексте) признаков приближения к смерти: ‘некие проявления больного могут служить основанием начавшегося в нем перехода к концу’. Шире и обобщеннее, для сознания, о котором речь, подобная единица входила бы в представления о том, что ‘некие проявления человека могут служить основанием начавшейся смены переживаемых им состояний’. И то и другое было бы тем, что можно представить как содержащееся в каждом типе сознания и идентифицирующее отношение, реализующее далее себя применительно к наблюдаемому (специально не наблюдаемому также), будь то субъект, положение, состояние, событие, место, время, предметность и пр.

О мотивирующем различении анализируемых единиц

Прежде чем перейти к дальнейшему, имея в виду развитие происходящего в отношении умирания и смерти, а также того, что впоследствии следует из нее для живых, и не только живых, рассмотрим, для лучшего

понимания материала, в определенном типологическом развороте, такие примеры (дадим их в порядке, не предполагающем данного различения):

Если кто-нибудь вошел в избу во время купания младенца, то должен оставаться там до конца купания, потому что самый приход его подвергает дитя опасности, а уход – большей опасности; по окончании купания дитяти мать должна вылить немного купальной воды на ноги посетителю, чтобы тем самым смыть опасность для ребенка.

Третий не должен от одной папирасы прикуривать – к смерти.

Обознаться в человеке – к свадьбе или к покойнику.

Горшок в печке сильно шипит – к покойнику.

Если ночью сама собой отворится дверь, нужно ожидать в доме покойника, за которым, несомненно, приходила смерть.

Нельзя при строительстве дома использовать деревья, выросшие на месте разрушенной церкви, часовни или на могиле.

Компонентный состав определяемых конструкций

Не вдаваясь в подробности, связываемые с выведением отражаемых единицами смыслов с включением их после этого в парадигматические параметры и ряды, обратим внимание в данном месте только на то, что, собственно, как производимое или происходящее, с различным передаваемым в приведенных примерах отношением к тому и другому, находит свое выражение. Идя по порядку и опуская при такого рода подходе определяемые обстоятельства, следует задаться вопросом, что собой представляет, в указанном смысле, первый из приведенных примеров, если, говоря об опасности, грозящей ребенку во время купания, матери, во избежание таковой, предписывается необходимость нечто определенное осуществить? Предположим, что это опасность, связанная с воображаемой смертью, вряд ли с чем-то еще, имея в виду младенца. Ребенок, иными словами, подвергаясь определенного рода воздействиям, может вследствие них оказаться в состоянии умирания, с угрозой утраты жизни и выхода ее из него.

Имеется некто, кто входит в избу во время купания младенца (его самого в данном случае не будем учитывать). Тому, кто вошел, не говорится при этом, кто бы это мог быть, хотя вряд ли, чтобы кто-нибудь из домашних, включая отца, поскольку в конце он определяется как посетитель, – предписывается ему таковому до конца купания не выходить. С ним приходящим, а тем самым и в нем, себя объявляет опасность младенцу, которую следует смыть, что должна сделать мать. Неизвестно, возможно ли чтобы кто-то другой, скажем, тот, кто купает младенца, если это не

делает мать, и такое вполне вероятно. Но предположим, что типически это действия матери. В предпринятом рассмотрении интересов будет только одно – что, в данном случае производится, должно быть произведено, во избежание грозящих смертью младенцу в виде привносимой опасности обстоятельств.

Производится действие, имеющее не предохранительный и не защитный, а устр а н я ю щ и й , р е м о т и в н ы й , и з в о д я щ и й , х а р а к т е р , п о с к о л ь к у смывающий с ног:

- А) Матерью, как субъектом, в пользу объекта (ребенка), по отношению к которому она родительница и, следовательно, непосредственно порождающая (*genitora*) и вместе с этим, ситуативно, также купающая (допустим, что это так), т.е. производящая над тем же объектом действия, связанные с водой и предполагающие его обмывание, смывание с него чего-то, что надлежит (имея в виду контекст всего, что из этого следует). В этой роли она выступает как та, что смывает (*ablutora*).
- В) При посредстве незначительной части воды от купания – субстанционального вещества, послужившего средством предпринятого субъектом действия по очищению объекта, смывания с него того, что положено смыть. Вода от купания (*немного купальной воды*) в разбираемом случае выступает с р е д с т в о м производимого матерью у с т р а н е н и я предполагаемой опасности.
- С) Над объектом-носителем содержащегося в нем вреда, которому предписывается а) при вхождении в избу до конца купания не выходить и, как следствие, б) поддаться тому, что производится матерью для устранения, с выливанием ему на ноги по окончании купания купальной воды. При этом он выступает не объектом производимого над ним устранения, а тем, кто с собой устр а н я е м о ю опасность принес и, тем самым, ее м е д и а т о р о м .
- Д) Производимое матерью по устранению действие касается ног посетителя, поскольку тот ногами вошел, ногами ему предстоит выходить, в ногах, получается также, и сосредоточено то, что следует с этих ног в нем смыванием устранить. Ноги становятся а) м е с т о м расположения, локализацией, предполагаемого зла и, как следствие, б) п а р т и ц и п и р о в а н н ы м (поскольку это телесная часть посетителя) о б ь е к т о м производимого над медиатором устранения.
- Е) В отношении вносимой с посетителем, входящим в избу во время купания младенца, опасности, как о б ь е к т а для устранения.
- Ф) В определенное время, связываемое с производимым субъектом над объектом (ребенком) смыванием, по его окончании, как т е м п о р а л ь н ы м показателем завершения акции.

Из чего получается, что избавление, а точнее отведение от ребенка, грозящей ему во время купания опасности, предполагая ее устранение,

складывается из взаимодействия агентно-субъектных (*мать*), объектно-адресативных (*младенец*), инструментальных (*немного купальной воды*), объектно-медиативных (*посетитель*), объектно-локализованных (*ноги его*), собственно объектных, прямого объекта (*опасность*), и временных (*по окончании купания*) составляющих. Что можно выразить в определенного вида композитной структуре (не будем показывать ее для простоты), которая, и это важно для разбираемого случая, будет структурой определяемого устранения. Но не общего и не как такового, а возможного и допустимого при каких-либо обстоятельствах (таких, как купание младенца, равно как и что-то еще), наравне с другими, обуславливаемыми иными значениями и иным по виду и форме характером.

Немаловажным при всем этом видится то обстоятельство, которое связывается, с одной стороны, с необходимостью для посетителя, коль скоро вошел в избу во время купания, до конца его не выходить. Равно как и с другой стороны и при этом во взаимосвязи с первой, устранение привносимой им с собой на ногах опасности производится при посредстве выливания (*немного купальной воды*) ему на ноги. Тем самым, как получается, между его пребыванием во время купания в избе и водой самого купания имеется несомненная связь. Вода, можно бы было сказать, заряжается, электризуется, энергетизируется, во время купания той опасностью от посетителя, о которой в предостережении речь. Равно как и вместе с тем она же, с одной стороны, смывая с ребенка то, что положено смыть (уроки, сглазы и порчи¹⁵), и действуя подобным смывающим образом, возвращает, с другой своей стороны, пришедшему им привнесенное. Операции с водой от купания ребенка предполагают также и другие действия предотвращающего характера. Ср. хотя бы такое предостережение, приводимое в том же источнике: *Чтобы не приключилась у ребенка сухотка (болезненная худоба), нельзя после захода солнца выносить на двор детскую купель (воду, в которой ребенка купали)*. И тогда выливание купальной воды, в разбираемом случае на ноги посетителю, представляло бы нечто того же порядка и ряда.

Взаимосвязь составляющих компонентов

Рассмотрим следующий из приведенных примеров под тем же мотивационно-интенциональным углом. Что содержит в себе представление о том, что, если от одной папиросы будет прикуривать третий, то это *к смерти*? Можно бы было поставить небезосновательный в этой связи вопрос – что означает в данном случае *к смерти*? К смерти ли этого третьего, кого-то из них троих либо к смерти как таковой? Будучи бессмысленной и интересной, такая задача, во-первых, требовала бы

обращения к более широкому и аналогичному материалу (о неоднозначности положения к *смерти* ранее говорилось), а во-вторых, составляла бы не то, о чем в разбираемом случае речь. Поэтому, лишь отметив стоящую за всем этим возможность, обратимся к определению выраженного в примере с другой стороны.

В отличие от предыдущей, с выливанием посетителю на ноги части купальной воды, в данном случае приходится дело иметь с чем-то принципиально иного характера. Если там было действие, предписываемое к необходимому осуществлению для устранения привносимой опасности, то здесь, во-первых, опасности еще нет, и, следовательно, нет того, что следует устранять, а во-вторых, предписывается не производить определенного действия, одному из трех, как минимум, лиц и при этом из них последнему, поскольку третьему. Не производить, повторим, не для устранения, а во избежание, того нежелательного, что может, а точнее должно с непереносимостью, произойти, кому бы и в какое бы время положение к *смерти* ни предназначалось. Время не называется, но, исходя из себя отражающих обстоятельств, это время не отдаленного будущего.

Отходя от известного объяснения о том, что прикуривание третьим от папиросы в ходе ведения военных действий во время первой мировой войны, предполагало то, что неприятель, увидевши огонек, при третьем получал бы возможность выстрела (объяснение к тому же весьма сомнительное, поскольку ничто не мешает отреагировать на огонек папиросы и без прикуривания, неважно, вторым ли, третьим, четвертым по счету), – отходя от этого объяснения в силу его как натянутости, так и не традиционности, противоречащей предметному миру поверий-примет, взглянуть на все это можно было бы с иной, по своему существу, стороны.

Нечто содержится, заключает себя в прикуривании, точнее не в нем, а в том, что оно, вбирая в себя, предполагает. Передаваясь с ним от одного к другому, это самое нечто, как можно заметить, исчерпывает себя уже полностью на втором, и тогда третий, присоединяясь к процессу, не обязательно на себя, поскольку не говорится, что к *смерти* ему, в этом нечто притягивает (или протягивает и втягивает, имея в виду прикуривающий способ действия), но не противоположность того, что переходит от одного к другому с прикуриванием, а конец, завершенность, исчерпанность какой-нибудь, скажем так, за неимением более точного определения, энергетики. Исчерпавши себя на втором, она-то и оборачивается указанным положением к *смерти*.

Идя, как и ранее, по порядку, необходимо отметить имеющееся к предостерегающему несовершенному действию, точнее к его несовершенному третьим, поскольку двое без опасений, спокойно способны его совершить. Вследствие этого, говоря о стоящем за всем этим избеганием, акциональным эвитаивом по виду и существу, прилагать его следует

к представлению о позиционно себя отражающей кратности, в ее значении к тройственности. В связи с этим видится не вполне однозначно определяемым вопрос – сколько, собственно, человек имеют возможность не связываемого с положением *к смерти* прикуривания, коль скоро выражено это словами *Третий не должен от одной папиросы прикуривать?* Привычно мыслится, что таких может быть двое – тот, у кого папироса, и тот, кто прикуривает свою от него. Но этот первый ведь от нее не *прикуривает*, а ее *закуривает*, – весьма существенное, передаваемое словами, отличие. И тогда ничто не мешает предположить, что взаимодействующих в процессе субъектов должно быть четверо. Первым был бы закуривающий, двое далее безопасно прикуривающие от него, а четвертым тот, кому предостережение в отношении к прикуриванию, как по очереди третьему, адресуется.

Тем самым, имеется определяемое к избеганию в его совершении третьим действие (акциональный на третьем шаге эвитаив), которое предполагает:

- А) Субъекта закуривающего или уже закурившего, того, у кого горящая папироса. По роли своей он не тот, кто инициирует определяемое действие, а тот, кто такую возможность предоставляет, разрешая другим прикуривать от себя. И это был бы субъект пермиссива всего дальнейшего.
- В) Двух субъектов прикуривания (допуская то, о чем было сказано) либо, если исходить из того, чтобы первого также рассматривать как прикуривающего, или раскуривающего, что процессу в целом не противоречит и может быть таким образом определено, – то одного субъекта прикуривания. Либо двух, опять же, имея в виду и того, кто закуривает, и тогда снимался бы пермиссив. Субъект или двое субъектов выступали бы в роли агентов предполагаемого к разрешению действия.
- С) Субъекта, который *не должен от одной папиросы* (с другими) *прикуривать*. Он бы и был тот акционально-эвитаивный субъект, о котором речь, или прохибитативный агент, не-агент, поскольку определяемого к избеганию, действия.
- Д) Объект, каковым выступает прикуриваемая агентами папироса, одна как прикуриваемая на двоих (либо на троих, в зависимости от представления). И это был бы объект совершаемого, точнее было бы говорить, разрешаемого к осуществлению действия.
- Е) Само разрешаемое как безопасное в двух своих фазах к осуществлению действие (прикуривание) и как опасное в третьей, поскольку ведущее *к смерти*.
- Ф) То, что содержится, заключается, безопасно передаваясь в двух фазах, в прикуривании, и обрывается, прекращается либо, что также возможно, и обращается (поскольку *к смерти*) при третьей. Некий энергетический субстантив, без дальнейшего определения, поскольку таковому

он не поддается. Важна его роль в разбираемом случае. По характеру его можно представить как некоторую объектность, которая, имея ограниченную двумя агентными действиями длительность, на третьем себя не просто исчерпывает, но к намечаемому прерыванию жизни направленно к смерти ведет. И это был бы тогда с трудом поддающаяся выражению 'реализуемая субстанционально объектность двукратностью ограниченной экзистенциальной витальности'. Нечто, что имеет, содержит в себе, начало конца в отношении жизни, как существования и как животного и живущего продолжения.

Так же как и в предыдущем случае, представленные в пяти позициях составляющие могут быть объединены в какую-то композитную форму, которая в приближенном к описанному виде предполагала бы связи между агентом закуривания (пермиссива), двумя либо одним агентом нормативного действия и одним действия прохибитативного, поскольку ведет, через отношение к заряженному субстанционально объекту, к положению к смерти: $[Ag^1(Permiss) < Ag^2(Norm)] > Ag^3(Prohibit) \geq Mort$.

В обобщении, из которого следовало бы представление о стоящей за всем этим и реализуемой в сказанном с помощью слов единице, можно бы было отметить наличие связи между каким-либо совершаемым действием, возможно неоднократно (трехкратно), и тем, что из этого следует как открывание возможности смерти, предполагая приход ли ее самой либо обращение к ней переживаемого состояния, что передавалось бы в виде $Act^n(Prohibit) \geq Mort$. Существуют, иными словами, действия, обусловленные характером их совершения (то, что действует третье лицо, – частный случай и разновидность подобного представления), которые, подвергаясь запрету их совершать, имеют в виду опасность, ведущую к смерти либо с ней связанную, не обязательно прямо и непосредственно.

В отношении характера привлечения данного рода опасности, на примере двух рассмотренных представлений, с младенцем во время купания и папиромой с прикуриванием, следует говорить о ее (опасности) привнесении, импортативе, на ногах посетителя, и о том, что можно представить как побуждение, индуктив, на третьем шаге себя повторяющей акции. Предупреждением первого будет, как было показано, устранение (ремотив), посредством выливания на ноги посетителю купальной воды. Для второго, соответственно, избегание, эвитатив (не прикуривание).

Представляется небезразличным также отметить, в отличие ситуаций с импортативом и индуктивом и в дополнение к сказанному, предполагаемый, как невидимо действующий, характер (не столько, может быть, действующий, сколько так себя объявляющий) потенциальной опасности, которую следует предотвратить. В первом случае предстает она как реализуемая, – посетитель вошел во время купания, и опасность с ним

(потому что самый приход его подвергает дитя опасности). Во втором ее нет, о ней говорится как о такой, которая явится при нарушении того, что не следует делать. С этим связано и из этого также следует (опустим не выраженное различие между опасностью и тем, что стоит за положением *к смерти*, поскольку в данном случае не это существенно), – с этим связано то, что каким бы ни было ожидаемое как вероятное зло, оно себя проявляет в обоих случаях по отношению к им подвергаемому неодинаково. Как концентрированное, в чем-то либо в ком-то себя обретающее присутствие, – зло уже есть, оно с посетителем появилось, в нем на ногах его, с приходом его, вошло, но не просто вошло и затем вместе с ним и уйдет, напротив, останется, получив возможность к реализации и развертыванию, поскольку, уход *подвергает дитя* еще *большей опасности*. И как такое, которого еще нет, оно не присутствует и к проявлению не готовится, а если присутствует, то непонятно, где, поскольку сомнительно, чтобы в прикуриваемой папиросе. Но оно, возбудившись, появится и придет, открыв для кого-то (не обязательно из присутствующих, поскольку об этом не говорится) переход, вероятность его обращения *к смерти*. Из чего получалось бы, что это не смерть, но то, что открывает к ней переход, какой-то втягивающий в себя коридор (общеизвестное положение, связанное с тем, что происходит при умирании). Коридор этот, после прикуривания третьим, откроется, и кто-то в него будет втянут.

Тем самым, для первого случая, без уточнения вида опасности и характера зла, первое, концентрированное присутствие к разворачиванию, и второе, с открыванием втягивающего в себя коридора, можно видеть как локализованное наличие, заряженность, и нsertивность, предмета ли, человека, какого-то места, и как транзитивное распаивание, раскрывание, апертивность, – что-то открылось невидимо, распаивнулось, как зонт, который уже не закрыть. Как первое, так и второе явление, не ограничиваемое ими двумя, следует воспринимать в отношении возможного вида воздействия на человека того, что прямо ли, косвенно, связано с состоянием поражения и далее умиранием и смертью.

В отношении поражения как состояния, о котором ранее говорилось, применительно к схеме его отражения, в дополнение и в концептуальное уточнение ее, восприняв получившееся на основе двух последних примеров в этом ключе, чем бы было, как состояние поражения, *опасность* первого и *к смерти* второго?

С одной стороны, имеется потенциально подверженный поражению ребенок (субъект как объект), в отношении которого таковое его состояние было бы следствием предполагаемого в негативном случае, если предупреждающих действий не предпринять, того, что определялось посредством формы 'вхождение'. Такое, которого нет, но которое будет грозить от 'заряженной поражением' локализуемой в ногах посетителя

предметности. И это была бы потенциальная для 'вхождения' обусловленность с соотнесением к заряженной поражением предметности, что уточняло бы показанную ранее схему в двух отношениях:

Ребенок	– его пораженное состояние	- вхождение
		- потенциальная обусловленность (приход подвергает дитя опасности)
– заряженная поражением предметность (на ногах посетителя)		

С другой стороны, с папиросой, имеется вероятное к проявлению при определенных условиях поражение, что уточняло бы группу 'действий, способных к пораженному состоянию привести', которые связывались бы не с папиросой как таковой, а с тем, что раскрывает производимое над ней действие третьего. В связи с чем пораженное состояние уточнялось бы в признаке к 'открыванию' (апертив), становящемуся в ряд к 'вхождению', что можно также представить как альтернативность (вхождение / открывание):

Человек	– его пораженное состояние	- вхождение / открывание
	– действия, способные привести: - направленные трехкратно на один и тот же объект (прикуривать от одной папиросы)	

Уточнение в формализованной с помощью индексов схеме выглядело бы следующим образом (полученные новые признаки отмечены полужирным курсивом):

<i>S</i>	<i>D</i>	<i>In / Ap</i> <i>Cn – Tm</i> <i>Pt</i>
	<i>A Dm</i> <i>Sd</i> <i>Ter</i>	<i>Lg</i> <i>E</i>
	<i>P</i>	
	<i>V</i>	
<i>L/O</i>	<i>Al</i>	

И тогда общее представление в отношении поражения на основе всех рассмотренных до этого единиц воспринималось бы как такое, которое, связываясь с подверженным данному состоянию субъектом-объектом *S*, предполагает:

- 1) действия D , способные привести к поражению, подразделяющиеся в отношении а) тех, которые производятся над собой, с демонстрацией на себе пораженного состояния $A(Dm)$; б) тех, которые самим собой производятся, с сидением на заряженном поражением локусе $A(Sd)$; в) тех, которые производятся над одним и тем же объектом (папиросой) неоднократно, трехкратно Ter , в разбираемом случае;
- 2) вхождение в пораженное состояние либо открывание к нему In / Ap , а) с инициальной, возможной ко времени $Cn - Tm$, либо б) потенциальной его обусловленностью Pt ; в) в отношении продолжительности Lg и г) вероятного выхода E ;
- 3) продолжение, непрерывание витального состояния V ;
- 4) заряженное поражением место либо местообъект L/O ;
- 5) пораженное состояния других, возможные (открытые) к перенесению $Al/Mult$.

Действия и недействия как компоненты состава

Третью из приведенных ранее к отмечаемому рассмотрению единиц характеризует наличие выбора: *Обознаться в человеке – к свадьбе или к покойнику*. И это то, что будет ее отличать от двух предыдущих. Вместе с этим в ней не содержится указания на то, что можно определяемое положение каким-либо образом предотвратить. Нет ничего такого, что бы предполагалось к действию либо не действию (как с купелью и папиросой). Нет также места, объекта, чем-то кому-то грозящего. Тем самым, это принципиально иная в типологическом отношении единица.

Первое, на что следует обратить внимание, это на то, что будь то свадьба либо покойник, проявляют себя то и другое как положения реализованные. Произойдет ли это в ближайшем будущем или уже осуществилось и произошло, не существенно, поскольку, если не произошло, то произойдет неизбежно. Второе, не менее важное, обстоятельство заключается в том, что свидетельство определяемого неизбежного положения вещей заключается не в увиденном кем-либо человеке, что, впрочем, значимой в этом случае роли его не меняет, а в выраженном с помощью признака 'обознаться' (в человеке). Кому-то в ком-то, т.е. имеется а) некий субъект проживаемого или переживаемого им самим положения (*обознаться* как положение субъекта можно воспринимать); б) некий другой субъект, как объект вызываемого им положения у первого; в) само положение *обознаться*, которое, означая неузнавание, видит в том, кого не узнали, другое лицо. Тем самым, как получается, речь идет о фальшивой, ложной, не истинной идентификации.

То, что знакомый встреченный человек (раз *обознаться* в нем, значит был он знакомым), предстает то ли кем-то другим, то ли кем, неизвестно, – означает несомую им, заключенную в нем обращенность. Действительность проживания в этом случае предстает как такая, которая получает, уже получила, какое-то, прибегая к физической характеристике, искривление (не вкладывая в это никакого оценочного по своему направлению смысла). Искривление этой действительности ведет к искажению (опять же без всякой оценки) того, что видится, в широком и обобщенном понятии образа, который для наблюдателя реализует себя в неузнавании, ложной идентификации знакомого встречного.

Тем, что подействовало в указанном отношении на действительность невозмущенного, скажем так, проживания, ровного, нормативного и рутинного, ее искривив, было либо вскорости будет, но неотвратимо и неизбежно, событием, связываемом не только в традиционном сознании, составляющем разбираемый предмет, с экзистенциальным, а также витальным вместе с ним, переходом и изменением, оставлением прошлого нынешнего с обращением в нынешнем к будущему, каковым является свадьба и умирание-смерть. Отсюда равным образом допускаемый выбор – *к свадьбе или к покойнику*.

Поскольку свадьба не будет нас интересовать, обратимся к выраженному во втором, предполагая вывести то, что за этим стоит в отношении разбираемой задачи, с типологическим определением характера мотивационно-интенциональной направленности смысла, передаваемого с помощью соответствующих слов, а также с дальнейшим из этого следствием для определения пораженного состояния.

Первое, над чем стоит задуматься, – что означает это *к покойнику*. Помимо уже отмеченного как возможное положения о времени происшествия, смерть, иными словами, с кем-то уже случилась или в самом ближайшем будущем произойдет, имеется еще одно не противоречащее и вполне допустимое обстоятельство. *К покойнику* как таковому, не обязательно с обозначившимся связанному, не обязательно члену его семьи или близкому родственнику, но, что видится необходимым добавить, скорее всего, осознаваемому и распознаваемому. Этот умерший будет известен тому, кто знакомого, встретив, не опознал.

Следуют из этого два обусловленных положения. Во-первых, то, что неузнавание, ложная идентификация означает, как уже отмечалось, то искажение, в котором содержится или чья-либо свадьба, или смерть (важным видится именно это *или*). В неузнавании знакомого человека также можно бы было усматривать привносимый им образ либо образ сопровождающий, – и вот тут возникает вопрос чего? Если смерти или какой-то ее предвестницы (предвестника), то, исходя из традиционных об этом воображений, это было бы объяснимо, но, поскольку при *или* имеется по-

ложение *к свадьбе*, подобное было бы представимо с трудом. И во-вторых, идя в рассуждениях дальше, незнание знакомого человека, скорее всего, означает то, что произошло или произойдет с другим каким-то знакомым. К свадьбе или к покойнику того, кто знаком.

Внимания также заслуживает несимметричность при ожидаемом выборе. Не говорится *к свадьбе или к смерти*, что было бы соотносимым, но *к свадьбе или к покойнику*. Видимо и скорее всего, стоит за этим положение *в доме*. Хотя, как уже отмечалось, не так, чтобы непременно в своем, в каком-то знакомом доме, но и не доме того, в ком обознались. Этот встреченный выступает невольным носителем передаваемого им таким образом знака и вести. То, что *к свадьбе или к покойнику*, вместе с тем не содержится в нем, не несет он в себе ни того, ни другого сопровождающего его обстоятельства, весть добывается, получается, если образно, «высекается», из положения *обознаться*. Обознавшийся должен был бы увидеть, ему следовало, полагалось увидеть одно, лицо в данном случае, а не увидел, не опознал, увидев и опознав кого-то другого. В этом смещении и заключалась бы получаемая весть. Дается она ему или им получается как случайность, для разбираемого случая не существенно, но, скорее всего, это было бы то, что можно воспринимать как увиденное, обратную, скрытую сторону происходящего, как если бы в темную воду какого-то отражения вдруг заглянуть и там нечто такое увидеть.

Исходя из сказанного, можно было бы вывести а) то, что увиденное, будучи интерпретировано как соответствующий знак, содержит известие, которое следует правильно распознать (в меру возможности и допустимости, поскольку мало того, что неясно, кого этот знак касается, то еще и неопределенно увиденное само по себе, не то *к свадьбе*, не то *к покойнику*, что отнюдь не одно и то же), и в силу этого подобное происшествие объяснялось бы как увиденно-встреченное, то, на что натолкнулись (инвенция); б) то, что *к покойнику*, и это было бы выводящей к определяемому положению частью, содержит в себе представление о кого-то встретившей, уже либо в скором будущем, смерти как событийности, происшествия, не предполагая ни пораженного витального состояния перед тем, ни перехода к ней в умирании (что было предметом рассмотрения до этого). Так случилось, произошло, получилось, выпало, характеризуясь как акциденция.

Пораженного состояния нет, равно как и постепенного от него обращения, поворота к смерти, есть или будет покойник, которого можно определять, интерпретируя, как акцидентальный объект, а полученное при обознании известие о нем, не имело бы вида ни устранения, как в примере с купанием младенца, ни избегания, с прикуруиванием, при посредстве предполагаемых к совершению либо несовершению действий в обоих рассмотренных случаях. Имеется нечто иное, с действием либо

недействием никак не связанное, и это нечто, определяясь как инвенториональное по своему характеру *узнавание, анимадверсия** (при обладании определяющим знанием) в отношении акцидента, и составляло бы смысл разбираемой единицы.

Стоящая за всем этим смерть выступает неизбежным и состоявшимся фактом, событием, а тот, кого она будет касаться, покойник, – объектом ее проявления, остановленным вследствие прерывания жизненной нити в своем экзистенциально-витальном движении. С этого момента он, будучи замершим, упокоившимся, умершим, и выглядит для живущих живых, и ведет себя, и будет вести по-другому, однако не как существо иной природы, а потому и не человек, но как тот, в ком легко ‘обознаться’ и кого бы, встретив, возможно как мертвого, не распознали (вспомним значимый в этом смысле сюжет „Рассказов о мертвецах” из собрания А.Н. Афанасьева, с нераспознаванием встреченного как умершего и восприятием его как живого).

Из этого будет следовать то, что определялось ранее как концептуальная, и семантическая вместе с тем, единица характерного для поверий-примет сознания. Как семантическая она входит в состав соответствующего набора, своего рода словаря единиц, ей подобных в функциональном и с этим коммуникативном, генеративно-перцептивном, для носителей данной ментальной традиции, отношении. В обобщении, для которого сказанное в приведенном поверии было бы ситуативной проекцией, ее можно представить как то, что ‘неузнавание чего-то или кого-то знакомого служит свидетельством чего-то происходящего или уже происшедшего, касающегося того, не всегда непосредственно, кто увиденное не распознал’. Передать это можно было бы в формуле $S(VisFals) < Accident(S)$. Неузнавание, тем самым, предполагает неизвестное перед этим знание, которое следует распознать.

Предметы, в них заключенного знания

Таким же знанием нагружена взятая следующей к рассмотрению единица *Горшок в печке сильно шипит – к покойнику*. С одной стороны, обознаться в ком-либо и, с другой стороны, *горшок*. То, что *к покойнику* и о чем уже говорилось, необходимо как ожидаемое событие воспринимать, вместе с тем оно требует привязываемого к тому, что описано, уточнения. Это не просто событие в большей или меньшей его неопределенности (к тому же без предполагаемого выбора *к свадьбе*), но это

* Лат. *ānimadverto, verti, versum, ěre* ‘обращать внимание, замечать, наблюдать, следить, соблюдать’; ‘узнавать’.

событие, которое, во-первых, произойдет, с отнесением к недалекому будущему, а во-вторых, с очевидностью с кем-либо из домашних. Будет покойник в доме, в котором *Горшок в печке сильно шипит*. Потому что *горшок* и потому что *в печке*, чего никак нельзя не учитывать. Опуская народно-традиционные представления о горшке и печке¹⁶, в разбираемом случае не об этом речь, важным видится то, что он *сильно шипит*. Что за этим? Почувствовав смерть, реагирует, но тогда его следовало бы воспринимать, понимая как существо. Вместе с тем не сам по себе он указанным образом реагирует, а находящийся в печке и при этом в процессе приготовления чего-то в нем.

Раскладывая все это по составляющим, можно увидеть а) предмет, задействованный в определенном процессе, по протеканию и виду которого можно что-либо заключить, таковым выступает *горшок*; б) предмет, назначение и роль которого, а также и наблюдаемое актуальное состояние, заключаются в производстве указанного в (а) процесса, им будет *печка*; в) предполагаемый, но не названный прямо процесс, производимый с помощью (б) над (а) и состоящий, как следует заключить, в приготовлении пищи; г) то, каким именно образом протекает производимый процесс, объявляя себя в проявлении (а) – *сильно шипит*, и что следует как сигнификативное знание в виде знака интерпретировать.

Прежде чем перейти к какому-то заключению, определяющему все в данной примете затронутое, заслуживает внимания еще одно немаловажное обстоятельство. Что может стоять, исходя из имеющихся в традиционном сознании представлений, за тем, что *Горшок в печке сильно шипит*? Возможны два разрешения, одно другого не исключающие, – присутствие появившейся смерти, может точнее, посланца ее, веющее, как известно, холодом, но даже если не веющее, то как-то невидимым образом себя объявляющее. Есть предметы и существа, а также и люди, которые это чувствуют. И это было бы первым. Вторым разрешением было бы то, что ранее определялось нами как оборачивание, поворот, открывание или вхождение потустороннего, то, что связано с мертвым, миром мертвых и смертью, начинающееся присутствие этого в посюстороннем мире живущих живых. Это вхождение, открывание и присутствие, в разбираемом случае в доме, влияя на его атмосферу, изменяя флюиды и токи в нем, и обуславливает указанное проявление для горшка, который, что необходимо добавить, поскольку все это не случайно, находится в печке в процессе приготовления пищи в нем. Прямо ли, косвенно, смерть всегда связана для сознания с поглощением, пожиранием, поеданием, хотя по виду к горшку, стоящему в печке с приготовлением пищи в нем, это можно было бы и не относить. Не противоречащим вместе с тем выдвинулось бы указание на подобный, для современного восприятия ассоциативный, мотив, для сознания не современного, не исключено, что мотив

привлечения, а т т р а к т и в н ы й. Пришельцев, посланцев потустороннего в определенное, не одно только календарное, время, как известно, прикармливают¹⁷, приваживают, зовут на еду, с тем чтобы задобрить, приняв, угостить, а потом и отправить.

Возвращаясь к определению разбираемой единицы, отнести ее следовало бы к группе а н и м а д в е р с а т и в о в (наблюдаемого распознаваемого знания), но не в силу чего-то увиденно-встреченного на каком-то движении и пути, и тогда это не было бы ни инвенцией, ни акциденцией, а по причине себя объявляющего (в доме) иноприсутствия, а л ь е н а т и в н о - а д в е р с а т и в н о й п р е з е н ц и и или адвенции. Если это себя таким образом обнаруживающее появление в доме потустороннего мертвого объявляет, предполагая в нем изменение витально-экзистенциального протекания, действуя как останавливающий, тормозящий, мертвящий приход. Покойник в доме, как следует из представления, будет один, но мертвящее действие появления потустороннего в доме сказывается на всех и на вся, в нем находящихся и пребывающих.

Узнавание, следовательно, воспринимаемое в соответствующих знаках того, что себя обнаруживает во внешнем, в его отклоняющейся от нормы привычности, в знаках известных исходно, заранее для сознания, может быть таким, которое в его выводимом значении связывается с субъектом (как в *обознаться*). С тем, как он себя ощущает или что видит и чувствует в определяемый момент, и это увиденное или почувствованное не соответствовало бы тому, чему полагалось быть. И это был бы один вероятный тип узнавания.

Прежде чем его, как-то обозначив, назвать, задумаемся над тем, что именно происходит в подобного рода моментом определяемых ситуациях. Оттолкнемся в своих рассуждениях от того, что, собственно, происходит при *обознаться*, имея в виду не того, в ком, а того, кто подвергся внутри себя подобному перцептивному искажению. Если некто видит не то, что есть, хотя это то, что есть, ему хорошо знакомо, не узнает его или, что представляет собой разновидность, принимает его за что-то другое, – что это может в отношении наблюдателя обозначать, какой иметь смысл, в условиях, и это следует подчеркнуть, ориентированного традиционно сознания?

Первое, что приходит в голову в данной связи, это вмешательство искажающих восприятие внешних сил, не заключающееся, однако, в том, чтобы ввести наблюдателя в заблуждение. Вмешательство как такое воздействующее на восприятие присутствие, которое не позволяет в привычном видеть привычное и наоборот. Иными словами, это мало чем отличалось бы от ситуации с сильно шипящим в печке горшком, с тем отличием, что происходящее неузнавание, во-первых, не связано с домом, реализуя себе вне его. Можно, конечно, представить себя ситуацию неузнавания того, кто приходит в дом, но это было бы нетипично. И во-

вторых, проявляет себя не в предмете, который не так себя как-то ведет, а в субъекте, его неспособности в определяемый момент к восприятию неискаженному. Само искажение в данном случае следует понимать как все то же вмешательство своим присутствием, наплывание, надвигание (трудно найти подходящее характеризующему положению определение), вхождение, подключение, чего-то потустороннего в то, что посюстороннее, и это «вмешение» в видимость наблюдаемого иного рода и типа видимости и создает ситуацию для *обознаться*.

Определяемое узнавание (анимадверсию) того, что полученное вследствие искажения восприятия и поэтому нераспознавания знакомого и привычного, есть показатель *к покойнику* (или *к свадьбе*, для разбираемого типа то и другое неважно) можно было бы характеризовать как смещенное восприятие¹⁸ – перцептивно-субъективный альтернатив.

Интерпретируемое как знак, показатель того же (*к покойнику*, но без допускаемого выбора *к свадьбе*), в том, что горшок в печи сильно шипит, не было бы связано с искажением восприятия, не концентрировалось бы также и на субъекте, представляя собой проявляющую себя таким образом объективность. Необычность, отклонение от нормативного, обращается в этом случае вокруг особого рода проявленной интенсивности в отношении горшка, но не это было бы определителем характеризующего типа. Обобщающим видится то, что некий предмет, подвергаясь типично-привычному для него воздействию (место горшка во время приготовления пищи в печи), начинает себя проявлять не вполне обычно, не так, во всяком случае, как можно и следовало бы от него ожидать. И это также был бы по своему характеру альтернатив по причине смещения, но не перцептивно-субъективный, обращаемый к искаженному восприятию наблюдателя, а проективно-объективный, имея в виду характер его не вполне характерного и ожидаемого проявления.

Две последние из рассмотренных единицы, с *обознаться* и шипящим горшком, отличаясь от предыдущих, содержат в себе то, что связано с определяемыми ими положениями *к покойнику*. Нет оснований, следовательно, говорить о наличии того, что было определено как пораженное состояние (в болезнях, опасности, открывающемся в умирании обращении с переходом к смерти). Положение *к покойнику*, с одной стороны, воспринимается как ожидаемое к неременному осуществлению событие, долженствующий состояться факт. А с другой своей стороны, оно же видится и предстает, в обозначенных в разбираемых повериях, как различное.

Прежде чем это различие охарактеризовать, небезразличным видится подключение разбираемого положения *к покойнику* в общий, ранее обозначенный ряд. Речь идет о невидимой, но переживаемой каждым нити (оставим это не только метафорическое определение) того продвигающего себя процесса, который заключается в экзистенциально-витальном по

своему характеру и природе протекания жизни. Нить эту можно представить как субстанционально-одушевленное естество протягивающегося от начала к концу земного для каждого человека в отдельности пребывания. Подобного представления будет достаточно для того, чтобы все остальное, к нему подключив, описать.

В движении этой нити, естество которой заключено в человеке, составляя одновременно и вместе с этим естество его самого (протягивающееся во времени продвижение от начала к концу, не исключительно связываемое с рождением и смертью, но не об этом речь, есть не что иное, как такое движение во времени собственной жизни каждого человека), – в движении этой нити, в субстанциональном характере ее естества вместе с тем, имеются, могут иметься, разные проявления. Нить может быть прочной и мощной, тонкой и слабой, полной энергии и интенсивной, равно как и наоборот. И может, что приближает нас к рассмотрению, быть подверженной тому, что ее приостанавливает и сжимает, ослабляет, делает тонкой, либо вдруг по какой-то причине прервет или сделает близкой в необратимом прерывании. В первом случае говорилось о состоянии поражения. Во втором – о мгновенном и неожиданном обрыве вследствие смерти либо об открывшемся переходе к ней (по рассматриваемым единицам состояние *к смерти*).

То положение *к покойнику*, о котором речь, отличается от показанного в отношении длящейся нити. Не потому, что при этом что-то иное в своем основании происходит, а потому, что на это смотрится с другой стороны. Можно интерпретировать это *к покойнику* как то, что будет покойник и этого следует ожидать. Но можно и таким образом, что в общем движении земного и близкого существования совместно живущих появилось то, что *к покойнику* приведет. Не важно в данном случае, кем он будет и на кого это нечто возникшее упадет, важно то, что вдруг наметился в общей витальной экзистенциальности некий прорыв и изъясн, опущение, но не нити, о которой шла речь, а, прибегая опять к метафорике, некоей энергетике, общего экзистенциально-витального поля (определение приходится повторить). И это было бы тем, что *к покойнику*.

Вместе с этим положение это, при сходстве, предстает как различное. Не только в силу того, что в примере с горшком затрагивает (очевиднее и скорее всего) кого-то одного из домашних, а при *обознаться* нет достаточных оснований подобное утверждать. Неизвестно, кого касается это *к покойнику*, не говоря о том, что при возможности *к свадьбе*. Различие видится, прежде всего, в характере возникновения прорыва-изъясна. Как более отдаленного и размыто, непрямо направленного, в плотность экзистенциально-витального общего поля, можно бы было сказать по косой при *обознаться*. И как направленного резко и прямо, при сильно шипящем горшке. Пользуясь, на сей раз не метафорикой, первый тип можно было

бы обозначить как ниспускающийся, депрессивный, а второй – как взрывной, эксплозивный. Прорыв в первом случае представляет собой нечто похожее на размывание, разъедание, просаживание, во втором – на разрыв.

Не то, чтобы, в результате сказанного, следовало бы говорить о том, что смерть приходит, сама ли, в посланцах ли, к людям по-разному. По-разному выглядит, исходя из представленных рассуждений, воздействующий на них характер ее среди них появления. Не то, чтобы так прямо об этом, но о ее приходе с появлением среди людей, и опять же к покойнику, непосредственно в доме, как отмечается на сей раз, будет следующее поверие. Повторим его для большей ясности – *Если ночью сама собой отворится дверь, нужно ожидать в доме покойника, за которым, несомненно, приходила смерть.*

Важными обстоятельствами, на которые следует указать, будут то, что *ночью*, а значит, не днем, то, что *дверь* и что *сама собой отворится*. А также то, что не так, как это было раньше в форме *к покойнику*, но по-другому – *в доме* нужно его *ожидать*. Равно как и выраженное как нечто неотвратимое и очевидное – *за которым, несомненно, приходила смерть.*

Сразу же в связи с этим возникает вопрос – раз приходила, то уже с собой забрала и покойник с ее появлением в доме уже имеется? Или, что, видимо, более вероятно, приходила и дело сделала, отметив (но не наметив) домашнюю жертву себе. Возможным было бы еще одно объяснение, известное и традиционное (если бы не положение *приходила*), что смерть, пришедши, находится в доме и у изголовья того, кого она себе выбрала, стоит или сидит, ожидая либо планируя его конец, с тем, чтобы после этого его с собою забрать (поскольку говорится, что *за которым она приходила*).

Идя по порядку, как это делалось раньше, прежде чем определить предполагаемый мотивационно-интенциональный характер стоящей за всем этим семантической единицы (возможно, что не одной), установим набор составляющих. Прежде всего имеется а) *дверь*, которая сама собой отворяется, знаковый, сигнализирующий, объект, и вместе с тем погранично-впускающий, через него в дом приходит, в него проникает, как видимое, так и невидимое. Далее следует б) *ночью*, как темное время суток и потому способствующее приходу и появлению мертвого и потустороннего, – показатель позиционной открытости потустороннему. Третьим организующим признаком будет с) то, что (*ночью дверь*) сама собой отворится, – собственно сигнализирующее, с точки зрения людей и домашних, процессуальное положение и открывающее, разрешающее, впускающее (внутри дома) акциональное сопровождение (прихода), с позиции приходящей смерти. Следующим признаком будет d) *в доме* – локусе постоянно-совместного экзистенциально-витального проживания и пребывания

определенной организованной группы людей, семейных, домашних. Еще одним получается е) то, что *нужно ожидать* (в доме покойника) – модулирующая проекция к ближайшему как наступающему в его неизбежности будущему. Элементом состава будет также f) *покойник*, которого следует ожидать, субъект как объект, страдательный, пациент, выступающий в роли того, на кого выпадает (*за которым* смерть приходила), того, кого смерть с собой заберет – объект изымания и извлечения (из этого дома, из жизни и из семьи), забирания с собой, того, кого ждет прерывание жизненной нити, его от нее отключение (в нем ее выключение). Тройной характер покойника можно представить в значениях объекта для казуса (выпало на него), для экземптива (изъятие) и для абруптива (прерывание нити). Элементом того же состава будет также g) *приходящая за покойником смерть* – агент производящего выпавший выбор, изъятие и прерывание проявления (если не сам прерывает, то сопровождает либо способствует этому, поскольку что или кто прерывает нить, не обязательно должно быть собственно смертью). И последнее – h) сам невидимый, но обозначенный ночью через само собой отворившуюся дверь *приход* в виде связываемого с обозначенными последствиями действия указанного в предыдущем пункте (f) агента.

Восемь отмеченных составляющих определяют в своем взаимодействии значимую для разбираемой единицы структуру, которую можно выразить следующим формульным образом: $a(bc) < g(h) > d(ef)$. Структура трехчастна и симметрична. В центре находится смерть с ее приходом $g(h)$, который влияет на то, что дверь ночью сама открывается $a(bc)$, а сам приход отмечает как неизбежное положение $d(ef)$ – в доме следует ожидать покойника.

Левая часть выступает как распознаваемо-знаковая, связываясь с предметом (*дверью*), временем (*ночью*) и отмечаемым проявлением (*сама собой открывается*), которое, воспринимаясь как необычное, нарушающее привычный порядок вещей, служит средством определяемого узнавания прихода, анимадверсатива адвенции, подобного узнаванию с сильно шипящим в печке горшком, но там при анимадверсативе презенции (присутствия). И это был бы такой же, как и с горшком, проективно-объектный альтернатив (измененного, отклоняющегося от типичного, проявления в воспринимаемом предмете).

Центральная часть, отмечая приход, объяснялась бы как происходящее (*proventum*^{*}), себя обнаруживающее в том, что представлено в левой части, в значении, определяемом в правой. В значении для людей, предпо-

* Лат. *prōvēnio, vēni, ventum, ire* ‘выходить, выступать, появляться’; ‘возникать; оказываться’; ‘случаться, происходить; складываться’; ‘обнаруживаться, находиться, встречаться’.

лагающем то, что в доме следует ожидать покойника (за которым смерть приходила). Для самой же смерти правая часть содержит в неполном составе своем, без того, что следует ожидать, определяемую ею самой цель прихода, передаваемую с помощью слов *за которым*.

Обращаясь на данном примере к тому, что представляет собой отмечаемое в нем положение и сопоставляя его с рассмотренными до этого, передаваемыми, с учетом контекстов с *горшком* и *обозначаться*, по внешнему виду сходным образом при вербальном посредстве *к покойнику*, необходимо поставить вопрос о том, что означало бы высказанное с помощью слов *нужно ожидать в доме покойника, за которым, несомненно, приходила смерть*. Что за этим применительно к разбираемому проживанию смерти может стоять? То ли же самое, что *к покойнику* в предыдущих примерах, или что-то другое?

С точки зрения внешнего и ожидаемого события данное положение ближе к позиции с сильно шипящим горшком. И то и другое предполагает, что умрет кто-то в доме. Вместе с тем, с одной стороны, представленные две ситуации выглядят не единообразно, равно как, с другой, не сходным можно увидеть и умирание.

Обратимся в своих рассуждениях ко второму, поскольку в нем заключается разбираемый в данном месте предмет. То, что кто-то в доме умрет, определяется появлением ночью смерти. Выглядит это как следствие действия целенаправленного и актуализированного к воспринимаемому моменту, когда открывается дверь. С этого момента и следует происходящего далее ожидать. Целенаправленность предполагает выбранный и намеченный смертью объект – того, за которым она пришла. Ожидаемое положение с тем, кому умереть, в этом случае предрешено и внутренне, пока что невидимо, но, возможно, предполагаемо, известно. Из чего получилось бы, что это потенциально определенный случай. К чему не имеется оснований в примере с сильно шипящим горшком. Там положение выглядит неопределенно (что не означало бы, что в каком-то конкретном случае невозможно было бы нечто определенное предположить).

Обращаясь к вопросу об умирании и указанную определенность либо неопределенность имея в виду, положение, при котором приходит за кем-то смерть, и другое, обозначающее неопределенно *к покойнику*, видятся как такие, которые по характеру своего вероятного протекания не вполне совпадают. Смерть приходит за кем-то, чтобы его забрать. И тогда, вероятнее было бы предположить, начинающийся и некое время себя развивающий, не одномоментный, процесс умирания, отмечающий переход к состоянию и положению ‘после жизни’. Не вполне понятный для окружающих в своем начале (нет оснований считать, что в доме к смерти кто-то уже готов, поскольку болен и лежит в предсмертном состоянии), процесс этот обуславливается тем, что двойственным образом выражено

с помощью слов *нужно ожидать*. Двойственным, поскольку, с одной стороны, для людей, а с другой, в отношении смерти. Для людей *ожидать* означает, что это произойдет, но неясно, когда и как скоро, надо быть готовым к нему в его неизбежности. В отношении самой смерти, поскольку она будет *ожидать*, находясь при ложе того, за кем приходила, положенного по времени его ухода из жизни, с тем, чтобы его в результате забрать. Данное положение можно было бы определять как трансгрессию, обусловленный временем и во времени протекающий переход. Не то, чтобы поэтапный и постепенный, но, вместе с тем, как мгновенный не отмечаемый.

В свою очередь, то, что стоит за другим положением – *к покойнику* с сильно шипящим в печке горшком, не то, чтобы противоречило в допускаемом происшествии трансгрессивности, но ее и не отображает. Ситуация в этом случае внутренне выглядит как подвешенная. Не о протекании сообщается, а о событии как таковом, о том, что случится, кого-то встретит и с этим кем-то произойдет. Ожидаемая смерть в этом случае видится, с точки зрения ее представления, но также и представления о ней, как происшествие – *казус*, который не следует понимать, что, впрочем, также возможно, с позиции неожиданности и одномоментности, но как то, что случится и произойдет. Казусный, равно как и трансгрессивный характер определяемого умирания как перехода к состоянию после жизни, тем самым, может иметь свои разновидности, на которые, если даст к тому основания материал, в дальнейшем стоило бы обратить внимание.

И последняя из приведенных к предпринятому мотивационно-интенциональному рассмотрению единиц – *Нельзя при строительстве дома использовать деревья, выросшие на месте разрушенной церкви, часовни или на могиле*, которая выглядит по сравнению с предыдущими совершенно иначе. Прежде чем, углубившись, войти в стоящие за нею значения, стоит отметить наблюдаемое внешнее отличие ее от других. Выведем их по порядку.

В первой рассмотренной, с купанием младенца, отмечало себя предписание в отношении действия, которое следует совершить для устранения, отведения, избавления от опасности (все остальное опустим). Это была бы предписываемая субъекту акциональность, а единица характеризовалась бы по данному основанию как акционально-субъектная. Следующая, с папирсой, от которой третий не должен прикуривать во избежание положения *к смерти*, также была бы единицей акционально-субъектной, но в разновидности не продуктивной, а эвитативной акциональности.

Третья, при *обознаться в человеке*, содержит идею другого порядка. Не узнать кого-либо связано с идентифицирующим по своему характеру восприятием, неверным, ложным в своей разновидности. И это можно

было бы определять как единицу перцептивно-субъектную (на что обращалось внимание), деформативную в таком подтипе своем.

Единица с сильно шипящим горшком относилась бы к проективно-предметному типу, предполагающему (о чем также, впрочем, уже говорилось) отмечаемый как отклоняющийся от нормы, деклинативный в своей разновидности, проектив. В отношении последней из рассмотренных, с открывающейся ночью дверью, также следует говорить о деклинативной разновидности того же проективно-предметного типа.

Тем самым, выводятся, складываясь, субъектные и предметные группы типов. Первые в акциональном и перцептивном различии, с подразделением акциональных на продуктивные и эвитативные, а перцептивных с отображением в деформативной, на рассмотренном материале, представленности. Предметные, в свою очередь, в том же рассмотренном материале, себя обнаружили в деклинативном подтипе для проективного типа.

Возвращаясь к определяемой единице, то, что нельзя чего-то использовать при какого-то рода действиях, поскольку акциональностью были бы сами предполагаемые к совершению действия в их направленной к достижению совокупности (строительство дома в разбираемом случае), как можно было бы запрет на использование чего-то, способствующего акциональности, объяснить? Поскольку речь о деревьях, то это была бы группа предметная, а поскольку они выступают как средства к осуществлению (либо достижению) чего-либо, то перед нами инструментально-предметный тип, но не в избегающей, эвитативной, своей разновидности, как можно было бы предположить, если бы речь шла об акциональности, а в запрещающей, прохИБИтативной. Те деревья, о которых в представленном предписании речь, выступают в этой связи инструментальными прохИБИтативами в отношении определяемой акциональности.

Обращаясь теперь к значениям, необходимо поставить вопрос, что можно увидеть в том, что *Нельзя при строительстве дома использовать деревья, выросшие на месте разрушенной церкви, часовни или на могиле?* Церковь, часовня, могила – в одном ряду. При том, что, почему нельзя такие деревья для данной цели использовать, не говорится, запрет по внешнему виду не мотивируется. Если вспомнить, а следует вспомнить, то, что было представлено в самом начале в „Рассказах о мертвецах” из собрания А.Н. Афанасьева, неясности и сомнения вроде бы не возникают. Перечисленные пространственные объекты себя проявляли в них как посещаемые мертвыми по ночам (церковь, часовня) либо отмеченные, не только ночью, их таковым пребывающим в них присутствием (церковь, часовня, могила). Более или менее постоянным, а по ночам дополнительно связанным также с активностью с их стороны.

Из всего этого, рассуждая далее, следует вывести, 1) чем конкретно и определенно грозит, поскольку исходит от мертвого, построившему ли дом, живущим ли в нем, то, что использованными окажутся названные деревья, равно как и то, 2) что с этими деревьями связано, что такое содержат они в себе, если выросли *на месте разрушенной церкви, часовни или на могиле*. Не просто при церкви, часовне или могиле, а на месте их. Церковь с часовней к тому же дополнительно предстают, что, впрочем, понятно, как пространственные объекты разрушенные, разрушению когда-то подвергшиеся, что может усиливать понуро-утяжеляющий колорит.

В отношении деревьев и начиная с них, поскольку то, что второе, объясняло бы известным образом и отчасти первое, следовало бы сказать, что заряженность мертвым (инсертивность, о которой ранее говорилось в связи с рассмотрением *горячего места*), его присутствием либо активностью, применительно к церкви, часовне или могиле, переходит к деревьям, растущим и выросшим на этих местах. Деревья, вследствие такого включения в себя, абсорбирующего, трансфера, также оказываются мертвым заряжены, как предметные по своему характеру инсертивы.

Рассуждая далее, следует обратить внимание на то, что такие деревья *Нельзя при строительстве дома использовать*. Важно, что *при строительстве дома*, что-то другое такого запрета может не предполагать. Дом, как известно, жилье для живых и живущих в нем, предполагая их в нем более или менее постоянное пребывание и проживание, а также не только и не исключительно с домом связываемую с их стороны активность. То же самое, симметрично, наблюдалось со стороны мертвецов в сюжетах у А.Н. Афанасьева, в отношении церкви, часовни, могилы. Следствием данного положения было бы то (ничто не мешает подобное полагать), что через деревья и при посредстве деревьев, выросших в этих местах, мертвое, в них заключенное, начнет обретать себя в доме, из таковых деревьев построенном. А коль скоро начнет обретать, то и выживать будет либо преследовать, либо, что также вполне допустимо, и умертвлять в таком доме живущих. Этим, как получается, и грозило бы от мертвого исходящее, но не построившему, а в нем проживающим зло. То, что построившему чем-то может грозить, впрочем, также не исключено.

Дальнейшие рассуждения, следующие из сказанного, подводят к необходимости установить, каков возможный характер предполагаемой от деревьев опасности, допускающей смерть в том числе, который определяет параметры концептуальной и семантической единицы, стоящей за этим всем, и что получается из разбираемого в данном примере материала для парадигматического его описания. То, что деревья, выросшие на месте разрушенной церкви, часовни или на могиле, использованные при строительстве дома, создают условия для проявления указанного ранее зла, поскольку об этом уже говорилось, далее отмечаться не будет. Не будет

в контексте установления типа опасности, точнее характера ее проявления, и в то же самое время будут они иметь отношение, получив соответствующее позиционное место, к выведенной ранее и предполагаемой к дополнению схеме соотношений для пораженного состояния.

В данной и не только в данной связи важно, прежде всего, решить, возможно ли отнесение той опасности, о которой прямо не говорится, но которая предполагается в отношении этих самых деревьев для дома, к группе пораженного состояния и, если возможно, то, что она будет тогда собой представлять. Если видеть воздействие, скажем так, излучающее, прибегая к осовременивающему определению, хотя на деле, для сознания традиционного, мертвое через деревья в доме будет являться и мертвящим образом в нем себя проявлять вполне естественно, – если видеть указанное воздействие как такое, которое состоит в ослаблении, говоря осторожно, витальности в нем проживающих, всех ли сразу или по одному, с ненамеренной, может быть, целью, но по природе своей, их умерщвления, в конечном итоге (возможно, что и не в конечном), но при любых обстоятельствах наведения на них того, что проявит себя как болезнь, сухота, недомогание, хворость и пр., – если так это все представлять, поскольку сомнительно, чтобы как-то иначе и по-другому, то вывод напрашивается вполне очевидный. Что бы и как бы ни происходило, а о конкретности в данном случае трудно было бы говорить, грозящее дому зло и в нем заложенная изначально опасность не имеет определенного вида, представляясь неоднозначно и многообразно, хотя в любом из возможных и допустимых случаев пораженное состояние было бы несомненно.

Не вдаваясь в подробности и детали, поскольку об этом не раз говорилось, дополнить схему соотношений для пораженного состояния в отношении деревьев, для строительства дома не подходящих, можно было бы следующим образом:

Живущие в доме	– пораженное состояние	- вхождение / открывание
	– действия, способные привести: - направленные на запретный объект (<i>использовать при строительстве дома деревья, выросшие на заряженном присутствием мертвого месте</i>)	- потенциальная обусловленность
– заряженный поражением локус > выросший на этом месте объект (<i>место разрушенной церкви, часовни, могила > деревья с этого места</i>)		

Передаваемая в индексах общая схема в своем дополнении имела бы такой вид (полужирным курсивом обозначены актуальные показатели):

<i>S</i>	<i>D</i>	<i>In / Ap</i> <i>Cn – Tm</i> <i>Pt</i> <i>A Dm Lg</i> <i>Sd E</i> <i>Ter</i> <i>Constr</i>
	<i>P</i>	
	<i>V</i>	
<i>L>O</i>	<i>Al</i>	

Собственно новым был бы признак строительства, *Constr*, относимый к еще одной разновидности производимых действий *A* в ряду демонстрации на себе *Dm*, сидения *Sd* и троекратного совершения *Ter*, проявленных ранее при других единицах. Все остальное, определяя общую схему, за исключением трансфера с заряженного поражением места на выросший на нем объект, *L>O*, остается без изменений, включая потенциальную обусловленность *Pt*: *D* – пораженное состояние, *In/Ap* – вхождение / открывание, *Cn – Tm* – инициальная обусловленность – темпоральное совпадение, *Lg* – дрящаяся протянутость, *E* – выход из пораженного состояния, *P* – выводящее (из него) проявление, *V* – непрерывание витального состояния, *Al* – алиенативно-мультипликативное переживание в болезнях другого (других).

Разбираемое положение, предполагая неявный, но подразумеваемый как более общий, экзистенциально-витальный класс, допускает возможность видеть в его детриментном, связанном с поражением, разряде то, что определило себя для витального класса в способности к переходу (трансгрессии) и обусловленности (кондициональности), с проекцией к синтагматике в инструментальном по своему характеру узитативе (использование предметов в качестве средств):

<i>Классы</i>	Экзистенциально-витальный
<i>Разряды</i>	Детриментный
<i>Типы</i>	Трансгрессивный
<i>Подтипы</i>	Кондициональный
<i>Проекция к синтагматике</i>	<i>инструментальный узитатив</i>

Из чего получалось бы, в уточняющее общее представление дополнение, что между тем, что было обозначено как экзистенциально-витальный и витальный классы, в каких-то случаях может не быть различия в проецирующих их разрядах, типах, подтипах и синтагматике. И тогда их можно было бы объединить в общий класс с двумя разновидностями, экзистенциально-витальной и витальной без экзистенциальной, имея

в виду для второго одно только животное, в биологическом смысле, состояние субъекта. Возможна также и разновидность экзистенциальная, предполагающая существование субъекта в его социальной проекции и не затрагивающая животного его существа.

Завершая анализ рассматриваемого примера с деревьями для строительства, имеет смысл, как это делалось раньше, определить, для состава концептуального по своему характеру «словаря» соответствующей части сознания, характерной для поверий-примет, сознания, которое знает и мыслит в типичном для них и определяющем их ключе, – имеет смысл установить стоящую за всем этим концептуальную (приходится повторить) и семантическую, в отношении парадигматики, единицу. Чем вызвано то, что нельзя при строительстве дома использовать то, что указано?

Идя в рассуждении по порядку, первое, что требует определения, это то, что, для названного сознания, имеются представления о ‘заряженных поражением местах (детриментных локусах)’. Вторым было бы, соответственно, то, что ‘места подобного рода обладают способностью в них заключенное поражение сообщать – предметам ли, людям, животным, всему тому, что на них окажется, начнет пребывать, находиться, жить, вырастать (детриментный локально-предметный трансфер)’. Третьим было бы то, что объясняло бы первое, существуя в сознании самостоятельно, о том, что ‘мертвое способно себя, концентрируя и присутствуя, реализовать в определенных местах и предметах (локально-предметная мортуальная презенция)’. Четвертым, соответственно, то, что ‘мертвое, по природе своей, поражающим, отбирающим витальные силы и умертвляющим образом способно воздействовать и в определенных условиях также воздействует на живущих людей (абсорбция мортуальным витального)’. И пятым, в контексте инструментального узитатива, ‘существуют предметы, а также животные, люди и пр., которых следует избегать, обходить, не использовать для чего-либо, в чем-то не применять, по причине содержащегося в них поражения (детриментно-объектный эвитатив)’. То, что представлено в одинарных кавычках, следует видеть как смыслы пяти составляющих концептуальных и семантических единиц, определяющих в своей совокупности выраженное в разбираемом примере с запретом на использование при строительстве дома деревьев, в нем обозначенных.

В завершение к выведенному на материале рассмотренных в данном разделе шести поверий-примет, поскольку речь в нем шла об их мотивационно-интенциональном, различном в возможных типах с их разновидностями, характере, в качестве обобщения, напомним, следует указать на различия, обращающиеся вокруг 1) совершения либо не совершения (запрете на совершение) действия; 2) наблюдения, видения, восприятия при встрече с чем-либо, с кем-либо или при осуществлении, производстве чего-либо на глазах; 3) возникновения, появления, прихода,

проступания, обнаружения чего-либо или кого-либо в смысле его объявленности в привносимом значении; 4) обладания не всегда объясняемым знанием в отношении определенных объектов и положений того, что людей окружает, составляя для них их предметный мир.

На этой основе, в порядке рассмотренных для определения указанных типов примеров, и было выведено то, что получило свое воплощение в виде описанного на материале поверия с купанием ребенка как акциональное по своему характеру устранение, ремотив возможной опасности; как избегание, акциональный эвтитив, с папиросой и ее третьим прикуриванием; как инвенциональное, при случившейся встрече, узнавание, анимадверсатив, в его разновидности перцептивно-субъектного альтернатива (смещенного восприятия) с деформативным подтипом при *обознаться* в ком-либо; как узнавание, но по причине презенции, т.е. присутствия где-то в какой-то момент, в разновидности проективно-объектного альтернатива, с деклинативным подтипом (с отклонением, смещением, отхождением от привычного, нормы) в примере с сильно шипящим горшком; как трансгрессивный либо казусный по своему характеру проектив происшествия, акциденции, при приходе смерти за кем-то через само собой отворившуюся ночью дверь; как предписываемое использование либо, наоборот, не использование (узитатив) чего-либо, в его разновидности инструментально-предметного прохитатива на примере деревьев, выросших на заряженных поражением местах.

Знаки проявленной смерти

Субъекты и позиционные роли

То, что связывается со смертью и умиранием, в разбираемом материале выглядит неоднозначно. Касаться это может как определенного человека, в том числе и того, к кому подаваемое в виде знака обращено, так и неизвестно кого, из домашних ли, не из домашних ли, какого-то обобщенно отображаемого лица. Имело бы смыслом в этой связи начать с подобного рода дифференциации, после чего обратиться к характеру подаваемых и соответствующим образом интерпретируемых знаков, с тем чтобы постараться увидеть и в этой части обусловленные значениями различия.

Для лучшего понимания затронутого предмета начнем с иллюстрации в возможных примерах.

Первую группу (1) составят те единицы, которые касаются субъекта, к которому сказанное обращено, типа *Нельзя строить новый дом под старость – скоро умрешь*.

Вторую (2) – те, в которых предупреждение предполагает кого-либо из живущих в доме. Примером послужит такое обозначение: *Если трещит передний угол у дома или матица – к покойнику*. Кем будет этот покойник, не говорится, но что произойдет это в доме, сомнений не должно вызывать.

К этой второй отнести следует также нечто подобное данному представлению: *Увидеть домового – к беде или к смерти*. К чьей беде или смерти, того, кто увидел, что может быть, или, скорее, кого-то другого и при этом, поскольку речь все же о домовом, сомнительно, чтобы не из домашних, а другого лица и кого-нибудь постороннего.

Ко второй, в еще одной ее разновидности, отнести следует знаки типа *Плач или вздохи домового – к смерти хозяина*. Не кого-либо из тех же домашних, а владельца, ведущего, главного, старшего в семейном доме мужского его представителя.

Третью группу составили бы единицы, касающиеся не только домашних, содержащие в своем составе, определение по какому-то признаку

смерти кого-либо, которая произойдет, если тот что-либо совершит или в чем-то себя, обнаружив, проявит, возможно при этом, без представления о времени умирания либо с указанием на какой-то возможный признак. Как в таком примере, в котором содержится указание на того, кто первым умрет из домашних: *Кто первый переночует в новом доме, тот первый и умрет.*

Указанное подразделение можно представить следующим образом, сопроводив его некоторыми примерами:

- 1) Тот, кто сделает, а также не сделает, что-либо или что-то воспримет, увидит, услышит, что будет прямо к нему относиться, – субъект обращения, или адресативный субъект, *SA*, в разновидностях:
 - 1а) акционального избегания, *SA(Act)*

Если попадет на дороге нож острием против пути, не поднимай – к смерти. В данном случае не говорится, к чьей именно смерти и ждет ли смерть того, кто поднимает, что, впрочем, также не исключено, однако об этом несколько позже.

Если за столом окажутся 13 человек, то одному необходимо выйти или 14-го пригласить, иначе будут великие беды или кто-нибудь один из них умрет. Говорится, что кто-нибудь один из них, т.е. тот, на кого это выпадет. Обращение в данном случае имеет характер множественный, касаясь тринадцати человек, и это был бы мультипликативный адресативный субъект, в составе которого тот, кому умереть, становится адресативным объектом смерти, но не как таковой, ибо все рано или поздно умрут, а вне порядка ему отведенного времени, т.е. в каком-то неотдаленном будущем.

- 1б) перцептивно передаваемого сигнификатива, *SA(Perc)*

Если кто услышит, что иконы сами по себе стучат, то непременно умрет.

Увидеть самого себя идущим по улице или, как говорят, двойника увидеть – скоро умереть.

- 2) Тот, кто имеет отношение к данному дому, один из живущих в нем, представитель дома-семьи, – домашний субъект, *SD*, в таких разновидностях:
 - 2а) один из живущих в доме, без указания и определения, тот, с кем это произойдет, на кого это выпадет (кому положено, надлежит, предстоит, согласно какому-то павшему выбору) – домашний казуальный субъект, *SD(Cas)*

Разбить зеркало – разбить жизнь, то есть означает большое несчастье, предвещает покойника.

Икона упадет – быть покойнику в доме.

Если мебель трескается или лопается, то это предвещает смерть.

Если хлебный нож вдруг выпадет из рук во время нарезания хлеба и воткнется лезвием в пол, то в доме нужно ожидать мертвеца.

2b) один из домашних по подаваемому знаку, не исключено, что и тот, к кому знак обращается, – домашний сигнификативный субъект, *SD (Sign)*, в двух возможных для себя разновидностях:

2b¹) как неопределенный домашний сигнификативный субъект, *SDInfin (Sign)*

Если в потолке жилого дома покоробится доска, это предвещает покойника в доме.

2b²) как определенный домашний сигнификативный субъект, *SDFin(Sign)*

Если трещат стены дома, где есть больной, то он непременно умрет.

2c) хозяин дома, старший, ведущий мужской его представитель – домашний примарный субъект, *SD(Prim)*

Если стол сильно расшатался, то это предрекает тяжкую болезнь хозяину, если же при этом он начинает скрипеть, то болезнь закончится смертью; чтобы не случилось того и другого, такой стол нужно немедленно удалить в холодное, по возможности опустелое помещение и там после недельной стоянки исправить, но самое лучшее — это оставить стол на разрушение и не вносить его больше в дом.

3) некто по обнаруживающему в нем себя проявлению предполагаемой смерти, введению им ее в себя, без представления о возможном времени – проективный субъект, *SP*

3a) в акциональной своей разновидности, *SP(Act)*

Если всадник не сойдет с коня при встрече с похоронной процессией, то он скоро тяжело заболеет. Что можно рассматривать как его поражение, потенциально грозящее смертью.

3b) в разновидности кондициональной, *SP(Cond)*

Если на море два раза погибал, но спасся, в третий раз непременно погибнешь.

Если шахтера дважды заваливало в шахте, то надо увольняться, иначе в третий раз завалит насмерть.

Как следует из представленного по группам в их иллюстрациях материала, то, что связывается со смертью, независимо от того, в каком виде и случае данное положение с кем-либо произойдет и кого затронет, определяется в двух основных проявлениях, с возможными разновидностями в каждой из них. Первое будет касаться акциональности, в осуществляемых, предполагаемых к осуществлению либо, наоборот, не осуществляемых и не рекомендуемых, запрещаемых к осуществлению, действиях. Второе – того, что воспринимается, видится, слышится, определяясь и представляясь как знаки, которые следует соответствующим образом распознать.

Начнем с того, что обозначено первым, поставив при этом вопрос, знак это или не знак, а если не знак, то можно ли видеть как знаковое, сигнификативное по своему характеру, проявление. Такое, что можно бы было добавить, которое предполагает взаимодействующее, если не контактирующее, обращенное к смерти, соположение, к тому, что с ней связано, каким-либо образом исходя от нее. Как правило, не намеренное, но вызывающее или открывающее возможность прихода, а может, и не прихода ее. Поскольку поставленная задача, в ее направленности, намеренности и предполагаемом к определению выходе, видится как многосложная, с установлением не только видов, характеров, типов и их разновидностей в отношении к проявлениям смерти, но и наборов каких-то значимых для всего этого составляющих, обратимся к анализу материала, начав с одного примера. С тем чтобы, выявив в нем то, что можно извлечь и вывести, дать всему этому подходящее определение. Задача будет, тем самым, иметь методический, отражающий смысл процедуры, и дефинитивный характер.

Что можно, увидев, извлечь в отношении сказанного из такого примера:

В случае смерти соседа домашние работы не прекращаются, но они ни в каком случае не должны сопровождаться песнями и веселыми разговорами: у поющего пропадет голос, а весельчак не замедлит заплакать по своему родственнику, смерть которого он накликает?

То, что описано, выглядит неоднозначно. Имеется смерть соседа, как условие, поскольку говорится о том, что *В случае*, с одной стороны, и как событие, уже происшедшее и состоявшееся. Одновременно с этим имеется также умерший сосед – объект происшедшего с ним мортального состояния. Остается неясным, но, может быть, и не столь важным, вопрос о том, как понимать это самое *В случае смерти*? Он только что умер или когда-то раньше и в доме своем, находясь, лежит? Или его уже вынесли и, возможно, похоронили? Наиболее вероятным виделось бы то, что второе, – умер не так давно и в своем доме еще находится.

Предположим, что это так, не исключая вместе с тем и чего-то другого. Остается вопрос, считать ли важным различие между тем и другим или им таковым пренебречь?

Не то, чтобы уходя от его разрешения, но определяя его с иной стороны, данное обстоятельство видится как актуализируемое ко времени другого какого-то осуществляемого действия или происходящего положения. Иными словами, следует говорить о совпадающем, совмещенном во времени, но и близком пространственно, положении чего-то, в данном случае домашних работ у соседей умершего, с позиционно себя проявившем в ком-либо состоянием смерти. Нечто представляет собой конгруэнтную форму объявленного проявления либо существования по отношению к той форме, которая реализована в смерти. А, тем самым, как конгруэнтная форма, предполагает возможность вхождения, проникания в первое того, что второе, исходит от него и с ним связано, не предполагая при этом обратного действия. Смерть, находясь где-то и в чем-то, в ком-либо, в данный момент, имеет способность начать себя объявлять и в чем-то (ком-то) другом, с тем, в ком и в чем она, каким-то объединяющим образом связанном. В разбираемом примере основанием связи будет соседствование, а определяемым признаком 'потенциально от смерти направленный переход с одного на другое при их конгруэнтности'. Как обобщающий, данный признак характеризовал бы потенцию смерти.

Идя в рассуждениях далее, видится небезосновательным также вопрос о том, каким образом понимать в определяемом контексте смерть, в отношении которой себя обнаруживают в разбираемом примере два ее проявления, при *В случае смерти соседа* и в отношении родственника, *смерть которого он (весельчак) накликает*. Можно ли, точнее стоит ли, это рассматривать как одно и то же в неразличении? Думается, что не вполне.

Одно дело смерть, которая уже состоялась, придя перед тем за соседом, согласно имеющимся об этом явлении представлениям. Но при этом, на что указывает положение *В случае*, а также восстанавливаемая из описанного ситуация, это не смерть, которая приходит, а это *смерть соседа* в том отношении, что предполагается сам умерший сосед. Из чего получается, что следует говорить о смерти как состоянии в отношении кого-либо, кто оказывается при этом объектом данного состояния как такого, в котором он находится в актуальный момент (трудно было бы полагать, что переживаемого).

И другое дело смерть, которую накликают, что должно допускать иного рода о ней представление. Раз накликают, то, тем самым, хотя и ненамеренно, но, в итоге, кличут, призывают, зовут. Точнее было бы говорить, вызывают, провоцируя к появлению и приходу. Как волка из лесу по известному представлению при упоминании его, назывании его по имени, разговоре о нем (*Серого помяни, а он тут*), равно как и что-то

или кого-то другого, о чем не положено и не принято в силу подобного следствия говорить.

Тем самым, должна прийти, появившись, смерть, но не просто смерть, а та, *которого он (весельчак) накликает*. Тем самым, это личная смерть кого-то, какого-то определенного, в данном случае родственника, человека, поскольку известно, что у каждого и для каждого есть, имеется смерть *своя*, и она-то и появляется, приходя за тем, чья она. Это не просто персонификация смерти, как известного в традиционном сознании существа, которое может мыслиться обобщенно, это адресативная, личная, индивидуальная персонификация. Получается, что *весельчак накликает* смерть кого-то из своих родственников.

В связи с этим небезразличным видится объяснение трех положений. Во-первых, коль скоро говорится о родственнике, то о каком из ряда других возможных, поскольку сомнительно, чтобы родственник у накликающего был один? Чем обусловлен окажется выбор? Во-вторых, почему накликается в этом случае смерть не своя, а кого-то другого, и не просто другого, но родственника? В-третьих, не случайным и значимым видится то, что а) смерть накликается пением, голосом, и при этом, как следует из представления, кем-то одним, о прочих участниках с песнями и веселыми разговорами не сообщается; б) у поющего, вследствие этого, пропадает голос, совсем ли или на какое-то время, трудно предположить, но, возможно, что это не важно, не исключено также, что и на то время, которое связано со смертью родственника и следующими из нее обстоятельствами; в) почему-то, что также, видимо, значимо, описанная ситуация обусловлена не чем угодно, а домашними у соседей работами; д) *весельчак не замедлит заплакать по своему родственнику* следует понимать, что вскорости, а коль скоро *заплакать*, то по тому из родственников, кто близок ему и, наконец, последнее, видимо по тому, кто проживает с ним в доме, сомнительно, чтобы по кому-то не близкому и далекому.

Идя по порядку в представленном, выбор того, чью смерть накликают, выглядит как отмеченная ранее казуальная смерть, как случай, по жребию, и происшествие – $SD(Cas)$ в отношении родственника, D – поскольку кого-либо из домашних, скорее всего. С этим связываются, хотя не так прямо, *домашние работы*, производимые в доме, которые не *прекращаются*, а то, что не прекращаются, создает определенного рода протягивающийся во времени энергетический фон, своего рода поле, в котором возможно какое-то проявление, в отношении смерти также и в том числе. Фон, который чему-то благоприятствует.

Вместе с тем выбор родственника, для него казуальной как происходящей с ним смерти, смерти его и за ним приходящей, связывается с близостью, видимо кровной, весельчака. Возможно, что чем ближе он этому весельчаку, тем скорее будет смерти своей подвержен.

В отношении того, что было представлено «во-вторых», не свою, а другого смерть, получается, пением накликают в силу того, что свою вызывают (ежели вызывают) не так, не пением и не голосом. А то, что этим другим станет родственник, по которому *весельчак не замедлит заплакать*, важным видится то, что он *весельчак*, и отсюда родственник, близкий и дорогой, по известному представлению перехода от веселости к переживанию горя – *не смейся (не радуйся, не веселись), не то плакать придется (как бы плакать потом не пришлось)*. Опустим отнюдь не случайные положения в этой связи, что уводило бы в сторону, а не о них в данном случае речь.

То, что определяется пение одного, а не многих, без учета к тому же сопровождаемых веселием разговоров, видимо, обусловлено тем, что предупреждение, с одной стороны, имеет адресативный характер, указывая на одного как на каждого, а с другой, представляется важным выбор, – кто-то один, проявляя себя как особенно выделяющийся среди остальных весельчак, и он накликает смерть, которая в разбираемом случае не могла бы быть также множественной, поскольку это не мор. То же, что у такого *поющего пропадет голос*, видимо, в тот момент, когда его пение вызовет смерть, связывается с тем отношением к мертвому, которое предполагает утрату способности петь, в человеческом смысле. Голосовое пение также есть проявление и объявление живого живущего, голосом мертвых и мертвое можно, призвав, пробудить, воплями, завыванием в голос умершего сопровождают, отправляя также, тем самым, и на тот свет. В мире умерших и мертвых (мотив Орфея с его Эвридикой) музыкой с пением в голос живому можно себя в отношении их проявить. То, что у *поющего пропадет его голос*, тем самым, допустимо воспринимать как печать на нем им накликаемой смерти и как то, что, приходя, объявляясь к приходу, смерть отбирает голос того, кто, ее вызывая, пел, как то, что дает возможность и основание ей для живого себя проявить. Голос, тем самым, и вместе с ним пение можно определять и рассматривать как а пеллятивное и наводящее мост перехода средство и способ контакта с мертвым, потусторонним и смертью, как в данной связи.

Возвращаясь к определявшемуся в самом начале разбора составу, необходимо отметить, помимо названных условия происходящего (*В случае смерти соседа*) в отношении производимых домашних работ, которые при этом *не прекращаются*, события смерти, т.е. того, что с соседом произошло, его как объекта того состояния, в котором он в данный момент находится применительно к своей смерти, – в приведенном примере себя обнаружили действия, производимые у соседей умершего (*домашние работы*), конгруэнтные, пространственно и темпорально, к смерти соседа как состоянию, и продолжающиеся, поскольку *не прекращаются*, т.е. континуативные. Кроме того, избегаемые к сопровождению

проявления (*песни и веселые разговоры*) агентов производимых действий (*домашних работ*), субъект (и также агент) возможного нарушения того, что предписано избегать (поющих), агентная сущность его вызывания (*смерть*, которую он своим пением *накликает*, выступая, тем самым, как этого накликающего агент), объект ее воздействующего проявления, приводящего к состоянию проживаемого им умирания, субъект произведенного пением нарушения как переживающий потерю умершего родственника и страдающий по этому поводу объект, утраченный атрибут нарушившего запрет субъекта (*голос*, который у него *пропадет*).

Из полученного в результате произведенного рассмотрения состава, исходя из предмета анализа, следует выбрать то, что будет касаться смерти и умирания в каких-то значимых по отношению к ним положениях, которые, также впоследствии, предполагается, уточняя и распространяя, определить. Условия и производимые действия в данную группу входить не должны, как не имеющие отношения к смерти, не следующие из нее и на нее не влияющие, не вступающие, иными словами, в какое-либо взаимодействие с ней. То, что, как сказано, *В случае смерти* составляет условие в данном контексте к домашним работам, не определяя и не характеризуя смерти как таковой. Все остальное в определившем себя составе можно было бы отразить в таком схематическом виде:

<i>Лица / Предметы</i>	<i>Предикативы</i>	<i>Персонификации</i>
Субъекты	События	
Объекты	Состояния	Агентные сущности
Агенты	Проявления	
Атрибуты /Предметы/	/Локусы/	

Взятые в косые скобки предметы и локусы, возможные как имеющие отношение к умиранию и смерти, в рассмотренном примере не нашли своего отражения. Под субъектами следует понимать представляемых, обычно в виде людей, одушевленных существ (не только живых, но и мертвых) не определенного в каком-либо отношении проявления, как наличествующих, присутствующих при чем-то, к чему-то имеющих отношение. Они же далее выступают объектами переживаемых состояний либо агентами проявлений, к которым относятся также и действия. Атрибуты с предметами, отличаясь характером отношения к субъектам, атрибуты как признаки, части, определители их, предметы как то, что таким образом не проявляется, будут следовать из их таковой при субъектах природе и относиться к субъектным позициям в схеме.

Агентные сущности, под которыми следует понимать персонифицируемую в изучаемом фрагменте предметного мира поверий-примет смерть либо тех, кто будучи связан с ней, как посланец и медиатор, агентными определяются потому, что вызывают смерть как событие и состояние, обладая одновременно способностью определенным образом себя проявлять, приходиться за кем-либо, стоять у его изголовья, ожидать, забирать, высматривать кого-то другого и пр. Сущности они потому, что, хотя и персонифицируются и действуют как одушевленные существа, однако не лица, не люди, не относясь к ним ни к мертвым, ни, тем более, к живущим живым. Мертвые, т.е. умершие люди, вне природы возможного их проявления и состояния, как просто покойники, родственники, умершие родители, а потому *свои*, упыри, колдуны, самоубийцы, заложные, утопленники ли, повешенные и пр., – все они как агентные сущности не могут рассматриваться, выступая и проявляясь в тех же ролях, что и живущие люди, как субъекты в их либо объектном, либо агентном определении.

О действиях, которые следует не совершать

После такого распределенного в позициях и их возможных значениях определения обратимся к анализу единиц, мотивационно и тематически связанных с только что перед этим рассмотренной. Объединяет их то отношение к смерти, которое можно назвать, если не прямо так вызывающим ее накликаем, то, по сути своей, привлечением, вследствие каких-либо проявлений и действий, которые в разбираемых единицах предписывается в этой связи избегать.

Первый круг таких положений связывается с действиями, имеющими отношение к столу:

Нельзя ложиться на стол – это к покойнику.

Ни в коем случае нельзя класть подушку на стол: в доме будет покойник.

Ходить кругом стола нельзя – жена умрет.

Обратим внимание на различие формулировок в двух первых примерах, которое можно понять и как не вполне случайное, – *это к покойнику* и *в доме будет покойник*. Различие, связанное также и с определяемым к избеганию действием. Если положить подушку на стол, то, тем самым, нечто такое создается, что приведет к смерти кого-либо из домашних. Иными словами, действие в левой части поверия вызывает то, что определяется в правой: $A > B$ (A ведет, провоцирует B). В то время как *это к покойнику* может предполагать нечто противоположное, хотя, если вдуматься, то передаваемый таким образом смысл может быть двойственным.

В первом случае, если кто-то ляжет на стол, по неведению ли, по случайности, не отдавая себе в этом также отчет, будет знаком, а не вызыванием и провоцированием предполагаемой смерти. Стремление или возникшее вдруг движение лечь на стол побуждаются тем, что необходимо готовиться к смерти, смерть уже в воздухе, где-то здесь и неизменно произойдет. Получается, в результате, что A вызывается, провоцируется, импульсируется со стороны ожидаемого B : $A < |B$.

Второй случай, связанный с тем же самым *положением себя* на стол обстоятельством, будет предполагать также знак, но вместе с тем нечто близкое к тому, что нашло свое отражение с подушкой. С тем отличием, выраженным при подушке категоричной формой запрета *Ни в коем случае нельзя*, что *Нельзя ложиться на стол* не потому, что этим действием вызывается смерть, но в силу иного характера вероятного проявления, не как провоцирование и создание условий к реализации смерти, но как демонстрирующее, точнее демонстративное, объявление о ней. В соответствии с представлениями в традиционной ментальности и культуре вести себя подобным образом не подобает. Это было бы нарушающим нормы и регуляции, вызывающим поведением, которое в доме создает условия не к появлению и приходу смерти как таковой, а к прорыву, к чему-то такому в биоэнергетическом поле домашнего существования и обихода, которое может, способно вызвать и непременно вызовет чью-то смерть, кого-либо из домашних. И это еще одна вероятная форма, не прямого воздействия, при которой A не вызывает и провоцирует, а открывает дорогу для B : $A \geq B$.

В итоге выходит, что смерть какими-то проявлениями и действиями можно, хотя не намеренно, вызывать. Можно, не вызывая, поддавшись какому-то импульсу, о ее появлении своим поведением, возможно также этим способствуя, заявить, равно как и в третьем случае – открыть ей возможность прихода, создав для этого разрешающие условия.

Говоря о все тех же первых двух из трех приведенных примеров, внимание стоило бы обратить и на то, что в них содержится имитирующее, уподобляющее, с покойником действие с традиционным его возлаганием после смерти на стол¹⁹. Стол в этом случае служит посмертным ложем для умершего. Не входя в объяснение того, чем обусловлен подобный обычай, что потребовало бы обстоятельных разысканий, а исследованная литература предмета ответа на этот вопрос не содержит, к тому же это и не предмет рассмотрения, укажем на два обстоятельства, имеющих отношение не столько к столу, сколько к действию, которого следует не совершать. С одной стороны, *Нельзя ложиться на стол* кому-то, т.е. всем телом, и человеку. Добавим, что, видимо, из домашних, не то, чтобы сомнительно или неправдоподобно, но нетипично было бы, если бы производил это кто-либо из пришедших в дом. С другой стороны, и при этом

Ни в коем случае, как более сильный запрет, связанный также и с ранее представленным результатом, *нельзя класть подушку на стол*. Тот предмет, которых у изголовья, где обычно находится за кем-либо приходящая смерть. Вызывание, провоцирование ее появления и прихода определяется не только столом, как местом посмертного положения покойника, но и подушкой, возле которой она при умирающем и еще не умершем стоит, что в связи с этим можно рассматривать как картинное, образное ее к кому-либо через уподобление, имитацию, приглашение.

Итак, имеется не называемо укрытая смерть, как приходящая в дом за кем-либо и потому агентная сущность, смерть как ожидающее и вероятное состояние того, за кем она в дом пришла. Имеется также стол, как домашний предмет, со смертью определенным образом связанный, о чем еще будет речь, и подушка, также домашнего обихода предмет, еще один, и так же со смертью, но другим каким-то, собственным, образом связанный. Имеется дом, в котором *будет покойник* (второго примера) и подразумеваемый (первого), как locus домашнего существования в нем его населяющих, а также агентного проявления смерти, в виде прихода за кем-либо и отбирания жизни. И, вследствие этого, смерти как состояния перехода и умирания, с прекращением, прерыванием витального существования для кого-то в конце.

В отношении двух себя проявивших предметов, стола и подушки (многозначного локуса дома касаться не будем), на основе двух приведенных примеров, применительно к смерти, следует заключить о них как об объектных, в локализации дома, потенциально-кондициональных (обусловленных проявлением субъектов) а) сигнификативах смерти, предполагающих указание-знак на нее как агентную сущность и как ожидающее кого-либо состояние, б) медиативных имитативах смерти как состояния и с) в отношении подушки, но не стола, инструментального медиатора адмиссива (впускания) смерти как приходящей агентной сущности.

Третий пример со столом, определяющий необходимость избегания *Ходить кругом стола*, прямо указывает на ту, кого смерть заберет (*жена умрет*). Поскольку жена, то касаться это должно мужского домашнего представителя и при этом женатого, хозяина дома, если не в первую очередь, то в том числе. Если кругом стола будет ходить неженатый, будет ли касаться этот запрет и его, с допущением, что жена его в будущем? Или время следует представлять как такое, которое будет временем не как таковым, не отложенным, не растянутым, а актуальным, на данный период и в определенный, воспринимаемый как недалекий, момент? Иными словами, осуществляемое хождение кругом стола будет иметь заряжающий время характер, для смерти, ее прихода, в отношении жены, как таковой или каким-то пределом своим ограниченный? Не говорится при

этом, в какую сторону, по солнцу либо против него, происходило бы это хождение, что с точки зрения времени, и не только времени, немаловажно, находя свое отражение, в том числе, также в обрядовых действиях²⁰. А поскольку не говорится, то, отметив, оставим данный вопрос без ответа. Вместе с тем, исходя из значения, движение по солнцу способствует стимулирующему по своему характеру ускорению времени, приближая будущее, движение в обратную сторону обращает то, что со временем связано и в нем себя проявляет, вспять.

В том, что содержит в себе разбираемый с хождением пример, предполагая агента запретного действия (будем считать, что женатого, а потому самостоятельного в хозяйственном и социальном смысле в своем домашнем кругу, взрослого, функционально активного, мужского представителя данного рода), определяет далее, что *жена*, как объект ожидающего, при условии нарушения запрета, состояния, и то, что состояние это объявит себя для нее вследствие хождения кругом стола ее мужем. Почему жена и как это может быть связано с хождением мужа кругом стола?

При заключении брака в церкви, венчаясь, пара ходит, точнее пару водят, по кругу вокруг алтаря. Опустим не проявляющую при столе позицию, в какую сторону. Можно, несколько непредусмотрительно, но также и не вполне так, чтобы без основания, предположить, что не в ту, которую при столе. И тогда это выглядело бы как действие, направлением своим имитирующее нечто подобное на развенчивание, освобождение мужем от венчанной с ним жены. Если в ту же, что и при столе, смысл направленности можно, интерпретируя, воспринимать как указанное перед тем ускорение, продвижение, приближение ее, ему венчанной, к ее с ним концу, что оборачивается для нее состоянием смерти.

Определяется в разбираемом случае, но не как нечто отдельное и самостоятельное, связь жены со столом. Не как отдельное и самостоятельное в том отношении, что через мужа, в сочетании и в соединении с ним, – стол семейного бытия, проявления и существования, стол совместного, для супругов, пространства и времени в этом пространстве определения и проживания. Если дом, для семьи и супругов, себя проявляет как локус экзистенциально-витального пребывания, и при этом совместно-единого, не расчлененного в отношении супружеской пары, то тогда стол будет тем, что можно определять, применительно к ним же, в совместной нерасчлененности, как время-пространство, пространство (но не объект) их темпорального, в совместном существовании, проявления, витального, а не экзистенциального, поскольку питающего, в данной связи.

Отсюда, объединяя все перечисленное, *жена умрет*, как прерывание, остановка (во времени) ее витального состояния с обращением, в том же времени, к состоянию смерти, и будет следствием производимого мужем хождения *кругом стола*. Стол в этом случае выступает кондициаль-

ным медиатором смерти, не как состояния и не как агентной сущности, но как того, что можно назвать обращением. Не вспять, а в обратную, противоположную жизни, сторону, или конверсией витального состояния. Для *жены* как объекта такой конверсии. Кондициональным медиатором стол, в свою очередь, определяется потому, что в связи с условием – хождением кругом него тем, кто является мужем той, которая в результате *умрет*. Как и в случае с подушкой на стол, действие в левой части вызывает то, что обозначено в правой: $A > B$.

Что касается смерти, то ее проявление, исходя из представленного, можно отметить в значениях встречавшейся ранее агентной сущности, которая приходит за кем-либо, ожидает при умирающем и затем забирает его с собой (возможны другие типичные для нее проявления, однако об этом позже), также встречавшегося ранее состояния для умершего, в котором он неизменно оказывается после того, как не будет жить, и возникшего на последнем примере представления о смерти как обращении от жизни к тому, что трудно было бы называть ее противоположностью, но, чтобы каким образом обозначить, можно считать обратной, в известном смысле подземной, ее стороной.

Прежде чем перейти к рассмотрению других примеров, связанных с привлечением смерти, имеет смысл обратить внимание на то, каким образом подобное привлечение может происходить. Первое, что заслуживает внимания, это то, что называемые к избеганию действия приводят к смерти не того, кто их производит, а кого-то другого, за исключением примера с женой, не определяемого, кого-то из родственников и домашних, и одного.

Возвращаясь к примеру с умершим соседом, смерть можно накликать – голосом, при этом его потеряв, если петь, вероятно веселые, песни (*В случае смерти соседа*). Накликать, из этого получается, при соседстве со смертью, временной и пространственной близости с ней. Что за этим, определяя происходящее, может стоять? Как это можно себе представить? Смерть находится при умершем (так это выглядит в соответствии с известными воображениями), и тогда, если кто-то близко поет, вызывая ее приход, с отбиранием голоса, к кому-то из своих родственников, поющий притягивает ее таким образом, что открывает путь. Пение в непосредственной близости служит средством ее привлечения и одновременно с этим того, что способствует продвижению, переходу, перенесению ее с соседа на родственника певца. Определить это можно как разновидность более общего транзитивного типа, предполагающего характерную для смерти способность переходить с одного лица на другое, передвигаясь, перемещаясь и переносясь. То, что делается это возможным по основанию близости, и это также типично, характеризует дополнительно определяемый тип как конфинитный. А то, что посредством пения

и при утрате голоса, было бы разновидностью, обращенной к условию. Пением в голос можно смерть вызывать, и это была бы тогда еще одна типологическая по своему характеру разновидность, не обязательно связываемая с близостью, равно как и с переходом, перенесением смерти, которую можно воспринимать как намеренный либо ненамеренный ее вокатив. То, что подобное вызывание предполагает, как в приведенном примере, утрату голоса, не случайно, будучи связываемо с представлением о расплате, мене, получая, в том числе без желания, что-то одно, теряется, уходит и отбирается что-то другое (модель заместительной жертвы, но не она сама, поскольку не жертвуется, а отбирается).

В ситуации привлечения, связанной с запрещением ложиться на стол, определявшейся в показателе медиативного имитатива, смерть приходит за кем-то, будучи вызвана напоминающим положение того, кто умер, подобия. Нет в этом случае перехода с умершего на другое лицо, равно как и близости, не действуют также голосом, это то, что можно считать позиционно-локализующей (поскольку важно то, что *ложиться* и что *на стол*) разновидностью провокативного типа, который предполагает побуждающее, вызывающее приход, появление смерти воздействие при посредстве чего-либо, опять же намеренное или нет. Смерть приходит (а не переходит, как в предыдущем случае), будучи к этому спровоцирована, имплицативно* побуждена. Собственно говоря, это ее имплицирование.

К имплицированию, и также провокативного типа, следует относить положение с подушкой на стол, с отличием от предыдущего, сводимым не к позиционно-локализующей, а препаративной, подготавливающей, разновидности.

То, что касается хождения вокруг стола, при описанной многосложности с этим связанного, в обобщенно-свернутом представлении можно было относить, по характеру действия и вместе с этим воздействия, к экстенсивно-инволютивной**, разворачивающе-вворачивающей, разновидности провокативного типа.

Смерть в аспекте подобного рода типологического различия представит как то (в отношении ее как агентной сущности), что обладает способностью переходить с одного на другого, с умершего на того, кто умрет, как то, что можно какими-то действиями вызвать, побудить к появлению, при посредстве медиативных предметов, их размещений и операций над ними.

* Лат. **implico, ui (āvi), itum (ātum), āre** ‘вплетать, впутывать; ‘сообщать, передавать, внедрять; ‘вовлекать, втягивать’.

** Лат. **extendo, tendi, tentum (tensum), ěre** ‘растягивать; протягивать, простирать; ‘вытягивать; ‘раскручивать, разматывать; ‘распростирать; ‘распространять; ‘удлинять; ‘продолжать, продлевать; **involvero, volvi, vólūtum, ěre** ‘обёртывать, заворачивать, окутывать; обкладывать; обволакивать; ‘вовлекать’.

Об адресатах действиями вызываемой смерти

Рассмотрим еще одну группу примеров, предполагающих, как в примере с женой, вызываемую определяемым к избеганию поведением смерть кого-то определенного из близких, или группу адресативной смерти (последний из приведенных случаев, в отношении производимого действия, отличается от двух первых):

Ходить в одном башимаке нельзя: отец и мать скоро умрут.

В одном сапоге нельзя ходить даже по комнате: мать умрет.

Если имеющий тещу придет в чужой дом в начале еды, то его теща еще долго будет жить; и наоборот, если он пришел под конец еды, то теща скоро умрет.

Умрут оба родителя, мать и отец, и при этом скоро, мать умрет и, хотя то, что скоро прямо не сказано, но, как следует предполагать, не так, чтобы в отдаленном будущем. Скоро умрет и теща, если зять придет в чужой дом под конец еды. Тем самым, имеются три различные разрешения, в отношении объектов смерти, но сомнительно было бы утверждать, что в отношении времени, время можно признать за показатель более или менее совпадающий и при этом не точно определенный, неизвестно, когда и как скоро.

Обращая внимание на параметр времени, вполне объяснимо, что не указываемый, иметь в виду следует то немаловажное обстоятельство, в целом для предсказаний, но не только для них, в текстах народной традиции также, что время характеризуется не столько как субъективный, что, впрочем, также, сколько как эмотивный критерий. Эмотивный в том отношении, что, во-первых, в каком-то отрезке подвижный, во-вторых, приближаемый, а в-третьих, и эмоционально, а с этим и экспрессивно, окрашенный. Если о чем-либо сообщается, что скоро произойдет, что ожидать его следует скоро, естественной будет на это и соответствующая реакция, предполагающая и в себе содержащая заряженность ожиданием, внутреннюю направленность и эмотивную подготовленность. В таком состоянии знающий об этом скоро себя наступающем к нему обращен, как если бы оно, пока что не наступив, для него уже состоялось и было. Что можно, определяя соответствующим образом, воспринимать как особую разновидность субъективно переживаемого будущего, такого, которое будет иметь совершившийся вид, закрывающий, осуществляющий себя, а тем самым, исчерпывающий, при своем разрешении. Неясным в этой связи остается лишь то, что при указании *скоро* и, тем самым, в каких-то пределах о том, что значит *скоро*, когда именно, в какое определенное время. Неопределенность этого *скоро* по этой причине, оставаясь

неразрешенно-открытой, создает напряжение, заставляющее ожидать наступающее в любой допустимый момент.

Прежде чем пойти в рассуждениях дальше, уточнения требует также то, что стоит за позицией, передаваемой словом *умрут* (*умрет*), не опуская также дважды встречающееся *скоро*, о котором уже говорилось, однако в другой связи. С одной стороны, *умрут* (*умрет*) означает событие, то, что случится, то, что произойдет, и *скоро* такое значение, передавая в отношении длительности во времени, усиливает и дополнительно предопределяет. И это было бы то, что передавалось ранее с помощью признака *Cas* (казус и казуальность), как то, что выпадет, на кого падет, но не случайным, а предопределившимся выбором. С другой стороны, в отношении тех, с кем это произойдет, *умрут* (*умрет*) не означает события. Для них это обращение, конверсия, от витального состояния, с его прерыванием, остановленностью и переходом к другому (умирают обычно не сразу, от живого животного положения к не живому и не животному переходя) – к тому состоянию, которое для них означает их смерть.

Смерть, тем самым, в определяемых случаях, передаваясь в форме *умрут* (*умрет*), предстает как событие, для живых, связываемое с осуществляемым переходом и сменой для тех, кто объект, с конверсией, обращением их одного состояния к другому и вхождением в результате подобного обращения в это другое, с обретением в нем себя, как в своем теперь для себя состоянии. Из чего получается, что, умирая и переставая жить, для живущих живых тот, кто умер, становится событийно воспринимаемым следствием произошедшей с ним экзистенциально-витальной конверсии к состоянию, отличающему его от других, тех, кого подобное обращение еще не затронуло.

Данное положение, тривиальное само по себе, а потому объяснений вроде бы и не требующее, на трех приведенных примерах (рассмотренные ранее, со столом и подушкой, для *ложиться*, *класть* и *ходить кругом* также необходимо иметь в виду) дает возможность обратить внимание еще на одно не случайное обстоятельство. В каждом из трех примеров, включая в скобках указанные, себя отражает движение, в виде *ходить*, *придет* (*пришел*), а также *класть* и *ложиться*. Не говорится о том, что *быть*, *сидеть*, *находиться* в одном *башимаке* (*сапоге*) *нельзя*, *нельзя* в нем *ходить*, с добавлением к сапогу *даже по комнате*. В третьем случае отмечается также *Если имеющий тещу придет в чужой дом*, с отмечаемой фазой в относимом к другому действию времени – *в начале еды*, *под конец еды* (*если он пришел*).

Из чего получается, что вызывание, привлечение смерти, притягивание ее как события на кого-то определенного (отца и мать, только мать, тещу, жену) либо не определенного, но одного из домашних, с подушкой и со столом, неизбежно связывается не просто с действием, а с действи-

ем, предполагающим, содержащим в себе движение. Одно движение, производимое кем-то, с немаловажным во всех разбираемых случаях отнесением к дому, как месту совместного проживания пребывающих более или менее постоянно, с ним связанных и находящихся регулятивно в нем, – одно такое движение вызывает и порождает, создавая условия и побуждая, другое движение, определяемое как обращение, переход, конверсия, витального состояния к смерти. Кого-то из тех же своих и домашних, но не того, кто движение это осуществит, не свое обращение к смерти такой человек побуждает.

Общее положение-схема «движение рождает движение» для всех разбираемых случаев, облекаясь условиями, начинает себя уточнять. Одно дело *класть* (подушку на стол) и *ложиться* (на тот же стол), и в этом случае смерть навлекается для одного из домашних. И другое дело – *ходить (прийти)* – кругом стола, в одном башмаке, в одном сапоге, в чужой дом во время еды под конец, при котором смерть навлекается на прямо определяемое и обозначенное лицо. Получается, что *ходить* будет тем производимым кем-то движением, которое направленно и с этим адресативно. Выбор того, кому умереть, содержится в нем самом, с уточнением к медиативному, вместе с этим, предмету и характеру обращения с ним: кругом стола для жены, в одном башмаке для отца и матери, в одном сапоге для матери без отца. Для последнего случая, с тещей, предполагается не предмет, а локус, который не свой (*в чужой дом*) с относимым ко времени совершения в нем совместно производимого действия (*под конец еды*). Хождение, тем самым, не просто заряжено в отношении смерти, побуждая и вызывая ее приход, оно заряжено векторно. С уточнением вектора в его обращенности указанными локально-предметными и темпоральными показателями.

Идея родившего своего родового, родителей, заключенная в башмаке²¹, обнаружив себя в том, что *в одном*, проецируя вследствие этого ожидающее *скоро* сиротство, неважно при этом в левом башмаке или в правом, предполагает еще одно не случайное указание. Умрут оба родителя, *отец и мать*. При том, что если *В одном сапоге*, только *мать*. Если оба умрут, то, во-первых, сомнительно, чтобы одновременно, между смертью того и другой возможен какой-то не то, чтобы значимый, но естественный промежуток. Неясно также, кто из них умрет первым, а то, что вначале поставлен отец, отмечая традицию родового и социального положения, со временем смерти не связано. А во-вторых, и это будет ближе к решаемой задаче, как следствие, смерть придет в этом случае дважды либо так, что ее приход вначале к кому-то из них одному потянет за собой и другого – двойная ингрессия либо трансгрессия смерти. В отношении сапога, также без указания на левый и правый, следует говорить об ингрессии. Стоило бы также задуматься над вопросом, почему хождение в одном

башмаке ведет к тому, что умрут оба родителя, т.е. сиротство окажется полным, а хождение, *даже по комнате**, в одном сапоге отца, получается, не касается. Вопрос этот, и значимый, и не случайный, однако, потребовал бы основательных разысканий, а поскольку решение его уводило бы в сторону и к тому же не входит в задачу, поставив, оставим его без ответа.

Согласно представленной ранее моделирующей схеме производимое (если производимое) в левой части ведет к тому, что себя проявляет в правой, с указанием на необходимость несовершенства действия в левой: $A \geq B$. И это касалось бы обоих случаев, как первого, так и второго.

Прежде чем перейти к рассмотрению третьего из приведенных примеров (с тещей), видится небезразличным, в контексте стоящей задачи, определить, что собой представляет стоящая за предполагаемой смертью родителей концептуальная и семантическая единица, с учетом того, что их смерть привязывается к хождению в одном башмаке (сапоге).

Рассуждая последовательно, следует предположить, что имеется представление о такой связи субъекта с родителями (родительницей), которая сводится к необходимости быть осторожным при осуществлении им чего-либо и каким-либо образом, поскольку это ведет к поражению их витального состояния, которое может также закончиться смертью.

Из чего получается а) имеется неразрывная, генеративная по происхождению, витальная связь между рожденными и родившими (положение общеизвестное, но не об этом речь), которая может б) как усиливаться, так и ослабляться, вызываясь, также и в том числе, с) производимыми, как рожденными, так и родившими, действиями. Совершение определенного рода действий из этого общего ряда, усиливающих существующую витальную связь либо ее ослабляющих, может вести д) к тому, что связь эта прервет себя, как витальная, для рожденных либо родивших, а прерывание, обрыв ее как витальной будет по сути своей означать обращение (конверсию) к состоянию в смерти. Обрыв этот следует видеть в хождении в одном башмаке (сапоге). Нарушение связи между двумя (башмаками и сапогами, поскольку в одном), при хождении, что необходимо добавить, ибо важно движение, производимое с помощью ног, необутовость одной из них при подобном движении создает необутовость, отсутствие пары, в соединяющей связи рожденного и родивших (родившей), оборачивающееся в ожидающей, в силу утраты витальности, смерти.

Сказанное в а, б, с, д в своей совокупности и будет составлять тот ряд, последовательно включающих одна в другую концептуальных и семантических единиц, по принципу от более общего к уточняемому, родового к его видовому, о которых до этого говорилось.

* Возможно, в силу того, что как пространство внутреннего в помещении родового и общего дома, это ближе к женскому, а не мужскому.

Привлечение смерти в этом последнем случае происходит как следствие нарушающего, прерывающего обрыва (абруптива) генеративно-витальной связи рожденного по отношению к родившим (родившей), осуществляемого хождением в одном башмаке (сапоге) при необходимости взаимосвязанных во взаимодействии двух. Нарушение обозначенной связи, открывая и отмечая производимый прорыв, притягивает в этот прорыв, своего рода витально-энергетическую дыру, смерть, в ее векторном в этом случае обращении, на тех (на ту), кто с нарушителем указанным образом связан. В своем начале, по причине рождения, и для них (для нее), соответственно, как получается, также конце. Первая половина связи (родительская), при оборачивании (происходящей конверсии) оказывается, в результате, второй.

В ряду единиц, перед этим представленных, следует говорить о различии в том отношении, что в них привлечение происходило не вследствие производимого абруптива существующей связи, а либо провокативного имплицатива (с положением подушки или себя на стол), подобного приглашению смерти к действию для нее привычному, либо раскручивающего или вкручивающего с хождением кругом стола, также провокативного, экстенсивного инволютива. Три разных способа при сходстве достигаемого результата, хотя не полном, поскольку провокативный имплицатив не имеет векторного характера, а экстенсивный инволютив на родителей не направлен.

Третий адресативный пример из представленных, с тещей, интересен тем, что содержит неоднозначность, точнее, знаковый по своему характеру выбор. В нем описанное будет касаться не каждого, но лишь того, кто имеет тещу, т.е. мужского лица, взрослого, женатого и другого рода, кровно с тещей не связанного, при условии, что та жива. Из чего получается, что проявляющий себя соответствующим образом в описываемом положении субъект обусловлен и в своих признаках обозначен.

Это было бы первым, что необходимо иметь в виду. Вторым было бы то, что данный субъект, в отличие от предыдущих примеров, в соответствующем направлении не действует, не предписывается ему того, чего следует избегать, не зависит от него (поскольку неизвестно, когда он придет), *будет ли его теща еще долго жить* или *скоро умрет*. Определяемое, следовательно, имеет знаковый, сигнификативный, а не акциональный характер, хотя точнее было бы говорить сигнификативно-акциональный, имея в виду его приход, определяемый в сигнификативе к моменту времени, т.е. обозначенной темпоральности, имеющей, поскольку речь идет о начале либо конце еды, характер соотносительный, обусловленный еще одним действием и привязываемый к нему.

Дополнительно обуславливающим и ограничивающим вместе с тем обстоятельством является то, что имеющий тещу приходит в дом, который

чужой, и не просто во всякое время, а во время еды, когда те, кто в нем, пребывая, находятся в этом доме и едят. Был ли этот имеющий тещу и в *дом чужой* приходящий к трапезе приглашен, а поэтому пришел вовремя или же опоздал, неизвестно, возможно, что это не будет иметь значения. Приход его с этим может быть и не связан, хотя вероятнее, в силу большей типичности, было бы предположить то, что первое. Обуславливает ли это, вместе с тем, получаемый результат или не обуславливает? При необозначенности его приглашения подобное обстоятельство трудно было бы исключить. Во всяком случае предположительно, как препозицию, его можно учитывать.

Получаемое следствие, как сообщается, в отношении тещи, долго ли ей еще жить или скоро умрет, зависит от прихода зятя к началу либо концу еды. Если в начале, развивая в происходящем заложенное, то ее витальные силы и не «съедаются», и вместе с этим, поскольку *еще долго будет жить*, то в совместной с другими еде укрепляются. Возможно, что через зятя, поскольку трудно предположить, чтобы он к еде в чужом доме не был приглашен, придя, и в ней не участвовал. Если в конце, *под конец еды*, то, как подчеркивается, *наоборот*, и *теща скоро умрет*. Ее витальные силы «съедены» и о подкреплении их речи нет.

То, что касается «поедания» (витальных сил), может точнее было бы говорить, приедания, во время совместной трапезы в чужом доме с приходом зятя в конце еды, может еще точнее было бы охарактеризовать это как неоставление, в силу исхода, законченности, исчерпанности, съедения без остатка, не игра словами, а уходящее корнями в мифологические представления отношение к еде, совместной, с кем-либо общей, делимой с чужими. Поскольку с чужими в их доме, то и теща, как женское старшее другого рода по отношению к зятю, не своего. Ритуальные связи и обусловленности зятя и тещи, касающиеся, в первую очередь, ею кормления и еды у нее, в разбираемом случае также себя проявляют как не случайные, имеющие отношение, как получается, к жизни и смерти. Оставим, однако, эту неоднозначную линию, требующую обстоятельного подхода, ибо это не входит в задачу.

Возвращаясь к характеру привлечения смерти, поскольку об этом речь, необходимо отметить на основании сказанного то, что предполагаемое положение *теща скоро умрет*, имея сигнификативно-акциональный характер, приобретает субъектно (*зять*), локально (*чужой дом*), конгруэнтно (*еда*), темпорально-соотносительно к конгруэнтному действию (*под конец еды*) и обуславливаемый осуществляемым субъектом действием (*пришел*) вид. Передать это можно по формуле:

$$S^l[Act^l > T(FinAct^2 > LocAl)] > MortMox(S^{2 < S^l})$$

В обобщении это можно представить как то, что 'некие действия одного субъекта, $S^l(Act^l)$, реализующие себя во времени конца другого действия, $T(FinAct^2)$, осуществляемого в месте других, $Local$, могут собой отмечать скорую смерть другого субъекта, с первым не обязательно кровно связанного, $MortMox(S^2 < S^l)$ '.

О привлечении смерти в этом случае трудно было бы говорить. То, что зять в чужой дом *пришел под конец еды*, от него никак не зависит, так случилось и произошло (если предположить его это действие как ненамеренное, ибо противоположное заключение не будет иметь под собой оснований). Ожидаемая в скором времени тещина смерть, из чего получается (речь о приходе зятя *под конец еды*), объективно уже состоялась, реализовав себя в отмеченном ранее «поедании». Тем самым, смерть уже есть, появление зятя к концу еды в чужом доме подобное положение лишь отмечает. Будет ли тогда обоснованным привязывать тещину скорую смерть к еде в чужом доме как процессу, если это знак, отмечаемый моментом прихода зятя? И, что стоит добавить, знак не ему, а знак, содержащийся в нем, поскольку знаковыми следует полагать, как было указано, все обстоятельства субъектного, временного, локального, акционального и др. характера.

Исходя из этого, как тогда представляется смерть в отношении тещи? Как ожидающее ее при обращении, конверсии, от витального к невитальному, над нею нависшее, состояние, с переходом к нему и утратой витального, или как что-то еще? Видимо, нет оснований усматривать, предполагая, что-то другое. Остается не то, чтобы неопределенным, и не то, чтобы озадачивающим, а функционально не проговоренным вопрос о том, в связи с чем, почему и по какому себя проявившему положению знание об этом ее ожидающем в скором времени состоянии дается с приходом зятя под конец еды в чужой дом. При альтернативности долгой жизни ее при приходе в начале.

Знак, получается, содержится, заключается в этом его приходе. Приди он раньше, смысл передаваемого знания был бы другим, и не просто другим, но обратным. Рассуждая в той же последовательности, не зять опоздал, и поэтому теще скорая смерть, но что-то его задержало, замедлив, приостановив, придержав его появление в чужом доме и с ним приход. Именно в этом 'что-то' содержится то, о чем речь, то искомое положение, которое объясняло бы ожидаемую в скором времени тещину смерть. Смерть как (условно) пространство ее прохождения и распространения, применительно к теще и в отношении к ней на примере, протягивается во времени, человеческом времени, так, что делает пространство времени (такое для времени существует) растяжимым. Время, переходя и себя отражая в пространстве движения, с человеческой точки зрения, позиций и восприятия, выглядит по-другому, придержанным, приостановленным и заторможенным. Нечто подобное, но в большей степени и динамике,

себя наблюдало в утрате, потере времени человеком, ушедшим в могилу, к знакомому своему мертвецу в рассказах о них у А.Н. Афанасьева, о чем говорилось в начале работы.

Поэтому зять опоздал, *пришел под конец еды, в чужой дом*. Если вспомнить сюжеты у Афанасьева, там также, у мертвых, в чужом, получается, доме, с ними пьют и едят. Нельзя сказать, чтобы это вело к остановке времени, не ведет, но ее собой отмечает. Время, как человеческое, имеющее отношение к земному существованию и поэтому к людям, в подобном случае пропивается и проедается, теряя, в людском проявлении, привычный для них ориентир, становится для них чем-то другим, не измеряемым и привычным образом не делимым, не поддающимся известному людям делению и измерению.

В стечении, сочетании всех обозначенных и перечисленных обстоятельств – то, что теща и зять, чужой дом и в нем еда, приход под ее конец, – и состояла бы объявляемая в результате знаковость в отношении смерти как ожидающего вследствие обращения состояния. То, что ранее отмечалось и уже было, новое, ранее не встречавшееся, заключалось бы в комбинаторном и поэтому сложном, адресативном (но не векторном, поскольку не акциональном и не направленном) обозначении смерти для прямо указанного лица.

О различии провоцирующих смерть положений

Рассмотрим связанные с предыдущими, в отношении привлечения смерти при несоблюдении предписываемых к избеганию действий, такие три единицы:

Нельзя в старости шить новое белье – к смерти.

Нельзя шить обнову под старость, особенно белье, – скоро умрешь.

Если кто-то умер, то в том доме нельзя печь хлеб: это приведет еще к одной смерти.

Первые две единицы, можно сказать, что вариантно-эквивалентные, имеют не только адресативный, но и возвратный характер. Смерть ожидает того, кто указанное осуществит, не то, чтобы преждевременная, но скорая смерть (в первом случае данное положение не называется, подразумеваясь), во втором прямо сказано *скоро умрешь*, – тот, кто будет шить себе *новое белье, обнову под старость, особенно белье*.

Назвав эти первые две единицы вариантными и эквивалентными, вместе с этим имеет смысл задуматься также над тем, что их отличает. Одно ли и то же или не полностью и не совсем то, что определяется

к смерти и в скоро умрешь? Равно как и новое бельё в первом случае и, получается, только бельё, и обнова, а также особенно бельё во втором? Будучи слишком придирчивым, можно было бы также отметить отличие в старости и под старость в связи с тем, что под тем и другим понимать и какой различающий смысл можно вкладывать. Пойдем для начала по этому, привязываемому к форме вербального отображения, пути (а может, не только вербального).

То, что к смерти, может предполагать, если не иметь в виду прямо и непосредственно то, что Нельзя, во-первых, не обязательно к смерти того, кому шьют (сомнительно, чтобы некто шил себе сам, во всяком случае это было бы нетипично). А во-вторых, возможно, что смерть следует не из того, что новое бельё шьют кому-то, а из того, что движение к подобному действию, появившееся желание либо необходимость в новом бельё, становятся знаком, если точнее, свидетельством ожидаемой смерти. Рассуждения подобного рода, исходящие из того, что вербально выражено и как это может быть понято, вместе с тем, если отталкиваться от допустимо-предполагаемого общественного контекста, от того, что типично и что скорее всего, подводят, должны, во всяком случае, подводить к заключению а) о смерти того, кому шьют, кто такое намерение или желание в старости выразит, и б) вероятнее все же не как знак и свидетельство его ожидающей смерти, но как ее провоцирующее данным действием на себя вызывание. Отсюда следует то, что этого делать Нельзя.

Говоря об отличии в старости и под старость, что было бы более ощутимым, нет оснований, настаивая, утверждать, что это одно и то же и, возможно немаловажных, оттенков не видеть. В старости, и это достаточно очевидно, означает старость как то, что уже достигнуто, что человек уже стар, соответствующий возраст при нем, он стар, в первую очередь, для других и окружение именно так его воспринимает. Не будем в этом месте входить в рассуждения о народных представлениях поэтапного возраста²², поскольку не в это дело и не об этом речь, отметив, что данный критерий следует воспринимать как критерий общественный и поэтому не субъективный. В то же время под старость будет предполагать приближение, пребывание в возрасте, который средствами литературного языка принято обозначать как преклонный (если это не эвфемизм для старца), перед старостью, при подходе к ней, в ощущении, на сей раз, скорее, переживаемом субъективно, надвигающейся, приближаемой старости. Своего рода поздняя осень индивидуальной и личной жизни, но еще не зима, если пользоваться общепринятой метафорикой.

Вместе с тем, и на это также ничто не мешает внимание обратить, в выражениях в старости и под старость, помимо объективно-субъективного и этапного возрастного отличия, можно усматривать не совпадающие, а тем самым, не покрываемые экзистенциональные состояния.

Состояние достигнутого завершения, неизбежно надвигающегося с каждым прожитым годом конца, существование, в котором ничего не приходится далее для себя ожидать, нет ничего впереди, что бы давало какое-то ощущение нового. И это было бы *в старости*. И состояние не то, чтобы принципиально иное, но, в отличие от предыдущего, не окончательное и не закрытое, состояние незавершения, недостижимости и неполноты, – *под старость* означает, что что-то еще остается, еще что-то есть, пусть и немного того, что еще можно прожить, пережить, воспринять, ощутить, поскольку старость, хотя и подходит и, может быть, близко, однако все же еще не пришла.

С этим можно связать те невидимые и не ощутимые сразу отличия, которые вербально себя проявляют в том, что *в старости* не следует *шить новое белье*, и это *к смерти*, а *под старость* – *обнову* и *особенно белье*, потому что *скоро умрешь*. Потому, собственно, *скоро умрешь*, что старости как таковой не достигнешь, умрешь на подходе к старости, не завершив положенный жизненный цикл. В то время как *к смерти* значило бы в этой связи, что, будучи *в старости*, смерть свою этим самым приблизишь, ускоришь ее приход, может быть, и не преждевременный (если учесть то, что сказано было ранее в отношении акциональности либо свидетельства), поскольку чувствуемый как конец, но, может быть, и такой, который определяется в традиционном сознании как *напоминание о себе*. Смерть не всегда должна помнить о своем человеке, за которым ей приходиться, смерть иногда забывает о людях (ср. известное выражение *смерть забыла о ком*, в случае если кто-то слишком долго живет и не умирает). Смерть, как известно, можно также отсрочить и обмануть, и это находит свое отражение в ряде народных сюжетов²³. Смерти можно вместе с тем о себе и напомнить²⁴, раньше ли времени, в отведенное ли время, не так это важно и в разбираемом примере нет оснований усматривать либо то, либо то. Напомнить смерти о себе, продолжая за всем этим стоящее, можно тем, что сказано – *начать, приниматься в старости шить новое белье*. Потому и белье, и только белье, и новое, что *к смерти*, вызывая ее приход, к ее приходу и появлению. Белье как ту часть одежды, которая непосредственно к телу, прилегает к нему, облекая его, не саван, но, поскольку новое, то и к чему-то готовящее, к переходу в последующее, открывающее такой переход, каковым в состоянии старости, для состояния старости остается смерть.

В несколько ином повороте – *шить обнову под старость*, как нечто более общее, с добавлением *особенно белье*, предполагая для белья тот же связанный с облеканием тела смысл, для *обновы под старость* также имеет в виду подготавливание к чему-то новому и переход, однако поскольку *под старость*, то и переход этот будет не многозначен, отмечаясь, однако, не тем, что *к смерти*, но что *скоро умрешь*. В том отношении,

что сам себе свою смерть уготовишь. Из чего получаются два, а точнее три, не полностью совпадающие и не вполне покрывающиеся представления о приближении смерти – приближаемой, провоцируемой к приходу напоминанием о себе, и приближающейся, которая приходит сама без воздействующего участия со стороны человека. Первые два находят свое отражение в том, что было рассмотрено. Приближаемая смерть – с шитьем обнови *под старость*, и поэтому *скоро умрешь*. Смерть, провоцируемая к приходу напоминанием о себе – шитьем нового белья *в старости*, и поэтому *к смерти*.

В моделирующем отношении то и другое не различается, проявляясь в приведенных повериях как акционально-провоцирующее воздействие в отношении смерти и потому предписываемое в них как то, чего следует избегать: $A \geq B$. По общей моделирующей формуле $S(Act > T) > Min/Mort(S)$ – ‘какое-то определенное действие со стороны субъекта в какое-то время, период времени для него, содержит в себе угрозу либо также и смерть для него’. Понимать это можно как существующее, имеющееся в сознании закрепленное и сложившееся представление, а тем самым, как концептуальную единицу, семантическую единицу в отношении разбираемого «языка», характеризующего предметный мир поверий-примет, с его парадигматикой и синтагматикой, а также «словарным» набором свойственных ему единиц.

Применительно к тому, что выражено в том и в другом поверии в отношении старости с шитьем обнови-белья, указанную концептуальную единицу следует, конкретизируя к обстоятельствам, в видовом проявлении уточнять. Параметральными показателями подобного уточнения будут а) темпорально-этапные (возрастные) признаки экзистенциальной протяженности (*tractio*), проецирующие позицию T как периода времени в отношении S , каковым будет ‘старость’ либо ‘под старость’, *Vet**; б) акционально-объектные признаки производимого проявления в отношении субъекта в адресативной направленности на него, акционально-объектные, поскольку важно то и другое в соединении – *шить новое белье, шить обнову*, понимаемые как ‘создание, формирование нового облачения тела субъекта’, *Creat(NovVest>CorpS)*; в) аффективно-консекutiveвные признаки в отношении угрозы как ‘приближаемой либо скорой смерти’, *Mort(Access/Vit)*.

Перечисленные параметральные показатели в отношении общей моделирующей и существующей в традиционном сознании схемы можно представить как проецирование на экран объединяемых в экзистенциальной комбинаторике привычно имеющих обстоятельств. Знания о возможных действиях и связанных с ними последствиях (семантика

* Лат. *vētus, ēris* *adj.* ‘старый, преклонных лет, дряхлый’.

определившей себя единицы), накладываясь на знания о действительности, формах и видах существования в ней, соединяясь и сочетаясь с ними, формируют, в конечном итоге, то, что затем выражает себя при посредстве естественного языка в виде вербально определяемых как предостерегающие предопределения коммуникативных формул относительно устойчивого, поскольку вариативного и колеблющегося, неединообразно передаваемого в традиционной культуре, характера. Модель концептуально себя отражающей для сознания единицы и таковой существующей в нем, прилагаясь к экзистенциально определяемым обстоятельствам, получает свое выражение в виде семантики единицы, стоящей за тем, что передается словами:

$$S(Act > T) > Min/Mort(S) \rightarrow \\ S[Creat(NovVest>CorpS) > Vet] > Mort(Access/Vit)S$$

Третья из приведенных к данному рассмотрению единиц с необходимостью не печь хлеб в доме, где кто-то умер, поскольку *это приведет еще к одной смерти*, в отличие от двух предыдущих, не предполагает смерти того, кто совершает предписываемое к избеганию действие, и не имеет к тому же адресативной направленности. Чью именно смерть под *еще одной* следует предполагать, не сообщается, позиция эта не занята и выбор открыт (если не учитывать какие-то актуализирующие обстоятельства, но не о них в данном случае речь).

Помимо этих немаловажных отличий, с предостерегающим, казуальным в своем результате, выбором – на кого-то падет, а на кого, неизвестно, что дополнительно будет усиливать переживаемое состояние угрожающей смерти (одна из мировоззренческих установок экзистенциализма²⁵), внимания заслуживают также и прочие различающие составляющие. Прежде всего, *Если кто-то умер*, т.е. смерть имеется и присутствует, находится рядом и здесь. Как в ситуации со смертью соседа и запрещением вести веселые разговоры и петь, с тем отличием, что это смерть не в соседнем, а в этом доме – *в том доме, где кто-то умер*, а потому *в том доме нельзя печь хлеб*.

Из чего бы следовали а) тот, кто умер, умерший и находящийся в доме в данный момент – объект пережитого им состояния витального прерывания, остановки; б) таковое его состояние, связываемое с тем, что в) смерть присутствует в том же доме, находится в нем и поэтому рядом и здесь – агентивная сущность мертвящего, с собой забирающего присутствия, способная, в своей трансгрессии, переноситься и переходить с одного лица на другое; д) дом, в котором лежит умерший и присутствует рядом с ним смерть – локус мортально заряженного экзистен-

ационального пребывания; е) хлеб, который нельзя печь в том доме, как мортально заряженном локусе, – отмеченный к акциональному избеганию объект; ф) тот, к кому смерть в результате придет в случае нарушения акционально-объектного предписания – предполагаемый объект конверсии (обращения) с прерыванием г) его витального состояния. И допустимым видится еще одно при нарушении, как вероятное h) *еще* одна смерть, как *еще* одна, вторая, агентная сущность. Сообщается *это приведет еще к одной смерти*. Понимать это можно в двух взаимно не исключаемых отношениях, – как то, что придет еще одна смерть, вторая, того, кто умрет, и как то, что этот кто-то по этой причине умрет, и это будет смерть как его обращенное состояние. Возможно при этом и третье – то, что смерть, но не персонифицируемая для представления в двух разных агентных сущностях, действующая в своем проявлении как нечто единое, целое и одно, не смерть отдельно своя для каждого и у каждого, а смерть как трансгрессия, трансгрессивная форма, если более точно, иного существования, распространяющаяся и переходящая с одного на другого. Все три смысла равно возможны для осознания, о котором речь.

Семь, включая восьмую как допустимую, перечисленных составляющих обращаются в своей семантике для рассматриваемой единицы во-круг того, что *в том доме*, где *кто-то умер*, *нельзя печь хлеб*, по-разному к данному положению, как ведущему, относясь. То, что *нельзя печь хлеб*, будет следовать из представления о продолжении, развитии, возможно отчасти, и обновлении жизни, каковая в присутствии смерти становится неизбежным объектом ее поглощающего, с собой забирающего, на эту жизнь переходящего, перекидывающегося и на нее, обращения. А поскольку жизнь существует в ком-то, не сама по себе, то этот кто-то и станет объектом в дальнейшем смерти. Новой ли, *еще одной*, к которой данное действие *приведет*, той ли, которая уже здесь, не суть важно. Важно, что смерть привлекает смерть, в какой бы форме и сущности себя это ни проявляло.

Говоря о семи (восьми) перечисленных составляющих, не безразличным было бы установление их отношения к тому, что в одной из них передано в виде *нельзя печь хлеб*. Во взаимосвязи видится это следующим, симметрично устроенным, образом:

а) объект ¹			ф) объект ²
б) состояние ¹	д) локус	е) действие	г) состояние ²
с) смерть-агент ¹			h) смерть-агент ²

‘Печь хлеб’, как действие, при ‘доме’, как локусе смерти, и рядом, в сочетании с ним, оказывается в центре определяемого представления.

То, что в левой части таблицы с умершим в его таком состоянии и присутствием смерти при нем, при нарушении избегаемого к совершению действия в данном локусе, полностью повторяет себя (повторит) в том, что в левой части, по известной модели: $A \geq B$.

Уточняется эта модель для рассматриваемой единицы следующим образом: $S[(ActObj) > Loc(Min/MortS^l)] > Min/Mort(S^2Loc)$ – ‘осуществление кем-либо, S , определенного действия, предполагающего также определенный объект, $ActObj$, в месте, связанном или заряженном определенной угрозой, обусловленной, в частности, смертью кого-либо, $Loc(Min/MortS^l)$, приводит, может вести, к той же самой угрозе и, в частности, смерти кого-то еще, с тем же местом своим пребыванием связанного либо в нем находящегося, $Min/Mort(S^2Loc)$, но не всегда и не обязательно того, кто данное действие производит ($S \neq S^2$)’.

О признаках распознавания смерти

Прежде чем перейти к еще одной группе примеров, связываемых на сей раз не с привлечением, а распознаванием приближения смерти по определенным признакам, рассмотрим в качестве подводящего к ним перехода две единицы, представляющиеся не случайными и многое говорящими в отношении разбираемого предмета, содержащими к тому же в своем составе значимые подробности и немаловажные обстоятельства:

Чтобы добыть шапку-невидимку, нужно во время Христовой заутрени прийти в баню и найти там банника, который в это время обычно спит, снять с него шапку и бежать с ней, да как можно скорее, в церковь: если успеешь добежать до церкви, прежде чем проснется банник, то будешь обладать шапкой-невидимкой, а если не успеешь, то банник догонит и убьет.

Добыть шапку-невидимку можно с помощью цветка адамова головка, который расцветает около Иванова дня, нужно тот цветок добыть и положить в церкви под престол, чтобы он пролежал там сорок дней; после этого цветок получает такую чудодейственную силу, что если держать его в руке, то будешь видеть дьявола, чертей, леших и прочую нечистую силу; тогда можно сорвать с лешего шапку и надеть на себя, после чего станешь таким же невидимым, как и леший, в такой шапке можно делать что угодно, никто не увидит и не узнает; но перед смертью шапку-невидимку надо бросить в реку, чтобы черти взяли ее обратно.

Кое-что о невидимости

Как нетрудно заметить, в обоих случаях речь идет не о смерти как таковой, а о приобретении способности становиться невидимым. Для чего, с одной стороны, необходимо определенным образом раздобыть так называемую шапку-невидимку, с другой, это делается, как видно из текста, через прямой, но не только прямой, контакт с нечистой силой, предполагая взаимодействие с ней. И все это, в первом случае, предполагает при неудаче смерть, а во втором необходимость перед смертью возвращения у нечистой силы отобранного.

Из чего будет следовать, что невидимость, способность быть невидимым для людей, будет связана с потусторонним нечистым и вместе с этим, прямым либо опосредованным образом, также со смертью. Невидимость смертью грозит и она же, но перед смертью, предполагает необходимость с отдачей для человека ее, т.е. невидимости, утраты. Получение невидимости, приобретение данной способности вследствие обладания шапкой, предполагает также временные (*во время Христовой заутрени, около Иванова дня, сорок дней*), локальные (*баня, церковь, под престол в церкви*), акциональные и акционально-предметные (*прийти в баню, найти там банника, снять с него шапку, бежать с ней как можно скорее в церковь; добыть цветок, положить его в церкви под престол, держать его в руке, сорвать с лешего шапку, надеть на себя, бросить в реку ее перед смертью*), а также контактно-субъектные, контрагентные, положения (*банник, леший, с которых нужно шапку сорвать, черти (речные), которым надо ее возвратить*).

Непосредственными обладателями шапки, а потому и невидимыми, выступают банник и леший (банника, как получается, можно увидеть *во время Христовой заутрени*), черти – как те, кто перед смертью ее обратно возьмут, также невидимые, как следует из примера, но не носящие шапки. Во всяком случае, это не сообщается. Связь со смертью, поскольку об этом речь, себя обнаруживает на материале двух приведенных примеров, во-первых, в том, что, *если не успеешь добежать до церкви с шапкой (в руках или на голове?), прежде чем проснется банник, то он догонит и убьет*. И во-вторых, в необходимости перед смертью сорванную с лешего шапку, бросить в реку, *чтобы черти взяли ее обратно*.

Первая смерть (определим это так) выступает как смерть от нечистой силы, от банника, будучи насильственной, преждевременной и вызванной на себя как следствие а) контакта с нечистой силой (банником) для приобретения ее способности, проявляемой в том, чтобы быть невидимым, и б) неуспевания до момента, также связанного с нечистой силой (*прежде чем проснется банник* – появляется тема сна), осуществления защитного действия, предполагающего ускоренное движение, перемещение в пространстве, бег, в его направлении к месту защиты – церкви.

Вторая смерть имеет иной характер, не будучи ни насильственной, ни преждевременной, ни вызываемой несовершенством чего-либо на себя. Это, скажем так, обычная, в свое время происходящая, смерть, внимание на которую, вместе с тем, имеет смысл обратить в связи с необходимостью перед ней возвращения шапки чертям. Первое, что стоит отметить, это то, что, как получается, обладатель шапки должен почувствовать, если не прямо и непосредственно знать, когда это самое его *перед смертью* время подходит, с тем чтобы положенного момента не упустить (скрытое неуспевание). В противном случае, ждет его, видимо, что-то неладное и малоприятное, хотя и не говорится что́. И второе, с этим первым непосредственно связанное, почувствовав свою подходящую смерть либо зная об этом, ему необходимо от шапки, тем самым и от способности быть невидимым, тем самым также и от контакта, пусть непрямого, с нечистой силой по причине все той же способности быть невидимым, непременно избавиться. Перед своей смертью от всего этого он должен быть свободен и чист.

Стремление быть невидимым, таким образом, связывается с риском убиту быть, т.е. смертью, смертью грозя и при неудаче ей завершаясь. И оно же предполагает необходимость при смерти такой способностью не обладать, избавляясь от нее через обращение (в возвращении) к нечистому, от которого эта способность заимствуется. Получается вследствие этого, что при жизни такой человек-невидимка обладает способностью нечистой силы, с одной стороны, и вместе с тем свойством, делающим его «мертвым», поскольку невидимым, среди живых, с другой, перетягивая на себя, получая то, что придет к нему вместе со смертью. Нарушаемое равновесие, говоря в обобщении, между миром посюсторонним и не посюсторонним не только с нечистой силой, но и со смертью связано, в том числе через ее представителей, а также и смертью грозит. Представление о нарушенной равновесии усиливается, определяя себя в словах о том, что не только *станешь таким же невидимым, как и леший*, но и *в такой шапке можно делать что угодно, никто не увидит и не узнает*. Будешь как леший, с одной стороны, и неведомым в своих действиях для людей, с другой, – как человеческое воплощение, но лишь по форме и внешности, не человеческого потустороннего.

Идя в рассуждениях далее и обращаясь к рассматриваемому предмету, обратим внимание на характер, в обоих случаях, смерти. Смерть насильственная, от банника, который *догонит и убьет*. И смерть, перед которой от шапки необходимо избавиться. Что означает первое и как можно себе представить второе? Можно ли то, что убьет, понимать как не привычно за жертвой-объектом своим приходящую смерть, поскольку трудно видеть в этом ее приход, но как что-то принципиально иное.

Смерть от убийства, в результате убийства, настигшая, или внезапно постигшая, в отношении следствия, для умершего, как его состояние в не-

ожиданно резком обрыве, прервании, обращении, с лишением жизненных токов и сил, от состояния умершего не насильственным и не преждевременным образом сомнительно, чтобы существенно отличалась. В обоих случаях будут умершие, тот и другой (об умерших не своей смертью см. сноску 3, работы Д.К. Зеленина и др.). Отличие можно усматривать (если можно усматривать) в двух допустимо предполагаемых обстоятельствах. В том, что внезапно, насильно и вдруг, от руки кого-то другого, нечистого в данном случае (иного рода смертей не касаясь, но тогда и не от руки). И в том, что смерть как агентная сущность, судя по видимости, не пришла, а не придя, соответственно и не поучаствовала. Можно, конечно, предположить и другое. То, что смерть как агентная сущность, зная и чувствуя нависающее в атмосфере убийство, поскольку у смерти, как известно, обостренно-изысканный, в том числе и на это, нюх (под нюхом не обязательно следует понимать исключительно обоняние), – зная это и чувствуя, пришла, уже здесь, в ожидании того, что произойдет. Однако и в этом случае не до конца понятно, смерть ли это того, кому умереть, поскольку она *своя* у каждого, или же агентная сущность смерти как таковая.

Как бы там ни было и как бы ни разрешать подобный вопрос, поддающийся либо не поддающийся подобному разрешению, важным видится то, что смерть от убийства, к тому же нечистым, банником, будет предполагать, во-первых, особый, резкий, напуганный, пораженный, бурный, взрывной, а потому отнюдь не спокойный и преисполненный страхом, характер того состояния, которое на смену живому с витальной утратой, падет. Усиленный не только тем, что убийство, но и тем, что нечистой силой, при лишаящем жизни столкновении с ней. И, во-вторых, в силу неподготовленности и для умершего неожиданности, приходящая к нему при убийстве смерть иметь будет особый вид и характер. Трудно сказать какой, но отнюдь не спокойный и не уравновешенный. Тем самым, если нечто подобное признавать, то можно видеть еще один вид того состояния, которое определялось в одном из своих значений как смерть, охарактеризовав его как сковывающий ужасом, ледящий, констернативный*. В отношении смерти с ее приходом это можно представить как неожиданно-резкое вырывание, выхватывание, не приход, а падение, нападение, обрушивание (и н к у р с и я**).

Что касается второго примера, с бросанием шапки чертям перед смертью, в позиции предполагаемого умирания трудно усматривать какие-то отличительные особенности, можно единственно говорить о подготовленности к ней. Тот, кто умрет, поскольку знает о ней, субъективно ориентирован

* Лат. **I consterno, āvi, ātum, āre** ‘повергать в страх, пугать, приводить в ужас’.

** Лат. **incurro, (cū)curri, cursum, ěre** ‘набегать; устремляться, бросаться, нападать; ‘с разбегу налетать’; ‘подвергаться, становиться жертвой’.

и предопределен, может, не столько в значении определенности времени, сколько эмотивной готовности, обращенности, или аверсии, к ней. Вместе с этим, при такой подготовленности ему следует, согласно с представленным, не оказаться перед ее лицом, в момент ее появления и прихода, отягощенным тем, что делало его для людей невидимым и обращало, тем самым, к потустороннему в нечистом его проявлении. И это было бы пургативное, или очищенное, освобожденное, положение, а с ним и такое же обращение, конверсия, к такому же пургативному состоянию собственной смерти. Человеческое и людское в нем перед смертью должно быть не ущербным и полным, должно сомкнуться в нем и на нем, чего не столько образным и метафорическим, сколько, в первую очередь, мировоззренчески-концептуальным выражением было бы, после бросания шапки в реку чертям, смыкание за ней и над ней, брошенной, вод. Тому, что делало его невидимым, следует уйти в воду (ср. в выражении *концы в воду*, передающем подобный смысл), вода должна, поглотив, вобрав в себя, это прежнее его состояние и положение с собой унести, очистив, смыв в нем это перед приходом смерти. В свою очередь, приходящая в этом случае смерть будет выглядеть как ожидаемая, та, о которой знают, что скоро должна прийти, смерть не по зову и приглашению, не та, которую накликают, но к которой готовы и которую гостем ждут. Это смерть, в такой своей разновидности, ожидаемого посещения, проспективного хоспитатива*. Что может иметь, содержать в себе, не только со стороны субъекта, тому, кому умереть, но и со стороны самой смерти, как агентной сущности, определяющий и объясняющий смысл и с этим характер.

Некоординированное проявление человека

Еще одну определяемую группу примеров составят себя объявившие в материале случаи вероятного установления ожидаемой смерти. Прихода ли, чего-то другого с ее стороны, что также будет предметом предприняемого рассмотрения, но главное состоять будет в том, чтобы увидеть те показатели, на основе которых о смерти в ее неизбежности можно судить. Связав или не связав их со смертью, а если не с ней, то с чем тогда и в каком отношении?

Рассмотрим отобранные примеры в определенной последовательности, на основании которой, как значимой и не случайной, также можно будет нечто немаловажное установить. Первым таким примером виделся следующий:

* Лат. *hospītor*, —, *āri depon*. [*hospes* I] ‘гостить, остановиться (в качестве гостя); временно пребывать’.

Если крошки невзначай выпадают изо рта – к покойнику.

Не говорится о том, что крошки изо рта выпадают у того, кому умереть, форма этого не предполагает, поскольку к покойнику будет иметь в виду то, что ожидается и в связи с этим произойдет. Наблюдаемое имеет знаковый по своей природе характер, что подчеркивается к тому же наречием *невзначай*. Иными словами, вдруг, неожиданно, тогда, когда этого нет оснований предполагать. Ни с того ни с сего происходит, себя проявляет то, что обычно в подобной ситуации не происходит. Тот или те (что также не исключается, поскольку число не отмечено), у кого изо рта выпадают крошки, подобного состояния, как правило, не испытывает.

Имеет смысл в этой связи задуматься над описываемым происходящим, с тем чтобы соотнести его далее в предсказании покойника. Что, собственно, предполагает представленное обстоятельство, что можно иметь в виду в отношении крошек, когда они *выпадают изо рта*, да к тому же еще *невзначай*? Сомнительно, чтобы речь шла о том, что тот или те, с кем подобное происходит, ест или едят недостаточно аккуратно, не следя за собой. Вероятнее всего было бы предположение о вдруг охватившей, случившейся, может точнее, постигшей ослабленности. Что-то напало, вдруг охватило, расслабило в силовом, физическом, и волевом, психологическом, отношении, отчего автоматически действующий, над которым, как правило, не задумываются и не обращают на это внимание, контроль, в отношении, опять же автоматически, производимых действий, оказывается не столько нарушенным, сколько себя то ли не проявляющим, то ли действующим и проявляющим как-то иначе, в непривычном режиме, не так, как всегда. То, что не то, чтобы выбило из нормативного действия данный автоматический самоконтроль, но что перевело его незаметным для пережившего образом в иную какую-то фазу, рассредоточив, размыв характерную для него концентрированность, как если бы вдруг напал неожиданно сон или дремотное состояние, оказавшись в котором, человек начинает действовать, чувствовать и себя проявлять по-другому, не полностью себя контролируя, не все отчетливо распознавая, активно не реагируя, не все замечая и не за всем возможным и необходимым следя, с нарушением обычной своей координации действий.

В таком каком-то или близком к описанному находясь состоянии, напавшему вдруг, *невзначай*, человек замечает, что *крошки выпадают у него изо рта*. Возможно также, что не сам замечает, а замечают другие, с ним находящиеся за столом (типично представить подобное положение). Происходящее с ним в этой связи, являясь следствием действия на него какой-то его ослабляющей силы, результатом присутствия, и в данном месте можно добавить, чего-то потустороннего, и не просто потустороннего, а которое забирает с собой, переводя витальное состояние в невитальное, –

это происходящее и становится знаком, если еще не пришедшей, то приближающейся, направленной и готовой к приходу смерти, самой ли либо в своих посланцах.

Отсюда и полагаемый вывод – к *покойнику*. Можно бы было добавить, к покойнику *в доме* либо в отношении кого-то из близких, тех, с кем у переживающего положение с крошками имеется эмоциональная, в том числе и основанная на предчувствии, связь. По причине чего все то, о чем речь, ничто не мешает интерпретировать и как следствие вдруг охватившего, точнее себе подчинившего, человека предчувствия. Как одновременное (если предчувствие допускать) можно рассматривать действие мертвящего, расслабляющего своим присутствием, появления того, что смерть, или связано с ней, и не контролируемого, не поддающегося осознанию, предчувствия приближения смерти к кому-то из близких, надвигающегося прихода его за ним.

Та концептуальная и вместе с тем семантическая единица, которая за подобным определением стоит, будет иметь отношение, как обобщенная, к характеру поведения человека. Объяснять ее можно по уточняющим уровням. Первым, как наиболее общим, будет такой, в котором отметит себя непривычно переживаемое состояние, объявляющееся в проявлениях, наблюдаемых как неконтролируемые или недостаточно контролируемые, что будет следствием и может быть также знаком иного присутствия: ‘не-что потустороннее, необычное, угрожающее, возможно несущее смерть, воздействует, способно воздействовать на человека дезориентирующим, ослабляющим, в том числе и парализующим (при непосредственном столкновении), образом’.

Еще одним, также общим, но не совпадающим и не соотносимым с первым было бы то, что можно представить как ‘нетипичное – переживание, состояние, положение, чувство, которое, особенно если возникнет, охватит, появится вдруг, становится знаком, скорее всего, чего-то тревожного’. Знаком, и это можно добавить, ‘который кем-то или чем-то с «той» стороны подается, пребывая в которой, этот кто-то или это что-то обладает знаниями, которые не даны человеку, для него не открыты’ либо, что также возможно, ‘знак этот чувствует, видит, предполагает и допускает сам человек, наделенный ли соответствующими способностями, находящийся, оказавшийся в состоянии обостренного восприятия и с этим чувства’.

Исходя из представленного и объединяя отмеченное, получим ту единицу, которая будет в своей семантике приближать к тому, что нашло свое выражение в поверии с помощью слов, но при этом также в некотором обобщении: ‘если кто-то почувствует либо переживет вдруг его охватывшую слабость, потеряет ориентацию, утратив на время самоконтроль, что объявит себя в непривычно «задумчивом», заторможенном, отстраненном,

деконцентрированном, в моторике проявляемом, поведении, то, скорее всего, это будет действием и с этим знаком грозящей опасности, если не приближения смерти, кого-то из его близких'. За этим стоит еще одно мировоззренческое и с ним концептуальное положение: 'близость между людьми, особенно кровная, но не только она, себя проявляет, способна активно себя проявлять, в особого рода предчувствиях, скрытых знаниях, видении и предвидении у одного состояний, событий и положений, имеющих отношение к другому, его ожидающих либо с ним происшедших (происходящих)'

Представленное в разбираемом примере следует определять не как действие, или акцию, поскольку то, что происходит с роняющим крошки изо рта, не проявляет себя волевым, целевым, направленным и осознанным образом. Вместе с тем это и не состояние, в котором он пребывает, а то, что свидетельствует о его состоянии, в неорганизованной в своем проступании форме. По этой причине как проявление, проектив, его и следовало бы определять. Как то проявление, которое становится знаком чего-то другого. Знаком, а не результатом и следствием, поскольку так это выражено и представлено с помощью слов. Наиболее общего вида модель $A > B$ (если A , значит B) получит свое воплощение в виде проективно-сигнификативного отображения: $S'(ProAtyp) > Sign(PositS^2)$ – 'некое (нетипичное) проявление субъекта служит знаком, средством распознавания чего-то, что ожидает кого-то другого, какой-то его позиции, состояния, положения'. В разбираемом случае это было бы проявление дестабилизативного типа со стороны S в его отнесении к покойнику, как к кому-то из близких в $SProxim: S(ProDestabil) > SignMort(SProxim)$.

Запахи и обоняние

Следующая единица будет иметь еще более прорисованный вид, определяясь ко времени происходящего в отмечаемых обстоятельствах и объекту предчувствуемой, характеризуюсь как неизбежная, смерти:

Если во время проводов рекрута на военную службу кому-нибудь почудится запах ладана, то рекрут умрет на службе.

Кто этот кто-то, кому почудится запах ладана, не говорится. Не потому, что неважно, а потому, что это может быть предположительно либо тот, кому рекрут особенно близок, либо тот, кто, будучи наделен, обладает особым предчувствием, даром, способностью, слышать, видеть и обонять, либо тот, кому по каким-то особым причинам подобное в отношении

рекрута в данный момент сообщено. А поскольку возможен неоднозначный охарактеризованный выбор, который может быть также и никак не отмечен, т.е. случаен, то и не предполагается указание на воспринявшее сообщение о смерти лицо. Говоря *сообщение*, называя происходящее таким образом, подходим к этому только с одной стороны. Еще одной, допустимо возможной, будет не сообщение, а формирующее, начавшее либо лишь начинающее себя формировать, окружающее рекрута поле смерти, вбирающее и постепенно втягивающее его в себя, ибо смерть не придет к нему неожиданно, она его, уже направляясь к нему, через какое-то время, назначенное, с собой заберет. Однако дух, через *запах ладана* (о чем еще будет речь), уже начинает себя объявлять, проникая в происходящее.

Время смерти, точнее период, привязывается к событию, с этим периодом непосредственно связанным. Запах ладана чудится, когда того, кого ожидает смерть, провожают туда, где она его ожидает. Из чего получается, что значимо в отношении подобного рода предчувствия время проводов, традиционно отмеченное как таковое в отношении предрекаемого, видимого, наделяемого опасениями, будущего, касающегося, в первую очередь, того, кто отправляется из дому и кого провожают, но также и тех, кто, оставаясь, эмоционально и кровно с ним связан. Это время разрыва и перехода, смены и изменения характера экзистенциального состояния для отправляющегося – в отрыве от близких и вне прямого контакта с ними.

Вторым существенным обстоятельством, на сей раз не временного и не субъектного, а перцептивного вида, будет то, что передано словами *почудится запах ладана*. В отношении ладана мотивация видится внешне достаточно очевидной, через связь с церковью и похоронным обрядом, для разбираемого случая. Если взглянуть на то же несколько глубже, хотя не с другой стороны, то, поскольку ладан используется в качестве средства установления контакта с высшим потусторонним, его ощущение в запахе можно рассматривать как возникающий, создающийся, организуемый в переходе своем коридор или мост, от земного и здешнего к неземному нездешнему. Воспринимается это, с позиции чувствующего, как ему подаваемый знак, который, собственно, знаком по существу не является. Это вхождение, приобщение, видение с помощью обоняния²⁶ чувствующим того, что начинает или уже начало себя оформлять как готовящийся переход того, кто назначен смертью, на ту сторону, в мир иного существования и бытия. С одной стороны, его ждет переход с изменением экзистенциального своего положения и состояния от домашнего пребывания с близкими к положению и состоянию на военной службе. А с другой, в тот же самый момент, отмечает себя для него переход с изменением экзистенциального состояния как земного к тому, которое связывается с умиранием и смертью.

В отношении ладана, запах которого кому-то *почудится во время проводов рекрута на военную службу*, можно видеть три одновременно действующих значения. Знаковость, воспринимаемую так и так же интерпретируемую с позиции ощутившего. И это было бы первым. Открывшееся ему в своем проявлении, нисхождении и установлении движение от неземного к земному существованию с положением в этом себя объявляющем проявлении связи, нити, а может быть, поля, которое втянет в себя того, кому предстоит умереть. Движение это было бы то, что составит второе. Третьим было бы, но уже вне связи с ощутившим, само это движение, которое как движение можно не представлять, поскольку не стоит ему предписывать показатель времени. Нечто имеется, существует, полагает себя исходно, в связи с существованием определенного человека, то, что касается его жизни и смерти, соответственным образом реализует себя, то ли линией, то ли не линией, ибо это все человеческий способ представить не представимое, и для этого нечто нет необходимости себя актуализировать и в какой-то момент проявлять. То, что должно состояться для человека, в этом нечто уже состоялось. И тогда приближение смерти, даваемое ли в предчувствии, ощущении либо как-то еще, можно видеть как открывающуюся для того, кого это ждет, перспекцию, невидимую никем перспективу, ощущение которой, в разбираемом случае запахом ладана, и дается, а может и не дается, почувствовавшему. Если дается, то что-то либо кто-то из представителей того света, за этим стоит. Ежели не дается, то ощутивший сам, приобщившись, входит, будучи ли наделен особого рода способностью, по другой ли причине, характер которой не видится важным для разбираемого положения выяснять.

Итак, имеется некто, кто чувствует, но не запах ладана, а в запахе ладана то, о чем велась речь, запах ладана в этом случае был бы медитивным средством получаемого вследствие этого знания в отношении ожидаемой на военной службе смерти рекрута. Имеется рекрут – объект ожидающего его состояния с утратой витальных свойств и переходом к иному существованию. Имеется время проводов на военную службу, соотносимое, но не по времени, а в показателях ‘провода’ и ‘военная служба’, т.е. в значениях смены и перехода к новому экзистенциальному положению и состоянию страдательного объекта, пациента, каковым является рекрут. Имеется то, что открывает себя для чувствующего в запахе ладана как ожидающая рекрута в своей неизбежности, открывающаяся перед ним, перспектива утраты жизни, экзистенциально-витальной по своему существу. Имеется время, точнее период, военной службы для рекрута, в который с ним это произойдет.

И, наконец, еще одно, имеется то, что, будучи связано с положением *умрет на службе*, следует определить, говоря об этом как ведущем предмете производимого рассмотрения. Как понимать то, что стоит за словом

умрет, в каком отношении и какой должна представлять в этом случае смерть? Можно было бы говорить, что это была бы смерть, поскольку рекрута и на военной службе, внезапная и преждевременная. С точки зрения имеющихся по данному поводу представлений, это было бы так. В разбираемом случае, однако, не в этом дело и не об этом речь. Смысл заключается в том, что на военной службе рекруту предстоит умереть. И тогда не о внезапности и преждевременности, а о неизбежности в ее таковой предстоящей следует говорить. Не следует говорить в данном случае и об агентном со стороны смерти приходе к рекруту, поскольку это был бы иной поворот и аспект. Более точным и приложимым в представленном отношении было бы ранее уже выведенное положение о конверсии, обращении с переходом, может точнее переводом, и тогда транс-версией, рекрута к своей смерти как состоянию. Два этих значения, заключенные в том, что *умрет*, проявляют себя уже в настоящем (для проводов) времени, открываясь к будущему как к тому, что произойдет, но по сущности своей уже состоялось. Смерть, ожидающая на военной службе рекрута, имеется как нечто осуществившееся. Не по причине своей неизбежности, а наоборот, неизбежность следует воспринимать как следствие реализованной смерти. В том уточняющем для людей отношении, что реализацию смерти для них следует прилагать к восприятию ими времени и всего в этом времени, которое и субъективное, и относительное, будучи человеческим по своему для них существу.

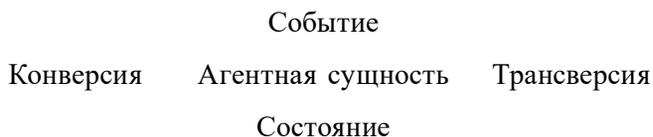
Все то, о чем говорилось в связи с характеризуемым примером, укладывалось бы по формуле $S^i[\text{Perc}T^{(1>2)} > \text{MedInstr}(\text{Mort}S^2(T^{1>T^2}))] > \text{Mort}S^2(T^2)$ – ‘если некто, S^i , воспринимая, чувствуя, ощущая в данное время, соотносимое с чем-то другим в его времени, $\text{Perc}T^{(1>2)}$, нечто как медиативное средство, MedInstr , смерти того, кого то и другое время касается, $\text{Mort}S^2(T^{1>T^2})$, то он воспринимает, тем самым, ожидающую того в том другом времени смерть, $\text{Mort}S^2(T^2)$ ’.

Характеризуя определяемую таким образом единицу, следует ее отнести к разряду перцептивно-сигнификативных, т.е. таких, в которых содержится знание, получаемое либо передаваемое, сообщаемое, посредством чего-то воспринимаемого как знак. Общей моделью была бы уже неоднократно встречавшаяся $A > B$ (если A , то B), приложимая в разбираемом случае не к действию и не к проявлению со стороны какого-либо субъекта, а к его восприятию.

Определявшаяся ранее на основе предшествующих примеров смерть как агентная сущность в том, что она совершает и что производит, как состояние, не то, чтобы вызываемое ею, но к которому она имеет прямое и связываемое с ним отношение, за которым стоит обращение, конверсия, переход, от состояния жизни к нежизни, – получает еще одно свое уточнение вследствие того, что было рассмотрено на примере с ре-

крутом, который *умрет на службе*. Смерть – как трансверсия, перевод, преобразующий, изменяющий и в другое состояние втягивающий. То, что за этим стоит агентная сущность, может не осознаваться, не акцентироваться и не восприниматься, не обязательно, следовательно, для того или иного сознания (но не только, также и в принципе) будет стоять. Важным становится получаемый на поверхности выход – смерть как событие, казуальность, *Cas*, кого-то коснувшаяся, с кем-то в какое-то ему надлежащее время произошедшее либо, как разновидность, ему вдруг выпавшее, павшее на него.

Все это можно представить в соотношениях, в центре которых имеет смысл поместить самоё агентную сущность, без установления ее природы, типа и вида, ибо это отдельный вопрос. Тогда смерть как событие было бы проявлением ее скрытого или явного действия на поверхность, как состояние – того внутреннего положения для человека, что составляет ее переживание для него, как конверсия – следствием ее действия, приводящего к переживаемому им (пережитому) состоянию, а как трансверсия – тем, что является результатом и средством его измененного состояния, с одной стороны, и отпращиванием, переходом к чему-то иному, тому, что не предполагает его присутствия среди живущих живых, с другой. Схематически это выглядело бы следующим образом:

Еще одна единица из той же группы предчувствий также, по внешнему виду, касается обнюхания, хотя в другой форме и с этим в другой связи:

Конь солдата обнюхивает – убитому быть.

Не вдаваясь в понятно-привычные рассуждения по поводу того, что конь, а следовательно, животное и поэтому наделенное чувством, утраченным человеком, во всяком случае подавляющим большинством людей, и, также следовательно, как живое животное существо (животное в этом случае следует понимать в ином значении), наиболее близкое, будучи в постоянном контакте и в особого типа связи, тому, кто солдат, почему и чувствующее ему грозящую, точнее его ожидающую в недалгом времени смерть (как правило, перед битвой), – опуская все это, обратим внимание на другой аспект того, что представлено и за всем этим может стоять. Не на то, что, коль скоро конь солдата обнюхивает, то тем самым чувствует над ним нависшую смерть (кони, как известно, на всякую

смерть реагируют). И не на то, что не просто смерть он как таковую чувствует, а то, что солдату *убитому быть*, а это особый род смерти, казуальной по своему существу. Обратим внимание не на то, почему, что понятно в силу указанного, дано это знание в связанных с ним ощущениях коню, а на то, что собой представляет, опять же, не это знание, но то, что за ним может стоять.

Идя по порядку: солдату *убитому быть*, в ожидающей, как представить следует, битве, как то, что в своей неизменности произойдет. Сделаем в этом месте несколько неожиданный, поскольку нарушающий характер происходящего и преподносимого, поворот. Скажем, если бы, зная через посредство коня, что ему *убитому быть*, солдат каким-либо образом, не суть важно каким, постарается с тем, чтобы смерти, грозящей ему, избежать, не принять участия в битве, уйти от нее, пересидеть, переждать, умыкнуть, – удастся ли вследствие этого остаться ему в живых или смерть его и без того непременно постигнет?

Решений может быть два. Во-первых, коль скоро речь о том, что произойдет непременно, действия человека по избеганию того, что ему грозит (ибо это не предостережение и не предупреждение о возможности предстоящего, а его предсказание), такие действия роли не будут играть. С точки зрения традиционно-мировоззренческих представлений об этом. Во-вторых, и это нетрудно связать с тем, что «во-первых», что бы солдат ни делал, от того, чтобы *убитому быть*, ему не уйти, поскольку в предстоящей ли битве или не в ней, не говорится ведь точно и определенно, что только и именно в ней, предсказание будет исполнено.

И тогда, продвигаясь далее, что, собственно, если вдуматься основательно, воспринимает в разбираемом случае конь? Дело не в том, что солдату грозящую вследствие убийства смерть, понятно, что смерть, но что-то с этим другое. То, о чем говорилось в связи с предшествующим примером в отношении смерти рекрута. Чувствует он (и в этом не будет особого преувеличения, исходя из предмета), что перед ним уже не совсем тот знакомый, привычный ему *его* солдат, но кто-то, в сущностном своем отношении, немного (если не совершенно) другой, в этом новом виде и физической форме своей ему не знакомый. Не случайно поэтому *Конь солдата обнюхивает*, вроде бы, с одной стороны, для того, чтобы удостовериться, он или не он (животные это делают всякий раз, когда знакомый им человек откуда-нибудь, в особенности издалека, возвращается, принося с собой незнакомый запах, тот, который не свой). А с другой, *обнюхивает*, потому что чует не только нависшую смерть, но и то, что ранее обозначено было как переводящая с этой стороны на другую, трансверсия, проводной, по своему проявлению и характеру, коридор (пользуясь общепринятой метафорикой для понятности, которую не видится необхо-

димости изменять), как то, что раскрылось, дохнув, иного запаха и бытия, и что поэтому, отдавая чем-то другим, возможно только унюхать.

Остается в связи со сказанным выяснить, чем выступает конь, а с ним и все остальное, с тем чтобы определить характер стоящей за разбираемым примером единицы. Поскольку коня следует воспринимать как медиативное средство, позволяющее определить то, что содержится и, тем самым, воспринимается в предсказании, единица будет иметь проективно-сигнификативный характер, подобный тому, который себя обнаруживал в примере с крошками, невзначай выпадающими изо рта. Нечто, воспринимаемое как проявление не вполне либо совсем не типичного свойства, становится знаком чего-то другого, по наиболее общей и частотной модели $A > B$ (если A , то B). В уточняемой формуле, как более общей $AnimalS(Pro > MedInstr) > CognS$ – ‘принадлежащее некоему субъекту животное, $AnimalS$, проявляя себя в своем поведении как медиативное средство, $MedInstr$, определяет знания в отношении $CognS$ ’. И в той же формуле, актуализируемой непосредственно к смыслу с конем $EquS(OlfactS) > ExanimS$.

Небезразличным в разбираемой связи видится также смерть как лишение жизни в *убитому быть*. В отличие от натуральной смерти с ее приходом в положенном времени (как-то так это можно представить), смерть от убийства, в битве ли или не в битве, будет иметь активно действующего посредника, того, кто, действуя соответствующим образом, убивая, способствует отправлению на тот свет. Если в битве, то данного рода агент будет действовать не то, чтобы ненаправленно, но рассредоточенно в отношении потенциальных жертв, защищаясь при этом сам и стремясь той же участи со стороны противника избежать. Действия его, тем самым, будут иметь неоднозначный и не единственный в своем результате и виде характер. Если не в битве, то, в зависимости от того, было ли произведенное им убийство намеренным или случайным, характеристика им совершаемого и получаемого будет различной.

Однако все это определяет лицо, осуществляющее убийство, входя в параметры и порядки агентного его уточнения. Поскольку предметом для рассмотрения выступает смерть, стоит поставить вопрос о ее характере проявления в данного рода случае. Опираясь на традиционно изображаемую метафорику битвы, согласно которой смерть (как агентная сущность) *косит* тех, кого поражают, лишая жизни, в соответствующем для подобной «работы» приготовлении и ожидании, возможно за спинами бьющихся либо в непосредственной близости к ним, можно представить себе подобного рода картину применительно к смерти следующим образом. Зададимся первоначально вопросом – знает ли, как агентная сущность, смерть, кого в тот или иной момент происходящей битвы убьют, кому суждено умереть, или действует по обстоятельствам? Можно

предположить и то и другое, исходя из того, что смерть – явление не однозначное и поэтому для кого-то известно, что ему суждено умереть, в отношении кого-то другого это может иметь спонтанный вид и характер. Как бы там ни было, в обоих подобных случаях смерть имеет будет человека, который, действуя как ее орудие, как орудие, можно бы было сказать, что в ее руках, производит «работу», предшествующую, способствующую умиранию и, тем самым, сопровождающую и предопределяющую его. В орудийности и состоит его роль как посредника, но отнюдь не посланца, смерти, каковым не является человек.

Все то, что описанным образом во время битвы с ее убийствами происходит, можно определять как внезапно осуществляемый и при этом насильственный, поскольку лишаящий жизни, перевод, а тем самым, трансверсию смерти, определенным физическим образом характеризую при этом достигаемое в такой смерти состояние убитого. Не как спокойно удовлетворенный уход, успокоение, успение (отсюда вечный *покой* и *покойник*), но как резкий обрыв, вырывание, отбирание того, что составляет жизненную в животном ее понимании основу. Состояние в этом случае получит нарушенный, сорванный и разбитый вид.

Отсюда согласно традиционным представлениям иной характер, в отличие от своевременной и натуральной, *своей*, у насильственной смерти, которую трудно считать своей, эта смерть будет совместной с другими и общей. Если воспринимаемое представление о захоронении, которое должно быть индивидуальным для каждого и обозначенным, соотносится с неизвестно где оставленным, неопознанным, массовым, братским, с другими такими же разделенным, и перенести все это на представление о произошедшей, встретившей смерти, в общей массе отправившей на тот свет, то получится три возможных при таком рассмотрении положения: 1) смерть своя, индивидуально для каждого, достигаемая как состояние в ходе постепенного перехода, т.е. умирания; 2) смерть, с другими совместная в битве, но при этом не массовая и разделенная, дистрибутивно-дифференцируемая, скажем для уточнения как-нибудь так, не вкладывая в это никакой дополнительно коннотирующей характеристики; 3) смерть не дифференцируемая, общая, не различаемая, массовая, для всех одна, в результате которой трудно, если вообще возможно, установить, не только где кто из убитых и погребенных (что касалось бы не смерти, а их самих), но и, метонимически и не метонимически, а по существу и как следствие, кто как, погиб, кого какая встретила смерть, поскольку не была она индивидуальной для каждого, мешая всех и вся в одну общую неразличимость. Не только образным выражением данного представления было бы, для иллюстрации, известное полотно В.В. Верещагина «Апофеоз войны». Если перевести изображенную на нем груды человеческих черепов в то, что и как произвело эту груды, в характер и способ деяния смерти,

можно не только наглядно, но и концептуально представить то, о чем говорилось в последнем из трех положений. Нечто похожее на пропалывание или жнивье в снопах и куче вырванного, собранного и сваленного.

Возвращаясь к *убитому быть* в разбираемом примере, в уточнение смерти, необходимо отметить дифференцируемый, дополняемый в семантическом отношении, характер производимой трансверсии, как насильственного, резкого и внезапного (как правило) перевода убитого на тот свет, равно как и уточняемый в типологическом отношении вид пережитого вдруг состояния в результате подобной трансверсии, экзанимативного типа, с лишением жизни без перехода, в обрыве и отбирании, в напуганно не завершеном, поскольку внезапно оборванном, неуспокоенном переживании убитого.

Возможное действие локуса

Следующий пример, отобранный к рассмотрению в отношении к признакам распознавания смерти, будет касаться не только ее, предполагаемое к объяснению значение в нем дается как более общее, широкое и объемное:

Если кто-то ест с жадностью, и притом ест много, то полагают, что такой человек предчувствует какую-то беду (тяжелую утрату, голод, обеднение и т.д.), которая либо должна пасть на него, либо на тот дом, в котором он ест.

Речь идет о предчувствии *какой-то беды*, среди представлений которой в скобках на первом месте стоит *тяжелая утрата*, т.е. иными словами, смерть кого-то из близких, поскольку так это принято обозначать. Сообщается также, что эта предчувствуемая беда, без уточнения того, какая конкретно, как таковая в предчувствии, которая станет определенной, получит свое воплощение впоследствии, *должна пасть на него, либо на тот дом, в котором он ест*. И, тем самым, еще одна неоднозначность, сомнения и колебания в ожидании, поскольку возможен зависящий от чего-то выбор, от каких-то себя проявляющих, не исключено, что впоследствии, обстоятельств и других сочетающихся в каком-то соединении причин.

Проясним характер сложившейся вследствие этого неопределенности, прежде чем пойти далее в рассмотрении отраженного в приведенном примере. Опустим то, что стоит в начале, характеризуя субъекта (*кто-то*) и то, что и как он делает (*ест с жадностью, и притом ест много*). Говорится, что *полагают*, т.е. имеется ссылка, предположим, что это так,

на неполную, относительную, опирающуюся на мнения, достоверность. Раз *полагает*, то так считается, кем-то, так сложилось, так принято, так повелось, но это не значит вместе с тем, что именно так должно быть непременно. Это первая, субъективно-модальностная в известном смысле, неопределенность, неопределенность не обязательно подтверждаемого в его очевидной реальности факта.

Далее следует размыто неопределенный характер, образ того, что *предчувствует* как *какую-то беду*, т.е. любую из вероятно возможных. В скобках при этом дается не уточнение и не выбор, а направление представления, пояснение того, что вообще может быть, в незаконченности к *и т.д.* Краткий перечень, включая *тяжелую утрату, голод, обеднение*, обращен, в том числе и в своем порядке, к тому, что согласно имеющимся в общем сознании опасениям, а с этим в мировоззрении и картине мира, связывается с переживаниями беды, в ряду которых смерть кого-то из близких (*тяжелая утрата*) оказывается на первом месте. Поскольку не говорится, что именно этого, т.е. тяжелой утраты, следует ожидать, то усиливаемое указанной неопределенностью опасение, с одной стороны, заставляет в тревоге самого страшного ожидать, а с другой стороны, коль скоро может быть не только это, полной уверенности к этому не дает. А неуверенность, нетвердое знание, вроде бы и должно давать надежду самого неприятного избежать, на деле и по существу, как правило, лишь усугубляет тревожное состояние.

И, наконец, последнее, третье, в отношении того, кого, неточно и не с полной уверенностью ожидаемое, может коснуться – того ли, кто *с жадностью ест*, и его, получается, самого, либо *тот дом*, в котором он соответствующим образом *ест*. И коль скоро *тот дом*, то, говоря о *тяжелой утрате* применительно к смерти, о смерти кого-то из близких для тех, кто живет в этом доме, либо кого-то из них одного. Чья это будет смерть, если смерть, неизвестно. В то время как *голод, обеднение*, второе и третье того же перечня, коснутся их всех.

Неопределенность значения и возможного, но не так, чтобы непременно, выбора обуславливают особенности семантики той единицы (тех единиц), которые находят свое выражение в разбираемом примере. Однако прежде чем все это каким-то образом охарактеризовать, необходимо вернуться к началу. Говорится в нем о предчувствии – *такой человек предчувствует какую-то беду*, – находящем свое выражение несколько неожиданным для предчувствия образом – *Если кто-то ест с жадностью, и притом ест много*, и не просто так ест, а, как получается из завершения, в том доме, в котором *ест*. Выходит, в итоге, скорее всего не у себя.

Будем, однако, при рассмотрении исходить из того, что и как сказано. Охватившее человека предчувствие, его посетившее, в него вошедшее, напавшее на него, проявило себя, коснувшись, еды. Того, как и сколько,

дополнительно, он принимается есть. Применительно к голоду и обеднению такое его проявление, при первом, поверхностном, взгляде, можно усматривать как более объяснимое и мотивируемое. Но не об этом речь применительно к разбираемой смерти, а о тяжелой утрате.

Отвлекаясь от обобщенного представления о *какой-то*, т.е. любой из возможных, *беде*, предположим, что охватившее этого *кто-то* предчувствие обусловлено ожидаемой *тяжелой утратой*. Что происходит и почему он тогда *ест с жадностью, и притом ест много*?

Объяснять это можно, в первую очередь, в том отношении, что предчувствует он все же не смерть, а какую-то ожидающую беду, его ли самого либо тот дом, в котором он ест. Если его самого, то поглощение пищи, с жадностью и в большом количестве, служит средством поддерживающей компенсации, эмоциональной, но также витальной (не входя в дальнейшие, психологические по природе своей, обстоятельства подобного рода защиты и стремления уйти от проблем). Если не его самого, а тот дом, в котором он ест, то такое же проявление будет тем же средством уйти для него, избежав, равно как и, будучи охвачен предчувствием нависшей над домом угрозы, ведет себя так по причине передающегося ему напряжения, атмосферного нерва готовящейся к своему проявлению опасности.

Если иметь в виду исключительно смерть в виде тяжелой утраты, ничто не мешает подобное также предположить, то можно ли поглощение пищи указанным способом, и к тому же в немалом количестве (говорится поскольку *притом*), воспринимать в том же самом ключе или за этим способно стоять, себя проявляя, и что-то другое? Пожирающий, поглощающий, характерный для смерти, аспект, как агентной сущности, передающийся, сообщающийся тому, кто предчувствует? Как первое, в отношении избегания и защиты, так и второе, для пожирания, видимо, не исключено. Так же, вместе с тем, и как то, что можно, увидев, вывести из представления, выражаемого с помощью слова *утрата*. Коль скоро *утрата*, то связываемая с потерей, с тем, что было, а теперь уже нет, и что требуется по этой причине, не только внутренне и психологически, к возмещению. А поскольку утрата *тяжелая*, то возмещение должно быть также и соразмерным ей, что будет себя выражать в усилении, как направленности, отсюда *с жадностью*, так и количества – *и притом ест много*.

Рассуждая в подобном ключе, подходим к выводу о том, что предчувствие, находящее свое выражение в проявлении, указанном в разбираемом примере, необходимо рассматривать в аспекте проективного сигнификатива: нечто, себя объявляющее и наблюдаемое в том, как кто-то, в том числе и животное, на примере с конем, себя в каких-то описанных обстоятельствах не вполне типично ведет, становится знаком, средством и способом распознавания чего-то другого, того, что имеет место, но где-то не здесь, либо того, что также имеет место, но реализует себя для

людей не сейчас. Моделью будет все та же наиболее общая и частотная: $A > B$ (если A , то B). А формулой, уточняющей эту модель $S(ProAtyp) > S(Praesens/PraesagMal) > Mal(S/Al)$ – ‘нетипичное проявление субъекта, $S(ProAtyp)$, означает (может вести или предполагать) то, что S предчувствует (видит, предвидит) несчастье, беду, $S(Praesens/PraesagMal)$, которые коснутся его самого либо кого-то другого, $Mal(S/Al)$ ’.

То, что сказанное в примере затрагивает способ, а также количество поглощаемой пищи в доме других, можно рассматривать как обусловленную обстоятельствами (синтагматикой) актуализацию данной моделирующей формулы, за которой стоит и в ней себя отражает указанная в одинарных кавычках концептуальная и семантическая единица. Единица объединенная, а тем самым, и не одна, включающая в себя такие, как ‘нетипичное в каких-либо обстоятельствах проявление субъекта может быть не случайно и значимо, заключая в себе не только то, что касается его самого’, ‘человек способен предчувствовать угрожающую опасность, ему ли или кому-то другому’, ‘находясь, пребывая в доме другого (других), некоторые люди, испытывая воздействие атмосферы, флюидов, данного дома, способны почувствовать то, что в этом доме произойдет, что может коснуться живущих в нем’, ‘несчастье, беда, пропитывая собой то, что находится, и тех, кто находится более или менее постоянно в данном локусе (доме), способны особым невидимым образом себя обнаруживать и проявлять, в том числе и такие, которые ожидаются, но пока еще не наступили’.

Загадывание на близкую смерть

Еще один пример, содержащий в себе указание на возможную смерть, связывается с загадыванием, которое предполагает намеренное, направленное к получению ответа установление, чего следует ожидать и к чему себя подготовить. Это будет то, что существенным образом отличает изображаемое от того, что было рассмотрено перед этим, где узнавание достигалось как получение сведений, в разбираемых случаях в отношении к смерти, по признакам, которые наблюдались, но не вызывались сознательно и специально. Выглядит упомянутое загадывание следующим образом:

На Новый год надо в ложке заморозить воду; если будут пузыри – к долголетию, если ямки – к смерти.

Поскольку данное действие производится *На Новый год*, то полученный результат, но не *к долголетию*, а *к смерти*, следует относить к ожида-

емому году. Заложенная в гадании идея, как получается, не симметрична, поскольку долголетие предполагает продолжение жизни не только в грядущем году, но на достаточно продолжительный временной период. В то время как к *смерти* не дает оснований иначе, как в новом году, ожидать.

Прежде чем рассмотреть различие в определяющих признаках, небезразличным видится также вопрос о том, что, собственно, производится, предполагая ответом получаемое долголетие либо смерть. Применительно к первому усматривается представление о длительности, имеющей отношение к существованию, которая при этом выходит, должна выходить, за временные пределы приходящего года. Характер данного рода длительности не устанавливается, его пределы не обозначены, из чего будут следовать два не обязательно взаимосвязанных положения. О том, что жизнь ожидается долгой, ни данным годом, ни теми, что будут в последующем, по крайней мере, какое-то далеко не короткое время, не ограниченной. А тем самым, и это бы было второе, не представляется смысла загадывать то же самое в следующем новом году, поскольку ответ уже есть. Не будет разумным и обоснованным также загадывание в случае получения ответа о смерти. Из чего получалось бы, и это не только логичное следствие, но и ведущий принцип загадывания – не следует на одно и то же, вызывая его в получаемом предсказании смотреть, ни к чему хорошему это не приведет, а картину может испортить, – из чего получалось бы, что представленное с ложкой загадывание на Новый год предполагается к совершению один только раз, с возможным его повторением через многие годы при долголетию.

В этом месте, что будет дополнительным следствием, подходим к еще одному положению, касающемуся того, к кому должно относиться загадывание. К тому, кто его производит, или производящий может обращать его мысленно на кого-то другого? Речь, тем самым, об адресате ответа. Исходя из того, что и как нашло свое отражение в словах, вторую возможность приходится исключить. Ответ получает тот, кто на Новый год в ложке заморозит воду. Делая это сам для себя, в отношении себя он и узнает. Тем самым, важно, в первую очередь, то, что от себя через ложку к воде передает он нечто такое, что будет влиять, точнее, как именно себя проявлять при ее замораживании.

Как бы это передаваемое ни определять, определению к тому же не поддающееся, в энергетическом ли, биологическом, эмотивном, физическом, другом каком-либо смысле, для разбираемой задачи существенного значения не представляет. Важно то, что, объясняя себе характер полученного результата, видеть во всем этом можно, во-первых, то, что, проявляясь, определяется как способность к жизни, витальное ее основание и внутренний не исчерпанный либо исчерпанный потенциал. А во-вторых, возможно, что в мировоззренческом отношении это ближе

к производимому действию с вероятным внутренним отношением к нему, загадывается не столько потенция жизни, т.е. то, что заложено в человеке, сколько характер вне его существующих положений и обстоятельств, в том числе с представлениями о нити жизни-судьбы, которые влияют на меру и временную протянутость земного существования и бытия. Устанавливается, тем самым, не что иное, как то, сколько времени жизни осталось и сколько жить еще суждено.

Принимая первое или второе либо, что также не исключается, видя их в единении, с приоритетом второго над первым, точнее с его управляющим подчинением себе, в том, что в замороженной ложке с водой на Новый год получаются пузыри или ямки, будет зависеть от действия в ложке с водой находящегося внутреннего присутствия передаваемого основания витальности либо действия внешнего, возможно на то же внутреннее, от того, что определяет жизнь в ее долголетию либо, напротив, смерти в предстоящем году для того, кто загадывает. Пузыри тогда означать будут значительность меры витальной силы, имеющейся как внутреннее либо сообщаемой, придаваемой тем, что находится вне, с внутренним сочетаясь, вступая в резонансное соположение с ним. Объявляет это себя в проступании, выпячивании, выхождении наверх, и поэтому появляются замерзающие потом на поверхности пузыри. В свою очередь, ямки, наоборот, отмечать будут меру как незначительную, возможно, ее недостаток, регулируясь, как и в предыдущем случае, если не в одну какую-то, то одновременно в две стороны.

Обращаясь мысленно к смерти, поскольку об этом в контексте стоящей задачи речь, стоит поставить вопрос о том, отличается ли в каком-либо отношении ее вид и характер при ненамеренном наблюдении ее отмечающих признаков, как это было в предшествующих примерах, от намеренно вызываемого при загадывании с целью узнать. Также, что необходимо добавить, на основании признаков, но не спонтанно себя объявляющих, а получаемых вследствие каких-либо операций. С точки зрения объявления отличия, по всей видимости, не стоит усматривать, исходя из того, что имеется, существует, «витают в воздухе» нечто такое, заряд ли, поле, флюид, не суть важно, да и не определимо, что воздействует соответствующим образом на присутствующее и находящееся где-то рядом и здесь, каким-либо образом связанное с субъектом, которому предстоит умереть. Испытывая со стороны этого существующего и витающего на себе его то или иное воздействие, это связываемое с субъектом присутствие, будь то в человеке, коне или ложке, точнее через человека, коня или ложку, начинает себя соответствующим и наблюдаемым образом проявлять. Получается, что не суть важно, что именно, в то время как важно, в чем и как.

Следующим не менее важным вопросом, точнее тем же вопросом, но с другой его стороны, было бы представление не об объявленности,

а о характере распознаваемой смерти. Будь то вида ее, будь чего-то другого. Отвлекаясь в данном месте от того, что уже отмечалось, передаваясь в словах *к покойнику, умрет на службе, убитому быть, (предчувствует) тяжелую утрату*, обратимся к тому, что, будучи выражено в последнем примере словами *к смерти*, отличается либо не отличается как направляемое, вызываемое узнавание от не направляемого и не вызываемого в примерах, представленных ранее.

Первое, на что следует обратить внимание (обращаясь к преподносимо-му разрешению *к смерти*, а не *к долголетию*), это то, что загадывание и получаемый ответ касаются временем обозначенных рамок – в том году, который приходит, потому что загадывают *На Новый год*. К этому можно также добавить, хотя специфики данное положение не будет предполагать, что *к смерти* того, кто загадывает, т.е. адресативно. Как это было в примерах с рекрутом или солдатом. Однако в отличие от этих двух, обращенность имеет возвратный характер – *к смерти* того, кто загадывает. Получается, сам для себя, ибо нет оснований считать, контекст примера подобное не предполагает, что к смерти как таковой, в данном доме, а может, не только, и тогда неизвестно кого.

Вместе с тем все в предыдущем абзаце сказанное характера и вида смерти не определяет. Какой будет смерть, от чего, устанавливать не приходится. Однако не это было смыслом поставленного вопроса. Оно и не могло бы им быть. Смысл заключается в том, что если некий субъект намеренно и направленно, зная, что делает и зачем, в определенное время, открытое к этому (временная позиция *На Новый год*), вызывает в получаемых признаках, создавая для их проявления условия, представление о своей смерти, – то будет ли в этом случае его таким образом распознаваемая смерть отличаться чем-либо и в каком-нибудь отношении от смерти, распознаваемой по другим основаниям, или же вовсе не распознаваемой.

На первый взгляд, по всей видимости, не будет, ибо не смерть он подобным образом вызывает, не провоцирует ее появление и приход, а узнает, стремится узнать, ожидает она его в следующем году или не ожидает. Вместе с тем смысл вопроса не празден и не вполне лишен оснований, имея заряженный субъективно характер. Взглянуть на это можно с одной и с другой стороны, которые можно рассматривать как две стороны чего-то единого.

Если субъекту приходит в голову, что-то толкнуло его к тому, потребность либо желание, руководимое любознательностью, если не пустым любопытством, узнать, но не то, что ждет его в новом году, что было бы и понятно, и объяснимо, а ждет ли его долгая жизнь или, напротив, назначено ему в этом году умереть, – то о чем-то это может свидетельствовать. Внутренне, неосознанно (скорее всего), его что-то к этому подвело, имеется в нем, опять же неконтролируемое, предчувствие в отношении

своей жизни и смерти. Возможно, что и осознанное и чем-нибудь, какими-то обстоятельствами, подкрепленное. И это была бы одна сторона. Другая сводилась бы к представлению, формируемому, появляющемуся вследствие знания об ожидающей смерти. Как может и должен чувствовать, ощущать себя и вместе с этим жить субъект, знающий, что ему недолго осталось, что в этом году ему предстоит умереть? Подобное состояние принято называть обреченностью. Нет исхода, нет выхода, нет продолжения, известно, что близок в недолгом времени и неизбежен конец.

Переводя обреченность в то, что можно назвать, обозначив, заряженностью или пропитанностью, абсорбцией смерти, невольно приходится, в общем и с этим типичном случае, говорить о таком состоянии проживания, которое в чем-то по-своему погранично, существование неполно, неполноценно, в витальном смысле и отношении пригашено и приглушено. Такой человек уже, собственно, жертва смерти, остается ждать только, когда она придет. Из чего получается, что смерть в этом случае обращается вокруг проявленных перед этим позиций ее конверсии (в ожидании перехода) и состояния (не активного, не интенсивного, экзистенциально и жизненно нейтрализованного). Конверсия подобного рода может быть обозначена как направленно ориентированная, а состояние – как пораженное (детриментное) и перфорированное.

Возвращаясь к тому, что составило первую сторону для того, что обявило себя во второй, с предопределяющим отношением субъекта к распознаванию смерти в ограниченном годом времени для себя, вызванным ли потребностью или праздным желанием, не суть важно, указанные направленную ориентированность и перфорированную пораженность, как признаки, следует видеть не в отношении ожидаемой конверсии и реально переживаемого состояния, а в ощущении, в психологической и эмотивной статальности, определяемой к переживаемой субъектом форме существования. Это также его состояние, и состояние экзистенциально-витальное, но не как осознанное и соответствующим образом проживаемое, а как неопределенно недооформленное, состояние неосуществленного поиска и неполноты. Отсюда отличие – в подаваемости поражению с принятием его для себя при реальности состояния и в подвешенности ненаправленного, неизвестного, не поражения, а неудовлетворения, возможно также, вызванного неуравновешенным ощущением колебания. И тогда то, что второе, при полученном знании, было бы состоянием достигнутого, а первое, при стремлении его получить, недостигнутого витально-экзистенциального дисбаланса с его обращенностью в пока еще проживаемой жизни к *смерти*. Таким приблизительно образом можно было бы то, что себя проявило в примере с промерзшими в ложке (пробитыми поражением) ямками, но не метафорически, объяснять.

Подходя в заключение к общему и проявляющему себя также в частности представлению о признаках, способных служить показателями распознавания ожидаемой смерти, видеть их можно как в ощущениях, так и в характере поведения человека, либо животных, в проанализированном примере коня. Общим было бы не то, чтобы нарушающее некоторую привычность отклонение с представлением в этом о нормативе, сколько то, что можно определить в отношении отмечаемой неожиданности, как то, что заметно, бросаясь в глаза.

Предчувствие приближения смерти, возможно в каком-то случае, также и ощущение ее присутствия, если это имеет место, объявляет себя в том, что, в отношении крошек, *невзначай* выпадающих изо рта, обращается в не ожидаемой, не предвидимой, вдруг охватившей кого-то, дискоординации привычно производимых движений, которые, не контролируюсь, с одной стороны, а с другой стороны, замечаясь, равным и одновременным вместе с тем образом можно рассматривать и как то, что роняющий крошки находится в таком для себя состоянии, что нечто такое подействовало соответственно на него, и как то, что крошки, побуждая к тому, чтобы не падали изо рта, кто-то или что-то тянет, присутствуя, в этот момент к себе. Из чего получается, что это присутствие либо веяние, направление, предопределение присутствия, действует на человека, кого-то из них, не то, чтобы парализующим, но дестабилизирующим, дезориентирующим образом, приостанавливая моторно реализующие себя процессы и проявления в нем.

Еще одну группу распознавательных признаков необходимо связать с обонянием. Появляется запах ладана, конь начинает обнюхивать своего человека. Возможно, что не случайно, оба указанных проявления, прямо ли, косвенно, связываясь с военной службой, военным делом, не исключено, что и военными действиями, обращаются вокруг смерти как следствия того, что придется убитому быть. Если первый случай, с ладаном, относить получалось к тому, что имеет место при отпевании в церкви покойных, как бы в предощущении данного положения, с установлением при посредстве ладана связи с высшим потусторонним, то в примере с конем то, что конь, будет также иметь дополнительное значение. Не только в том отношении, что он чувствует то, что человеку почувствовать не дано, но и по той причине, что связан, во-первых, с солдатом своим особого рода связью, которая определяет их общую, для них обоих, жизнь и смерть, а во-вторых, как конь, т.е. животное, роль которого в древности при погребении заключалась в сопровождении, отправлении умершего, в первую очередь воина, на тот свет.

Третья группа, отчасти соотносимая с первой, поскольку имеющая отношение к еде, характеру поглощения пищи, предполагая особенности в том, как едят, отмечая и видя их как не вполне типичное проявление,

будет связана с тем, что можно представить как интенсификацию, усиление производимого поглощения, с дополнительным расширением в количественном показателе. Что нашло свое выражение в форме *Если кто-то ест с жадностью, и притом ест много*. Характеристика, которая относилась не исключительно к смерти в ее предчувствии, но в целом к *какой-то беде*, для которой *тяжелая утрата*, т.е. смерть кого-то из близких, была одной из возможностей, определяясь, однако, на первом месте. Если предположить допустимое обобщение, в данной характеристике можно отметить, что в случае, когда нечто, производимое кем-либо, себя проявляет в напрашивающихся к определению параметрах 'с жадностью' и при этом 'много', видеть в этом следует то, что предполагает предчувствие появления, прихода, *какой-то беды*. Активизирующая интенсивность в дополнении с мультипликативным квантитативом становится следствием отражаемого в ощущениях такого чувствующего надвигающегося прихода-присутствия угрожающего инобытия.

И, наконец, последнее из рассмотренного, с ямками поражения *На Новый год* в замороженной ложке с водой, в котором можно усматривать двойственный в одновременности своего отражения характер. С одной стороны, от того, кто передает воде через ложку свое «пораженное» к ожидаемому году в смерти своей состояние. С другой стороны, от самой его поражающей в наступающем периоде данного года смерти. Еще не как той агентной сущности, которая неизменно придет, но как нависшей в надвигаемых тучах грозы (используя для лучшего представления метафорику). Как то, что начинает, точнее начнет, себя проявлять в «атмосфере» и форме витального существования, в его длительности во времени и пространстве времени, для лица, поражая сейчас уже ямками поверхность его, в его ложке, воды. Что можно и следует понимать не в об-разном, а концептологическом отношении, переводя это в онтологический план определяемого данной отдельному человеку сущностью его бытия.

Контакты с умершими

Известные во всех традиционных системах взаимодействия живых со своими мертвыми в материале источника также нашли свое, впрочем, не слишком множественное в количественном отношении, отражение. Поскольку поставленная задача, теоретическая в своем основании, не предполагает в подходе к предмету исчерпывающего охвата и полноты, ограничимся тем, что имеется, для общих координирующих рассуждений и иллюстрации.

Те единицы, в которых содержится указание на какой-то характер взаимодействующего, но не прямого при этом, контакта с мертвыми, предполагают, во-первых и главным образом, умерших близких, а во-вторых, со стороны живых контакт не направленный и не намеренный. Это не вызывание и не привлечение мертвых с приглашением, имеющие определенную цель и производимые во время, положенное для подобного рода действий, сопровождаясь необходимыми ритуалами, но либо их не ожидаемое проявление, либо то, со стороны живущих живых, что каким-либо образом, влияя, способствует на положение умерших там, где они пребывают. Два этих вида взаимодействия нашли свое выражение в материале в трех объявивших себя положениях – 1) в распознаваемых к необходимому определению знаках, 2) в том, что следует из ненамеренно производимых действий и 3) при стечении обстоятельств вследствие действий какого-либо предшества.

Первое было бы тем, что содержит сигнализирующее в основе своей указание, исходящее от самих умерших либо связанное с ними каким-либо, в том числе непосредственным, образом. Второе можно определять как акциональное следствие исходящего от живых в отношении мертвых. И третье – как ненамеренное вызывание, сопровождаемое поэтому потревоженным, нарушенным, обеспокоенным состоянием мертвого.

Иллюстрацией первого положения послужит такой пример:

Когда во время топки сильно гудит и трещит в печи, тогда души умерших родственников или просят помощи живых родных, или же вместо горения в аду мучаются в домашней печи; в большинстве же случаев гудение, треск и яркая краснота пламени предвещают бурю.

Сигнализирующее явление

Предполагается равновозможный выбор. То, что *во время топки сильно гудит и трещит в печи*, вовсе не так прямо сразу и непосредственно должно означать, что от мертвых к живым исходит какой-то сигнал, поскольку указывается, что *в большинстве же случаев гудение, треск и яркая краснота пламени предвещают бурю*.

В связи с чем разумным будет поставить вопрос – в каких случаях, если не в их большинстве, понимать это следует как сообщение от умерших родственников либо не от них, но о них. И когда это будет просьба о помощи с их стороны, а когда то, что выражено поражающе и неожиданно – *вместо горения в аду мучаются в домашней печи*. Получается, что это души умерших родственников, обреченные на такого рода страдания,

живших не по справедливости, грешных, неправедных, не заслуживших на пребывание в раю, что привычно было бы видеть в отношении своих покойников. К тому же, что еще более усиливает возникающее недоумение, выходит, что то ли и ада они не заслуживают и в нем поэтому не суждено им гореть, то ли по какой-то причине довелось им мучаться в домашней печи вместо того, чтобы гореть в аду.

Исходя из того, что можно в этом последнем случае предполагать, опираясь на традиционные знания в отношении душ умерших, либо они, и это скорее, не заслужив на загробную жизнь на том свете, этого света не покидают, бродя и блуждая в нем в своей неприкаянности (но тогда возникает вопрос, почему и как они оказались в домашней печи?). Либо, что менее вероятно и что требует углубления в данный предмет, по какой-то причине они с того света, может быть на какое-то время, изгнаны или его, по какой-то еще причине, покинули, на какое-то время опять же, а может, и навсегда. Поставив представленные вопросы, оставим их без ответа, поскольку это не входит в задачу и не определяет характеризуемый предмет, однако будем иметь их в виду при последующем рассмотрении.

То, на что следует обратить внимание, определяет себя в отношении вида и способа подаваемого знака – *во время топки сильно гудит и трещит в печи* и то же самое, но другими словами в конце – *гудение, треск и яркая краснота пламени*. Рассуждая последовательно и логически (ничто не мешает подобное предположить), подобного рода знак, заключенный в печи, как сигнал в отношении умерших родственников, а не как предвестие бури, видимо, будет восприниматься тогда, когда а) хотя это было бы, при всей логичности, слишком просто, бури трудно было бы по допускаемым обстоятельствам ожидать, природа-погода к этому не располагают и ни в каком таком отношении, не проявляя себя, не действуют, не может быть бури, иными словами, как таковой, и б) то, что косвенно с предыдущим, отчасти, связано, имеется предрасположенность, возможно какая-то напряженность, если не ожидание и готовность, у живущих в доме чего-то по поводу умерших родственников. Сами они в этом случае думают, чувствуют, предполагают, что их умершие где-то рядом и здесь. Возможно, исходя из какого-то знания, имеющего к ним отношение, об их, к примеру, неуспокоенности, о незавершенности круга их, в том числе и потустороннего, бытия. Возможно также, прямо думая и считая, что души умерших родственников нуждаются в помощи по каким-то причинам со стороны своих живых.

Тем самым, то, что *во время топки сильно гудит и трещит в печи*, будет определяться домашними как сигнал от своих умерших либо, также сигнал, но о них (при горении в печи вместо в аду), а не как предвестие бури, зависит от сочетания объективных и субъективных параметров. Объективные в этом составе, исходящие от того, что вне, как природно-

погодная предрасположенность, представляют своего рода тему, а субъективные, заключенные в людях и исходящие от людей, представлять будут рему – того сообщения, которое себя выражает через посредство горения в печи, не будучи ни по форме, ни по содержанию равным ему. То сообщение, о котором речь, предполагает горение как сигнал. Как стук в дверь того, кто к кому-то с чем-то пришел. Пришедший будет формой в нем находящегося содержания, а не стук. Формой, тем самым, становятся души умерших родственников, которых не видят по той причине, что они, находясь за дверью (как приходящий, стучась), но не такой, которую можно, впустив их, открыть, но за дверью земного существования, так просто себе войти, объявившись к живым, не могут. А содержанием того сообщения, о котором речь, будет то, что этих умерших касается, просьба ли это от них о помощи у живых родных. Либо – однако не то, что *вместо горения в аду мучаются они в домашней печи*, поскольку это не содержание, а форма, но то, что за этим стоит. То, что можно понять как посмертную невозможность на том свете для них пребывания либо как по каким-то причинам оттуда изгнание, на время ли, навсегда. Если не по каким-то еще вероятным причинам допустимый с их стороны приход. Поскольку не в определении всего этого состояла задача, не будем настаивать на его достоверности, видя смысл лишь в указании на то, что какое-то содержание за этим стоит и что содержание это связывается со своими мировоззренческими и концептуальными основаниями.

Итак, одной из возможностей, обуславливающей то ли появление и приход, то ли получаемое известие от умерших родственников, будет то, что связывается с их пребыванием на том свете, но не вообще и не как таковом, а в отношении необходимости направляемой к ним помощи и поддержки со стороны живых, умершие, иными словами, нуждаются в подобного рода взаимодействии, не живые. Вторая особенность будет предполагать еще один вид узнавания, связываемый с тем, что при том, что их место в аду, по какой-то причине им туда не суждено попасть либо в данный момент они там не находятся.

Применительно к разбираемой смерти описанное положение будет затрагивать, собственно говоря, не ее, а то, что после нее с кем-нибудь из людей происходит, может случиться в силу каких-либо обстоятельств, определив характер его пребывания в загробной жизни, посмертное, пост-мортальное, состояние в каких-то его проявлениях для живых.

Рассмотренную единицу по содержанию следует относить к разряду субстантивно-сигнификативных. Какой-то известный предмет или вещество начинают в себе содержать наблюдаемое в проявлениях нечто, что имеет значение, действует как знак или сигнал. Печь в определяемых признаках гудения, треска и яркой красноты пламени во время топки становится медиативным средством обращенного к людям либо

людьми воспринимаемого сигнала, посылаемого или не посылаемого, однако имеющегося, со стороны тех, которые умерли, согласно все той же наиболее общей модели $A > B$ (если A , то B). Уточняемой формулой будет отмеченная перед этим медиативная инструментальность предмета в признаках, которые предполагают возможность определения заключенного в них содержания, касающегося в разбираемом случае каких-то субъектов (субъекта) S : $MedInstr(Attr) > Sign(S)$.

То, что таким предметом становится печь, а ее признаками гудение, треск и яркая краснота пламени во время топки, равно как и обозначаемое таким способом содержание, касающееся умерших родственников, будет являться проекцией данной общей моделирующей формулы к актуализируемым в ситуации положениям и обстоятельствам. Подобно тому, как в синтаксисе реализуемая в модели «существительное + глагол + обстоятельство образа действия» в виде *Солнце светит ярко* применительно к положению во времени будет иметь, точнее содержать в себе, смысл о том, что не только погода хорошая, но и что, скажем, следует, исходя из этого, что-то иметь в виду, надеть защищающие глаза очки, взять с собой зонтик, ожидать кого-то на пляже и пр. Сходство представленной с солнцем позиции в отношении печи заключается в том, что имеющее отношение к печи (гудение, треск и яркая краснота пламени) уподобляется в отношении солнца тому, что выражено вербально, при невербальной подразумеваемости того, что из этого следует и за этим ситуативно стоит. В то время как то же самое в отношении печи выражает себя в приведенном примере в виде того, что следует после слова *тогда* – *души умерших родственников* и т.д.

Действия, исходящие от живых

Следующую группу составляют примеры акционального следствия того в отношении мертвых, что намеренно и направленно либо ненамеренно и ненаправленно исходит к ним от живых. Таких примеров в материале источника было бы два:

Если подаешь (в качестве милостыни) молоко, то оно заливает на том свете огонь в аду около родственников.

Если вечером принесен целый хлеб и недоеденный оставлен на ночь, то к такому хлебу всю ночь будут собираться души умерших предков, принявшие образ мышей; если кошка поймает такую мышь, то всему дому предстоят неисчислимые бедствия за гибель предка.

Примеры принципиально различны по заключенному в них содержанию. Первый определяет характер не исходно направленного воздействия на положение умерших со стороны живых. Не исходного в силу не переменного обладания обозначенным знанием, – подающий в качестве милостыни молоко не обязательно знает о достигаемом в результате такого действия следствии. Во втором подобного рода воздействия не предполагается. Нечто произошло, осуществилось само собой, не имея к умершим никакого исходного отношения. Умершие предки в виде мышей появляются сами, приходят на хлеб, субстанциональный предмет для них не оставленный. Взаимодействие с ними по этой причине будет иметь стихийный характер, проявляясь как следствие существующего порядка вещей.

Иными словами, если милостыню подают, молоком ли, чем-то другим, то, как правило, делают это с мыслью об умерших близких, предполагая или прямо прося того, кому подают, чтобы он за них помолился, облегчив, тем самым, его положение, в том числе и страдания, на том свете. То, что из этого следует по причине милостыни при помощи молока, не составляя переменного знания у подающего, действует как с его стороны не направленный результат. В то время как принесение вечером целого хлеба и оставление его недоеденным на ночь отношения к умершим близким, подобного с милостыней, не имеет в виду. Все, что далее происходит с недоеденным хлебом, а затем также с кошкой, становится следствием положения, не зависящего от живых, во всяком случае, если быть точным, от них зависящего, но по недосмотру, незнанию, невнимательности, неразумности, легкомыслию и т.п., ни в каком отношении ими не регулируясь и не побуждаясь.

Из чего получают два различных по смыслу типа отмечаемого акционального следствия – побуждаемого, провоцируемого, формируемого и создаваемого, намеренно вызываемого либо намеренно не вызываемого, но, будучи спровоцированным, возникающего, с одной стороны. И спонтанного, не провоцируемого, стихийно не регулируемого, естественным образом возникающего, с другой.

Вновь, в первом случае, появляется, видимо не случайное, представление об огне на том свете в аду в отношении родственников, определяясь в своем положении при посредстве предлога *около*. Коль скоро умершим родственникам приходится находиться в аду и около них разведен огонь, не вдаваясь в установление того, что они собой представляли при жизни и как ее провели, обратить внимание можно было бы на молоко. Раз молоком, подаваемым в качестве милостыни, заливают, можно залить, огонь к аду на том свете для родственников, то, имея в виду семантику молока²⁷ для подобного случая, в акциональном следствии того, что осуществляется, видится значимая цепочка, обуславливающая необходимую

связь, но не просто с мертвыми, а с умершими родственниками, допуская подобного рода взаимодействие с ними.

В начале этой цепочки стоит подающий, обозначим его с помощью индекса S^1 . Выступает он как инициатор контакта, смысл которого, для него, заключается в облегчении участи умерших близких. То, что из этого следует применительно к молоку, может им не предполагаться, а тем самым, и не закладываться. Далее находится не называемый в приведенном примере тот, кому подается милостыня, выступая при этом в двух, а точнее в трех, обусловленных и взаимосвязываемых ролях – 1) как принимающий милостыню от подающего вместе с интенцией в отношении умерших близких с его стороны; 2) как тот, кто, поскольку он милостыню вместе с интенцией принял, должен будет в отношении умерших близких подавшего соответствующие движения молитвой, реализуя интенцию, осуществить; 3) как тот, кто, поскольку способен подобное сделать, т.е. воздействовать через посредство молитвы, иницируемой милостыней, в связи с таким своим положением, выступает посредником, медиатором, одушевленной связью между миром живых и миром мертвых, от первых ко вторым, как правило в одну сторону. Но не просто посредником, а таким, в котором, и это будет еще одна его роль, заключается воздействующая способность влияния, через принимаемую милостыню, на положение умерших родственников подавшего на том свете, в аду. Выступает он в этих всех случаях как скрытый посредник и действитель, субъект-медиатор и приводящий в движение потустороннее, *к о м м о т и р у ю щ и й*, агент – $S^2Ag(MedCommot)$.

В том же ряду находится молоко, подаваемое в качестве милостыни, и, тем самым, не как жидкое вещество и продукт питания, а как милостыня, реализуемая форма ее, выступая, вследствие этого, медиативным средством, $MedInstr$, того, что будет производиться субъектом-действителем S^2Ag , должно им производиться по замыслу.

Следуют далее родственники, находящиеся на том свете в аду, в отношении которых все перед этим сказанное и затевается, выступая в роли объектов интенции, $Obj(Intent)$, со стороны иницирующего подаванием милостыни агента S^1 и, также объектов, воздействия, $Obj(MedCommot)$, на их положение с помощью молока как медиативного средства со стороны S^2Ag .

К этому необходимо добавить *огонь*, который *около родственников* подаванием милостыни с помощью молока заливают, как объект производимого S^2Ag подавляющего воздействия, $Obj(Opress)$. И вместе с этим, как неизбежность, ад на том свете, в котором родственники подающего милостыню себя обретают, как место, локус их пребывания, $Loc(Obj)$.

Все это можно представить в виде формулы, отразив в ней также и скрытые, поскольку не называемые с помощью слов в примере, но

подразумеваемые, компоненты, в связи с чем их можно мысленно и опустить, тем более, что приводимый пример именно это предполагает (даны в косых скобках): $S^1/(AgIntent)/ > MedInstr/(InitS^2)/ > /S^2Ag(MedCommot)/ > Obj^1(Opress)LocObj^2/(IntentS^1/MedCommotS^2)/$ – ‘некий субъект, побуждаемый интенцией, $S^1(AgIntent)$, инициирует своим действием, при посредстве медиативного средства, другого субъекта, $MedInstr(InitS^2)$, побуждая того к совершению медиативного, по своему виду, воздействия, $S^2Ag(MedCommot)$, на подвергающийся вследствие этого подавлению (опрессии) объект, $Obj^1(Opress)$, находящийся в месте, как пребывании, другого объекта, $LocObj^2$, являющегося объектом интенции первого и объектом воздействия со стороны второго субъекта $Obj^2(IntentS^1/MedCommotS^2)$ ’.

И в сокращенной, но обозначенной в формах примера, формуле это выглядит следующим образом: $S > MedInstr > Obj^1(Opress)LocObj^2(S)$ – ‘некий субъект, S , при посредстве медиативного средства, $MedInstr$, действует, способен действовать, подавляюще (опрессивно) на объект, $Obj^1(Opress)$, находящийся в месте более или менее постоянного пребывания объекта, $LocObj^2(S)$, связанного каким-либо образом с S (родственными отношениями в разбираемом случае)’.

Более общим и моделирующим для данного, будучи отраженным в нем, выступает такое стоящее за всем этим концептуальное представление, которое предполагает возможность производимого кем-то воздействия, не исключительно опрессивного, с помощью какого-то медиативного средства, на положение, состояние, пребывающего в другом месте, в том числе и на том свете, лица или лиц, будь то живых, будь то умерших, не обязательно как-то связанных с тем, кто подобное производит: $S > MedInstr > PosObj(Loc)$ – ‘субъект с помощью медиативного средства воздействует на положение объекта в месте его пребывания’. Семантическая и концептуальная единица, стоящая за таким представлением и с ним непосредственно связанная, будет единицей, относимой к разряду субстантивно-медиативных, т.е. таких, в которых находит свое отражение предмет, вещество, нечто неодушевленное, но материальное (не материальное следует относить к другому разряду), что может быть средством, использовано как средство для достижения какой-либо цели.

Пример не направленного и не ожидаемого акционального следствия из того, что случилось, может случиться по причине чего-либо осуществленного, представляет поверие, приведенное ранее (повторим его для дальнейшего рассмотрения):

Если вечером принесен целый хлеб и недоеденный оставлен на ночь, то к такому хлебу всю ночь будут собираться души умерших предков, принявшие образ мышей; если кошка поймает такую мышь, то всему дому предстоят неисчислимые бедствия за гибель предка.

Привлекает к себе внимание целый ряд взаимосвязанных и тянущих одно другое явлений и обстоятельств. Во-первых, то, что а) *вечером*, б) *принесен целый хлеб* (получается, важно, что целый, а не начатый перед тем), что с) *оставлен на ночь*, и не просто оставлен, а д) *недоеденный*. Описываемое таким образом положение, хотя об этом прямо не говорится, предполагает семейную трапезу, ужин, во время которого, как правило, после долгого трудового дня собираются все домашние.

Продвигаясь далее в определении, во-вторых, видим то, что а) *к такому хлебу всю ночь* (важным оказывается и то, что *к такому хлебу*, и то, что *всю ночь*) б) *будут собираться души умерших предков* (получается, что души не любых умерших, что понятно и объяснимо, а своих, и не просто своих, но предков, те, кто не предки, пусть даже и родственники, собираться к такому хлебу не будут, и собираются именно души, в такой своей ипостаси, а не какой-то другой), и, как сообщается, что также немаловажно, с) *принявшие образ мышей*.

И, наконец, еще одно, в третьих, а) *если кошка поймает такую мышь*, и не просто поймает, а уничтожит и, вероятно, при этом съест, из чего неизбежно следует б) *гибель предка*, то, но это было бы самостоятельным обстоятельством, поскольку получившимся следствием, – *всему дому предстоят неисчислимые бедствия*. Какие именно бедствия, впрочем, не называется, а предположение по поводу смерти (поскольку это предмет) кого-либо из домашних было бы необоснованным. Иными словами, нет представления «душу за душу», за одну погибшую душу другую, душу потомка за душу предка.

В этом месте следует обратить внимание на то, что, с одной стороны, получается, что душа, пусть будет предка, поскольку о другой речи нет, не бессмертна и может погибнуть. С другой стороны, при каких-то способствующих к этому обстоятельствах, которые, исходя из примера (не будем входить основательно в этот вопрос), определяются, по крайней мере, в пяти отношениях – тем, что 1) *к такому хлебу*, что 2) *на всю ночь*, что 3) *будут собираться души умерших предков*, т.е. в совместном составе с другими, тем, что 4) *принявшие образ мышей*, не какой-то другой, и важно, что материальный, видимый, образ принявшие, и, наконец, тем, что 5) *если кошка поймает такую мышь*.

Начиная с хлеба, того представления, которое заложено в нем. То, что он *целый*, с одной стороны, а с другой стороны, *недоеденный*, предполагает, в разбираемом случае не намеренное, приглашение предков к семейной трапезе, бывшей совместной, проекцию или аспект ритуального (как намеренного) их кормления, производимого в определенное календарное время (об см. в сноске 3, работы Л.Н. Виноградовой и С.М. Толстой, М.Д. Алексеевского, О.А. Седаковой, А.К. Байбурина и др.). Смысл подобного приглашения и кормления состоит в поддержании связи с ними, име-

ющей, в качестве очевидных и регулярных, две основные цели. В качестве первой – задабривание, с тем, чтобы получить поддержку, способствование с их стороны для достижения удачи, благополучия, плодородия, урожая посевов, плодов, добра в отношении домашней живности и скота. В качестве второй – поддержание их на том свете, тем, что помнят о них, заботятся, не оставляют и помогают. Поскольку происходящее не имело отмеченно ритуального и обусловленного календарно характера, по внешнему виду ему вместе с тем соответствуя (*целый хлеб, вечером принесен, недоеденный, оставлен на ночь*), души не приглашенных предков приходят сами, собираясь *к такому хлебу всю ночь*. Это последнее, то, что *всю ночь*, определяясь в характере производимого ими действия в форме *будут собираться*, предполагает растянутость, неодномоментность их появления и прихода. Не только во времени, но и в пространственно-временном отношении (относя это к слоям, периодам времени, их порядкам, эпохам), за которым стоит, ибо это следует допустить, представление о генеративной диахронии, применительно к предкам уходящих вглубь поколений²⁸.

Приходящие *души умерших предков*, принимая *образ мышей* и собираясь *к такому хлебу всю ночь*, принимают подобный образ, как следует полагать, непосредственно в доме, сомнительно, чтобы до этого. А поскольку это предки разного, в поколениях отмечаемого, возраста, то и по времени они собираются в определенной последовательности (так, чтобы во *всю ночь*), от более поздних к более ранним, и сами мыши, образ которых они принимают, будут между собой отличаться, возрастом либо чем-то еще. В связи с этим, идя в таком рассуждении, небезразличным должно быть то, какую именно *кошка поймает такую мышь*. В зависимости от древности и глубины во времени происхождения предка, различными в своей тяжести и характере будут те *неисчислимы бедствия*, которые *всему дому за гибель его предстоят*. Впрочем, это был бы вопрос, выходящий за рамки предмета, представлялось, однако, не безразличным все же отметить его.

Обращаясь к предмету предпринимаемого рассмотрения, обратить внимание следует на то важное обстоятельство, что возможна *гибель* уже умершего *предка*. В том случае, что необходимо добавить, если душа его принимает материальную форму, в разбираемом отношении приняв образ мыши, и если в доме своих потомков, придя к ним, совместно с другими мышами того же рода, на угощение, ненамеренное с их стороны, исходя из примера, его их кошка поймает и, видимо, уничтожит и съест. Что за этим стоит? Вторая ли смерть, души на сей раз, принявшей образ мыши, и тогда, получается, душа не бессмертна и можно ее, уничтожив, убить. Или под *гибелью предка* не смерть, еще одну, следует понимать, а что-то другое. Неспособность, что очевидно, далее, в образе ли мыши либо как-то еще, появляясь к живым по ночам, приходиться? То ли, что можно

представить себе как погубление, затраченность или утраченность, потеряность, ущербность и выморочность*, для настоящего и с этим будущего бытия, определяемого ли, пусть и не в осознаваемых, воображениях о возрождении (не обязательно инкарнации), либо возможном восстании из мертвых на Страшном суде?

Трудно решить однозначно, что может стоять за этой самой гибелью. Однако, поскольку тогда *всему дому предстоят неисчислимые бедствия*, то, во-первых, будет иметь это отношение к дому и, тем самым, к домашним, потомкам, семье во всей совокупности, не кому-то из них одному. Поскольку именно в доме, что видится необходимым добавить, подобного рода несчастье с предком произошло, посредством домашней кошки, существа не случайного в разбираемом контексте. А во-вторых, и из этого будет следовать важное концептуальное положение, *предстоят неисчислимые бедствия* еще и потому, что родовое общее основание предков с потомками, будучи целостным (*целый хлеб* в связи с этим, который, *недоеденный*, предкам можно и нужно доест, приобщившись через него к своим живым от своего же мертвого), – основание это гибелью предка окажется, будет подорвано. Получившаяся в результате вырванная дыра, открытый провал и пролом, незащищенный, не огражденный и не поддержанный, становится восприимчивым к тому, что обрушивается в него как *неисчислимые бедствия*. Потому и *неисчислимые*, что нет им предела-конца и могут, способны, в отверстую прорву для них проникать беспрепятственно.

И, наконец, еще одно, то, что касается кошки в ее, в том числе и мифологическом, отношении к мышам (связи подобного рода опустим, как требующие отхождения в сторону и обстоятельности). Роль ее в разбираемом случае можно представить в двух отношениях. С точки зрения дома, это кошка домашне-семейная, а потому и хранительница не только домашнего очага, но и своих людей, в том числе от нечистой силы, от духов потустороннего, приносящих зло и, как получается из примера, также от мертвых, данного рода также и в том числе, поскольку предков. Можно ли считать это последнее положение защитой домашних или, как получается, наоборот? Если бы предки пришли с ритуально-обрядовым и календарно положенным приглашением, сомнительно, чтобы нечто подобное, приводящее к гибели предка, произошло. Промах ли то, что случилось, по-

* От «**ВЫМÁРИВАТЬ**, выморить кого чѣмъ, морить поголовно, т.е. истреблять, изводить голодомъ, холодомъ, отравой, или дурнымъ содержаніемъ, тяжелой работой ипр.; также || домучить кого, маять, истомить, гнести невыносимо, особенно недостаткомъ въ пищу. ... Выморочный, вымершій. *Выморочный родъ. Выморочное имѣнье*, остальное послѣ вымершаго рода, послѣ владѣльца, умершаго безъ наслѣдниковъ». (В.И. Даль: *Толковый словарь живого великорусского языка*. В четырех томах, Москва: Русский язык, 2000 (по изданию 1955 г., набранного и напечатанного со второго издания (1880-1882 гг.), т. 1, с. 299)

скольку без приглашения, был бы со стороны кошки или что-то другое? Не исключается также и то, что, коль скоро мыши, а согласно традиции, мыши в доме вещают смерть (впрочем, в зависимости от того, что они делают²⁹), то поведение кошки с распугиванием их и уловлением одной из них также имело бы, но в отношении смерти, если не защищающий, то упреждающий, отводящий характер.

Вторым основанием роли кошки было бы то, что можно представить себе, и это следует из важного концептуального положения, как исходно заложенный в происшедшее с гибелью мыши, а поэтому и не случайный характер. Но не фатумный в смысле злодейки-судьбы, а положенный, подошедший и подведенный к своему исполнению. То, что произошло, произошло потому, что должно было произойти. В этом случае и в этой роли своей выступала бы кошка орудием, средством, но не как предмет, а как дух, как духовная ипостась реализуемого через нее назначения. Получается – и в этом месте следуют два, скорее всего взаимосвязанных, вывода, – получается то, что кому-то из предков, принявших образ мышей, положено было ему назначаемую гибель, испытав на себе, претерпеть. В силу каких-то заложенных в нем ли, в порядке ли существующих либо сложившихся положений, причин, не суть важно и не предмет это для размышлений. Вторым, в свою очередь, было бы то, что назначенное касалось бы также всех живых представителей рода обреченного гибели предка. В связи с чем и обрушиваются на них, поскольку должны, им предстоящие *неисчислимыя бедствия*.

Возможен еще один вывод, менее космический в происхождении и потусторонний в трагизме своем. Экзистенциально-витальный, в отношении дома, и психологически-бытовой. То, что *кошка поймает такую мышь* по недосмотру, по невнимательности, неосторожному легкомыслию со стороны домашних, пренебрежению ими правилами, регулируемыми взаимосвязи и отношения мира живых с миром мертвых, с душами предков, а также того, что случается ночью (если оставить недоеденный хлеб от целого на столе). Иными словами, по глупости, следующей из неосведомленности, недостаточной осведомленности, не придавания значения либо незнания – миропорядка и следующего из него положения вещей, крайне важных в своих значениях и возможных последствиях. В этом случае то, что произойдет применительно к кошке с гибелью предка в виде неисчислимыя бедствия, обрушивающихся на весь дом, становится, но не карой, а неизбежным следствием нарушенного миропорядка, по незнанию ли, по недосмотру ли, несущественно, поскольку, действуя по своим законам, то, что имеется и существует, субъективности подобного рода никак не учитывает.

Обращаясь еще раз к примеру с хлебом, мышами и кошкой, но на сей раз с точки зрения разбираемой темы, с тем чтобы определить в этом

контексте все то, что было предметом установления до этого, в отношении разряда, к которому данную единицу следует относить, а также модели и формул, реализующих ее в какой-то последовательности и отражающих то, что было названо концептуальными и семантическими единицами, – обращаясь к примеру с подобного рода задачей, внимание следует обратить на то, что имело бы свое выражение в смерти.

Положений, прямо либо косвенно связанных с этим, было бы три. Во-первых, то, что касается *душ умерших предков*, которые собираются к хлебу, принимая образ мышей. Во-вторых, то, что предполагает возможную в этом случае *гибель предка*, при условии, если *кошка поймает такую мышь*. И, в-третьих, применительно к *неисчислимым бедствиям*, которые в этом случае предстоят всему дому и которые могут также в себя включать, хотя и не обязательно, чью-то смерть либо смерти.

Три указанных положения в типологическом отношении, что вполне объяснимо, будут не совпадать. Начнем с рассуждения о душах умерших предков, в которых содержится представление о том, что а) умершие для живых умерли, но, имея душу, способны в этой форме далее существовать, для живых в том числе (где и как, не будет вопросом для разрешения); б) обладая способностью существовать, умершие души могут себя объявлять, приходя в этот мир и в нем каким-либо образом появляясь; в) часто такое их появление в этом мире связывается с приходом к своим, потомкам, близким, родным, в определенное время либо по какому-то поводу; г) таким поводом может быть приобщение к родовому хлебу, кормлению, в доме своих потомков; д) появляются души умерших обычно ночью, а при приобщении к родовому хлебу е) принимают, как правило, образ мышей.

Полученные в шести пунктах проекции можно рассматривать как концептуальные и семантические единицы того предметного мира, который находит свое отражение в материале поверий-примет. Вместе с тем, применительно к разбираемому предмету, интересоваться нас будет тот поворот, который, предполагая контекст примера, направлен к семантике смерти, не в общем и целом стоящей за сказанным, а в актуализируемом к представляемому в данной поверии отношении. Важным видится в этом случае то, что будет связано с выведенным в отношении смерти вторым и третьим, т.е. в полученном, как возможное, следствии гибели предка и неисчислимым бедствиях, не исключающих гибель и смерть, но на сей раз не предка, а кого-либо из живых.

Можно отталкиваться в решении этой задачи от того, что лежит на поверхности, – поскольку мышь, то и кошка, а коль скоро так, то и возможна искомая вследствие этого гибель души в виде мыши. Однако более обоснованным, с точки зрения мотивации и полагаемого к этому смысла, было бы видеть не форму себя объявившего таким образом положения,

а то, что за ней стоит и с ее помощью себя выражает. В этом случае акцент будет падать на то, что имеет три, в концептуальном и мировоззренческом отношении, взаимосвязанных основания – то, что оставлен хлеб (с добавлением к этому, целый и недоеденный своего родового), то, что к этому хлебу собираются души умерших предков, и то, что души умерших предков способны быть в этом мире, подвергая себя опасности, принимая ту или иную форму и вид, каким-то образом истреблены (что и как из этого следует для такой погибшей души, не будет предметом для разрешения).

Хлеб, через кормление и приобщение умерших к нему, выражает идею поддерживаемого единства своего родового в живом и мертвом своем, как двух сторон обуславливающего неистощение рода взаимодействия. Идею того единства, которое в хлебе и через хлеб имеет с а т у р а т и в н ы й (питающий и насыщающий то и другое, взаимно) характер. Приход, появление, соби́рание к хлебу душ умерших предков необходимо рассматривать в этом ключе как следующее из единства живых со своими мертвыми и, в обратную сторону, взаимодействие, которое периодически, время от времени, должно, актуализируясь, обновляясь и повторяясь, себя таким образом реализовать. Связь должна быть поддерживаема, в противном случае она угасает. И это был бы и т е р а т и в н ы й характер поддержки с т а б и л и т а т и в а того единства, о котором применительно к хлебу шла речь.

Стабилитатив родового единства, вместе с тем, может быть поколеблен, а в крайне тяжелом случае также нарушен, если не прерван, в том числе и истреблением души умершего предка – прорывом в единство родового целого организма начала (в кошке), несущего гибель, содержащего гибель в себе. Но не как еще одну смерть, а как губительное вторжение, способное потянуть за собой разлад и распад. И это было бы то, что можно считать как открытый для потенциального поражения, детри-ментно-оппортунистивный*, характер стабилитатива, проявивший себя в разбираемом примере в том, что души умерших предков появляются в этом мире в незащищенной, поскольку материализованной, форме в виде мышей.

В формуле это выглядело бы таким каким-нибудь образом: $Stabil(IteratSatur) > UnitGen(VivMort) < DetrimentOpport(MortIndefens)$ – ‘родовое единство своих живых и мертвых, $UnitGen(VivMort)$ (в центре, поскольку основа всего), поддерживается в своей стабильности продолжающимся в своих повторениях подпитыванием, питанием и кормлением (в первую очередь, со стороны живых), $Stabil(IteratSatur)$, будучи вместе

* Лат. **dētrīmentum, i n** [detĕro] ‘убыль, ущерб, убыток, потеря; урон’; ‘уменьшение’; ‘поражение’; **oppoŕtūnus, a, um** [предпол. из ob portum, sc. situs] ‘легко подвергающийся, подверженный, ‘склонный к заболеваниям; ‘незащищенный, уязвимый’.

с этим подвержено, в силу своей открытости, возможному поражению, *DetrimentOpport*, следующему (для разбираемого случая) из незащищенности мертвых, в материальной форме, принимаемой ими в мире живых, *MortIndefens'*, с возможным дальнейшим определением к этой форме, что выходило бы за рамки парадигматики.

В отношении смерти следовало бы добавить то, что будет связываться с положением умершего (умерших) после нее. Не выводя всего возможного остального, поскольку материал разбираемого примера способности к этому не дает, получались бы, складываясь, два, точнее три, основания. То, что предполагается не имеющий в виду оживления (как восстания из мертвых), а потому и не имеющий вид обращения (конверсии), к миру живых переход после смерти, который потенциально опасен (и это второе) утратой, так надо думать в отношении гибели, своего естества, трудно сказать, какого по природе своей, но, видимо, можно было бы относить это к понимаемой широко экзистенции. И это было бы третьим. Развивало бы все это позицию состояния в схеме представленной ранее. Напомним, дополнив, ее:

Событие		
Конверсия	Агентная сущность	Трансверсия
Состояние (в смерти)		
Положение (после смерти)		
Трансмиссия (как переход к живым из мира мертвых)	То, что грозит утратой (экстерминатив)	Утрата (амиссия) своего естества
Потенциальная опасность утраты (оппортунавтив)		

Поскольку в рассмотренном нашло свое отражение то, что было выражено в отношении равным образом *душ умерших предков* (во-первых) и *гибели предка* (во-вторых), остается каким-то образом отнести к последнему (в-третьих). В поверии сообщается, *если кошка поймает такую мышь* и далее – *то всему дому предстоят неисчислимые бедствия*. То, что *предстоят* они вследствие *гибели предка* и что можно было бы под этой гибелью понимать, ранее объяснялось и в данном месте не это будет предметом установления. Видимо, не без оснований выраженное

при посредстве *если кошка поймает*, исходя из типичной для предсказаний неоднозначности, можно воспринимать и как то, что *неисчислимые бедствия* внутренне уже существуют, в реальность действительного заложены и потому с неизбежностью произойдут, а то, что *кошка поймает такую мышь*, есть не что иное, как знак, с одной стороны, и проявляемый соответственным образом способ, с другой, их, в отношении живущих потомков данного предка, реализации.

Иными словами, не что иное как исполнение, в начале его, того, что имеется как предначертанное. Положено, суждено по каким-то причинам и основаниям, в силу того, что *всему дому* они *предстоят*, *неисчислимым бедствиям* посетить этот дом, обрушиться, пасть на него. Равным образом, как причина ли или как следствие, не суть важно, поскольку возможно и то и другое в различных случаях, – равным образом, как и то, что суждена, по каким-то опять же причинам и основаниям, *гибель предка*, которую кошке, поймав его в виде мыши, положено осуществить.

Из чего получалось бы, что говорить приходится не о смерти как таковой, и тогда это не был бы предмет обсуждения, но о чем-то принципиально ином, чего смерть могла бы быть лишь какой-то частью (и могла бы также не быть), входящей в общий состав того, что представляют собой *неисчислимые бедствия*. Вместе с тем, исходя из этого, если смерть как часть этих самых бедствий предположить, в известном смысле как часть не определяющую и не ведущую, возможно теряющуюся, нивелируемую в своей силе и значимости на фоне и в отношении других, при сопоставлении с ними, небезосновательным было бы охарактеризовать ее также и в этом ключе.

Смерть, а возможно и скорее всего, не в единственном, а во множественном числе, т.е. смерти, в ряду и составе того, чем являются *неисчислимые бедствия*, имея в виду живых, а не мертвых, поскольку применительно ко *всему дому* говорится о них, была бы частным выражением в цепочке событий того, что связывается с конверсией в неисчислимых бедствиях в отношении к целому роду, в потомках, но также и в предках его (см. отражения в схеме). Как частное, смерть, и с этим смерти, представлялась бы как проекция для конверсии чего-то большего, чего, в ряду и в соотношении с другим, она была бы осуществляемой формой ее (конверсии) исполнения (персекутива).

Если *неисчислимые бедствия* понимать как средство действия к истреблению (экстерминативу), т.е. полному либо пораженному в основаниях уничтожению рода, в достаточности значимого существования для него, смерть отдельного его представителя и представителей была бы тем, что можно определять как воплощаемое в людях его (истребления) объявление, проступание, экстерминативный эманатив. Выступая в этом случае не как нечто отдельное и самостоятельное, а как проявление концептуальной парадигматической схемы чего-то другого, не обязательно

большого и стоящего на порядок выше, в мысль представления о том, что уничтожается, истребляется все, в том числе и люди вместе со всем.

И тогда, если уничтожаются и истребляются также и люди, втянутые в круговорот того, что несут *неисчислимые бедствия* и что они собой представляют, то можно ли и, главное, стоит ли понимать это только в значении ‘смерть’? Она там присутствует безусловно, но не об этом как исключительном речь. Речь не о смерти как таковой, а о прекращении существования (для кого-то, чего-то), с вычеркиванием, элиминацией, этих кого-то, чего-то из состава подобных им. Смерть в этом случае будет, как уже отмечалось, формой, частью, одной из форм, а также и вместе с этим средством, опять же одним из средств, партиитивным инструментом, общего элиминатива, поскольку при этом стирается все, культура, сознание, память, уклад, продолжение, начало, истоки, развитие, потомство и предки данного дома, его форма и сущность как естества.

Понимая, с учетом сказанного, *неисчислимые бедствия*, и это было бы более обоснованным, не как окончательный и неотвратимый элиминатив в отношении дома, о котором в поверии речь, но как вырванное из общего целого каким-то куском, через *гибель предка*, положение, состояние, основание (возможно и то, и то) домашнего и родового с этим вместе, если не благополучия, то равновесия и покоя, – понимая все это в таком повороте, характеризующую в отношении элиминатива смерть (и смерти) следует воспринимать также как партиитивный инструмент, но не элиминатива, а поражения, обрушиваемого на дом и род, т.е. детриментива. Ярким примером подобного детриментива может служить знаменитая фраза Меркуцио, посылаемая им в форме предначертания *Чума на ваши дома* (на *ваши оба дома* в другом варианте), не исходящая собственно от него, но во исполнение того, чему следует быть и что он смог ощутить в момент перехода к смерти, при своем обращении на ту сторону, когда этот мир начинает видеться в более полном контексте. И в этом случае также *чума* – это не только смерти отдельных людей, представителей рода и рода как такового, это *неисчислимые бедствия*, связываемые с подрывом, уничтожением, возможно также и истреблением в последнем и крайнем случае, родовых основ, витально-экзистенциональной формы и сущности единицы (нескольких единиц) данного существования, дома и рода в наглядном и внешнем своем объявлении.

Поскольку все сказанное не касалось смерти как таковой, а нечто большее либо другое не составляло предмет рассуждений, представление его в моделирующем и формульном виде опустим. Показано было все это для того, чтобы, с одной стороны, обратить внимание на то, что, будучи выражено в поверии в форме *неисчислимые бедствия*, может предполагать как частное также и смерть, а с другой, с этим частным связанной, то, что смерть, не являясь концептуально чем-то отдельным и самостоятельным,

точнее, когда таковым не являясь, в мировоззренческом отношении, для сознания и разбираемого предметного мира, способна и может себя проявлять как неразрывно связываемое с чем-то иным проявление.

Случайное вызывание

Еще одна единица, и последняя, из выбранных для иллюстрации отраженных в повериях представлений о взаимодействии с мертвыми (на материале источника, поскольку, как уже отмечалось, не в исчерпанности определяемого состояла задача), – отражает произошедший, по стечению не закладываемых и не предполагавшихся обстоятельств, контакт, в результате, вместе с тем не случайного, действия каких-то предшествий. Нечто, что совершилось кем-то до этого либо что получилось, сложившись, в силу каких-то условий, действовало таким образом, что открылась возможность к приходу и появлению мертвого. На примере источника это выглядит следующим образом (допустимы также другие подобного рода случаи, что понятно и объяснимо, но не об этом речь):

Если уснуть в постели, куда нечаянно была положена скатерть, то можно увидеть во сне мертвеца, который будет томить и мучить всю ночь.

Приход мертвеца предполагает его появление во сне, при этом он не обязательный, ибо, как сообщается, *можно увидеть*, следовательно, можно и не увидеть, и сопровождается этот приход тем, что спящего такой приходящий во сне мертвец *будет томить и мучить всю ночь*. С точки зрения традиционного восприятия и сознания, во сне или наяву приходит мертвец в отношении его появления не существенно, и то и другое о чем-то свидетельствует и что-то собой знаменует. Приход наяву разве что может сопровождаться большим переживанием страха, возможно при этом парализующего.

Прежде чем подойти к выяснению того, отчего и с чем приходит мертвец к уснувшему, коль скоро *будет томить и мучить всю ночь*, следует обратить внимание на побуждающее его подобный приход обстоятельство – то, что засыпают *в постели, куда нечаянно была положена скатерть*. Станным и необычным может представиться то, что в постель кладут скатерть, к тому же по недосмотру и невнимательности, не контролируя и не задумываясь над производимым действием, поскольку *нечаянно (была положена скатерть)*. Тот, кто ее положил, получается, действовал по наитию, поддаваясь импульсу, скорее всего, в забытьи, ведомый не волей, а чем-то внешним и, видимо, потусторонним. Положение, которое при таком повороте оказывается и предстает не случайным.

Стоит задуматься также и над еще одним обстоятельством. Не полностью ясно и недостаточно очевидно то, что если в постель была положена кем-то до этого скатерть, то тот, кто потом в такой постели уснул, на эту скатерть, получается, лег, не почувствовав? Или, что также возможно, скатерть в этой постели, поскольку была положена, какое-то время до этого полежала, а в момент засыпания в той же постели уже не лежит. Осталось «место» от скатерти, и на это место после нее, что, видимо, важно, никто до уснувшего в этой постели перед ним не ложился.

Первое из названных положений следовало бы из ощущения контекста, передаваемого в разбираемом тексте словами. Это то, что сразу приходит при прочтении в голову. Второе, хотя никак дополнительно не оговаривается, скажем с помощью слов *раньше, перед этим, до этого (была положена скатерть)*, но от поверий трудно было бы ждать уточнений, это второе следовало бы из привычно воспринимаемой ситуации. Сомнительно, чтобы кто-то, не глядя, на скатерть в постели лег, разве что, если она положена не прямо так сверху, а под подушку, под простыню, под перину, что было бы мало правдоподобно. Возможно еще одно положение, при котором на скатерть в постели ложится тот, кому предстоит в ней уснуть, в таком же замутненно-туманном сознании и забытии, не видя и не понимая, в каком, как ранее это определялось, действовать мог скатерть в постель положивший.

Если принять помутненность сознания с утратой контроля, предполагая действие под влиянием каких-то внешних невидимых и потусторонних сил, будь то при положении скатерти либо при положении себя на нее, то можно было бы тогда говорить о предопределенности и неслучайности всего того, что из этого далее в описании следует. Получается, что явление уснувшему во сне мертвеца имеет характер отнюдь не спонтанный, а преднамеренный. Для чего-то, с какой-то целью, самому ли мертвецу или тому, что либо кто за этим стоит, необходимым был подобного рода контакт с неслучайно уснувшим в постели, *куда нечаянно* (но, возможно, опять-таки не случайно) *была положена скатерть*. И это было бы то, что можно представить как первое разрешение.

Вторым, в свою очередь, было бы то, что скатерть была положена, неважно по бесконтрольному ли движению либо наитию и действию внешних сил, но без ранее перед этим закладываемой какими-то силами цели, – и это, как следствие, привело к тому, что на эту скатерть, ибо так это получается, приходит во сне к уснувшему какой-то мертвец. *Какой-то* было бы в данном месте определением не случайным, поскольку не следует ни из чего, что этот мертвец каким-либо образом с уснувшим в постели со скатертью связан, что он его близкий, родственник, потомок, знакомый. Мертвец приходит на скатерть в постели, в которой кто-то уснул, из чего получается, связан он с этой скатертью, а не с уснувшим. В связи

с чем стоит вспомнить два привязываемых к умершему обстоятельства, о которых ранее упоминалось. Во-первых, саван, в котором в гроб кладут мертвеца и с которым тот (по рассказам из сборника А.Н. Афанасьева) неразрывно связан, именно таким образом, что непременно приходит за ним, преследуя, мучая и томя, вплоть до угрозы убийства-смерти, того, кто этот саван у него отберет. И, во-вторых, стол, со скатертью, и это обычно, на нем, на который кладут после смерти усопшего (о связи сна и смерти, мертвого, в данном месте не видится необходимости говорить).

Из чего получается, рассуждая последовательно, что какие-то мучающие умершего неисполнения, то, что его томит и тревожит, не давая возможности обрести необходимо-желанный по смерти покой, эти неисполнения, с одной стороны, побуждают его появляться к живому, если не прямо так к кому-либо из людей, то в этот мир возвращаться, приходя из того, время от времени либо, что также возможно, не покидая этого и в блуждающем положении находясь. А с другой стороны, те же самые мучающие и томящие его неисполнения, через посредство скатерти позволяя прийти, оборачиваются для уснувшего в такой постели тем, что пришедший мертвец его *будет томить и мучить всю ночь*. Потому и тем *будет томить и мучить*, что томит и мучит его самого.

Происходящее вследствие всего сказанного взаимодействие, исходящее изначально от мертвого, самого ли томящегося мертвеца либо того, что действует от него, направленное или же не направленное, но в силу имеющихся для того, кто умер, причин не случайное, следующее из естественного в том и этом мире порядка вещей, – взаимодействие это, определенное в своем характере, с точки зрения мира живых, как сложившееся, точнее случившееся, при стечении обстоятельств вследствие действий предшества (в отличие от распознаваемого в знаках либо следующего из производимых действий), взаимодействие это в то же время видится в своем нерешаемом определении как безрезультатное. Томление и мучание во всю ночь уснувшего в постели со скатертью со стороны мертвеца, приходит ли он потому только, что скатерть либо место скатерти заняты и на них легли, и именно это его беспокоит, либо же потому, что скатерть открывает возможность прихода, а томит и мучит его нечто другое, – во всех этих случаях разрешаемого выхода из положения нет. Мертвец не получит, не исключено, что желаемого, удовлетворения со стороны живого, ибо ничто в поверии это не предполагает, а уснувший в постели живой, промучавшись и протомившись всю ночь, не встанет утром с мыслью о том, что для приходившего мертвеца ему следует что-то сделать, освободив ли его от мучений либо как-то помочь, поскольку обратного действия с его стороны не закладывается. Описанный в результате контакт можно видеть как иллюстрацию вероятного и не редкого взаимодействия как такового, не сопровождаемого какими-то следствиями, наставлениями,

предостережениями и осуществлениями. Так бывает – и все, если сделать что-либо, имеющее отношение к мертвому, по незнанию, ненароком, случайно. Если так поступить, то и жди тогда его, в том числе и во сне, появления.

Возвращаясь к вопросу о смерти, поскольку именно это предмет рассмотрения, говорить на этом примере приходится об особенностях по-смертного положения (см. в показанной ранее схеме), предполагающих вызываемый теми либо иными причинами контакт, направленный к живым от мертвого, отмечающий, через возможность их появления и прихода, какую-то разновидность от них исходящего взаимодействия. Взаимодействие это возможно также, что само собой разумеется, и в обратную сторону, от живых в направлении к мертвым, но этого нет в разбираемом примере, в котором нашло свое отражение, как было показано, беспокоящее, тревожащее, не оставляющее отношение с их стороны, без каких-либо далее предполагаемых, хотя и возможных как таковые, последствий.

В моделирующей формуле, по все той же наиболее распространенной модели в ее основе $A > B$ (если A , то B), это могло бы выглядеть следующим образом: $S[(ProCas) > (MedInstrMort)] > Mort(Advent) > Perturb(S)$ – ‘субъект, непродуманно случайным (казуальным) образом проявляющий себя, $S(ProCas)$, в отношении медиативного средства для мертвого, $(MedInstrMort)$, подвергает себя опасности появления, прихода мертвого, $Mort(Advent)$, которое будет тревожить и мучать его, $Perturb(S)$ ’.

Приведенное в одинарных кавычках можно рассматривать как определение концептуальной и семантической единицы предметного мира поверий-примет, в его связанном с представлениями о смерти фрагменте. В свою очередь, то, что нашло свое отражение в самом поверии, было бы смыслом, имеющим отношение к разряду проективно-пертурбативных средств выражения, т.е. таких, в которых содержится представление о проявлении, поведенческих действиях, не осознанно целенаправленных актах, которые предполагают в ответной части, в реактиве, какое-то вызываемое этими действиями беспокойство, то, что может либо будет тревожить, мучить, возможно также преследуя, не оставлять.

Нежелательные обстоятельства собственной смерти

К разряду проективно-пертурбативных, отношения к взаимодействию с мертвыми, впрочем, никак не имеющих, видится небезосновательным отнести такой пример из материала источника, определив его в положении, означенном в подзаголовке:

Нельзя ложку вверх вогнутой стороной класть, не то умрешь с раскрытым ртом и глазами.

Подобного рода предостережений могло бы быть много больше, однако, как отмечалось неоднократно ранее, не в полноте охвата и не исчерпанности всего возможного в том или ином отношении материала заключалась задача.

Первое, на что следует обратить внимание, это на то, что умереть *с раскрытым ртом и глазами* является положением, которого следует избегать. Не из эстетических, а мировоззренческих соображений. Не вдаваясь в детали подобного обстоятельства³⁰, поскольку это не входит в предмет и не в этом дело с точки зрения поднимаемых вопросов, определить, в аспекте стоящей задачи, это самое *с раскрытым ртом и глазами* при умирании можно как состояние незаконченности, как незавершение, которое предполагает, с одной стороны, то, что умерший не умер, по существу, до конца, в том смысле, что не ушел, а точнее, пользуясь общепринятым определением, *не отошел*, понимая это буквально. С другой стороны, связанной также и с первой, его это самое *не отошел* и пребывание пока еще в этом мире (в какой-то части либо всего целиком, не существенно) отмечает и выражает себя, через раскрытый рот и глаза, в своего рода испуганности. Смерть, приходя ли, и он по этой причине увидел ее, либо настигла его, дав почувствовать измененное вдруг состояние при невидимости для него, – смерть, в том либо ином своем объявлении, его напугала, и эта застигнутая в результате напуганность (но не страх), схваченный в ощущении пережитым момент и изобразились в застывшем в таком выражении лице.

То и другое, объединяясь в своих проявлениях к отмеченной незавершенности перехода от жизни к смерти в значении с о с т о я н и я, ведет к тому для живых, остающихся при умирающем, что, как говорится в тех же повериях с приметами, покойник с открытыми глазами *высматривает себе другого*, кого за собой забрать. По этой причине, возможно, что не единственной, их надо ему закрыть. А раскрытый рот, продолжая рассуждать в той же линии, может быть тем, что способствует прониканию в тело умершего либо какой-то блуждающей, неприкаянной, а потому и несправедливой, грешной, души, ищущей плоти вхождения для себя. Хотя это не возрождение, а материализуемая в теле другого способность к акциональному проявлению, не будем рассматривать и разбирать какому, поскольку это отдельный предмет. Либо, все тот же раскрытый рот, нередко свидетельствуя о колдовских способностях мертвого, о его, еще при жизни, причастности к сверхъестественным практикам, наносящим вред, может предполагать стремление ли или только возможность кого-то еще поглотить. В каждом из этих случаев, даже только при их допущении, умирания *с раскрытым ртом и глазами* следует избегать.

То, что *умрешь с раскрытым ртом и глазами*, как получается, вызывается при условии, если класть ложку *вверх вогнутой стороной*. Свою, что необходимо добавить, ложку, не кого-то другого и, по всей видимости, после либо во время еды. Тем самым, соединение ложки с тем, кто ею пользуется и при этом отправляет соответствующим движением в рот, отправляет полную, а изо рта вынимает пустую, потом пустую же кладет перед собой, – все это, объединяясь и согласуясь, ложка, открываемый и закрываемый рот, полная ложка, пустая, вверх открытой, поскольку вогнутой, стороной, предполагает связь, проецируемую далее к смерти, ко времени умирания для данного человека.

Из этого будет следовать также вопрос – что является следствием, а что будет причиной? То, что у того, кто ест, возникает не контролируемый импульс положить ложку *вверх вогнутой стороной*, поскольку, в силу каких-то внутренних обстоятельств, суждено ему так, как сказано, умереть и, во исполнение этого своего предназначения он подобным образом и поступает? Или же, не поддаваясь руководящему импульсу, он поступает, не зная и не задумываясь, так, как ему удобно, создавая вследствие этого для себя, подготавливая не желаемую форму и вид умирания?

При том, что первое будет не исключено, как укрытое и не осознаваемое, не оно, по-видимому, предполагалось в представленном предостережении, а второе – то, что, если класть ложку так, как указано, то и будешь иметь перед смертью то, о чем речь. В то же время, если иметь в виду это первое, то возможными видятся два существенных положения (для предметного мира не только поверий-примет, но того сознания, которое их порождает). Во-первых, то, что следует из предначертания – суждено ему так умереть в силу причин, то ли от него не зависящих, но со смертью, со всей очевидностью, связанных (скажем, открыть возможность дальнейшему умиранию в доме либо вхождению в тело чьей-то души), то ли им самим в себе развиваемых (в колдовских либо каких-то к ним близких способностях). И во-вторых, предостережение в отношении ложки, при его соблюдении, может позволить, если не избежать предначертанного, тем самым, его ликвидировав, то, по крайней мере, его в какой-то степени, во всяком случае, применительно к близким, нейтрализовать, что немаловажно для окружающих. Из чего получается, что предостережение имеет не только индивидуальный, но и коллективный характер, защищая, предохраняя в будущем остающихся при умирающем и затем умершем живых от нежелательного воздействия с его стороны. Тем более, что это последнее является одним из ведущих, если не доминирующим, отношений с покойником.

Примем, однако (поскольку, исходя из поверия, именно это необходимо принять), что предостережение касается того представления, которое полагает действие от положенной вогнутой вверх стороной к умиранию

с раскрытым ртом и глазами. В добавление к этому следует также предположить, что, если класть ложку не вогнутой стороной, то нежелательной формы при умирании ожидать не приходится. Или, что также возможно, нет между тем и тем однозначно направленной связи. Иными словами, положение ложки предпочитаемым образом не гарантирует, но и не провоцирует, не вызывает умирания с раскрытым ртом и глазами. Отталкиваясь от этого, подходим к заключению о привычной модели, согласно которой $A > B$ (если A , то B), одно ведет за собой другое.

Определив в самом начале предпринятого рассмотрения данный пример как относящийся к разряду проективно-пертурбативных, т.е. таких, в которых какое-то проявление со стороны субъекта ведет к нежелательному впоследствии положению вещей, следует пойти дальше. С одной стороны, имеется описанное в примере положение с ложкой. С другой, возникающее из этого состояние, которое видится как негативное. Если уйти от того, что было представлено в рассуждениях по поводу умирания с раскрытым ртом и глазами, посмотрев на это с другой стороны, можно поставить вопрос, что стоит за таким умиранием, если по его поводу ничего такого опасного не говорится, а тот, кому это адресуется, может об этом как о чем-то тревожном не знать?

Тот, кому это адресуется, т.е. любой, в том числе и не подготовленный, не приобщенный к соответствующим представлениям, человек, – почему, по каким соображениям и причинам, не пожелает, должен, во всяком случае, не пожелать умереть с раскрытым ртом и глазами? Трудно ответить на этот вопрос, прибегая к логическим основаниям. За этим стоит нечто такое, что можно было бы определять как «не хотелось бы», но при этом без ясно осознанной аргументации. Пользуясь современными представлениями, можно было бы объяснять это присутствующим, как правило, в каждом стремлением не выглядеть глупо, не вызывать по отношению к себе каких-то неприязненных и критических замечаний со стороны окружающих. Скажем, исходя из того же примера, если ходить по улице с широко открытым ртом и распыленными глазами. Вряд ли кому-то хотелось бы это делать и таким образом выглядеть. Не столько из эстетических соображений, сколько из того представления о нарушении принятых, существующих норм, которое предполагает не силу, а слабость. Человек в таком виде обезоруживает себя, оказываясь открытым и незащищенным.

Мотивация подобного рода, не обязательно осознаваемая и формулируемая, предполагает для человека такие вовне себя проявляющие для восприятия его окружающими условия, которые согласуются с тем, что является внутренним для него, определяя в нем необходимость ощущения собственной целостности, как естества и как существа. Все то, что делает его, с одной стороны, самим собой³¹, дает возможность для самовосприятия, самопереживания и самоощущения. А с другой, в подтверждение

первому, такое же ощущение себя самого в своей самоэкзистенциальности, которое (верно воспринимаемое и видимое или нет, не существенно) для него поступает извне, от других, давая возможность ему в том убедиться, подкрепляясь и развиваясь при взаимодействиях и контактах с ними.

Умирание с раскрытым ртом и глазами, толкуя в этом ключе, представлять можно было бы как поражение (детриментив) этой самоэкзистенциальности, нарушение ее защищающей цельности, порождаемое, создаваемое, как получается, самим собой, исходящее от раскрытого рта с глазами вследствие неправильности вызывающего их своего поведения с ложкой. Объясняющей и вместе с тем общей формулой было бы в этом случае положение об 'умаляющем, в силу своей неправильности, проективе, ведущем к поражению собственной экзистенциальной цельности, себя как сущности и естества': $S(ProMal) > Detriment(ProprExistS)$.

Применительно к ложке и умиранию следовало бы говорить о таком поведении при жизни, которое, предопределяя в том либо ином отношении умирание и смерть, должно соответствовать каким-то принятым правилам и с ними ограничениям: $S(ProVit) > Stat/Posit(MortS)$ – 'проявления субъекта при жизни влияют на его состояние и/или положение, предполагающие его смерть'. Взятые в одинарные кавычки в этом месте и в предыдущем абзаце было бы тем, что следует объяснять как концептуальные и семантические единицы соответствующего сознания и с ним такой же парадигматики.

То, что касается непосредственно ложки, будучи проекцией первого и второго, определяясь к тому, что «не хотелось бы так умирать», можно видеть в типологическом отношении как вариацию, как одну из возможных форм, избегаемого умирания, применительно к внешнему виду, к тому, как выглядит, может выглядеть умирающий человек, с неизменным к этому дополнением, что вид этот оказывается прямо зависимым от него самого: $S(PositInstr) > Posit(MortS)$ – 'то, как поступает (позиционирует, располагает, кладет) субъект определенное средство-предмет, $S(PositInstr)$, обуславливает его собственную позицию в отношении смерти, $Posit(MortS)$ '. То, что это касается ложки, которую не положено *вверх вогнутой стороной класть, не то умрешь с раскрытым ртом и глазами*, необходимо рассматривать применительно к оперативным знаниям о ложке, к тому, как следует и как не следует с ней поступать, а также к знаниям о том, что такое есть умирание, как происходит и чем сопровождается данный процесс.

Из чего получалось бы, что все предыдущие три описанных в формулах единицы, объединяясь, сходились бы комбинаторно в проекции к этим знаниям (о ложке и умирании), что можно рассматривать, с точки зрения действующей концептуальной системы, как порожденное на основе всего перечисленного высказывание, т.е. коммуникативную, а не парадиг-

матическую единицу, имеющую статус воспроизводимости, существующую в сознании в концептуально устойчивом (не вербально устойчивом) виде, не обязательно вместе с тем для того же сознания мотивируемом. Подобно, если идти в эту сторону и изоморфизм с языком полагать, фразеологическим единицам с утраченной мотивацией, типа *собаку* (на чем-то) *съесть* или *ничтоже сумняшеся*. И тогда, продолжая идти в эту сторону, если выраженное в примере с умиранием и ложкой, но не самый этот пример, видеть как устойчивое, фразеологизированное по своему характеру, «высказывание», существующее в готовом виде в сознании для своих носителей, то что оно, это выраженное такими словами в рассматриваемом примере, может собой представлять?

Не что иное, собственно говоря, как готовое знание, типа того, что *деревья растут, а за зимой приходит весна*. Хотя то и другое было бы знанием высокого уровня обобщения, далеким от представления с ложкой. Ближе было бы что-нибудь типа *Если войти холодным осенним утром в лужу и долго в ней простоять, то простудишься*, в котором не важно, какими словами данное положение выражено, важна сама в нем нашедшая свое отражение мысль. Отличие данного представления от того же с ложкой, при их объединении в том отношении, что это знания, следующие из коллективного по своему происхождению опыта, заключается в ясной и очевидной, и потому поверхностной, мотивации, применительно к луже, и неясной, скрытой и неочевидной для ложки. При том, что в обоих случаях нет объяснения, почему именно так, почему простудишься, если войдешь в холодную лужу, это надо знать, так же как надо знать, что, если класть ложку вверх вогнутой стороной, то умрешь с открытым ртом и глазами. Ущерб в первом случае, поражение (детриментив), коснется здоровья, во втором – нехорошего умирания, оставления близких и ухода из жизни в недостойном, не соответствующем виде, а тем самым, в дурном, не положенном свете им представляя себя. Это и был бы тогда ущерб себя как сущности и естества, *Detriment(ProprExist)*.

Ожидание смерти и умирание

То, что касается умирания и смерти, может иметь в повериях и приметах самое разное выражение. Прежде всего, определяется ее появление, приход за кем-либо или при нем присутствие, отмечая это по наблюдаемым признакам у него. И это была бы первая группа, представленная в материале источника только двумя примерами (1). Намного более многочисленной оказывается группа (2), в которой, опять же по признакам,

характерным и наблюдаемым у больного либо внешним по отношению к нему, определяется его скорая смерть. Примыкают к этой группе, вместе с тем представляя в ней нечто отдельное, поверия, связанные с умирающим, в которых содержится либо гадательный компонент, предполагающий определение того, суждено больному умереть или выжить (2a), либо предостережение для живых в отношении умирающего, с указанием, чего им следует избегать в силу грозящего им от него недостатка (2b). Либо содержится в них предписание в отношении того, что следует сделать, чтобы легче было ему отходить (2c). К этой второй также логичным было бы относить представление, на основе каких-то признаков, о том, был ли умирающий праведником (2d).

Третью группу составят поверия, имеющие вид предсказаний – кому и при каких условиях, на основе каких наблюдаемых признаков, следует ожидать неминуемой смерти либо готовиться к ней (3). В этой группе можно выделить три таких разновидности: а) определение по признакам внешнего того, что вдруг, неожиданно происходит и объявляет себя, и это служит свидетельством смерти, в материале хозяина, хозяйки, священника; б) определение по признакам того, что произошло, что случилось, что себя вдруг обнаружило, и это будет касаться того, кому данное положение адресовано; в) предостережение в отношении действий, осуществление которых грозит в своей неизбежности смертью, в том числе и тяжелой в своем протекании, либо тому, кто их совершит, либо кому-то из его близких, либо всему его дому. И еще одну группу (4) можно выделить для единиц, предполагающих выбор в зависимости от передаваемого (кукушкой в примерах) сигнала, один из которых будет нести с собой смерть, в то время как остальные нечто иное.

Признаки приближения смерти, прихода ее за кем-либо находят свое отражение в таких двух единицах:

1) *Если человек вздрогнет без всякой видимой на то причины, значит, смерть посмотрела ему в глаза: такой человек должен готовиться к смерти, которая не замедлит наступить.*

Когда смерть подступает к человеку, она долго держит его за нос, отчего последний обостряется и холодеет, поэтому дни больного сосчитаны, если у него нос заострился и стал холодным.

Первый пример от второго, по внешнему виду и содержащимся формам в словах, отличает то обстоятельство, что в одном случае к смерти *должен готовиться* человек, о котором не сообщается перед этим, что это его ожидает. В то время как во втором, поскольку, как это видно из сказанного, смерть подступает к больному, т.е. к тому, кому то ли жить, то ли не жить, и вероятность смерти по его поводу вполне допустимо предполагать.

В первом случае, продолжая сопоставление, как сообщается, *смерть посмотрела ему в глаза*, отчего такой человек *вздрагнет без всякой видимой на то причины*. Из чего получается, что, приходя за кем-либо, смерть поначалу заглядывает в глаза, и из этого будет следовать то, что она *не замедлит наступить* для того, за кем приходила. Человек то ли видит (увидел) пришедшую за ним смерть, его собственную, как следует полагать, и от этого *вздрагнет, без всякой видимой на то причины*, без всякой видимой для других, поскольку они ее не увидят. То ли не видит ее, но почувствует, что она *посмотрела ему в глаза*, и от этого *вздрагнет*.

Страх ли это перед тем, что, а точнее кого, он увидит или почувствует, перед своей смертью, пришедшей за ним, а коль так, то перед ней как агентной сущностью, существом, естеством не от мира сего и на людей, согласно имеющимся о ней представлениям, только отчасти похожей? Страх ли это, что также возможно, допуская, хотя и не обязательное, включение первого, не перед смертью как существом, а перед смертью как умиранием, перед тем, что ему в скором времени предстоит, расстаться с жизнью и уйти из этого мира?

Но, может быть, и не страх, а не что иное, как физиологическая реакция на столкновение с тем, что не от мира сего, от чего (согласно все тем же имеющимся представлениям) веет холодом, что непривычно другое, что отмечает собой невидимую границу того, что не посястороннее, что означает также не только границу, но и пересечение, обращение и переход, от состояния живого к состоянию неживого и мертвого. А отмечая и обозначая все это, содержит в себе как осознание, так и ощущение, возможно, что в первую очередь именно это, того, что перестает он, прекращая свое земное существование, быть тем, кем есть, т.е. живым человеком, а будет, и если будет, чем-то или кем-то другим, что связывается с переживанием, с одной стороны, оставления навсегда всего того, что было и есть, а с другой, открытости к неизвестности, в отношении которой вряд ли что-нибудь основательное или понятное можно предположить.

Отвлекаясь от философствующих рассуждений и смотря на все это под более близким, скажем так, к разбираемому положению углом, скорее всего, видеть можно было бы в том, что *вздрагнет* такой человек, импульсивное проявление при столкновении, встрече, вдруг объявившем себя контакте, с тем, что потустороннее, мертвое и, если шире, не распознаваемое как привычное и как понятное не определяемое. Ощущение сходное, если не прямо тождественное, с тем, при котором вдруг, неожиданно, представляется чье-то и чего-то присутствие, того или кого не должно в данном месте быть. Что-то видится, кажется, чудится, но что неизвестно, а ощущение подсказывает, что это что-то недоброе и ничего хорошего с собой не несет.

Второй случай предполагает иную картину. Смерть за кем-то также пришла и, хотя говорится, что она *подступает*, по существу это следующий

после того, как *посмотрела (ему) в глаза*, этап. Возможно, что не этап, а иное по виду и смыслу, и с этим характеру, обстоятельство. Не безразличным видится то, что сообщается о больном, *дни которого сосчитаны, если у него нос заострился и стал холодным*. Первый случай больного прямо не предполагал, вздрогнувший мог таковым и не быть.

Приходя за больным, отмечаясь в словах *Когда смерть подступает к человеку*, и тогда это не приход, приход уже состоялся, смерть пришла и присутствует, находится здесь, при больном, – она делает следующий шаг, ей положенный и для нее характерный, она *подступает*. Подходит, иными словами, приближается, вступает в прямой, непосредственный, физически выражаемый контакт. Отражается это в том, что *она долго держит его за нос, отчего, говорится далее, последний обостряется и холодеет*. В чем можно видеть, помимо того, что *обостряется и холодеет*, два дополнительных положения.

Во-первых, то, что прямо, а также косвенно, связывается с существующими представлениями об умирании. Человек перестает дышать, умирание предполагает лишение и прекращение дыхания. Вместе с этим, поскольку *долго держит его за нос*, вольно или невольно тогда открывается рот, через который, открытый, выходит, покидая тело, душа. Получается, что смерть, как агентная сущность, вызывает наступающий процесс умирания, тем, что держит человека за нос.

И во-вторых, поскольку *держит его за нос*, напрашивается, возможно, что не случайное, сопоставление с выражениями *водит за нос, схватить (кого-то) за нос*. Первое – с представлением об обмане, и не просто, а долгом обмане, в отношении чего-либо, за которым стоит положение о том, что уводят в сторону, переводят, подводят куда-то еще, в какую-то небыль и пустоту. Не за нос ли тогда уводит, может уводить с собой человека смерть, у которой также, по существующим представлениям, длинный, а точнее *долгий*, нос? И второе – *схватить за нос* кого-то, предполагающее вдруг, неожиданно, поразив, сыграть с кем-то грубую шутку, насмеяться над ним, унизив и себе подчинив. Подавить в нем волю, фактически то, что в нем от человека, что делает его собой, застигнув его врасплох, распорядившись им по своей прихоти и усмотрению. Через нос, как то, что в нем есть физическое выражение его приватива и проприатива, принадлежащего ему неотъемлемо, то, что личное и, как личное, самостоятельное и агентивное в нем. Выходит из этого, рассуждая в том же ключе, что, забирая с собой своего человека, при его умирании, вызываемом ею в нем, смерть лишает его того, что в отношении носа было определено, его приватива и проприатива, говоря обобщенно.

Нос, в результате такого смертью держания, *обостряется и холодеет*. С одной стороны, происходит уподобление умирающего смерти, пришедшей за ним, у которой, как известно, *долгий и острый нос* и которая не

только веет холодом, но и сама по себе холодное, а не только морозящее и ледящее, существо. Сходство, которое имеет свое не случайное, а не только метафорическое, исходно не метафорическое, отражение в языке, ср.: *стал похож на (свою) смерть, выглядит как смерть, как живая (ходячая) смерть, бел (бледен) как (сама) смерть, прям сама смерть, просто смерть (да и только), смерть смертью (посмотри на него)*. С другой стороны, происходит утрата телесной животной, в теле и его теплоте, себя проявляющей сущности. Умиравший приближается к физическому ощущению мертвого, объявляющему себя в истончающей худобе и телесном холоде, что можно рассматривать как переходное и пограничное для него состояние, начинающее его охватывать и в него проникать постепенно, не сразу, обнаруживая себя для начала в том, что *нос заострился и стал холодным*.

Оба примера, тем самым, содержат, применительно к ожидаемой в ее неизбежности смерти, то, что а) смерть при своем появлении, предполагающем ее приход за своим человеком, заглядывает, может заглянуть, такому человеку в глаза; б) смерть, после того как пришла и присутствует при своем человеке (обычно у изголовья больного), перед тем как его забрать, умертвив, *долго держит его за нос*. Проявляется то и другое в том, что можно в таком обреченном смерти своей наблюдать, если с) *вздрыгнет он без всякой видимой на то причины*, для (а); d) *у него нос заострился и стал холодным*. Невидимое для человека, возможно и для самого обреченного, но, в первую очередь, для других, себя объявляет в видимых, наблюдаемых и распознаваемых признаках, отражаемых в обреченном, проявляемых в нем, но при этом не передаваемых другим и, тем самым, не через посредство его.

Переводя это все в поведение смерти, в характер ее проявления в отношении людей, следует сделать вывод о ненаправленности и безразличии того, что ей как агентной сущностью производится в отношении людей. Смерть, как такая сущность, действует (если применимо по отношению к ней подобное представление) так, как поступают животные, в силу того, что свойственно их естеству. Признаки поражения ею своего человека, ей назначенного либо выбранного по каким-то критериям ею, отражение их в нем и на нем, можно увидеть и наблюдать, но это не было ни преднамеренным, ни направленным к людям с ее стороны. Ее действия, с человеческой точки зрения, имеют стихийный и импульсивный, хотя регулируемый и упорядоченный в своей последовательности, характер.

Оба примера следует относить к разряду проективно-сигнификативных, предполагающих то, что некое проявление, обычно со стороны человека, обнаруживаемое будь то в особенностях его поведения (*вздрыгнет без всякой видимой на то причины*), будь то в изменившемся внешнем виде его (*нос обостряется и холодеет*) либо в чем-то другом,

содержит в себе определенные знаки какого-то смысла, который, при обладании необходимыми знаниями, возможно, установив, распознать.

Различие во времени смерти в двух разбираемых в сопоставлении примерах отображает степень ее неизбежного приближения. Если *смерть посмотрела в глаза*, надо *готовиться к смерти*, которая, как сообщается, *не замедлит наступить*. Когда именно это произойдет, неизвестно, но, поскольку к ней надо готовиться, то это не так, чтобы сразу и очень скоро. В то же самое время, при больном умирающем, *Когда смерть подступает к человеку и долго держит его за нос*, – дни больного сосчитаны. Время наступления смерти как состояния определено.

Из этого будет следовать не только то, что было ранее обозначено в отношении неизбежности смерти, но и, как получается, знание о времени ее наступления, исходящее из определенных признаков. Концептуальная и семантическая вместе с ней единица, стоящая за всем этим, будет, тем самым, предполагать показатель времени, что можно представить таким каким-нибудь образом: ‘существуют признаки, проявляемые в человеке, свидетельствующие о приходе смерти за ним, на основании которых также в каких-то случаях можно определить и то, как скоро придется ему умереть’. Исходя из все той же наиболее общей и регулярной модели $A > B$ (если A , то B), в формуле это видится следующим образом: $S(Pro > AttrMort) > S(MortT < Attr)$ – ‘проявления субъекта, обнаруживающие в нем признаки смерти, предполагают время смерти субъекта, объявляемое в этих признаках’.

Признаки наступления

Вторую и наиболее обширную в количественном отношении группу на материале источника составляют поверия и приметы, в которых содержатся указания на признаки наступающей, в том числе также скорой, смерти. Подразделить эту группу можно по основаниям, связанным с поведением как самого умирающего, так и кого-то других. В приводимых примерах таковыми выступили священник (применительно к людям), животные (корова, кошка, собака, мышь) и из птиц – аист. Не означает это, что чего-то другого не может быть, однако намеренно ограничивая себя материалом источника, в силу теоретических по своему характеру предпосылок и получаемых на этой основе выводов, дополнять, расширяя все это иными примерами, не представлялось необходимым.

Прежде чем перейти к рассмотрению отобранных для анализа единиц, сложившихся в их отнесении к указанной группе, небезынтересным видится положение, при котором признаки, содержащие в себе указание на смерть для больного (во всех единицах, кроме одной, говорится о смер-

ти больного), среди людей называют только священника. В остальных фигурируют животные и однажды, однако все же особая, птица (аист). Поведение священника, на которое следует обращать внимание, поскольку в нем отмечаются признаки наступающей смерти, а не в ком-то другом*, обусловлено тем, что, во-первых, священник присутствует при больном умирающем, совершая необходимые при отправлении обрядово-ритуальные действия. А во-вторых, и это следует из того, что во-первых, совершая подобные действия и будучи представителем духовенства, т.е. лицом, имеющим отношение к высшему неземному, не только по исполняемой должности, но и по характеру деятельности, по внутренней ориентированности и обращенности к этому высшему, такая его «пограничность», между тем, что в нем от людей, и тем, что не от людей, невольно делает из него открытую к высшему проявлению «книгу», в которой себя объявляют знаки, могут себя объявлять, со стороны невидимого и не посюстороннего, и эти знаки можно, имея о них понятие, соответствующим образом прочитывать.

Тем самым, это не то же самое, что можно увидеть в знаках животного происхождения, понимая под этим, если шире, не только то, что исходит от привычно домашних либо к дому имеющих отношение, но и всяких существ как представителей фауны, т.е. животного мира. Эти живые и двигающиеся, живущие собственной жизнью создания открыты невидимому, но не как высшему, а скорее, потустороннему, поскольку открыты природе, не потеряли, как люди, необходимой им связи с ней, и поэтому чувствуют, ощущают, может быть также видят и переживают, то, что видеть и чувствовать обычному человеку уже не дано. Этот вид контакта с не посюсторонним невидимым, и не только духовным, но и природным естественным, для него не открыт. Во всяком случае при нормативных и регулярных условиях. Дается он ему в знаках, носителями и посредниками которых выступают все те же живые животные существа.

Перейдем теперь к материалу. Два примера содержат в себе указание на проявления умирающего:

* Ср. у В.И. Даля такую приметку, отчасти в том же ключе: *Если к дому, где больной лежит, бабы проторят дорогу, то ему умереть. (Пословицы русского народа. Сборник В. Даля, Москва: Художественная литература, 1984, т. 2, с. 343)* При всем интересе и своеобразии признаков, связываемых с дорогой, которая проторена, и не просто, а бабами, наводящих на мысль о стечении ощущаемых (ненамеренно, бабами) обстоятельств, опустим разбор подобного представления, ибо это потребовало бы рассмотрения иного ряда подробностей и уводило бы в сторону. Отметим данное положение лишь в отношении к священнику, через поведение которого воспринимаются признаки наступающей смерти, поскольку и поведение людей, по крайней мере какой-то группы и категории, способно данные признаки в себе содержать.

2) *Смертельно больной человек обычно лежит лицом к стене, отвернувшись от оконного света.*

За несколько часов до смерти больной обычно чувствует облегчение; тем вероятнее будет кончина больного, если он попросит повернуть его на левый бок.

В обоих случаях представлены признаки не соотносимые. В первом к тому же прямо не говорится о том, что больной умрет, определяется только, что он болен *смертельно*. Внимания заслуживают также и дополнительные не строго предопределяющие характеристики – *обычно (лежит, чувствует облегчение), тем вероятнее ... если*. Получается, что не всегда. И тогда это признаки не обязательные, но, как не обязательные, вместе с тем они также предполагают необходимость со стороны окружающих их замечать.

Рассуждая далее, в этих признаках важно отметить то, что от самого больного не будет зависеть и, следовательно, не контролируется и не регулируется им. В первом случае переживаемое им состояние, связываясь с обращением от оконного света лицом к стене, означает то, что, пользуясь современными представлениями, называется *светобоязнью*, но если от этого отходить, опираясь на то, что концептуально ближе к предметному миру поверий-примет, в этом признаке можно увидеть переживаемое перед смертью пограничное состояние перехода, с обращением от света к тому, что происходит и ждет в темноте. Еще не умер такой человек, глаза окончательно не закрыты, но вместе с тем он отчасти уже и не здесь. Из чего получается, исходя из сказанного, что переданное в примере можно, с позиции знака, прочитывать и в обратном порядке, от того, что *лицом к стене, отвернувшись от оконного света*, переходя к тому, что, коли так лежит больной человек, то он, скорее всего, будет болен *смертельно*.

Вместе с тем необходимо учитывать и возможную ситуацию. Не всякий больной будет болен смертельно, если он днем, что необходимо добавить, так лежит. И тогда, возвращаясь к прочтению исходного, – что, собственно, сообщается в приведенном примере? Отталкиваясь от слов, их порядка и представляемого положения, приходится сделать вывод о том, что в отношении человека исходно известно, что он *смертельно больной*. То же, что он лежит, и при этом *обычно*, означенным образом, содержит в себе два, по своему существу, указания. На то, что было бы дополнительным подтверждением известного и без того, а раз дополнительным, то и, тем самым, усиливающим, и поэтому необратимым. Коль скоро он так лежит, что, поскольку *обычно*, не непременно, то и дни его сочтены, поправления здоровья ожидать не приходится. А также на то, и это будет вторым указанием, что предполагает и допускает для окру-

жающих собственно знание, которое, сложившись, позволит при случае нечто подобное распознать. Если (и в этом месте приходится повторить, с опорой на то, что это формируемое знание) какой-то *смертельно больной человек лежит лицом к стене, отвернувшись от оконного света*, то это несомненный признак того, что он действительно болен *смертельно*.

Второй пример так же, как первый, отмечает не контролируемое самим человеком и от него не зависящее проявление, определяемое в двух не напрямую связываемых позициях. Сообщается при этом, что немаловажно, об этих позициях как о таких, которые объявляют себя *За несколько часов до смерти*. С одной стороны, в это время *больной обычно чувствует облегчение*. Необходимо иметь в виду, что речь о больном. С другой стороны, говорится, что *тем вероятнее будет кончина, если он попросит повернуть его на левый бок*.

Как и в предыдущем случае, следует предполагать как то, что в сказанном содержится знак, точнее два знака, в отношении умирающего, так и то, что то и другое, являясь свидетельством, составляет знание для окружающих в отношении чего-то последующего. То знание, которое позволит подобное состояние распознавать.

Если задуматься над тем, почему, пусть и *обычно*, за несколько часов до смерти *больной* может чувствовать *облегчение*, равно как и над возникшим у него вдруг желанием *повернуть его на левый бок*, что, в свою очередь, предполагает, что сам он этого сделать уже не может, ибо *попросит*, – то, отталкиваясь от представлений о переживаемом состоянии перед смертью, можно увидеть в том и другом отмечаемые признаки данного состояния. Состояние, как то, что не зависит от человека, что он в себе ощущает и что он проживает, характеризуется проявлениями, исходящими от него лишь по внешнему виду. По существу в нем имеется нечто, что, действуя соответствующим образом, объявляет себя через него и в нем.

Облегчение, о котором речь, продолжая в том же ключе рассуждать, связывается, во-первых, с тем, что *больной* не просто болен, а тяжело (на это указывает и то, что сам он не в состоянии повернуться на левый бок), а во-вторых, его это состояние в связи с переживаемой болезнью перестает быть тяжелым (*обычно*, но не всегда). Болезнь отпускает, возможно на время, его, не покидая при этом и передавая затем во владение смерти. Ибо, рассуждая все в том же ключе, в смерти и после смерти болезни нет, болезнь – состояние человека, мифологически существо, переживаемое им, охватывающее его, его держащее и в него вселяющееся, в этом мире, не в том. *Облегчение* перед смертью, точнее перед самой смертью, тем самым, становится показателем наступающего, происходящего, в нем и с ним, экзистенциального и витального перехода, от состояния в жизни к состоянию после нее. Понимать это можно и так, что с болезнью

и вместе с болезнью перед самой смертью, за несколько часов до нее, его отпускает на время земное, та тяжесть земного, которая в нем, в переживаемом им, болезнью отмеченном дополнительно, состоянии.

Объяснение того, почему *тем вероятнее будет кончина больного, если он попросит повернуть его на левый бок*, в данном месте приходится опустить, в силу того, что это потребовало бы основательных рассуждений о правом и левом³², об их значениях и различиях, с учетом мифологических и не только мифологических представлений, а это никак не входило в задачу. Примем исходно, что левое положение, ориентация к левому боку для тяжело больного *За несколько часов до смерти*, будет не просто еще одним знаком, но знаком усиливающим, необратимого для него конца.

Так же как и два предыдущих примера (при цифре 1), предполагавшие определение по признакам прихода, появления и присутствия смерти, но как агентного существа, рассмотренные в отношении наступающей смерти в смысле ожидаемой кончины, оставления этого света с переходом к тому, будут примерами проективно-сигнификативного типа. Смертельно больной перед смертью, но как своим для себя состоянием, объявляет себя таким образом, который, с одной стороны, означает происходящий в нем переход, его состояние между жизнью и смертью, а с другой стороны, его такое и именно данное проявление становится для окружающих знаком неотвратимо его постигающего конца.

Тем самым, следует говорить об еще одном состоянии, между этим и тем, но не во взвешенном, а в пограничном расположении, в переходе, перед самой смертью открывающимся для умирающего. Данное представление и содержат рассмотренные две единицы, отражаемое во внешне себя объявляющих признаках. В том, что связывается с появляющимся в умирающем отношением к дневному, оконному, свету, с потребностью, тягой, уйти от него. В том, что связывается также с возможным для тяжело больного освобождением от давящей его болезни, которая на время может его отпустить. И в том, что связывается с возникшим в нем стремлением к левому боку, к левой в себе стороне.

Все это обращалось бы, наряду с возможным другим, что не нашло отражения в рассмотренных двух примерах, вокруг представлений о поведении и проявлении больного, как правило тяжело, свидетельствующем о наступающей смерти, о состоянии, которое, отдаляя его от этого мира, приближает его к тому, объявляясь в нем в характерных признаках. Представления эти, отображая природу естественных и переживаемых в течение жизни положений и состояний, связываются в сознании с концептуальными единицами, объявляющими себя в семантике разбираемого предметного мира, в виде таких, как (почти дословно отображенных в примерах) 'избегание тяжелобольным смотрения на свет и стремление к темноте обычно свидетельствуют о близкой кончине' или 'облегчение

состояния тяжелобольного, сопровождаемое к тому же желанием повернуться на левый бок, нередко знак ожидающего его в ближайшем времени отхода: $S(AegrGrav) > E vit(Lux)/Lev(Stat)|Sinistr(Lat) > S(MortMox)$.

Замедление совершаемых действий

Следующая пара примеров, в которых по наблюдаемым признакам отмечается неизбежность наступления смерти больному, затрагивает не его самого, а поведение присутствующего при нем священника. Почему священника, а не кого-то другого, в том числе и из посторонних, было отмечено ранее.

Больной умрет, если напутствующий его священник долго перелистывает требник, чтобы отыскать нужное место, и вообще медлит во время требы.

Больной непременно умрет, если напутствовавший его священник вернется за забытым предметом или же, обернувшись назад, укажет на забытую вещь одному из своих провожатых.

В том, что представлено, нет, как это было в двух предыдущих примерах, положений, следующих из физического состояния и сопровождающих его проявлений больного. Определяемые признаки имеют не связанный с ними характер, выступая, вследствие этого, показателями чего-то принципиально иного. Нечто имеющееся (вопрос только где и в чем), присутствующее при больном, действует на священника так, что он в своих действиях начинает объявлять признаки, которые можно характеризовать в отношении дезориентирующей, тормозящей, задерживающей и сдерживающей реактивности. Что-то приостанавливает в нем моторику и вместе с этим мыслительные процессы.

Возникает в этой связи вопрос – чувствует ли священник это присутствие и, поскольку чувствует, не осознавая скорее всего, то и начинает иначе себя проявлять, реагируя? Или, что также не исключено, это присутствие, сгущая имеющуюся вокруг больного атмосферу, препятствует, не дает возможности в необходимо-достаточной мере священнику реактивно себя проявлять, что и находит свое отражение в замедленности обычно им совершаемых при отправлении действий либо забывчивости?

Возможна также еще одна постановка вопроса. Присутствие со своими требами напутствующего священника было бы не то, чтобы нежелательно, это было бы не подходящим определением, но не согласующимся с тем, что (или кто, имея в виду какую-то агентную сущность) находится при больном перед смертью, не вписывающимся в им отмечаемый энергетический

ряд (трудно сказать, какой, но это и не столь важно), в то поле, точнее в ту полевую структуру, которая связывается с этим чем или кем.

Это нечто предсмертное, приходящее к больному с тем, чтобы его, умертвив, с собою потом забрать, стоящее и пребывающее при нем, сама ли смерть либо что-то или кто-то из тех, которые сопровождают ее, приходя перед ней или с нею, это нечто своим присутствием создает при больном и вокруг себя определенным образом заряженное пространство. Можно было бы говорить, что атмосфера, воздух оказываются ими пропитаны, однако вряд ли о воздухе и атмосфере в данном случае предполагалась бы речь, скорее можно было бы говорить о нематериально себя объявляющей силе, по отношению к которой определение *духовное* также было бы неуместным. Вместе с тем ее подобного рода нематериальность вступает в несоответствие, не согласуется, если не контрастирует, с нематериальностью, связываемой со священником как духовным лицом, представителем и исполнителем, трудно сказать, что воли, однако формы и вида которой он во время осуществления своих треб выступает. Отсюда его медлительность и забывчивость при отправлении напутствуемого им больного.

Медлительность и забывчивость священника, исполняющего свои обязанности при умирающем, как отмечается в приведенных примерах, являются следствием, с одной стороны, и показателями, с другой, того, что *Больной умрет* в первом случае и *непрерменно умрет* во втором. Случайно ли это отличие и в чем, собственно, если задуматься, оно состоит? Что означает просто *умрет* и что тогда умрет *непрерменно*? Можно было бы проигнорировать данное положение, признав его как малосущественное, поскольку в обоих случаях смерти, как получается, не избежать. Можно было бы также считать, что передаваемое в материале вербально способно быть выражено разными способами и то, что в одном из представляющих общую ситуацию примере нашло свое отражение нечто, что в другом таком же или подобном его не нашло, а потому и ни о чем или мало о чем будет свидетельствовать.

Не настаивая ни на одном из предложенных разрешений, попробуем оттолкнуться в своих рассуждениях от несовпадения того, что в примерах представлено, а точнее изображено. В первом случае, как отмечается, *священник долго перелистывает требник, чтобы отыскать нужное место, и вообще медлит во время требы*. Тем самым, находясь в данный момент при больном. А находясь при больном, в непосредственной близости с ним, необходимо добавить, в такой же непосредственной близости находится он и при том, что или кто присутствует тут же и рядом. И это присутствие рядом влияет, опять-таки непосредственно, на то, как священник ведет себя, ощущая его на себе. Он начинает делать долго то, что обычно делает быстрее, и медлить при исполнении того, что возложено на него.

Второй пример представляет несколько иную картину. То, что было положено, священником совершено, он закончил его исполнение и уже после того, как закончил, и, как получается, вышел, не то, чтобы оказавшись совсем за пределом, но не в непосредственной близости на сей раз предсмертствующего присутствия, скажем так, при больном, – вдруг спохватывается. Припоминает либо, что, может быть, более точно, чувствует, что что-то свое с собой, уходя, не прихватил, оставил, забыл это возле больного. Речь можно в этом случае вести о двух фазах его когнитивного состояния. При больном, в момент совершения требы, когда, с одной стороны, он погружен в производимый им над больным обряд, а с другой, когда он находится, и это будет важным для предпринимаемого рассмотрения, под воздействием предсмертствующего иноприсутствия на него. И это было бы первым его состоянием.

Вторым будет выход после произведенного над больным отправления. Опять же, с одной стороны, он не будет в него погружен, а с другой, окажется за пределом активного действия обозначенного иноприсутствия. Отсюда возможность спохватывания и прояснения. Его ментальное состояние освобождено, метафорически говоря, опала отуманивающая сознание и чувства завеса, в пространственном и воздействующем отношении он теперь отошел от того, что держало его при больном в момент совершения положенной требы. Может теперь он припомнить, *вернувшись за забытым предметом* или же, как не случайно отмечено, *обернувшись назад, указать на забытую вещь одному из своих провожатых*.

Вернуться или же обернуться назад. Предмет в данном случае, к тому же и не обозначенный, исполняет роль показателя, но не забывчивости и не оставления священником при больном, а того, что связывается с ‘вернуться’ и ‘назад обернуться’. Обращение это вспять, с одной стороны, за собой, а с другой, к больному, лежащему при смерти, и отмечает то, что можно видеть как передаваемую вербальными средствами непременность (*Больной непременно умрет*).

Если представить себе картину, но не движения священника, а, скажем так, линию им прочерчиваемого в своем продвижении невидимого, которое он с собой и вместе с тем за собой несет, пересекая это невидимое в его расходящихся от больного кругах, то возвращение его (за забытым предметом) либо же обращение назад, с одной стороны, получается тем, что его от себя так сразу не отпускает, а с другой, создает нечто такое, что можно представить как завихрение в пересекаемых им при своем продвижении кругах. Завихрение, которое он, хотя и создает, на деле реализует и исполняет, выступая орудием, средством той «тяжести», исходящей от иноприсутствия при больном, которая и понуждает, тянет его к себе (притягивающая сила, подобная магнетизму и гравитации), заставляя вернуться или же обернуться назад, – физически и визуально

производимое действие, всем телом и существом или кого-то другого посылающим взглядом.

Возвращаясь к различию в просто *умрет* и *умрет непременно*, с точки зрения происходящего, как ожидаемого в отношении большого события, вряд ли можно было бы что-либо не совпадающее между тем и другим отмечать. Не говорится о времени, о том, что второе, скажем, произойдет скорее, чем первое. Дело не в этом. Непременность собой отмечает не то, что связывается со смертью больного, а то, что в своем проявлении происходит, реализуясь, при нем.

Попытаемся объяснить это с еще одной стороны. Священник, осуществив свои требы, связанные с отправлением больного и напутствием его перед смертью, выходит из дома. Может быть, не выходит, однако, во всяком случае, все же отходит от умирающего. И коли так, то, поскольку его проявление в ходе обряда, производимого им над больным, как можно предполагать, не вызывало особенных опасений в том смысле, что совершал он это дольше и медленнее, чем обычно и чем всегда, то и нет предпосылок к тому, что больной непременно умрет. Не то, чтобы можно было с облегчением вздохнуть, ибо трудно нечто подобное видеть в определяемом положении, однако нет и прямых, наблюдаемых в поведении священника, указаний по данному поводу. Произойдет, иными словами, то, что произойдет и чего, по всей видимости, не избежать, хотя знаков такой неизбежности не было. И тут вдруг оказывается, что священник должен вернуться (либо оглянуться назад, послав кого-то из своих провожатых), поскольку, как получается, он от больного, собственно, не отошел.

В этом случае, с одной стороны, это также не что иное, как замедление, осуществленное им, до конца им не осуществлено в том смысле, что он продолжает присутствовать в своем забытом предмете при больном. А с другой, это то, что представляет собой субъективное, с позиции близких больного, усиление в отношении ожидаемой смерти, и отсюда ее непереносимость, как показатель субъективно переживаемой ими (в момент возвращения священника) усиленности. Равно как и то, что становится показателем отмеченного ранее не отпускающего его от себя притягивания со стороны обращающейся вокруг умирающего своими кругами силы предсмертного пребывания.

Из чего получается, что если просто *умрет* следует воспринимать как констатацию неизбежного факта, то *непременно умрет* становится показателем, предполагающим дополнение и расширение – в сторону оживляющей, изобразительной, неизбежности с подчеркиванием субъективирующей и объективирующей ее стороны.

Исходя из сказанного, в отношении концептуального представления о смерти больному, реализуемого в семантических единицах, можно усматривать два, а точнее три, таких положения. 1) Замедление или замедлен-

ность поведения священника при отправлении им обряда (в данном случае при больном, но, возможно, не только) будут свидетельствовать о присутствии рядом чего-то потустороннего, мешающего, тормозящего, останавливающего. 2) Замедление отправляемой им требы при умирающем будет свидетельствовать о неизбежности смерти, больной не поправится и смерть его от себя не отпустит. 3) Замедление, отмечаемое его обращением вспясть, возвращением к больному либо отправлением к нему кого-то из провожатых, будет также о неизбежности смерти свидетельствовать, но в форме подчеркнуто утяжеленного усиления. Второе и третье, как можно заметить, становится проективным, обстоятельством определяемым, следствием первого. В моделирующих формулах это можно представить в виде 1) $S(\text{Sacerd}) > \text{Rit}(\text{Tard}) < \text{Praesent}/\text{Superst}(\text{ExternPotest})$; 2) $S'(\text{Sacerd}) > [\text{Rit}(\text{Tard}) > S^2(\text{Aegr})] > S^2(\text{Mort})$; 3) $S'(\text{Sacerd}) > \text{Avers}S^2(\text{Aegr}) > S^2(\text{MortFirm})$.

Дом и животные существа

Еще одну разновидность в той же группе второй, охарактеризованной как такая, в которой по признакам, наблюдаемым у больного либо по внешним по отношению к нему, устанавливается для него неизбежная смерть. Во всех примерах, отнесенных к указанной группе, кроме одного, но также в своих особенностях не случайного, речь идет о больном. Иными словами, о таком пораженном физическом состоянии, которое, с точки зрения жизненных проявлений, их регулирующих и поддерживающих витальных сил, будучи погранично, содержит в себе возможность приближения к смерти.

Состояние это, определенное ранее как поражение (детриментив), предполагает, с одной стороны, утрату каких-то животных способностей, а с другой, открывает того, кто его испытывает и переживает, воздействию сил, отрывающих, отводящих его от действительности земного существования, переводя в состояние перехода, с отдалением, как правило поэтапным и постепенным, от жизни и подключением, подведением к смерти как следующему за поражением состоянием. Охарактеризовать его можно, с позиции и точки зрения посюстороннего пребывания, как остановленность и замирание, объявляющие себя (что понятно и объяснимо, отсюда и мотивация для таких слов, как *смерть*, *мертвый*, *умирать*) не только в физически наблюдаемом проявлении с остановкой дыхания, движения и утратой владения телом, собой, но и в том, что не видится и непосредственно не наблюдается, но что, с одной стороны, объявляет себя в каком-то, скажем так, замораживающем присутствии, пользуясь традиционным определением, а с другой, в том, что можно охарактеризовать как иносуществование в его приложении к мертвому, проявляемое

в приостановленном, заторможенном (все это не слишком точные обозначения) протекании связанных с ним процессов, в отношении времени, пространства и пр. Но не в движении, поскольку как сама смерть с ее посланцами, так и мертвые движутся, могут двигаться, перемещаться в том же пространстве нечеловеческим или не только человеческим образом. Отчасти это было заметно в „Рассказах о мертвецах” у А.Н. Афанасьева, то же самое можно увидеть и на другом материале.

Тем самым, имеется, исходя из сказанного, нечто такое, что при своем появлении, наличии или присутствии обнаруживает черты, не свойственные, не вполне свойственные и отличающиеся от того, что привычно в этом мире и здесь, когда это нечто в нем не присутствует. Его появление, будь то опять же наличие либо приход, отмечается, как можно предполагать, и к этому имеются основания с опорой не только на анализируемый, но и другой материал в народной традиции, – отмечается его такое присутствие тем, что можно обозначить словом *сгущение*. Нагнетается, напрягается, нависать начинает какая-то обстановка, все то, что невидимо, но может быть ощутимо, вокруг. То, что принято несколько отвлеченно обозначать с помощью слова *атмосфера*, если вкладывать в это понятие то, о чем речь – невидимое воздействующее и распространяющееся на окружение влияние, с прониканием и приостанавливающим оплетением-опутыванием протекающих в человеке, но также возможно в животных, процессов, а с этим мыслей, реакций и чувств. Не всегда и не во всякое время присутствующие, находящиеся при больном, которому выздороветь не суждено, могут это почувствовать, во всяком случае, отдавая себе отчет, осознать. В то время как другие какие-то признаки наблюдаемого внешнего дают им к тому основание.

Одно из таких подтверждающих наблюдений присутствующего либо пришедшего инобытия, объявившего себя при больном, не случайно будет иметь отношение к дому. Собственно говоря, все, что больного касается, по причине его пребывания в доме внутри, с домом и будет связываться, прямо или не прямо. В силу чего между болящим и домом, в котором тот поневоле находится и лежит, не только устанавливается, известным образом неразрывный, контакт, но и сам дом, начиная испытывать на себе, с одной стороны, пораженное состояние болящего, а с другой, появление и присутствие мертвого потустороннего при нем, начинает вести себя и объявлять по-другому, становится домом указанной ранее пропитанности и атмосферного обстановочного сгущения.

Проявляется это как в нем самом, так и в том, что связывается с ощущающими такое его состояние животными существами. Указывают на подобные обстоятельства такие приметы-поверия, в левой части своей содержащие условие, в том числе передаваемое с помощью *если*, а в правой прямое из этого следствие, хотя, если вдуматься, наоборот. То, что содер-

жится в левой части, на деле есть следствие, обнаружение, обозначенного в правой части себя уже проявившего состояния:

Если трещат стены дома, где есть больной, то он непременно умрет.

Если корова, в особенности черная, посмотрит в дом, где есть больной, через окно, то больной непременно умрет.

[Аист], сидящий на кровле дома, в котором есть больной, и при этом кричащий, предзнаменует больному смерть.

Если [собака] воет перед окнами, особенно больного, – непременно к смерти его.

То, что трещат стены дома, где есть больной, можно воспринимать как испытывание, переживание домом, ощущение им на себе сгущающего, стискивающего и сдавливающего, появления либо присутствия в доме мертвого потустороннего. Смерть уже здесь, пришла, находится рядом, а скорее в доме внутри. И тогда этот треск означать может также и распирающее, а не только стискивающее и сдавливающее, ее проявление. Смерть занимает собой все пространство внутри.

Далее следуют три приметные признаки, связываемые с отношением к дому чувствующих больное и близкое к умиранию состояние дома со стороны живых существ. С одной стороны, корова *посмотрит в дом через окно*, особенно *черная*. Определение связано с тем, что *посмотрит*. То, что *черная*, при сопровождении *в особенности*, видимо, не только в символьном отношении применительно к смерти следует понимать. С другой стороны, *аист на кровле дома – сидящий, и при этом кричащий*. На кровле дома, не через окно, а поскольку трудно представить, чтобы аист сидел в подобной позиции, то под *сидящий* иметь в виду полагалось бы то, что стоит. И, наконец, с еще одной стороны, собака, которая *воет перед окнами*. Опять появляются окна, перед которыми (а не в которое, и одно, как с коровой), и то, что *воет*.

Проявления перечисленных трех животных существ для них вроде бы как и типично, – корова может в дом через окно заглянуть, аист может сидеть на кровле, но сомнительно, чтобы при этом кричал, собака может не только выть, но и выть перед окнами. В связи с тем, что эти их проявления связываются со смертью, необходимо учитывать сочетание обстоятельств. То, что в доме больной, и по его поводу у окружающих формируется соответствующее предположение-ожидание. Они готовы определенные признаки под этим углом воспринять. Если бы не было в доме больного, то указанное поведение коровы, аиста или собаки могло бы быть не замечено либо насторожило бы, но не обязательно применительно к смерти, а если к смерти, то без точного установления лица.

Кроме того, что в доме больной, существенным показателем было бы, в отношении коровы, то, что *посмотрит в дом через окно*, и в особенности, если *черная*. В отношении аиста, то, что он не просто *сидящий на кровле дома*, а при этом *кричащий*. В отношении собаки важным было бы не только то, что она *воет перед окнами* (дома), а то, что, как указывается, *особенно больного*, т.е. перед *его* окнами, там, где больной находится и лежит. В связи с этим тогда возникает еще одно положение – как должна в этом случае перед окнами такая собака выть? Повернувшись к окнам, каким-либо боком к ним или от них отвернувшись, спиной и тылом к ним обратясь? Морду задравши вверх, опустивши голову вниз или держа ее несколько приподнявши, но все же перед собой?

Не случайность подобных вопросов, хотя в приведенной примете нет указания на то, каким именно образом производится ею выть, а с этим и немаловажность их, обусловлены тем, что, если собака, согласно народной традиции, воет, опустивши морду к земле, то она это делает по покойнику, чувствуя, не одного только хозяина, но также и чью-то смерть, находящуюся, что необходимо добавить, в непосредственной близости. Если смерть и с этим умерший находятся достаточно далеко, то она при выть не опускает, но или задирает голову (как на луну), или держит ее приподнявши. Но тогда и воет она не одна, а обычно с другими собаками в целом селении. Из чего будет следовать, что, поскольку чувствует смерть, то, что больной *непрерывно умрет*, скорее, выть будет, опустивши голову. В этом случае, больной еще жив, поэтому не покойник, – на что будет выть собака? На пораженное состояние дома по причине болящего, которому предстоит умереть? На такое же состояние, но больного? Или же на пришедшую и при нем стоящую смерть? Трудно было бы все это, дифференцируя, расподоблять, да и вряд ли имело бы смысл в отношении ощущений собаки, но, поскольку ее выть перед окнами у больного отмечает в приведенном примере положение, выраженное словами как *непрерывно к смерти его*, то вероятнее и обоснованнее всего было бы представление о последней позиции. Тем самым, это ее реакция на пришедшую и в доме при больном находящуюся смерть. И как агентную сущность, и как связанное с ней потустороннее мертвое инобытие.

То ли же самое будут в себе содержать примеры с коровой и аистом? Можно ли воспринимать обозначенные в них проявления как реакцию на присутствие смерти с их стороны? Для коровы, как и для собаки, указывается на то, что больной *непрерывно умрет* (корова с смотрением в дом через окно) и *непрерывно к смерти его* (к вытью). В отношении аиста – то, что он *предзнаменует больному смерть*. Тем самым, смерть должна наступить, но неизвестно когда и, хотя больной уже обречен, однако это, скорее, такое неотвратимое его состояние, его самого и от

него перешедшее к дому, чем само появление смерти, ее приход за ним и присутствие в доме внутри.

Обращение к корове, к тому, что при ней находит свое отражение, дает возможность предполагать, что, во-первых, ее смотрение в дом через окно не непременно имеет в виду окно, при котором больной лежит, а если лежит, то это не будет определяющим. Во-вторых, то, что в *посмотрит*. *Посмотрит*, намеренно подходя к окну, для того, чтобы через него заглянуть? Или посмотрит не так, чтобы намеренно, не обращенно и не специально, а проходя мимо дома, хотя и не ненароком, не проходя? Исходя из типичного поведения коров, скорее, было бы это второе, проходя мимо дома и что-то при этом в том доме почувствовав.

Подсказывает возможную ситуацию в этом случае также и то, что и как выражено с помощью слов. А именно – то, что *посмотрит в дом, где есть больной, через окно*. Сначала *посмотрит в дом, где больной*, и важно именно это, а потом уже следует то, что *через окно*. Из чего получается, что корова дает такую реакцию на дом, где больной, на то, что с этим домом и в этом доме, какой он, в связи с находящимся в нем больным. Иными словами, это не будет реакцией на пришедшую и при больном находящуюся уже смерть. Отсюда, с одной стороны, только то, что посмотрит, а не то, и это было бы также возможным, с учетом реакций на смерть у животных, что, скажем, вдруг, проходя ни с того ни с сего замычит, затрясет головой, взбрыкнет, подскочит или сорвется с места в испуге. С другой стороны, дополнительным, поскольку *в особенности*, будет еще один показатель, если корова *черная*.

Видеть это можно, что отмечалось ранее, не как легко приходящий в голову цветовой символ, определяемый к смерти (равным образом как и белый, а потому и сомнительный) и, если к смерти, то не как символ и не цветовой, а скорее, в значении темного, обратного к свету и потустороннего. Видеть это можно, опираясь на представление о корове, как в ней заключенное свойство к притягиванию, при котором не она притягивает, а ее. И при этом притягиванию, опять же, не к смерти, поскольку о доме речь, а к больному и пораженному состоянию (того же дома с болящим в нем). Черное, но не символ, а свойство, заключенное в нем и в таком окрасе коровы отображаемое, характеризуется тем, что открытой закрытостью, открытой к тому, что как черное поражено, закрытостью к не пораженному светлому, это черное для коровы действует на нее таким образом, что, проходя мимо дома, *где есть больной*, но не просто больной, а в состоянии, его приближающем к смерти, она *посмотрит*, притянута, не смертью, а таким состоянием, и не больного, а дома, и поэтому *в дом*. Посмотрит *через окно*, не потому, что иначе нельзя посмотреть, а потому, что открытость окна ее заключенную в ней, в ее черном, открытость к закрытости в доме притягивает. К той закрытости,

пользуясь образно-метафорическим отображением, по-другому поскольку не получается, которая отмечает близкое к умиранию и смерти, в доме себя воплотившее, состояние.

В отношении аиста (завершая сопоставление), который *сидящий на кровле дома, в котором есть больной, и при этом кричащий, предзнаменует больному смерть*, можно увидеть еще одну допустимую вероятность. Как отмечалось ранее, такое его проявление, смерть предвещающее по следствию своему и именно так понимаемое, не будет реакцией на присутствие в доме смерти. Не исключено, что важно в этом случае то, что, во-первых, аист, а не корова и не собака, мало того, что не домашнее, но и не животное существо, ибо птица. Хотя и особая птица в ее определении и отношении к человеку, а также и к дому его³⁴. Но не об этом в предприняемом рассмотрении речь. Во-вторых, важно то (что, в свою очередь, следует из того, что это аист), важно его положение *на кровле дома*, с добавлением *в котором есть больной*. Положение, которое и не значило бы ничего такого само по себе, но поскольку где есть *больной, и при этом* (что было бы в-третьих) *кричащий*, такое его положение на кровле дома приобретает указанное значение – *предзнаменует больному смерть*.

Остается выяснить, что за этим стоит. Допустимым видеться предположить, поскольку *аист, на кровле дома, кричащий*, что в *предзнаменует больному смерть* заключается в этом случае, но не предчувствие (поскольку опять же аист), а скорее, видение и, если не видение его прямого значения, что означало бы визуальность и приближение, то предощущение, видение, если точнее, того, что невидимо, не наблюдаемо и глазами не воспринимается. Аист предвидит смерть, но *предвидит* в значении ‘видит’, но не глазами, а так, как видят не объявляемое зрению.

И это было бы тем, что составляет третье на основе примеров с тремя перечисленными в рассмотренных приметах-повериях существами. Отражены в них, скрыто, неявно, три вероятных в своих проявлениях положения. В отношении собаки – пришедшую и присутствующую смерть при больном, отсюда и *непрерывно к смерти его* то, что воет она перед окнами, перед окнами у больного, скорее всего. В отношении коровы – притягивающую реакцию, черного к черному (темному, как черной в доме дыре), к больному, как приближающемуся в своей неуклонности к смерти, в доме, опять же, себя объявившему состоянию, отсюда то, что *посмотрит в дом*, означает *больной непременно умрет*. В отношении аиста – видение ее, т.е. смерти, пока еще только определяющего себя приближения, ее выдвижение, выход по направлению к дому, в котором больной.

В соотношениях выведенное можно отобразить в такой схеме примет и признаков предсмертного состояния для больного, который находится в доме:

Ожидаемое приближение смерти в ее направлении к дому – <i>эгрессия</i>	Предвидение, видение ее как невидимого – <i>проспекция</i>
Отмеченное смертью состояние болящего – <i>инсигниция</i>	Притягивание – <i>аллексия</i>
Присутствующее при болящем пребывание смерти – <i>презенция</i>	Ощущение-обоняние-чутье – <i>перцепция</i>

Как можно заметить, не вполне симметрично последовательное отображение в материале того, что на его основе представлялось возможным вывести, равным образом в отношении правой части в таблице, а также в левой, укладывается вместе с тем в определенный, хотя и не полный, порядок. Если не первоначально, то на каком-то этапе, который можно воспринимать как предварительный, в отношении смерти происходит то, что связывается с ее выдвиганием. Смерть направляется, трудно сказать, что готовится, не непременно при этом как агентное существо, в сторону дома больного (так это как-то, если наглядно, можно отобразить). Происходит определение болящего к смерти и с этим своего рода заряженность (заражение?) направляемого к его дому пространства, понимая под этим не исключительно материально-физический аспект, если вообще приложимо это понятие к тому, о чем речь.

Далее, опуская возможные промежуточные и подводящие к следующему этапы, как не нашедшие отражения в материале, смерть, возможно, еще при больном не присутствует, но через указанное перед тем заражение ли либо каким-то иным путем, равно как и дополнительным к заражению, отмечает его собой. После чего и он сам, и его состояние становятся определенными к смерти. Определение это себя обнаруживает как то, в чем, с одной стороны, отображается, в отношении смерти, ей принадлежит, с этого времени больной в своем состоянии смерти принадлежит. А с другой, через заключающуюся в нем отмеченность смертью, обнаруживается в том месте и окружении, где пребывает такой больной, особая магнетизирующая и одновременно с этим отталкивающая от себя все живое энергия, поле, флюид, герметическое пространство – нечто, что трудно, как-либо обозначив, назвать, но что действует и воздействует на все то, что находится рядом и около, расходясь от такого болящего продвигающимися в не воспринимаемом глазом пространстве кругами, каждый последующий из которых будет в себе содержать все меньшую с отхождением от центра заряженность смертью отмеченного на себе состояния.

И то, что выложилось как третье, также имеющее свои промежуточные от второго предшества, равно как и не последнее, однако нашедшее отображение в материале примера с собакой, что связывается с пребыванием, наличием, присутствием смерти при ложе болящего.

В этом месте видится необходимым заметить две взаимодействующие как параллельно-пересекаемые линии (так это можно не только в нематериально пространственном, но и в сенситивном, связанном с ощущениями, представлении отобразить). Линию смерти, не столько как действующего и потому агентного существа, сколько как вида и формы существования, в агентности для сознания находящего свое подтверждение и выражение. И линию человека, больного, болящего, но не только, которому смерть назначена и суждена, не как таковая и не вообще, поскольку все люди смертны, а начиная с того момента, который был обозначен с позиции смерти как выдвигание. Проявляют себя эти две линии таким образом, что первая действует на вторую, а вторая на первую. Одна из них побуждает другую (вторая первую), а та, в свою очередь, вторую себе подчиняет, заражая и заряжая ее, отмечая и проникая, пронизывая собой. Взаимодействие это, в ту и в другую стороны, находит свое отражение в том состоянии, которое для больного будет предсмертным. Как отмеченным смерти, назначенным ей и к ней в связи с этим определенным, в значении ориентированном, направленном и подчиненном, т.е. детерминированном.

Две обозначенных линии могут сходиться и расходиться как в представлении, так и, при их выведении, в материале. Смерть как иносуществование по отношению к живому земному (в этой концепции трудно сказать, что живое в земном, а что нет) и как присутствие в больном, а не только при нем, при условии его ей отмеченной перед этим назначенности, с точки зрения восприятия и отражения, будь то в сознании, будь то во впечатлении, будь то вербально и, следовательно, для передачи другим и сообщения об этом, – могут не различаться. Назначенный смерти и в нем и при нем находящаяся смерть, в ее бытийной, а также агентно-воздействующей, проекции, как предсмертное состояние для других, для людей, для сознания их, восприятия и представления, способны отождествляться. Их разведение, в известном смысле, будет иметь дескриптивно-анализирующий и дефинитивный характер, в традиции ли или как-то еще. Оговорка, которая вместе с тем от различия, точнее различения, там, где это себя проявляет, не может освободить.

Мышь, собака и кошка

Еще одну разновидность в группе примеров, в которых по признакам, наблюдаемым у больного либо отмеченным для того, кому вскорости умереть, на основе поведения животных, составляют три не имеющих своего прямо определяемого отношения к дому. Дом имеется, поскольку в доме все происходит, но это сцена, а не участник происходящего:

[Собака] не ест крошки после больного – близкая смерть.

Мышь заскребется за кроватью больного – к смерти.

Не к добру, если кошка часто и подолгу спит на изголовье чьей-нибудь постели: она непременно «вылежит» владельца этой постели, и он умрет.

В последнем примере не говорится прямо о том, что владелец постели больной, хотя таковая предсмертная, смерти назначенная болезнь вместе с тем ему, видимо, предопределена. Так, во всяком случае, следовало бы понимать то, что кошка *непрерывно «вылежит»* его, *и он умрет*. В связи с этим и этот пример можно было бы относить в тот же ряд и рассматривать в отношении неизбежной смерти больному.

Первое, что приходит в голову, и в этом имеется общеизвестный, а потому и банальный, смысл, будет то, что животные, к тому же наиболее близкие человеку, мышь в том числе, но собака и кошка в первую очередь, всегда чувствуют как болезнь и больного, так и, что самое главное, его вероятную смерть. Чувствование это, определяемое словом *чутье*, характеризуется тем для животных, что человек по природе своей утратил, в ходе развития как разумное и цивилизацией отмеченное существо. Нет в нем, в обычном для него состоянии, подобного чувства. Это понятно, так, по крайней мере, сложилось и принятым стало об этом считать. Вместе с тем, обращаясь к исследованию предметного мира поверий-примет с погружением в концептуальное и сенситивное поле данного материала, необходимо и следует посмотреть на все это с другой стороны. С той стороны, которая не очевидна и может быть не замечена.

Зададимся первоначально вопросом – почему собака *не ест крошки после больного*, в то время как мышь *заскребется за его кроватью*, а кошка *часто и подолгу спит на изголовье чьей-нибудь постели*? И во всех этих случаях, с одной стороны, будет то, что передано словами *близкая смерть, к смерти, и он умрет*? А с другой, возможно ли это представить как некую общую целостность? То есть как то, что, имея в себе нечто единое и нераздельное, составляя какую-то сущность и (пусть будет биоэнергетическое, хотя на деле, по-видимому, все же другое какое-то) естество, действует на домашних и к человеку наиболее близких животных таким «притягательным» и отталкивающим вместе с тем образом (на примере собаки и мыши, отчасти, отталкивающим, а на примере кошки, скорее, выталкивающим и выживающим), – таким каким-то, по внешности необъяснимым, что с ними, с этими животными существами, начинает нечто происходить, что находит свое выражение в указанных проявлениях.

Можно бы задаваться вопросом – обычно ли для собаки не есть после больного крошки, равно как и не после больного, и всегда ли она должна или будет их есть? Равно как и все остальное, для мыши, с тем, что заскребется за чьей-то кроватью, больного ли или нет, для кошки

которая может часто и подолгу спать на изголовье чьей-то постели? Во всех этих случаях, как это виделось и представилось раньше (на примерах с коровой, аистом и той же собакой), можно было бы говорить о сочетании располагающих, а точнее предполагающих, к данному разрешению обстоятельств. В доме имеется или существует некое опасение, не так, чтобы необоснованное, что имеется кто-то больной. Ожидается или же допускается его более или менее близкое отношение к собственной смерти. И тогда наблюдаемое в указанном поведении собаки, мыши и кошки, в субъективно не модулируемый момент прошедшее не замеченным либо, хотя и замеченное, не получило бы подобного определения, в то время как при условиях предрасположенной к этому интерпретации, становится знаком назначенного в скором времени человеку конца.

Вместе с тем, отмечая сказанное и имея его в виду, не об этом в данном месте предполагается говорить. Оттолкнувшись от представления в правой части, с определениями, к которым придется вернуться, *близкая смерть, к смерти, и он умрет*, опять задаемся вопросом, почему, по какой исходящей от смерти причине, *собака не ест крошки после больного, мышь заскребется за кроватью больного, кошка часто и подолгу спит на изголовье чьей-нибудь постели?* Будет ли все это соотноситься с тем, что ранее было выведено на примерах с коровой, аистом и опять же собакой? Иными словами, будет ли это все тем же проявлением в каких-то, возможно, этапах, притягивающе-отталкивающего воздействия предсмертного состояния, включая больного и смерть его вместе с ним, на животные существа, в данном случае наиболее близкие человеку?

Идя по порядку и начиная с собаки, ее нежелание, а возможно также, что избегание, есть крошки после больного (а поскольку крошки, то, вероятно, выпавшие у него изо рта, о чем была раньше примета), можно интерпретировать в разных себя допускающих поворотах. Тем, что собака чует близкую смерть, и поэтому, можно бы было сказать, избегает ее в себя принимать. Хотя подобное отношение к смерти через еду вряд ли стоило бы собаке приписывать. Но предположим, поскольку смерть вот здесь, в том числе у нее на носу (прибегая не так, чтобы к образному, определению). Тем, что собака, опять же чужая стоящую рядом смерть либо чувствуя на себе ее разлагающее дыхание, не может, войдя в ее круг, не пространственно, а через еду, тем самым, его пересечь, этот круг ее в себя не пускает. Ибо, воспринимая традиционно известное отношение к собакам как к проводникам человека на тот свет после смерти, стоит иметь в виду, что, будучи таковыми сопровождающими и проводящими существами, они, оставаясь не мертвыми, а живыми, не пересекают непосредственно к смерти имеющий и ее в себя подключающий круг.

Важным во всем этом видится определение *близкая смерть*, понимая это, однако, не только в пространственном и временном отношении, а пе-

ревода в отношении к состоянию. Больной, как физически, так и внутренне, перешел отмечаемую очередную черту. Его такое теперь состояние характеризуется как пред-предсмертное, т.е. все более, еще более близкое к смерти, почти уже в ней. И собака не ест после такого больного крошки по самому его состоянию, это «мертвые» крошки, так это как-то можно было бы определить, крошки только по внешнему виду этого мира еды, на деле уже и не этого, не потому, что невидимые или какие-то не такие, а потому, что не крошки по самому своему существу, как призрачные, по этому своему существу, элементы того, что является пред-предсмертным, будучи тем, что есть крошки там, а не здесь.

Здесь, в этом мире, мире живых, невозможно, собаке по крайней мере, есть то, что не является частью мира не этого и его, «того» мира, «едой». Не потому, что это вело бы к отправлению той же собаки на тот свет, на ту сторону*, а потому, что для нее, как для собаки, животного, близкого к смерти по проводящей и сопровождающей человека природе своей, этих крошек как материальных и видимых нет, не может она их есть, потому что они для нее как крошки еды человеческой не существуют.

Отсюда понятие *близкая смерть*, как то, что является частью, проекцией в этом мире мира того, как то, что, присутствуя здесь, отмечает, также в еде больного и, главное, после него, свое рядом с ним и при нем пребывание. Свое пребывание вместе с этим и в нем, что и находит свое отражение далее в крошках после такого больного.

То, что *Мышь заскребется за кроватью больного*, означает к смерти, можно бы было добавить *его*, но это было бы не совсем обоснованным. Не о том здесь, по всей вероятности, речь, что мышь чувствует приближение смерти больному, в том отношении, что ему предстоит в скором времени умирание. Немаловажно, что мышь, существо также связываемое со смертью³⁴, но, в отличие от собаки, это не сопровождающий и не проводник, а сама смерть в таком своем виде и ипостаси. Мыши, как в совокупности, так и поодиночке, в определенных значениях и контекстах будут иметь отношение к смерти, воспринимаясь и представляясь то как она сама, то как то, точнее те естества (существами их в этом случае вряд ли можно считать), которые ей предшествуют либо ее сопровождают.

Не увлекаясь, однако, столь показательной темой и не входя в подробности обозначенных обстоятельств, поскольку это значительно уводило бы в сторону, возвращаясь к примеру, к тому, что в нем передано словами, к *смерти* можно, интерпретируя соответствующим образом,

* Такое предупреждение встречается в объяснении снов, а также в мифологических по своему происхождению повествованиях, когда герою, отправившемуся на тот свет либо там оказавшемуся, чтобы не оставаться там, полагается и предписывается ничего в том мире не есть, не принимать никакой еды и питья, предлагаемых мертвыми.

понимать едва ли не в прямом отношении. Как то, что смерть уже здесь, что пришла и что сама ли скребется мышью за кроватью больного либо мышшь эта с ней, от нее, существенным будет не это, а то, что говорится в примере о ее при больном появлении. Тем самым, это было бы тем, что ранее, в схеме, себя отмечало как 'присутствующее при болящем пребывание смерти', но не презентия пока еще, а потому и не пребывание, но при бы в а н и е (не играя словами), объявление, обнаружение, приход. Начальная фаза того, что отмечено как пребывание. Оттого *заскребется*, так это выражено, появившись, придя и за кроватью войдя.

Немаловажным в этом случае можно считать и то, что вряд ли, сомнительно, чтобы мышшь эта была кем-то и как-то видима, это звук, звучание, похожее на то, которое производится мышью, когда она *заскребется*. А тогда ничто не мешает предполагать, что дело не в мышши как таковой, но в том, что, в том числе и по звуку, связано с мышью и напоминает ее. И если мышшь, то невидимая, а если и видимая, то не мышшь, и если видимая и мышшь, то как мышшь только видимая, при том, что на деле, пусть даже мышшь, по существу же смерть или такая мышшь, которая приходит от смерти, сопровождает ее, упреждает, приходит сразу же перед ней или вместе с ней.

И последний пример из этого ряда. То, что объясняется в отношении кошки, если она *часто и подолгу спит на изголовье чьей-нибудь постели*, в связи с чем *непрерывно «вылежит» владельца этой постели*, отчего тот *умрет*, видимо, можно и следует понимать в ином положении. Начнем с того, что частое и долгое спанье ее в изголовье кого-нибудь означает, скорее всего, ее реакцию, если не на болезнь, о которой владелец постели не ведает, то на ослабленность его витального состояния, которое служит свидетельством ожидаемой смерти. И тогда то, что *«вылежит»*, воспринималось бы в том ключе, который предполагает владельца данной постели ослабленную или, может, точнее, ослабляемую в нем причастность, через ту же постель, настоящему миру.

Немаловажным в разбираемом случае видится также и то, что *кошка часто и подолгу спит на изголовье* все той же постели, т.е. в том месте, в котором, с одной стороны, находится голова, как правило, на подушке. С подушкой больного, и с этим покойника, связываются определенные представления, а через поверия и приметы находит свое отражение и похоронный обряд. С другой стороны, у изголовья, над изголовьем больного и умирающего стоит, по повериям, пришедшая за ним смерть. В связи с чем положение кошки собой отмечает то место, которое значимо в отношении смерти как ожидаемого состояния и как агентной сущности, появляющейся при больном. По этой причине то, что в кошке себя проявляет как ощущение, предчувствие ожидаемого для данного человека конца, воспринимается как соответствующий знак.

К сказанному можно бы было добавить то, что себя отмечало и в прежних примерах, а именно субъективный и наблюдающий фактор, предполагающий, если не прямо свидетельствующий, о предрасположенности к данному наблюдению лиц. Можно заметить, а можно и не заметить, что кошка спит не просто на изголовье чьей-то постели, для деревенского дома и его домочадцев это не слишком желательно и, как правило, ими не одобряется, а поэтому ее, вероятно, будут оттуда сгонять, – важно то, что спит она в этом месте *часто и подолгу*. Обстоятельство, которое надо не только заметить, но и, отмерив во времени, придать ему соответствующий смысл. И только заметив как положение не случайное, сделать вывод о состоянии владельца данной постели, в отношении которого следует предполагать предварительно, если еще не сложившиеся, то предрасположенные к этому опасения.

Тем самым, как это было и в предыдущих случаях, объективно имеющееся, попадая на субъективно предопределенное и соответствующим образом ориентированное восприятие, складывается в то представление, о котором в примере речь. Усиливает, а может, скорее, не столько усиливает, сколько включает и направляет получаемый вывод, равно как и само наблюдение, также и то, что в примере следует видеть как в нем заключенное, исходное по отношению к происходящему, знание. Говоря по-другому, если знать заранее то, что в примере содержится в отношении кошки – *не к добру* то, что *спит* она *часто и подолгу на изголовье чьей-то постели*, то заметив, что спит, можно добавить к этому от себя, что *часто и подолгу*, ибо этот параметр несколько субъективен, при вероятном к тому же опасении, неизвестно, насколько оправданном, в отношении владельца постели, по поводу его состояния, – при соединении всего этого и получится в примере отображенный итог применительно к неперемнной смерти.

В отличие от двух предыдущих примеров, с охарактеризованными ранее формулировками *близкая смерть* и *к смерти*, в этом содержится иное определение – *и он умрет*. Если усматривать в таком представлении не только вербальную форму, а переданное с ее помощью положение, то понимать его можно в том смысле, что речь идет о событии, о том, что произойдет, в результате, с владельцем постели. Иными словами, определяется не то, что смерть за ним как агентная сущность придет и будет стоять у него в изголовье (из чего получается, что изголовье будет иметь отношение к тому, кому умереть, а не собственно к смерти), не то, что переживать он будет как умирающий предсмертное и посмертное для себя состояние, а то, что должно с ним случиться.

В отношении кошки тогда ее нахождение и спанье, *часто и подолгу, на изголовье*, означать должно предощущение, а не вызывание, как можно было бы заключить из позиции *неперменно «вылежит»*, того, что случится, что произойдет как событие, которое, применительно к *«вылежит»*, можно

было бы понимать в отношении ожидаемого как неизбежное оборачивания, обращения на другую сторону (для изголовья и через него), от живого к мертвому. То место, на котором *кошка часто и подолгу спит*, уже не есть место живого лица, это место его обращения, а потому и свободное и вместе с тем «мертвое» место. Мертвое в том смысле, что живым уже и не занятое.

Обобщая выведенное из трех последних примеров для смерти и того, что сложилось на их основе для предсмертного положения, можно видеть такие соотношения. На примере с кошкой – знание или чувствование смерти как того, что непременно случится с кем-либо, с ним как событие произойдет. Для животных знание, в том числе и для кошки, также и в данной связи, имеет не концептуально ориентированный и формулируемый, осознаваемый в причинах и следствиях, характер, как у людей, а получаемый как данность, как то, что есть или будет. На примере с мышью (идя в обратном порядке) – появление смерти, ее приход через «слышание» того, что невидимо, издаваемый звук, звучание, «скрёб» ее появления у кровати больного. И на примере с собакой – ощущение, чувствование пребывания *близкой смерти*, нахождения ее здесь, но не как агентной сущности, точнее в ней не ее самоё, а как части от мира потустороннего, вторгающееся, внедряющееся ее положение в этом мире, проникновение в него.

В таблице, соблюдая возможный этапный порядок, представить это можно было бы следующим образом:

Появление смерти, ее приход – <i>ингрессия</i>	Слышание, восприятие внутренним, но также и собственным слухом – <i>аттенция*</i>
Пребывание смерти в этом мире как части мира того – <i>инфузия</i>	Ощущение-чутье как <i>реакция</i> на пребывание смерти
Смерть как событие, то, что происходит, произошло, произойдет – <i>инкурсия</i>	Знание как чувствование – <i>акцепция</i>

В соединении с тремя предыдущими соотношениями, отраженными в таблице, составленной ранее на основе примеров с аистом, коровой и той же собакой, можно вывести представления а) укладывающиеся в определенный, но не законченный, ряд, касающийся воображений о смерти; б) затрагивающие параметры восприятия (в отношении того, что, опять же, касается смерти); в) характеризующие (для сознания, свойственного повериям и приметам) реактивно себя объявляющие позиции встретившихся в примерах живых существ в их проекциях к различным отображениям смерти.

* Лат. **attendo, tendi, tentum, ěre** [ad + tendo] ‘напрягать (обращать) внимание, внимать’; ‘обращать внимание на что-л.’; ‘внимательно следить’.

На основе проанализированных шести примеров для смерти будет типично, первоначально, ее ориентация к дому, в котором тот, кому предстоит умереть, направление, выход к нему, эгрессия, *Egress*. В этом случае смерть может видеться и как агентная сущность, и как то, что являет собой нечто мертвое потустороннее, мертвящее и выходящее к избираемому дому как таковое. Как таковая далее смерть проявляет себя в том, что предполагает ее появление в данном доме, в него приход, или ингрессия, *Ingress*. Здесь также можно и следует говорить о смерти в смысле агентной сущности, равно как и мертвом потустороннем. В той же двойной своей ипостаси смерть представляется при презентации, *Praesent*, или присутствии, нахождении своем, пребывании при болящем и умирающем, у ложа, обычно у изголовья его. Связанным с этим еще одним, но не предполагающим в последовательности этапов отраженный порядок, будет то, что было охарактеризовано как пребывание смерти в этом мире как части того, ее в него проникновение как инобытийное по своему характеру присутствие, или инфузия, *Infus*.

Два остающихся представления – отмеченное смертью состояние умирающего, или инсигниция, *Insign*, и смерть как событие, происходящее, инкурсия, *Inkurs*, не будут ложиться в обозначенный ряд, имея проекцией то, что касается человека, содержится в нем, определяя и характеризуя его, в отношении первого, и то, что себя отражает в реальной действительности, для него самого как умершего, так и тех, кто его окружает и близок ему, оставаясь при нем, умершем, живыми.

В связи со сказанным, применительно к смерти, следует о ней говорить 1) как об агентной сущности, 2) как о мертвом потустороннем, мертвящем по отношению к посюстороннему и из него забирающем, 3) как о том, что, входя в этот мир, в нем себя разливают, присутствуя, и распространяет, занимая определенное место (в биоэнергетическом, а не только пространственном, понимании этого слова), 4) как о смерти умершего, т.е. утрате им жизненных проявлений, их остановке и прекращении, что относится к его невитальному после этого состоянию, 5) как о событии, затрагивающем действительность происходящего и в ней себя проявляющем, для умершего и тех, кто его окружает, оставаясь при нем в живых.

Смерть, исходя из этого, как интенционал, экстенционально распространяет себя на то, что, являясь собственно смертью, не является при этом ничем другим, – смерть как то, что не жизнь и не от мира сего. На человека, как субъекта для себя самого и объекта для смерти как смерти и ею на него насылаемого, вызываемого в нем состояния мертвого и перед тем умирания. На действительность проживания, на то, что проявляет себя для людей и через них как их внешнее и окружающее. В этом последнем аспекте и виде своем смерть, нарушая какой-то порядок

и ход положений-вещей, вторгаясь в действительность, производит в ней то, что можно представить как обращение, оборачивание действительности живого и существующего то ли другой, то ли еще одной стороной (интерпретация будет зависеть от концептуальной позиции).

В виде схемы (однако не формулы, поскольку выражаемого концептуального общего смысла нет) выразить то, что касается смерти, можно было бы следующим образом: *Egress > Ingress > Praesent || Insign > Incurs* – ‘направление, выход смерти к какому-то дому реализует себя в ее появлении в этом доме, приходе в нем, что определяется далее ее пребыванием, присутствием в том же доме при том, кому суждено умереть, отмечаясь и замечаясь в нем характерным для умирания, со смертью связанным, состоянием, что, в конечном итоге, после того как отмеченный смертью в таком своем состоянии умрет, имеет в реальной действительности своим проявлением событие смерти, смерть как то, что с кем-то произошло и что затронуло его близких и окружающих’.

Соответственно, то, что касалось бы восприятия, или, может, если точнее, сенситивного отношения к смерти в различных ее проявлениях из тех, что были перед этим указаны, с обобщением на основе представленных шести единиц (по таблице), получалось бы говорить о знании-чувствовании ее в неизбежном ее наступлении (*Accept*), видении или предвидении ее как невидимого в готовящемся или осуществляемом приближении (*Prospect*), ощущении-обонянии ее присутствия посредством чутья (*Percept*), притягивании к себе через чувствуемое состояние умирающего (*Allekt*), слышании внутренним и не только внутренним слухом ее приближение (*Attent*), сенситивной в своем основании реакции на ее пребывание в этом мире (*React*).

Схема соотношений шести сенситивных позиций могла бы выглядеть следующим образом: *Accept > Prospect || [Attent (Allekt/Percept)] < React* – ‘первоначальное знание-чувствование смерти кого-то как неизбежно себя воплощающего в этом мире и с его умиранием связанного появления мертвого потустороннего и вместе с этим события (*Accept*) предполагает возможным видение ее как невидимого в готовящемся с ее стороны или осуществляемом приближении (*Prospect*), реализуясь в последующем, при приходе и приближении ее, посредством слышания внутренним и не только внутренним слухом (*Attent*), что в соединении связывается, может связываться, с ощущением магнетизирующего ее притягивания, в том числе и через чувствуемое состояние умирающего (*Allekt*), либо с восприятием ее посредством обоняния или чутья (*Percept*), что, при таком присутствии ее в этом мире, предполагает возможность определенного сенситивного реагирования, не обязательно осознаваемого (*React*)’.

Что касается себя проявивших животных существ, позиции в отношении к наблюдаемым с их стороны проявлениям выкладывались бы в та-

кую последовательность, парадигматическую в основе своей и соотносимую с представленной перед этим сенситивной схемой: кошка – обладает способностью знания как предчувствия (акцептивность с позиции наблюдающих), аист – способен видеть готовящееся или осуществляемое приближение смерти в ее направлении к данному дому (перспективность), корова – ощущает на себе ее притягивающее к дому воздействие, в котором лежит умирающий (аллективность), скребущие звуки мыши у кровати больного отмечают ее приход (аттензивность), собака – чувствует нюхом-чутьем ее нахождение при умирающем (перцептивность), а также и вместе с тем вошедшее в этот мир ее в нем присутствие как мертвого потустороннего, как иносуществования и инобытия (реактивность).

Определение состояния больного

Обратимся теперь к примеру, в котором содержится, как это было в начале раздела указано, гадательный компонент, предполагающий допустимость, на основе каких-то определяемых и вызываемых, возможно, признаков, узнавания того, что ждет больного, оправится ли он от болезни или ему суждено умереть:

2а) В вечернюю сумеречную пору тяжелобольному дают в руку кусок хлеба, который потом кто-нибудь из родных относит на дорогу: если положенный хлеб уцелеет до восхода солнца, то больной еще может выздороветь, а если не уцелеет, то непременно умрет.

Значимым, в первую очередь, видится время производимого действия – то, что после захода солнца, поскольку вечером в сумерки, и то, что на ночь и *до восхода солнца*. Далее – используемый для узнавания предмет (*кусок хлеба*), действующий в трех отношениях, как то, что *тяжелобольному дают в руку*, как то, что *потом кто-нибудь из родных относит на дорогу*, и как то, что становится, вследствие этого, средством производимого определения. В первой роли своей выступает он как объект-абсорбент, вбирающий в себя от больного переходящее от него витальное состояние, характерное для того в проверяемый момент. Во второй – как объект отправления (элатив), с вынесением за пределы дома и оставлением на дороге, т.е. в месте, предполагающем пересекающий, проходящий, трассирующий, контакт с несвоим, в том числе и с потусторонним, и с мертвым, поскольку после захода и до восхода солнца. В третьей роли он будет действовать как объект-индикатор, предполагая наличие либо отсутствие, исчезновение в месте, где был положен.

Помимо этого, имеются те, кто, находясь при тяжелобольном, *дают* ему *в руку кусок хлеба* для проверки последствий, тот из родных, кто *относит* его *на дорогу*, и, наконец, сам больной, который держит *кусочек хлеба* в руке, о котором сообщается, что он не просто болен, а *тяжело*, и в отношении которого все производится с тем, чтобы установить, *может ли он еще выздороветь или непременно умрет*. Роль дороги, на которую кусочек хлеба относят, имеет значение опосредованное, важна не она сама, а как тот сквозной и открытый местообъект, на котором может нечто произойти, что, имея свое отношение в темное время к мертвому и потустороннему, способно проявить себя, в приложении к производимому над используемым для узнавания объектом, индикативно.

Смысл всего того, что описано и представлено в своей строгой, со временем, субъектами и объектами связываемой, последовательности, сводится к узнаванию. И это был бы встречавшийся также и ранее предметно-сигнификативный разряд в отношении соответствующим образом себя проявляющей единицы.

Прежде чем дать ей определение, представим все сказанное в формульно-моделирующем выражении. Выглядеть это могло бы следующим образом: $S^l(TransObjT^1) > S(AegrGrav) > S^2(GentS) > [(ElatObj > Loc(T^1 > T^2)) \|\> Obj(ServT^2) > S(Viv) / Obj(DiscsessT^2) > S(Mort) - 'некто S^l, передавая в определенное время некий объект, TransObjT^1, тяжелобольному лицу, S(AegrGrav), а от него субъекту, родственному субъекту S, S^2(GentS), с тем, чтобы тот отнес передаваемый объект в определенное место, ElatObj > Loc, оставив его на промежуток времени T^1 > T^2, имеет целью установление, \|\>, объявляемое в отношении S к жизни / смерти, Viv / Mort, вследствие сохранения оставленного объекта ко времени T^2 либо исчезновения его Obj(Serv) / Obj(Discsess)']$.

То, что представлено описанным с помощью формулы образом, рассматривать следует как проекцию более общего положения, предполагающего, гадательное по своему характеру, узнавание при посредстве предмета, с которым производятся определенного рода действия, но не как таковые и не любые возможные (что было бы отражением высшего уровня), а такие, которые связываются а) с его передачей от субъекта-инициатора к субъекту-адресату, а от него к субъекту-исполнителю (экзактору), б) которому полагается с этим предметом какие-то действия осуществить, с) из чего будут следовать через какое-то время, в зависимости от изменения предмета, определения в отношении адресата. В формуле данное положение, проецируемое к тому, что представлено ранее, можно было бы отобразить таким образом: $S(I) > TransObj > S(A)|S(E) > S(E) > Act(Obj) \|\> Obj(Mut) > SignS(A)$, обозначив это, в подобном типологическом обобщении, как субъектно-субъектный транзитивно-объектный адресатно-мутативный сигнификатив. Определять его можно

как разновидность акционально-манипулятивной формы, гадательного в основе своей, узнавания, предполагающего выбор одного из возможных, вследствие получаемого результата, значений.

С точки зрения мифологической, хотя точнее было бы в разбираемом случае говорить концептуально-мировоззренческой, в основе производимого действия, вернее производимых в их совокупности действий, с получением интерпретируемого соответствующим образом результата, лежат представления о том, что проецирует себя к предмету, способному принять на себя свойства субъекта-лица (*кусоч хлеба* в примере), к дороге как местообъекту стечения разных по своему происхождению сущностей, бытований и сил, в особенности, и это было бы третьим, в темное и ночное время, от заката до восхода солнца.

Стоят за всем этим типичные для сознания и предметного мира поверий-примет концептуальные, а в исследуемой парадигматике семантические, единицы, которые можно было бы определить в таком представлении: 'существуют предметы, которые, вступая в физически близкий контакт с человеком, перенимают, способны перенимать на себя его свойства и состояния'; 'такие предметы, перенимающие, точнее перенявшие, на себя свойства «хозяина», можно потом использовать, оперируя и манипулируя ими, для того, чтобы нечто задуманное в отношении данного человека произвести'; 'дорога является трактом и местом пересечения, встречи, стечения разных по своему происхождению бытований, в том числе, если в ночное, главным образом, время, и потусторонних, и мертвых не только существ'; 'время от заката до восхода солнца способствует активизации и проявлению невидимого, ночное и темное время в особенности, также, если не в первую очередь, активизации и проявлению мертвого потустороннего'.

Указанные единицы, сочетаясь и согласуясь, составляют то, что можно представить себе как конструкцию, комбинаторную с формальной и концептуально-мировоззренческую с семантической своей стороны, которая и находит затем свое выражение, проходя через фильтры и уточнения синтагматических обстоятельств, в том, что на вербальном уровне получает свое отражение в разбираемом примере, равно как и с ним подобных других, для своих единиц и образуемых на их основе конструкций.

Что касается собственно куска хлеба, оставляемого на дороге до восхода солнца, то, помимо общего представления о кормлении, гадательном в своей основе для данного случая, мертвых душ, о чем свидетельствуют также другие поверия*, внимания заслуживает видящееся не случайным

* Приведем только один пример для иллюстрации «оставления» подобного рода из основного источника: *На могилу самоубийцы сыплют несколько пшеничных зерен и смотрят издалека: если птица не станет клевать тех зерен, то не надо и поминать*

вербальное определение *если положенный хлеб уцелеет*, с одной стороны, и *если не уцелеет*, с другой. *Уцелеет* и *не уцелеет*, как целое и не целое, останется целым или наоборот. В приложении к тому, о чем речь в поверии, целость эта может быть переведена к тяжелобольному, непосредственно к нему относясь, с проверкой и установлением целости, ненарушенности, непораженности витального его состояния.

Стоять за этим может не осознаваемое, скорее всего, представление об открытости либо замкнутости его в переживаемом им теперь состоянии, в отношении к мертвому. Если хлеб, кусок хлеба, со следом болящего на себе, с содержанием в себе на данный момент его свойств, будет принят и, следовательно, не уцелеет, тем, что от мертвого и потустороннего, понимать это следует как открытость, незамкнутость для него применительно к мертвому, путь к нему, на ту сторону для него открыт, дело времени только, когда ему предстоит умереть. Если же уцелеет, то наоборот, мертвое потустороннее для него не открыто, и *больной еще может выздороветь*.

Акционально-предметный характер заложенного в производимую для узнавания операцию положения можно представить, имея в виду его гадательность, хотя, может, точнее было бы говорить о проверке, своего рода мерянии, измерении (зондировании, пользуясь не вполне подходящим для поверий-примет языком) того, что и как для него в этом мире и том состоит, в каком он, в данном своем состоянии, находится к ним отношении, что перевешивает и в какую сторону ожидать качания жизненных для него весов, – акционально-предметный характер данного положения можно представить в его обобщении следующим образом. Имеется на данный момент некое состояние X для субъекта S , значение которого доподлинно неизвестно, но которое может склоняться либо в сторону A , либо в сторону B . Имеется также возможность посредством предмета P проверки и уточнения состояния для субъекта S при условии осуществления над предметом P соответствующих и определяемых позиционным временем T операций O (либо одной операции), допускающих в своем результате показатель C для A и показатель D для B . Предполагается установить характер состояния X для субъекта S , будет ли оно склоняться в сторону A либо в сторону B , опуская собственные значения того и другого, поскольку определяемая модель достаточно обобщенна. Опустить приходится, с учетом того же модельного обобщения, и субъектов-участников, инициаторов и исполнителей, тех, кто осуществляет, запуская, проверку, равно как и того, кому поручено операцию произвести.

покойника, исключая субботы Дмитриеву и Всех Святых; если же видят, что птица клюет зерна, то кидают их и потом на могилу в продолжение года и даже двух и поминают умершего. (с. 61)

Перечисленные компоненты, объединяясь, составляют модель, которую можно представить следующим образом: $X(S) = A \vee B : X(S) = A \Rightarrow P(T+O > C) : X(S) = B \Rightarrow P(T+O > D)$ – ‘состояние X субъекта S равно A либо B , равно A , если операция O с предметом P во времени T дала показателем C и равно B , если та же операция O с тем же предметом P и в том же времени T дала показателем D ’.

Данную модель можно определять как оперативно-проверочную*, или оперативно-рекогнитивную, с заложенным в ее основание, также модельным, представлением о результате R в виде $Y > Z$ (если Y , то Z) $\neg Y > \neg Z$ (если не Y , то не Z). Под Y следует понимать то (для данного случая), что оставленный хлеб уцелеет, под Z , соответственно, что больной может выздороветь, что будет значением общим для R . В модели, представленной ранее, R находит свое выражение в показателях C и D .

Предостережение для живых

Следующий предлагаемый к рассмотрению пример содержит предостережение для живых, заключающееся в опасности возможного поражения от того, кто, отходя, находится при смерти:

2b) Если умирающий попросит меда, масла, молока и вообще чего-нибудь съестного, то никто не должен ему это давать, так как в противном случае он унесет с собой в могилу всю удачу на эти предметы и оставшиеся домочадцы постоянно будут нуждаться в том, что было подано просителю.

Имеется умирающий, о котором уже известно, что он находится в переходном к смерти своей для себя состоянии. Находясь в таком состоянии, он, как следует из примера, может попросить, и тут может быть важен порядок, *меда, масла, молока*³⁵, с добавлением *и вообще чего-нибудь съестного*. Существенным в этом контексте видится то, что умирающий просит не просто есть, скажем, будучи голоден, а названных в перечислении предметов, ибо и в добавлении *чего-нибудь съестного* содержится представление о чем-то определенном. И это был бы первый акт характеризующих в своей связи событий.

Вторым надо считать то, что выражено словами *никто не должен ему это давать*, а поскольку *не должен*, то предписание, которое можно не знать или не соблюдать. Из чего будет следовать альтернатива к тому,

* Операция будет предполагать производящего ее субъекта, производимое действие, а также используемый для достижения результата предмет.

чтобы не дать, т.е. дать просимое – или *меда*, или *масла*, или *молока*, или *чего-нибудь* еще из *съестного*.

Третьим в своей очередности получается то, что *он унесет с собой в могилу всю удачу на эти предметы*, т.е. *мед* как таковой и как производимый и получаемый продукт, *масло*, *молоко*, в таком же своем представлении, равно как и что-то другое, что из съестного попросит.

И, наконец, четвертым – выраженное словами *и оставшиеся домочадцы постоянно будут нуждаться в том, что было подано просителю*. Им будет этого не просто не доставать, что понятно само по себе, оно, это поданное, не станет в достаточном виде воспроизводиться, что-то такое произойдет, что поразит его продуктивное основание.

Стоит за всем этим концептуально-мировоззренческое по своему характеру представление о генеративном единстве и взаимодействии (не только генеративном) живого и мертвого, живых со своими мертвыми, находящее свое выражение в том, что определяется к дому (ибо речь в примере о *домочадцах*), но не как строению, а как родовому гнезду, экзистенциальному и с этим витальному и продуцирующему, порождающему, месту совместного бытия, находящего в доме свое не одно только материальное и физическое отображение. Равно как и в том, что совместно с так понимаемым домом составляет питающую и в ней продуктивно-воспроизводящуюся, повторяющуюся и обращающуюся константу, находя свое, не только, опять же, физическое и материальное выражение в продуктах питания, определяющих родовое существование и в этом также сосуществование с мертвыми, своими мертвыми, в первую очередь и прежде всего.

Исходить можно также, и следует, из алиментно-генеративной функции *меда*, *масла* и *молока* (остальное не названо) для сознания, из того, что они представляют собой для родового и с этим домашне-семейного существования тех, кто остается пока что в живых. Из того, что просьба о них умирающего, обращенная к домочадцам, не случайна, имея истоком и мотивацией мертвое в нем, не его самого. Отсюда то, что *он унесет с собой в могилу* – не сами эти предметы, а *всю удачу* на них. Показательно, что *унесет в могилу*, а не как-то еще, заберет, прихватит с собой, лишит и т.п. *Унесет в могилу* – как выражение и отражение того, что эта могила будет для них, для этих предметов, они потеряют живое животное, репродуцирующее и репродуцируемое, свое естество, станут мертвыми и умрут. *Унесет всю удачу* – понимая буквально, перестанут они удаваться живым, перестанет, минует, прервется то, что, связываясь с везением, счастьем, определяет способность, умение, благоприятность стечения обстоятельств и складывающееся благорасположение в отношении их. Все это, как существующий в этом мире их внутренний, к постоянному возрождению готовый для человека и побуждаемый с его помощью потенциал, уйдет, отмеревший, корни, истоки удачу, удачность, удачливость

предполагающего воспроизводства унесет он в могилу с собой, именно это, а не что-то другое.

В связи со сказанным возникает еще один, представляющийся немаловажным аспект. Для того, чтобы в этом мире все так, как положено и как желательно и необходимо для человека, действовало, чтобы то, что должно и может воспроизводиться, воспроизводилось, рождало и порождало, существенным представляется в определенное время кормящий, питающий, со своими мертвыми, от живых исходящий контакт, что находит свое отражение в календарной и не одной только календарной обрядовости.

В разбираемом примере речь не о том. Из того, что он представляет, выходит, как следствие, то, что предсмертное состояние, перехода от живого к мертвому, мертвое во все еще пока что живом (опуская обрядовую и календарную сущность происходящего) питания и кормления от живого не предполагает. С той, видимо, существенной оговоркой, что умирающего не то, что нельзя накормить, но что не следует ему давать то, что попросит, а именно, если попросит *меда, масла, молока и вообще чего-нибудь съестного*. Ибо, приходится повторить, не он, а мертвое в нем это просит. Не для того, чтобы продукты эти собой умертвить, но для того, чтобы он унес с собой их в могилу.

И тут возникает вопрос, что бы унес для мертвого? Можно ли полагать, что *всю удачу на эти предметы*, с тем, чтобы *оставшиеся домочадцы постоянно* нуждались впоследствии в них? Вряд ли это можно приписывать мертвому. И тогда это следствие из того, что *попросит*, и позиция, положение для живых. Из чего получается вывод – то, что исходит от мертвого или что оно может просить у живых, для живых обернуться способно мертвятием в своем проявлении результатом.

Равновесия между мертвыми и живыми не следует нарушать, соблюдать которое и следить за которым полагается все же живым, а не мертвым, в том числе также и потому, что в противном случае в страдательном положении, пораженными, лишенными способностей и удачи, окажутся неизбежно они. К этому можно добавить, определяясь в отношении сказанного, признаки представлений о мертвых и мертвом как о том, что действует, проявляя себя в отношении живых, импульсивно, по наитию, охватываясь каким-то желанием, неосознанно, поддаваясь природе для него и для них характерных и определяющих свойств, природе *своих* вещей, которые не просто не совпадают с природой живого и не то, чтобы противоположны и противоречат ей, а стремятся, испытывая к нему не только психологически объяснимую тягу, к довосполнению, удовлетворению за счет живого, недостающего им на том свете и в мертвом своем состоянии.

Итак, имеется умирающий как потенциальный по природе своей поглотитель истоков живого, того, что его питает и дает ему жизнь. Имеются домочадцы, которым положено в этом случае, при проявлении со стороны

умирающего подобных желаний, ему в этом противостоять. Поскольку *в противном случае* то, что он унесет с собой в могилу, обернется для них утратой в удаче способности в этих предметах постоянно возрождаться для них, отчего они и *будут нуждаться в том, что было подано просителю*. $S(TransMort) > Rog(ProdNutr) \geq Dat(Rog) > AmissProd(Nutr)$ – субъекту предсмертного состояния, $S(TransMort)$, просящему определенный продукт питания, $Rog(ProdNutr)$, не следует давать просимое, $\geq Dat(Rog)$, ибо это ведет к утрате продуктивной способности в данном предмете, $> AmissProd(Nutr)$.

Смысл рассмотренной единицы связан с запретом на что-то определенное и с указанием, почему этого не следует делать, чем это может грозить, и это был бы, в отношении подобного материала, предметно-прох и битативный разряд, в предполагающей избегание, эвитативной, его разновидности.

Открытие пути

Пример, обозначенный как предписание в отношении того, что следует сделать, с тем чтобы облегчить, уже не предсмертное состояние, а процесс умирания, выглядит следующим образом:

2с) *Человеку будет легче отходить, если в доме откроют все окна и двери или вынут верхний дверной косяк.*

Нечто подобное предписывается для облегчения родов тяжело рожавшей*. Однако, если там это можно воспринимать как действие имитативного и провоцирующего характера через уподобление дома утробе, то, возникает вопрос, тот же смысл или какой-то другой будет иметь это действие и в предлагаемом примере. Если идти по порядку: говорится о том, что *будет легче отходить*, следовательно, на поверхностном и очевидном уровне предлагаемое далее открытие должно заключать в себе это самое для него облегчение. Но тогда почему, а точнее, что оно будет в себе содержать, что этому должно поспособствовать?

Определений может быть несколько. Выходящей из тела душе будет легче это осуществить, если появится некий простор и открытость. Стоящая у изголовья смерть может также предполагать при своем ей положенном действии такой же открытости и простора. Более близким к искомому смыслу видится все же уподобление. Умирание, смерть, с перехо-

* Ср. хотя бы в такой примете: *Для облегчения тяжелых родов во всем доме надо отпереть все замки, ящики, двери, ворота.* (с. 19 используемого источника)

дом и отправлением умирающего и умершего на ту сторону предполагает, в первую очередь, выход и оставление тела и дома. Тело при этом является домом, его собственным домом, живущему, и в то же самое время дом становится телом существования для него. Подобного рода неразличающее различие, не формулируемое, но внутренне проживаемое, можно приписывать определяемому типу сознания и с этим предметному миру поверий-примет. Неразличающее различие как признак, характеристика, свойство того онтологического изоморфизма, не столько мировоззрения, сколько существования и бытия, которые формируют определяемого в этом случае человека как тип.

Исходя из сказанного, то, что *в доме откроют все окна и двери или вынут верхний дверной косяк*, можно рассматривать как такое действие, которое не имитирует, по своему существу, и не вызывает, а формирует и создает не что иное, как раскрываемый, растворяемый выход из тела дома и дома как тела при умирании оставляющего то и другое свое человека. Не метафорически и не образно следует в этой связи понимать начальное определение *Человеку будет легче отходить*, ибо он *отходит* в смысле 'выходит' и с этим 'уходит'. Первоначально он должен выйти, чтобы потом уйти. Выходящий при выходе и затем уходе сам открывает дверь. Умирающий, поскольку *отходит* не материально, сделать это не может. Ему надо помочь, чтобы отойти было *легче*. Из этого *легче* следует, что в результате он и так отойдет, но это не будет мучительно, трудно и тяжело, отойдет он сразу, легко и без поисков.

Поскольку сознание, о котором речь, в типологическом отношении синкретично, сказанное не исключает осознанных и не осознанных представлений о выходящей из тела душе, о присутствующем при умирании действии и проявлениях смерти. Все это можно, не формулируя и не представляя в отдельности, объединить, выставив во взаимосвязываемую параллель то, что следует сделать, произвести для того, чтобы облегчить (ибо об этом речь) умирающему то, что и так с ним произойдет, с тем (в параллель), что в нем происходит.

В этом месте имеет смысл еще раз задуматься над представлением *в отходить*, обращаясь к тому, о чем было сказано. Принято полагать, и в этом противоречия или несообразности не стоит усматривать, что умирающий и затем умерший выступает объектом (в грамматическом понимании) своего состояния, которое, если к этому дополнительно определить народно-традиционные представления, вызывается в нем, создается, его умерщвляющей смертью – агентной сущностью, которая существует, которая приходит за тем, кому предстоит умереть, стоит обычно у его изголовья, ожидая на полагающийся момент, и затем его как-то там умерщвляет (не определяя таких ее действий, в силу их табуированности, как не до конца прорисованных, что, впрочем, будет не важным).

Вместе с этим, не отрицая подобного положения, можно было бы посмотреть на умирание с еще одной стороны, увидев в нем не только имеющее свои переходные фазы состояние для человека, с последовательной утратой жизненных наблюдаемых функций и замиранием в каком-то конце, но и производимое (или происходящее) действие, при котором участвующий в нем человек, т.е. сам умирающий, предстанет, не следует говорить, что намеренным, производителем, или агентом, а не объектом для своего состояния. Действует и проявляет себя он как такого типа агент невидимым для окружающих образом, как невидимый для них человек. Не хотелось бы говорить, что душа, ибо это явление и сущность другого ряда, заставляющее задуматься над вопросом, может ли быть агентом, в семантико-грамматическом смысле, душа. Оставим, однако, его постановку и разрешение.

Предполагая и видя в том человеке, который в данный момент на глазах окружающих умирает, того человека (тавтология в этом случае имеет дефинитивный, а не случайный характер), который делает это, а не испытывает как свое состояние, поскольку *отходит*, приходится видеть при таком повороте, по крайней мере, два следствия для того, о чем речь.

Во-первых, концептуально, имеется тот человек, который видим другими, который действует в этом мире привычным для окружающих образом, определяемым ими, отслеживаемым и рефлексивным (во всяком случае, так принято полагать). И имеется человек, тот же по природе своей и существу, который указанным образом, поскольку невидим, не действует. Приписать ему можно не осознаваемые и не контролируемые проявления и действия видимым в себе человеком, однако, опять же, не в этом дело и не об этом речь.

И, во-вторых, на сей раз не концептуально, а в приложении к указанной перед тем параллели, то, что делает при своем умирании такой в человеке невидимый человек, его человек и он сам как такой человек (дефинитивно-отождествляющее, а потому и важное повторение), с одной стороны, имеет акциональный характер, и потому он агент производимого им и с этим происходящего также и с ним умирания, которое в этом случае себя акцентирует как процесс, завершающийся в смерти как состоянии. А с другой стороны, производимое им и происходящее с ним (в своем действии и затем результате) как процесс, стремящийся к своему состоянию, становится в параллель к тому, что делается домочадцами, когда они *в доме* открывают *все окна и двери или* вынимают *верхний дверной косяк*. Не случайным видится это *или*, хотя и, возможно, в другой связи.

Открытие в доме всех окон и дверей или вынимание верхнего дверного косяка тогда было бы уподоблением (онтологический изоморфизм), повторением, редупликацией, но также и резонированием (а не провоци-

рованием и не вызыванием) того, что делает сам умирающий как агент в то же самое время, открывая в собственном доме тела окна и двери или вынимая верхний дверной косяк. Для того, чтобы отойти, ему следует это сделать. Опустим аспекты положенного, по времени и не только по времени, назначенного к необходимости совершения отхода, ибо в данном случае не об этом речь.

Исходя из сказанного, описываемая картина представляется следующим образом. Начинается действие как процесс отхода для умирающего, как производящий его агент он его в открывающей фазе осуществляет, начинает осуществлять. С тем чтобы это действие было легче ему совершить, находящиеся при нем принимаются открывать все окна и двери в доме, что будет иметь на последующих этапах того же процесса и свое дополнительное значение, предполагающее внутреннюю, поскольку у дома, пространственную открытость его отхода при умирании.

Обратимся теперь к тому, что может обозначать положение, передаваемое с помощью *или* в примере. Поскольку *или*, то открывание в доме всех окон с дверьми, с одной стороны, приравнивается выниманию верхнего дверного косяка. А с другой, не исключено, что за этим что-то еще не объявленное может стоять. Если производить не только, а точнее не столько, метафорическое сопоставление, то верхний дверной косяк можно было бы соотнести (трудно сказать, чтобы уподобить) с верхними, закрывающимися обычно, отверстиями не только физического, но и метафизического естества человека.

Можно было бы в этом ряду, развивая высказанное, говорить о соответствии тому, чем производит дыхание материальное тело и не одно только материальное тело его в человеке (нос, уста), чем он открывает себя для окружающего и одновременно с этим его открывает в себе, для себя (уши, глаза), что открывает его тому, что высшее и над ним, и вместе с этим ему его открывает (темя, верхняя часть головы, не сросшаяся, открытая во младенчестве). И тогда вынимание верхнего дверного косяка получалось бы определить и представить как освобождение, избавление, вынимание при умирании, через соответствие этому в доме, заслоняющих, сдерживающих, закрывающих все перечисленное в физическом и метафизическом теле преград. При умирании становится открытым во всех телесных своих выражениях такой человек всему тому, что не этого или не только этого мира – потустороннему, мертвому, верхнему.

Тем самым, как получается из предлагаемого, если его принимать, действия P (когда *в доме откроют все окна и двери или вынут верхний дверной косяк*), производимые группой, в разбираемом случае домашних, субъектных агентов $S(Act)$, становясь в параллель к подобного вида действиям P' , производимым, также агентным, субъектом, но в себе над собой, выступающим в разбираемом случае субъектом адресативным, $S'(A)$,

имеют смыслом, через посредство того, что можно представить как резонанс (подобно камертону, звучащему в тон инструменту*, хотя в данном случае не о звуке следует говорить), облегчение для второго агента того, что им над собой производится. В формуле это можно было бы выразить следующим образом: $S(ActP) > SublevS'(ActP')$ – ‘субъект S , совершая, Act , некие действия P , имеет целью своими действиями облегчить, поддержав, $Sublev$, осуществление, Act , соотносимых действий, P' , субъекту S' ’.

Полученную в результате конструкцию следует относить к разряду акционально-секундативных (при посредстве производимых действий чему-то способствующих).

Свидетельствующие обстоятельства

Следующий пример содержит в себе указание на признаки, по которым можно определить, каким представляется умирающий, и это был бы (забегая вперед) разряд проективно-сигнификативных по своему характеру единиц, уже встречавшийся ранее.

2d) *Если умирающий удержал в руках зажженную свечу во время отхода, то он умер праведником.*

Как и в предыдущем примере, отмечается время отхода, т.е. момент (обращаясь к рассмотренному в том же примере), в котором умирающий действует как субъект и агент, а не только объект проживаемого им состояния, посредством невидимого в себе человека, как такой человек. И тогда, рассуждая последовательно, коль скоро *умирающий удержал в руках зажженную свечу во время отхода*, то, во-первых, его невидимый и духовный, нематериально физический, в нем человек согласован с тем, который физический материально и не духовный, точнее не только духовный, поскольку он, этот последний, держит и с этим удерживает в руках свечу, а не духовно невидимый. А во-вторых, поскольку *свечу во время отхода*, то, будучи знаком, символом и вместе с этим способом, что будет важнее, связи с тем, что от света и свет, что высшее и нематериальное, не исключительно материальное, то и свеча в этом случае получает свой ей положенный смысл и значение.

* Параллель не случайна, если учесть подобную резонирующую и камертонную роль у ритуальных звучащих предметов, по которым соответствующим образом ударяют с тем, чтобы обратиться к высшим силам, высшему, божеству, – бубны, мисы, трубы, колокола и т.п.

Из этого будет следовать то, что выражено посредством *он умер праведником*. Не говорится, что *жил* или *при жизни был*, но *умер*. А именно то, что праведничество его по смерти себя проявило в способности (через удержание в руках зажженной свечи) внутреннего невидимого и духовного, метафизического, в нем человека и как такого человека его самого, находясь в непосредственной, материально себя объявляющей, связи с внешним видимым, и не только духовным человеком в себе, и им самим как таким человеком. Иными словами его духовное и его не только духовное не противоречат одно другому, одно другому в нем не противостоит и образует единство. Из этого следует та способность, при которой его отходящий в нем при умирании духовный невидимый человек посредством не отходящего телом, но умирающего, может физически, телом опять же и физической силой в нем, удержать, продолжать удерживать *в руках зажженную свечу во время отхода* до самого его завершающего конца. Между физическим и метафизическим в нем при отходе не было вероятных границ и преград, и это становится показателем его праведничества, дополнительно объявляемого также в зажженной свече.

Возвращаясь к тому, что *он умер праведником*, а не был или жил, необходимо отметить знаково-утверждающее по своему характеру заключение. Утверждается, констатируется, на основании наблюдаемого, факт, не сообщая ничего в отношении бывшего как не наблюдаемого. Признаки, о которых речь, суть свидетельство себя характеризующего в определенном аспекте процесса. Его умирание, то, как он умер, означают умирание праведника и то, что он как праведник умер. И это все, поскольку нет в наблюдаемом, что следует подчеркнуть, оснований говорить дополнительно и обобщенно о чем-то еще. Отмечается то, что видится и что на глазах происходит.

Представить в формуле сказанное можно было бы следующим образом (в обобщении, не только для разбираемого примера и по этой причине как тип): $S(ProMort^f) > S(Mort||AttrPro)$ – ‘субъект, проявивший себя каким-либо наблюдаемым образом при умирании (*во время отхода*), $S(ProMort^f)$, умер, $S(Mort)$, определив себя в своей смерти по каким-либо признакам к данному проявлению $||AttrPro$ ’.

Стоит за этим, а также за выраженным в разбираемом примере, знание, определяемое концептуальными по своему характеру единицами – о том, что ‘в момент умирания (*во время отхода*) с умирающим что-то может происходить и что-то в нем себя объявлять, и это следует понимать как то, что имеет в отношении его какое-то значение, характеризует, объявляет его с какой-либо стороны’, ‘умирающему следует дать в руки зажженную перед этим свечу’, ‘по тому, как будет гореть, будет ли гореть или погаснет и как долго будет гореть в руках умирающего такая свеча, можно сделать по его поводу определенный вывод (возможно, что не по

его только поводу)'. И, наконец, то, что передано в разбираемом примере и что также можно рассматривать как еще одну концептуальную единицу, в основе которой лежат нашедшие в ней отражение как совмещенные три предыдущие знания в их совокупности.

Направленные предсказания смерти

Третью, отдельную, группу представляют поверия, имеющие, как было сказано, вид предсказаний. Кому и при каких условиях, на основе каких наблюдаемых признаков, следует ожидать неминуемой смерти либо готовиться к ней. С первой из трех разновидностей, сводимой к определению (по признакам внешнего) того, что вдруг, неожиданно происходит и объявляет себя, и это служит свидетельством смерти, в материале хозяина, хозяйки, священника.

Начнем с хозяина (или хозяйки, впрочем, не только, для последнего случая):

3а) Оживление мух зимой и их шумный полет по дому предвещает домашнее неблагополучие и даже смерть хозяина.

Тетерев сел на дом – к смерти хозяина.

Сад поздно зацветает – к смерти хозяина.

Если в саду зацветет вторично какое-либо дерево, то это предвещает несчастье хозяину и даже мертвеца в доме, которым будет, скорее всего, хозяин или хозяйка, в особенности если цветет яблоня под осень.

В четырех приведенных примерах фигурируют в качестве места возможного проявления признаков дом и сад, что, в отношении хозяина (или хозяйки) следует признать не случайным. Дом при этом определяется в параметре как внутреннего, так и внешнего – то, что себя проявляет в нем и на нем. Сад, соответственно, с точки зрения цветения, которое неурочно – либо позднее, либо вторичное. Первый и последний примеры к тому же неоднозначны в отношении смерти и самого хозяина, представляя то, что произойдет, как *домашнее неблагополучие*, а *смерть хозяина* сопровождая определением и даже (в первом), как *несчастье хозяину и даже мертвеца в доме, которым будет, скорее всего, хозяин или хозяйка* (в четвертом). Иными словами, возможен, как получается, выбор, и смерть хозяина и, опять же, или хозяйки предполагается в этом ряду как наиболее вероятная, вводясь через уточнение *скорее всего*. И на это будет указывать признак вторичного зацветания в саду какого-либо, как сообщается, дерева, с подчеркиваемым уточнением в отношении яблони *в особенности и под осень*.

Общим для всех перечисленных положений будет, помимо места, необычность происходящего, то, что, как правило, не происходит, что нарушает известный порядок вещей и обращает на себя, тем самым, внимание. Для первого и четвертого случая стоит также отметить параметр сезонного времени – зимой и под осень. Не летом и не весной, т.е. в периоды опадания и замирания витальности и вегетатива.

Прежде чем перейти к анализу в различных его составляющих для описанных случаев, видимо, стоит представить, каким образом воспринимается, может быть воспринято, без содержащейся интерпретации, то, что при доме или в саду происходит. В первом случае действуют мухи (отвлечемся от мифологических, мировоззренческих и перцептивных к ним отношений³⁶, хотя это в целом не безразлично), которые вдруг, ни с того ни с сего, не просто зимой оживляются, что для них нетипично, но затевают к тому же *по дому* свой *шумный полет*. Какое может возникнуть от этого у наблюдателя впечатление? Второй случай дает представление о тетереве, видя которого севшим на дом, трудно было бы ожидать не содержащую в себе удивления реакцию. Позднее зацветание сада, свидетельствуя о какой-то в природе нарушенности, само по себе настораживает, открывая возможность что-либо малоприятное ожидать. Так же как и вторичное зацветание дерева, особенно яблони с ее далеко не ранним, по сравнению с другими, цветением.

Регистры воздействия на восприятие обозначенных проявлений, при общности для них нетипичного, представляются как не совпадающие. С мухами это было бы нечто, что можно видеть как нарушение – прорыв (перрупция). Происходит то, и к тому же в доме, внутри его, что не должно в нем быть в такое время, к тому же в таком количестве и интенсиве, из чего получается, что что-то нарушено и нарушение это, если не предполагает, то допускает, прорвавшийся выход наружу того, что, не обнаруживая внешне себя, находится, должно находиться где-то внутри. Нечто, что в зимнее время пригашено, дремлет и спит, но не простое нечто, а то, которое заключает в себе докучливую назойливость и разложение, при вегетативно-витальной, в период весны и лета, силе и полноте, с его квантитативно себя объявляющей интенсивностью, вдруг пробуждается, испуская наружу вылетающих мух.

И наблюдается все это в доме. Что может тогда означать неожиданный этот прорыв? То, что в доме, с домашними и в домашних условиях что-то уже происходит, и это объявит себя как событие в недалеком времени. Отсюда довольно широкое представление о вегетативно-витальном прорыве как *неблагополучии* в отношении дома, *неблагополучии* как прерывании нормального хода-развития (вегетативность в ее нарушении) и изменение, перемена в периоде времени, – зимой происходит то, что должно быть летом-весной (обращение витальности вспяť). То и другое, витальное

и вегетативное в доме, через прорыв, проявляемый в оживляемых мухах с их шумным полетом зимой, концентрируясь, определяясь к домашнему экзистенциально-витальному центру, находит свое выражение в смерти хозяина, как в том, что постигнет его, поскольку, себя объявивши в прорыве, в домашнем своем проявлении, уже и произошло. Видится, воспринимается, наблюдается (в мухах) то, что уже имеется в доме.

Что касается тетерева, привычное место и встреча с которым, по природе лесного его естества, не предполагает положения в селении и на доме, помещения сверху на нем. И тогда, если такое что-то произошло, и к тому же это еще довелось и увидеть, а раз довелось, то далось и, следовательно, было дано и, коль скоро было дано, то не просто и не случайно, но как сообщение и как знак, имеющий отношение к данному дому. Впечатление, которое за увиденным тетеревом на доме стоит и его соответствующим образом определяет, в начальной фазе можно, не мудрствуя лукаво, определить как удивление, видя в этом не в последнюю, если не в первую, очередь то, что *диво дивное* и то, что *див* (в том числе и в его не объявленном, скрытом, подспудном, мифологическом смысле³⁷). И далее – ощущение, полуосознанное, того, что диво это из лесу, лесное, птичье, и потому не к добру. Удивление, которое сопровождается щемяще-сжимающим чувством в этой связи, из которого следует далее и в котором находит себя ожидание, в этой видимой дивии, того, что что-то недоброе неизбежно произойдет.

И это было бы, в мысль неприятного удивления и ожидания, то, что с точки зрения впечатления, определялось бы как заряженность, лесной на доме себя объявивший разряд, а поскольку на доме, то и к смерти хозяина. Понимать это следует, в отличие от примера с мухами, не в вегетативно-витальной проекции к ожидаемой смерти, а в отношении «лесного» прибытия, духов леса и с ними душ тех, кто не жив, за хозяином дома, не исключено, что от хозяина леса, определяясь при таком восприятии как все тот же, исходно, прорыв, но в ином повороте и отношении, от мертвого к мертвому как тому, кому умереть, притягивающее к себе привлечение, *аттенция**, устанавливающее, через посылаемого тетерева, связь между этим и тем, явление или приход к этому от того, с лесной стороны к домашней.

Сад и в саду цветение разбивается на две, в целом не соотносимые и не параллельные, части. Первая предполагает цветение, точнее зацветание, позднее, и всего сада в целом. Вторая, внутренне, скорее, напротив, зацветание вторичное, и одного какого-то дерева, в особенности если яблони под осень, как сообщается дополнительно, а поэтому не всего сада в целом, но чего-то показательного и значимого в нем в отношении дома, того, что в нем, и его хозяина или хозяйки. При зацветании сада в целом такого выбора не предполагалось.

Имеются, следовательно, два, а точнее три, показателя, относимые к двум, а точнее к трем, допустимостям. Первый – зацветание, которое по времени необычно, *Insol*, признак ‘цветения’, *Flor*, и такой ‘темпоральности’, *T(Insol)*. Второй означает, в отношении цветения, то, что ‘позднее’, *Ser*, и третий – то, что ‘вторичное’, *Iter*. Прилагается все это, но различно, к ‘саду’ в целом, *Hort*, и к тому, что ‘в саду’. Сад в этом случае выступает как место, *Loc*, а не наблюдаемый объект, *Obj*, в котором зацветает *какое-либо* дерево, *Arbor(Aliqua)*, а поскольку *какое-либо*, то и не важно, какое, или же определенное дерево – яблоня, *Malus*, при усилении определяемого признака посредством *в особенности*, *Praecip*, и с дополнением к сезону – *под осень*, *AntAutum*.

На основе представленных показателей в перечисленных признаках можно вывести то, что за этим стоит. Как общее представление: 1) $FlorT(Insol) > Hort(Obj/Loc) \Rightarrow Mort/Fat(Dom)$ – ‘зацветание по времени необычное, сада либо чего-то в саду, есть признак смерти либо несчастья для дома’. И как его производные: 2) $FlorT(Ser) > Hort(Obj) \Rightarrow Mort(Dominus)$ – ‘зацветание по времени позднее сада (объекта) есть признак к смерти хозяина’; 3) $FlorT(Iter)[Arbor(Aliqua) > Hort(Loc)] \Rightarrow Fat(Dom) \wedge MortDom | Dominus/Domina$ – ‘зацветание вторичное какого-либо дерева в саду (как месте) есть признак несчастья для дома и смерти в нем, которая может коснуться хозяина или хозяйки’; 4) $FlorT(Iter) > Malus(PraecipAntAutum) > Hort(Loc) \Rightarrow Mort(Dominus/Domina)$ – ‘зацветание вторичное яблони (в саду как месте), в особенности под осень, есть признак смерти, которая коснется хозяина или хозяйки’. В соотношении это выглядело бы как $1 > 2/3/4$. Из общего представления (1) следуют вероятные проявления в отношении того, что в 2, 3 и 4.

Итак, с одной стороны, необычность зацветания сада либо в саду чего-то по времени связывается с тем, что как несчастье либо смерть касается дома. Между садом и домом, но не просто садом и домом, а цветением в первом, существует связь, которая, при ненормативности, нарушении ожидаемого в своем положенном времени признака *Flor(T)*, предполагает свидетельство нарушения благополучия во втором. Параллельность цветения и благополучия обусловлены темпоральностью первого. Запаздывание цветения, и это было бы тем, что с другой стороны, указывает на такое неблагоприятие в доме, которое касается его осевого, центрального, важного и определяющего в нем представителя, того, на ком держится дом, каковым выступает хозяин. Сад, следовательно, «чувствуя» приближение его смерти, объявляет это свое «предчувствие» в том, что поздно начинает цвести.

И это было бы тем, что ранее определялось как резонирование, возникающее на основании существующей между садом и домом связи, предполагающей перенимание, трансумпцию, первым свойств, себя

начинающих проявлять не наблюдаемым образом во втором, оборачивающееся наблюдаемым образом в том, что себя объявляет в первом. Изменение видимых признаков в чем-то одном свидетельствует о процессах, происходящих скрыто в чем-то связанном с ним другом. Понимать это следует как общее для коррелятивной в своем основании транссумпции (перенимания) правило. Подобно закону сообщающихся сосудов в физике, не исключительно в метафорическом смысле.

Одновременно с этим действует (применительно к саду, но это равным образом может касаться и чего-то другого) правило предопределения-выбора, при котором нечто выделенное одно на фоне и в составе другого, чего-то большего или иного в том, что является бóльшим, становится выразителем транссумптивного положения, перенимая в себя в наблюдаемом виде то, что как общее имеет свое отношение к этому большему. Определить это можно как инсигнитивную транссумтивность, что для разбираемого случая касалось бы какого-либо дерева, а также яблони в ее вторичном зацветании под осень.

Вторичное зацветание чего-то в саду, яблони под осень в том числе, в отличие от признака позднего зацветания сада в целом, не будет иметь, для выводимого на этой основе следствия, такой же определенности. При том, что уточнение применительно к яблоне, сопровождаясь определением *в особенности и под осень*, могло бы нечто подобное предполагать. Впрочем, отчасти, и предполагает при помощи направляющего оператора в виде *скорее всего*. Однако, хотя это и предпочтительный, и наиболее вероятный, но все-таки выбор.

Из чего получается, что а) зацветание сада в целом более определено по своему следующему из этого в отношении дома значению, чем какого-либо дерева в том же саду, включая направляющее несколько к уточнению зацветание яблони, и б) позднее зацветание более определено в таком же для дома следствии, чем зацветание вторичное. Отсюда направленность (векторность), однозначность, воспринимаемого признака – *к смерти хозяйина*, при позднем и целостном зацветании сада, и неоднозначность, поливекторность, при вторичном и выборочном.

Данное положение можно воспринимать как общее правило. То, что касается некоей целостности, сопровождаясь большей мерой проявляемой в ней необычности, будет чаще иметь однозначный и определенный характер, чем то, что себя объявляет в такой же целостности для чего-то в ней одного, сопровождаясь к тому же меньшей мерой воспринимаемого нарушения. В отношении большей и меньшей меры применительно к зацветанию не будет преувеличением предположить, что, с точки зрения ожидания и возникающего на его основе следствия, позднее цветение сада как такового более выразительно и нежелательно (важен также субъективно-модальный аспект), чем вторичное появление цвета на каком-либо

дереве, яблони в том числе, при условии ее актуальности и акцентированности.

Подводя заключение тому, что было получено на основе четырех примеров в отношении домашнего неблагополучия, несчастья в доме, а также смерти хозяина или хозяйки либо кого-то в нем, можно увидеть, с одной стороны, как объединяющее выводимые следствия общее, так и то, что будет их различать. Общее касалось бы необычности наблюдаемого, но не всякой и не как таковой, а как такой, и здесь возникает различие, которая обращает себя к прорыву, перрупции, в доме, внутри, того, чего не должно в нем быть в данное время (*Оживление мух зимой и их шумный полет по дому*). Либо к чему-то принципиально иному, проявляемому в притягивающем привлечении, а т т е н ц и и, того, чего, на сей раз внешне, поскольку на доме, не должно, себя проявляя, быть (*Тетерев сел на дом*). Либо к себя обнаруживающей в перенимании, т р а н с с у м п ц и и, коррелятивной связи между чем-то одним и чем-то другим, проявляемой в сообщающемся по своему характеру проступании в этом другом того, что имеет свое отношение к первому. Фактор времени (*зимой, позднее цветение, вторичное, под осень*), выразивший себя в том, что связывалось с прорывом и перениманием, не нашел своего отражения в привлечении. Видимо, не случайно, и тогда это можно считать дополнительным характеризующим признаком каждого из трех положений. Дополнительным, поскольку в каких-то случаях не неизменным.

Что касается смерти, поскольку это определяемый предмет, то представление о ней, следующее на основе рассмотренных четырех примеров, может характеризоваться как ожидаемое к своему наступлению событие, как то, что произойдет, а не как состояние того же хозяина, хозяйки, кого-то другого. Событие в доме, для дома, нарушающее его нормативно-привычный, уравновешенный и благополучный в своих проявлениях строй, порядок и вид. Событие как поражение (*detrimentum*) для дома.

Еще один пример в отношении предсказаний смерти по признакам внешнего для кого-либо будет касаться священника. В данном месте безразличным было бы обратить внимание на неслучайное соответствие внутри разбираемой разновидности группы 3 (а), обнаруживающее себя в отношении дома с его хозяином и церкви, также дома с хозяином, каковым выступает священник. Нашедший в источнике свое отражение пример подобен рассмотренному примеру с тетеревом:

3а) *Если сова сядет на церковь и прокричит на ней, то священника скоро сменят, или он скоро умрет, или церковь сгорит.*

Подобен, однако не во всех своих составляющих. При общности в том, что не просто некая птица, а *тетерев* или *сова*, *сел* или *сядет*, *на дом* или

на церковь, далее наступают различия. Сова на церковь не только сядет, но и прокричит на ней, что означает, опять же возможный, выбор, при котором то, что священник скоро умрет, становится в общий ряд к тому, что его скоро сменят, или церковь сгорит. Получается, что сова своим положением и криком на церкви выступает предвестием не смерти как таковой, и не одного только священника, но того, что, имея плачевное или малоприятное отношение к церкви, скоро, что немаловажно, в ней произойдет. Именно это себя объявляет в указанном крике совы.

Из чего получается, что связь возникает, видится, объявляя себя, не между совой и священником, а между церковью и совой, со священником как тем, кто имеет прямое, по роли, обязанностям, однако не только, свое отношение к церкви. Роль его и положение в церкви такие же или сходные с ролью и положением в доме хозяина.

Обращаясь к тому, что было выведено на примере с тетеревом, можно было бы говорить о притягивании, аттенции, лесного к тому, что не лесное и по своему виду дом, не являясь им по своему существу. Можно было бы, но только по внешности. Во-первых, тетерев и сова в своем отношении к людям и человеку, мировоззренческом и мифологическом в том числе (это последнее не безразлично) не одно и то же. Однако уйдем, отчасти намеренно, чтобы не заслонить объясняющими рассуждениями, нечто иное, по сути своей, тому, о чем, собственно, речь, от мифологических и мировоззренческих определителей разбираемого. Во-вторых, и это также может представлять собой предмет обстоятельных и не вполне лежащих в тот же определяемый объект, положений, не одно и то же, во всяком случае опять-таки не вполне (исходя из того, что хотелось бы вывести), дом с его хозяином и церковь с ее священником.

Оттолкнемся от крика совы (*Если та сядет на церковь*) и от того, но не что из этого следует или что собой знаменует, а что определяет себя в примере при указанном выборе. Повторим пример для того, чтобы лучше к нему присмотреться:

Если сова сядет на церковь и прокричит на ней, то священника скоро сменят, или он скоро умрет, или церковь сгорит.

Ожидаемое вскорости происходящее, касающееся непосредственно церкви и в ней священника как осевой фигуры, на которой, с позиции в ней человеческого, держится все и благодаря которой церковь способна функционировать, в крике совы представляется как оборачивание церкви и того, что в ней, темной, ночной, стороной. Точнее было бы говорить о том, что церковь ждет, ей предстоит пройти подобное оборачивание, с изменением ее настоящего положения на что-то другое, противоположное и обратное в том числе, что касалось бы смерти священника и того,

что сама *церковь сгорит*. То ожидаемое оборачивание в обратную либо измененную сторону, которое определяется криком сидящей на церкви совы, можно видеть как проступание, и нцессию, в состояние дневное и настоящее того, что от противоположного или смещенного, измененного к нему, от данного положения с данным священником к положению с кем-то другим, к положению с его смертью или же положению, при котором *церковь сгорит*. Отсюда неоднозначность и выбор, определение которых может и будет зависеть от дополнительных обстоятельств, приводимым поверием не покрываемых и реализуемых смотря по условиям.

В связи со сказанным представляется не вполне обоснованным определять то, что *сова сядет на церковь и прокричит на ней*, как посылаемый или не посылаемый, но наблюдаемый, знак ожидаемых возможных событий (одного из трех), хотя по внешнему проявлению это так может выглядеть. Объясняемое как знак на деле следует воспринимать как указанный в проступании, и нцессии, выход в то, что существует как видимое на глазах, того, что как видимое не существует, а раз появляется, дает себя видеть, то ожидаемое изменение не знаменует, не предвещает, но отмечает собой, ибо в этом смысл проступания (на поверхность видимого того, что невидимо) и состоит. Характеризующую в этом случае роль играет сова, не потому, что ночная птица, а потому, что, как ночная птица, она несет в себе, точнее было бы говорить, реализует выход невидимого, позволяющий видеть его. Невидимого в данном случае как того, что вскорости (дважды в примере появляется *скоро*) произойдет, а поскольку не произошло еще, то и скрыто.

В отношении все той же совы обратить внимание стоит на два таких обстоятельства. Первое касается времени суток ее появления – день или ночь? В примере об этом не говорится. По той причине, возможно, что не существенно. Днем или ночью *Если сова сядет на церковь и прокричит на ней*, равным образом следует ожидать того, о чем далее речь. Вместе с тем, если днем, а такое возможно, исходя из визуально-обсервативных условий (сомнительно, чтобы ночью можно было увидеть, откуда кричит сова), то положение выглядит более сильным в своем проявлении. Второе касается отношения совы к церкви. Как птица ночного потустороннего, сова будет связана с мертвым³⁸, а потому и с церковью, в ночное, в первую очередь, время. То, что имело место и о чем говорилось ранее в связи с „Рассказами о мертвецах” из собрания А.Н. Афанасьева.

Поскольку содержащееся в примере с совой предсказание касается не смерти как таковой, а скорой смерти священника как одной из возможностей, смерти его как события, одного из событий, которое с церковью вскорости произойдет, то представлять это в моделирующей формуле не видится необходимым. Обратим внимание лишь на то, что стоящая за всем этим в своем обобщении моделирующая конструкция затрагивает позиции

соотносимых A и B таким образом, что при A можно видеть явление в видимом того, что как невидимое себя проявляет для B : $Obj(AnimObserv) > Pro(Anorm/\backslash Son\backslash Clam) > Obj(Loc) \Rightarrow Obj(Loc) > Mut(Mox)$ – ‘если некий наблюдаемый одушевленный объект (животное, птица, рыба) ведет себя непривычным образом, сопровождая это к тому же каким-то им издаваемым звуком (криком), и объект этот связан, согласно с имеющимися в сознании представлениями о нем, с тем местообъектом, в котором он так себя проявляет, означает это ожидаемые изменения в недалеком (осознаваемом как скорое) будущем для данного местообъекта’. Данная единица, исходя из представленного для нее содержания, относилась бы к разряду проективно-сигнификативных, для которых значение определяется исходя из наблюдаемых в ком-либо (в том числе и одушевленных существ) проявлений.

Обращенность к отмеченному лицу

Еще одну разновидность для той же группы, касающейся предсказаний по поводу смерти, представляют примеры адресативного содержания 3(b). То, что себя обнаруживает, дает возможность увидеть и наблюдается, затрагивает в своем означающем того, кто это наблюдает и видит, к кому это может быть также в каком-то случае обращено. Примеры в данной подгруппе не единообразны, иллюстрируя разные положения.

Это может быть нечто воспринимаемое как знак, не обязательно при этом выступающий знаком, что, впрочем, неважно, поскольку адресативность предполагает субъективно заложенную в наблюдаемое интерпретацию. К таким условно знаковым, или сигнификативным, следует отнести следующие три из источника:

3b¹) *Если щука плеснет хвостом перед рыбаком, то ему недолго жить.*

Если солнечное затмение застало человека или животное в открытом поле, то редкий из них проживет больше года.

Увидеть самого себя идущим по улице или, как говорят, двойника увидеть – скоро умереть.

Дополнительно объединяет их указание на непродолжительность времени, определяемого как *недолго (жить)*, (*редкий из них проживет*) *больше года, скоро (умереть)*.

Это может быть, далее, действие, производимое кем-либо, каким-то одушевленным объектом (животным, птицей), которое в своем результате, имея заложенный в нем воздействующий на адресата характер, ведет к его

смерти либо таковую предполагает. Из таких акционально-провокативных встретился только один пример из источника:

Зб²) Когда летучая мышь выдернет у кого волос из головы и положит его на сухое дерево, тот весь иссохнет и умрет.

Это могут быть случаи (трое)кратно-результативных, т.е. таких, в которых определяемое следствие появляется, обнаруживая себя с какого-то повторяемого раза, третьего, как в приводимых примерах:

Зб³) Если на море два раза погибал, но спасся, в третий раз непременно погибнешь.

Если шахтера дважды заваливало в шахте, то надо увольняться, иначе в третий раз завалит насмерть.

Если три раза от одного ружья была опасность смерти, причем избежал третью – роковую, тогда смело обращайся с ружьем – смерти от него не примешь.

И, наконец, это может быть нечто, противоположное по внешнему виду тому, что касается определения смерти, которую, как следует из примера, в каком-то определенном случае допустимым оказывается от себя по времени отодвинуть. Не означает, что не умереть, означает ли, что обмануть, неизвестно, но, по-видимому, и в этом имеется свой не случайный смысл, каким-то образом вытеснить, через замещение себя чем-то, опять-таки не случайным, другим. И это был бы по своему характеру субститутивно-депозитивный пример:

Зб⁴) Если при жизни сделаешь для себя гроб и будешь хранить в нем пшеницу, то долго не умрешь.

Приведенные в объединившем их пункте Зб¹) примеры вместе с тем не единообразны. Каждый предполагает нечто иное. Отвлекаясь от семантических уточнений для определяемых случаев, попробуем на данном этапе взглянуть на все это с еще одной стороны. Что значит *щука плеснет хвостом перед рыбаком* и чем это отличается от *Увидеть самого себя идущим по улице*, не говоря об отстоящем от того и другого представлении *солнечное затмение застало человека или животное в открытом поле*? Обратимся к возможным различиям, содержащимся в каждом из трех положений, прежде чем отнести их каждое к также не совпадающим адресатам – рыбаку, которому *недолго жить*, человеку или животному, *редкий* из которых *проживет больше года*, тому, кому *умереть*, поскольку увидел на улице *двойника*.

Для определения того, о чем речь, неважным видится то, что щука, что именно сделает, и то, что рыбак. Следует для данного дефинитивного уровня говорить, исходя из адресативной по своей направленности схемы, о том, что «некое (животное) существо производит нечто на глазах того, кому то, что производится, обращено». И это имело бы направленный к адресату акционально-анималитивный смысл, поскольку важно то, что производится нечто, и то, что так производится, исходит от какого-то существа, животной природы по преимуществу.

Можно ли определять это, следуя далее, как знак, если как знак это воспринимается, обращенный к тому адресату, к которому произведенное действие обращено? Ответ на подобный вопрос, в дефинитивном своем отношении, не будет столь очевидным. Обратимся к примеру. Чем может быть вызвано то, что *щука плеснет хвостом перед рыбаком*, если из этого следует *то ему недолго жить*? Чует ли щука нависшую над ним смерть, предупреждает ли его таким образом или, что также возможно, смерть, тем самым, на него навлекает? Или, и это не исключено, поскольку щука, то и, будучи близкой по своему хищничеству, но не только хищничеству, к смерти³⁹, смерти его, рыбака, тем самым, предшествует, не объявляя о ней, но следуя, направляясь к нему, перед нею? Не случайно, возможно, применительно к тому, что последнее, говорится в примере *щука плеснет хвостом перед рыбаком* – и *хвостом*, и *перед*, как бы влеча его за собой, за собой и при этом в воду. Не метафорически и не образно, а метафизически и изоморфно в онтологическом и концептологическом смысле следует это воспринимать.

И тогда, отвечая на дефинитивно поставленный перед этим вопрос, при условии не производимого выбора (в перечисленном применительно к щуке), поскольку возможно любое решение, поскольку неважно, какое из них принять, и поскольку все это видится в обобщении, – отвечая на этот вопрос, то, что касается щуки и в ней проявляет себя, не с точки зрения восприятия, а по своему существу, не следует понимать как подаваемый той же щукой знак, но как актуальный вид состояния рыбака, в щуке, щукой и с щукой себя соответствующим образом лишь объявляющий. Актуальный к тому же еще и постольку, поскольку актуализируемый – к моменту самого рыбака, при щуке и у воды пребывающего. Из чего получалось бы, что следует, в отношении разбираемого примера, говорить о наблюдении субъектом в акционально-анималитивном сигнале, но не как знаке, а как отражении, своего актуального состояния. Того состояния, которое для рыбака означает то, что *ему остается недолго жить*.

Акционально-анималитивный сигнал актуального состояния со щукой в примере с *Увидеть самого себя идущим по улице* (рассмотрим его как второй) оборачивается во что-то другое. Сигнал ли это актуального состояния, поскольку это видится более или менее близким примеру со

щуккой? и если такой сигнал, то, во всяком случае, не акционально-анималитивный.

Представим себе характеризуемую ситуацию. Чтобы *Увидеть самого себя идущим по улице*, надо на этой улице или в непосредственной близости к ней находиться и быть. Согласно имеющимся в традиционном сознании представлениям нечто подобное означает не что иное, как увидеть в таком двойнике свою смерть⁴⁰. Иными словами, смерть объявляет себя тому, за кем имеет намерение прийти в скором времени, под видом его самого. Объяснять это можно также как свою тень⁴¹ (царство мертвых есть царством теней), себя того света, себя как душу и в виде своей души. Однако опустим и на сей раз подобные объяснения, поскольку не в этом будет заключаться определяемый предмет. Попробуем рассуждать в том же ключе, что и перед этим в примере со щуккой.

Итак, идущий по улице или же находящийся в непосредственной близости к ней видит себя самого идущим по той же улице, и этот второй, такой же, увиденный, определяется им, предлагается к определению, как двойник. На дефинитивном уровне данное положение можно представить следующим образом: «некий наблюдаемый субъект (человек в данном случае) идентичен по всем внешним признакам своему наблюдателю», и это может для наблюдателя что-либо означать. Определить это получилось бы как идентификативно-субъектную идентичность.

Данное общее, видимо, не случайно, предполагает для своего разрешения (в *скоро умереть*) немаловажность проекции к тому, что не просто необходимо увидеть себя самого и, тем самым, в этом увиденном своего двойника, но увидеть себя *идущим по улице*. Важно не только движение как перемещение в пространстве с помощью ног в том, что *идущий*, важно и то, что *по улице*, передвигаясь и направляясь куда-то, поскольку идущий по улице, как известно, не только ситуативно, но и применительно к разбираемому случаю, куда-то, намереваясь, идет. А коли так, то его такое движение по улице, в сочетании с тем, что это двойник, направление 'к скорой смерти' увиденного и означает. Из чего получается, что указанная идентификативно-субъектная идентичность сигналом для наблюдателя становится не сама по себе, а в реализующей ее процессивной направленности, в том, что *по улице*, и в том, что *идет*.

Что касается примера с солнечным затмением, то внимание на себя обращает предвестие, в нем содержащееся, которое определяет пространство, местоположение, если точнее, и при этом, как указывается не только человека, но и животного. Надо думать, что в разбираемом случае о домашнем животном, видимо, речь. Как можно и следует понимать в этой связи, что *солнечное затмение застало человека или животное в открытом поле*? Что означает *застало* применительно к ожидаемой смерти, почему *человека или животное*, т.е., тем самым, еще дополнительно

и о животном речь, с чем ранее не приходилось встречаться? И, наконец, еще одно – о смерти того, кого солнечное затмение застало, не говорится прямо и однозначно, определяясь словами *редкий из них проживет больше года*. Указывается приблизительный и ограниченный временем срок, а через *редкий из них* показывается возможный, хотя опять же и исключительный, и ограниченный выбор. Иными словами, допустимы такие, редкие, единичные, случаи, которых данное положение касаться по каким-то причинам не будет. Минует, из чего получается, их чаша сия.

Все перечисленное дает основание видеть в представленном материале примера нечто весьма необычное, предполагая какой-то укрытый, не проговоренный и дополнительный смысл. Не доискиваясь его в разрешающих уточнениях, что было бы невозможно, да и не входит в задачу, стоит вместе с тем на него указать, имея в виду и учитывая при описании.

Исходя из сказанного, определяются следующие зависимости и соотношения:

- 1) *солнечное затмение* → *в открытом поле* (а не как таковое или где-то еще, скажем, в селении или в лесу, на воде и т.п.)
- 2) (*солнечное затмение в открытом поле*) *застало* → *человека или животное* (или в данном случае определяет не то, чтобы кого-то из них одного, а поскольку *Если застало*, то следует говорить о том и другом при себя реализовавшем условии; можно поставить вопрос – а если застало не одного и многих, а также животное и человека, т.е. не *или*, однако вопрос этот видится не относящимся к делу и поэтому праздным, пример говорит не о том)
- 3) (*солнечное затмение в открытом поле застало*) *человека или животное* → *редкий из них* (мало кто из тех, кого это встретило, но раз мало кто, то все же имеются, пусть и редкие, исключения, какими-то невидимыми и не объясняемыми причинами обусловленные, что дает возможность и вместе с тем повод задуматься над таковыми, а объяснение искать в том, что *солнечное затмение*, и в том, одновременно и вместе с тем, что *в открытом поле*, – что это за человек и что за животное, которых общее для других положение не будут касаться?)
- 4) *редкий из них* → *проживет больше года* (из тех, кого солнечное затмение в открытом поле застало, а раз *проживет больше года*, то происходящее, знак либо что-то другое, отмечает собой отмеряемый календарным временем срок, что также, по-видимому, не случайно, давая повод видеть в этом значении обращающегося в течение года солнца, – солнцем, тем самым, определяется воспринимаемое как знак содержание)

На основе указанных четырех соотношений, конструктивно и композиционно организованных так, что каждая последующая позиция включает в себя в их последовательности все предыдущие, в результате чего

получается в виде $(n + 1)$ переход. Характерный принцип традиционного нагромождающегося развития повествования о событиях, имеющих отношение к представлению времени в его поступательности, а тем самым, укрыто и косвенно, к солнечному циклу и календарю. Ср.: проживаемый год, начиная с первого месяца, от которого происходит отсчет, каким бы месяцем он ни был, предполагает положение для проживающих, при котором, каждый для них последующий включает в себя предыдущий, – проживаемый март, для примера, предполагает, что прожит до этого в марте февраль и январь, и так до последнего дня в отношении данного года, который все предыдущее упраздняет и с первым днем последующего открывает новый отсчет. То же касается и проживаемых лет: двадцать два года, к примеру, имеют значением, что до этого прожиты были двадцать один, двадцать, девятнадцать и пр. годы в своей развивающейся для данного человека последовательности. По этому принципу в его повторяющемся с прибавлением нарастаний* организован известный английский детский народный стишок „This is the house that Jack built”⁴² (*В доме, который построил Джек* в переводе С.Я. Маршака), завершающая песня праздничной Агады на Песах в еврейской традиции, а также ряд известных в других народных культурах сказок и песенок.

Интерпретировать то, что было отмечено в комментариях к пунктам (в скобках), применительно к определяемой задаче, можно было бы следующим образом. Солнечное затмение застало в открытом поле человека или животное не то, чтобы не случайно, но и не как знак, а как себя проявившее для него (проявившее, не объявившее) в отношении жизни и смерти предназначение. Если более точно, то в отношении жизни, не смерти, затмение которой для него наступит (может, с учетом того, что не для каждого), наступит в течение года с момента затмения, или, иными словами, до обращения данного солнца (после затмения) для него. Не было это ему объявлением, не было также поданным знаком, но, будучи в открытом поле в этот момент, как в определенное время и в определенном месте, в которых нечто способно себя проявить, оказавшись в таком открывающем скрытое положении, он и увидел то, что его в скором времени ждет, что цикл его жизни подходит к своему завершению. Опять же, если

* Такое построение относят к виду цепочечных, или кумулятивных, рекурсивных, цепевидных, сказочно-песенных текстов. Аналогичным образом организованы русские народные сказки *Репка*, *Колобок*, *Теремок*, *Три медведя*. Более подходящим представляется определение подобного типа текстов как кумулятивных, с точки зрения заложенного в них накопления, собирания в целое и его кумуляции. С точки зрения функции их, видимо, можно рассматривать как тексты защитно-продуцирующего характера, замыкающей либо, напротив, размыкающей разновидности, снимающей внутреннее нагнетаемое напряжение в разрешаемом в своем завершении конце. См. также литературу к сноске 42 на данный предмет.

точнее, то не увидел, а оно *застало* его. Отсюда, поскольку *застало*, то не только *человека*, но и *или животное*. И это еще раз свидетельствует, что проявляет это себя не как знак, но как происшествие.

Затмение солнца может, по-видимому, собой отмечать (но может и не отмечать), что кто-либо из людей или животных не проживет больше года, что кому-то из них подходит их срок (что было бы и без затмения очевидно). Однако узнает об этом лишь тот, кто окажется, скорее всего не случайно, в открытом поле, другой такой же, кому вышел срок, но при этом не оказавшийся в поле, о том для себя не узнает.

В том же ключе, видимо, следует понимать и положение *редкий из них (проживет)*. Рассуждая в последовательности, этот редкий, кому больше года прожить предстоит, если солнечное затмение в открытом поле его вдруг застанет, то окажется он там не своим назначением, по случайности и не направленно изнутри. Его ничто в открытом поле и не задержит, равно как и в него, в открытое, не приведет (согласно теории хаоса, коль скоро об этом речь). Так получилось, что он оказался в открытом поле в подобный момент, а затмение его не касалось, не его это было затмение и не для него.

Можно, конечно, этот последний случай воспринимать и в контексте какой-либо для данного избранного, человека или животного, исключительности, что предполагало бы объяснение иного характера, определяясь в значении, что это за человек (или животное) и почему его солнечный, данного времени, круг не затрагивает. Не будем, однако, входить в подобные рассуждения, лишь отметив такую возможность, тем более, что для этого в изучаемом материале нет оснований.

Обращаясь к определению представления, заключенного в разбираемом примере, исходя из сказанного, можно видеть его следующим обобщающим образом: «некое происшествие, исключительное по своему космическому и временному характеру, может свидетельствовать об остающемся времени жизни в отношении того, кого оно в незащищенном, открытом, месте в определенное время застигнет». Адресат в этом случае был бы, отчасти, случайным (как оказавшийся в данном месте в данное время), а отчасти и не так, чтобы совсем случайным лицом (для себя самого, поскольку в нем что-то его в этом месте в данный момент оставило или туда привело). Данное положение могло бы быть охарактеризовано как ‘свидетельствующее происшествие’, определяясь, соответственно, как *эвентивно-остентативное** в группе подобных себе.

* Лат. *ēvēnio, vēni, ventum, īre* ‘выходить, появляться’; ‘принимать (тот или иной) оборот’ ‘исполняться, сбываться, осуществляться; (вос)последовать; приключаться, бывать, случаться’; *ostendo, tendi, tentum* (поздн. *tensum*), *ēre* [obs + tendo] ‘выставлять, подставлять, открывать; показывать; выводить; вводить; демонстрировать’; ‘проявлять, обнаруживать’.

Пример, обозначенный как $(3b^2)$, с летучей мышью, исходно можно было бы рассматривать и как предназначение, и как (возможно) случайность. Отталкиваясь от первого, следовало бы предположить, что летучая мышь, ночное, пугающее (подобно сове), существо тем, что *выдернет у кого волос из головы*, и тем, что *положит его на сухое дерево*, исполняет в отношении данного человека его судьбоносное определение. Время жизни его подошло к моменту, когда ему, посредством ночного посланца, наступает конец, и вместе с этим тогда, коль скоро это над ним оказалось произведено, воспринимать происшедшее предполагается как посылаемый знак. Однако, если внимательно к тому, что сказано, присмотреться, вряд ли подобная интерпретация была бы оправдана.

Отмечается, прежде всего, союзом *Когда (летучая мышь выдернет)* то, что имело бы отношение ко времени: когда выдернет, только тогда. Время в данном случае будет себя проявлять не как время жизненного конца и не как время, если по-настоящему, события, того, что летучая мышь совершит, но как время начинающегося отсчета, от того момента, когда это произойдет, начнется то, что будет его ожидать, то, что *тот весь иссохнет и* (в результате) *умрет*, начнет, иными словами, тогда усыхать.

Положение далее осложняется, поскольку летучая мышь должна произвести не одно, а два действия, второе как непосредственно связанное с тем, которое первое. И не просто два связанных действия, но имеющих расширение в трех не случайных объектах, два из которых будут иметь значение места. *Когда летучая мышь выдернет а) волос*, т.е. один, а не больше, что само по себе в реальном осуществлении не такое простое дело, *б) из головы*, для чего голова должна быть открыта, не говоря о том, что летучая мышь должна не только пролететь над такой головой, но и, зацепив ее, выдернуть один только волос, *с) положит его* (возникает второе действие) *на сухое дерево*, т.е. не всякое, а только сухое. Волос, голова, сухое дерево должны сойтись, точнее быть сведены, пролетающей над такой головой летучей мышью в том, что она затем совершит.

Для предназначения, равно как и для знака, это было бы слишком сложным по своему характеру стечением обстоятельств. Знаки и предназначения так, как правило, себя не объявляют. И тогда остается не то, чтобы произошедшая с кем-то случайность, – летучая мышь налетела, выдернула и положила, но, скорее всего, мифологическое по природе своей, хотя не это важно, предупреждение, в основе которого лежит скрытое концептуальное (внутренне) наблюдение. А поскольку концептуальное, то и знание – о том, что такое летучая мышь, о том, что такое волос из головы, о том, что такое сухое дерево и какое оно отношение имеет к связанному с ним каким-то определенным образом человеку. Все это в соединении и дает то, о чем данный пример и что он собой представляет, – содержащуюся, но при этом не скрытую, мифологему, и поскольку не

одну мифологему, а три, то в разбираемом примере можно увидеть это как моделируемое в основе своей мифологизированное событие, своего рода свернутый нарративный сюжет, такой, который развернуто себя объявляет в народных, обычно волшебных, сказках.

Стоящая перед нами задача, однако, не в том, чтобы нечто подобное, проникая внутрь, разбирать, смысл ее заключается в выведении представления, которое позволяет, на основе соотношений, определяемых в примерах, говорить об имеющих свое парадигматическое выражение единицах, в которых нечто одно объявляет себя в результате чего-то другого. Если то-то и то-то произойдет, будет видимо или воспринято, иметь будет определяемое каким-то образом в реализации время и место, то ожидать полагается, следовать будет из этого, то, что, для разбираемых случаев, получит свое отражение в земном существовании человека, применительно к концу его для него, т.е. смерти.

Из этого положения исходя, пример с летучей мышью, в обобщающей схеме, дает основания в своем результате увидеть стоящее за ним представление о том, что «если (или когда) нечто весьма необычное, осуществленное силой ночного по своей видимости существа, над человеком или с человеком произойдет и это будет касаться отбирающего жизнь предмета, то долгой жизни такому человеку не следует ожидать». Соединяются в этом случае отмеченные ранее представления о ночных существах (*летучая мышь*), об отношении человека к тому, что является его физической частью (*волос из головы*), об иссушающих жизнь предметах (*сухое дерево*). И это была бы такая концептуальная единица, разряд которой определялся бы в прежде встретившемся акционально-анималитивном пределе. С тем отличием, что производимое щукой, *которая плеснет хвостом перед рыбаком*, имело смысл, как было это отмечено, демонстративный характер, указывая на актуальное как приближаемое к смерти состояние рыбака, а то, что сделает летучая мышь, составляло бы провокативный, вызывающий подобное состояние, вид. Тем самым, это было бы состояние не актуальное, а формируемое, создаваемое, постепенно складывающееся, к смерти направленное и к ней стремящееся, эволютивное (поскольку сначала *иссохнет* такой человек и только потом *умрет*).

Примеры, иллюстрирующие трехкратно-результативный характер возможной смерти, с погибанием на море, заваливанием в шахте и ружьем, рассмотрим совместно. Смерть предстает во всех трех как событие, а не состояние. Нечто произойдет, что и будет, фактически, смертью. Смерть, приходящая за своим человеком в определенный момент, если таковую предполагать, будет выглядеть, прежде всего, как агентная сущность, то ли дающая ему еще один раз для проживания возможность, то ли отпускающая его по какой-то причине. Важно не это, а то, что, придя один

раз и при этом оставив в живых, она это сделает, может сделать, еще только раз (последний пример, с ружьем, сюда не подходит), поскольку в третий такого не будет.

Вопрос, почему такая возможность, как получается, концептуально, имеется и при этом данная концептуальность должна пониматься как следствие коллективного опыта, или, скорее, имеющегося в сознании представления о тройственности, что не будет предметом нашего рассмотрения и о чем очень много написано, – данный вопрос, в контексте того определяемого, необходимо воспринимать с позиции представлений о смерти. Смерть наступает и, соответственно, приходит тогда, когда данному человеку вышел ему отведенный срок, когда его время пришло, его жизненный цикл подходит к своему завершению. Приложимо это без оговорок и уточнений к смерти во времени применительно к времени жизни, или к естественной смерти каждого. В приведенных примерах, однако, речь не о том, а если о том, то в особенном повороте.

В коллективном сознании, не только традиционном, имеется представление о том, кому от чего умереть, от чего ожидать своей смерти – от воды, от огня, от оружия, от чего-то другого. Если принять положение, а нет оснований его не принять, что для сознания, на сей раз традиционного, смерть происходит и наступает не как явление, возникающее само по себе, связываемое с остановкой витальных процессов и прекращением биологической деятельности, а вследствие прихода смерти как существа за тем, кому умереть, которая и провоцирует все это происходящее, то и смерть как резкий обрыв, а не как переход, обрыв, вызываемый действием средства, орудия умертвления, также следует понимать применительно к себя объявляющей при подобном событии смерти.

Иными словами, неважно, что от чего, чем вызвана смерть и вследствие чего она происходит, во всех смертных случаях можно предполагать присутствие при умирающем все той же агентной сущности. Тем самым, и это также имеется в представлениях, смерть можно вызвать – самому для себя, как намеренно, так и не намеренно. Неурочная эта смерть также смерть и от смерти с ее приходом не отличается. Вряд ли следует предполагать, что смерть как агентная сущность, освобождающая от жизни данного человека, лишая витальных функций его, действует при помощи тех орудий, от которых смерть наступает как прерывание жизни и остановка. Для лишения жизни орудия ей не нужны.

Все эти рассуждения потребовались не для того, чтобы входить в философию разбираемого вопроса, что имеет в виду иные аспекты и повороты, но чтобы увидеть то, что может за представлениями о погибании на море, в шахте, от ружья, чего-то другого в том же ряду себя предполагать. Обратимся к примерам. В них говорится – *Если на море два раза погубал, но спасся; Если шахтера дважды заваливало в шахте (и насмерть*

не завалило); *Если три раза от одного ружья была опасность смерти, причем избежал третью – роковую. Два раза спасся, дважды заваливало, и насмерть не завалило, избежал третью – роковую.*

Первый вопрос, который имело бы смыслом поставить, заключался бы в том, чтобы предположить, поскольку сомнительно, чтобы выяснить, – об одном и том же применительно к смерти говорится во всех этих случаях или, может, о разном? И далее, что значит, точнее, что может стоять за тем, что *спасся*, (не завалило) *насмерть*, что *избежал*, вкладывая в это не исключительно переносный и разговорно привычный смысл?

Как представляется, все это не означает смерти как таковой, а потому и действий с ее стороны как агентной сущности не предполагает. Говорится о том, что выражено в третьем примере в виде *опасность смерти*, которую *избежал*. Не смерти, получается, избежал, а опасности смерти, избежал того, что к смерти ведет, что создает в отношении человека такие условия, которые, лишая его жизненных функций, смерть к нему вызывают. Смерть приходит к тому, кто ее, как свое состояние, без постепенного перехода от жизни, на себя навлек, тем самым, ее призвал, неосторожным ли действием (как в примере с ружьем), условиями, в которых пришлось оказаться. Такое, несвоевременное, с точки зрения естественного и потому обычного хода вещей, «призывание» своей смерти имеет в своем результате не отличающийся от своевременного переход, на ту сторону, на тот свет из этого, а поскольку роль смерти как агентной сущности заключается в том, чтобы обеспечить, осуществить определенными действиями такой переход, то и трудно было бы предполагать во всем том отличия. Отличия связываются с характером средств, которые завершаются умиранием и смертью, с тем, что к смерти приводит, т.е. с *опасностью* смерти, а не ее самой.

Наглядно и образно (не по существу) это можно представить как открывание двери перед нею стоящим. Дверь может сама распахнуться с шумом и треском. Дверь может сорваться, вследствие каких-то внешних воздействий, с петель. Она может упасть, развалиться, разрушиться, сгореть, раствориться, исчезнуть (поскольку это дверь не в физическом смысле). Ее можно, толкнув и не только толкнув, отворить самому, проломить, проломиться в нее под ударом и пр. Опасность смерти и представляет собой возможность того или иного открывания двери перед нею стоящим, после которого (открывания) и наступает смерть, находящаяся ли за этой дверью, появляющаяся ли из-за нее, приходящая ли к предстоявшему с открыванием, – не то, чтобы не суть важно, но, видимо, можно разное в этих случаях предполагать. Существенным во всем этом для стоящей задачи было бы то, что имеется смерть и имеется то, что ее приводит и к ней ведет (в обе стороны, от нее и к ней), или опасность смерти, которая потенциальна и которая, как потенциальная, может также и реализовываться.

Исходя из таким образом понимаемых примеров и обращаясь к помощи приведенной с дверью картины, то, что *на море два раза погибал, но спасся*, представить наглядно, по схеме подобия, не существу, можно как нечто происходившее перед дверью (или за дверью), что, ударяя в нее, ломая ее, могло ее развалить. А поскольку два раза не развалило, то на третий развалит наверняка, дверь третьего раза не выдержит. То же, по схеме, но не по характеру протекания действия с дверью, касалось бы и завала в шахте. То же касалось бы и ружья, с тем отличием, что воздействие на дверь при ружье оказалось не столь весомым и значительно меньшим по силе, дверь выдержала, не поддалась, прошла, скажем так, испытание, а потому и *тогда смело обращайся с ружьем – смерти от него не примешь*.

Из всего этого будет следовать обобщенное представление о том, что «при определенных условиях всегда неизбежна опасность смерти, для того, кто связан с таковыми по роду деятельности, и на благополучный исход не стоит рассчитывать неоднократно». Это было бы знание, а потому и концептуальная единица, связываемая с формами деятельности, профессиями и занятиями человека, которую можно было бы отнести к уже встретившемуся перед этим разряду эвентивно-остентативных («свидетельствующих происшествий»). С тем отличием от примера с затмением в открытом поле, а потому и в соответствующей для разбираемых случаев разновидности, которое можно охарактеризовать как исчерпываемый на каком-то шаге, закрытый, повтор в отношении негативного результата (для погибания на море и в шахте) – итеративно-клаузивный*, а поскольку дважды, то секундативно-итеративный, и как повтор не исчерпываемый (для ружья), или итеративно-репетативный.

Неизбежность вследствие совершаемых действий

Примерами предостережений в отношении действий, как было сказано, осуществление которых грозит в своей неизбежности смертью в различных ее проявлениях, будут из источника следующие (последний пример касается не собственно смерти, а сопровождающих ее обстоятельств):

Зс) *Нельзя убивать лягушку – мать умрет, если даже убить лягушку случайно, не заметив.*

* Лат. *ītēro, āvi, ātum, āre* [iterum] ‘вторично делать, повторять; возобновлять’; *грам.* ‘придавать глаголу итеративную или учащательную форму’; **I claudio, clausi, clausum, ěre** [одного корня с *clavis* ‘ключ’] ‘запирать, замыкать’, ‘закрывать’.

Кто разорит гнездо аиста, в особенности же убьет его детей, тот навлечет на себя и на свой дом целую череду несчастий, среди которых могут быть пожары и смерти.

Кто вербу посадит, тот сам на себя заступ готовит, то есть умрет, когда верба вырастет настолько, что из нее можно будет вытесать лопату.

Тому, кто бьет вшей и не моет после этого руки, будет тяжело переносить предсмертную агонию.

Общим для всех четырех приведенных примеров можно считать отношение к живым существам, к которым, впрочем, вербу третьего случая не следует относить. Данное отношение принципиально отлично от того, что имело место, также с представителями животного мира, где они себя проявляли либо как передающие (мухи в доме зимой, щука с хвостом перед рыбаком, тетерев на доме, сова на церковной кровле), либо как действователи (летучая мышь с волосом из головы), либо как объекты (животное в открытом поле во время солнечного затмения) применительно к ожидаемой смерти. В том же ряду небезосновательным было бы упомянуть также дерево, в особенности яблоню, зацветающую вторично, под осень. За исключением животного в открытом поле, позицию которого по отношению к ожидаемой смерти можно определять как страдательную (пациенс), наравне с человеком в таком же случае, все остальные животные существа и деревья с ними в том же ряду, хотя с точки зрения традиционных и языковых представлений, это явления неоднородные, выступают, если говорить в обобщении, как опосредующие. Не будем в данном месте входить, углубляясь, в семантику этих не всегда совпадающих опосредований, что, впрочем, отчасти уже было сделано при рассмотрении соответствующих примеров, а обратимся к тому, что содержат и что дают основания в себе наблюдать четыре приведенные случая.

В отличие от опосредующей роли всех ранее перечисленных, в представленных четырех необходимо усматривать то, что можно считать (в обобщении опять же) в о з д е й с т в и е м . Некий субъект, проявляя себя как агент, потенциальный агент, поскольку говорить приходится о предостережениях – чего не следует делать, поскольку это к чему-то связанному со смертью ведет, – действует непосредственно на объект, в трех случаях из четырех, деструктивно, применительно к живым существам, а в одном из четырех креативно, по отношению к вербе, т.е. дереву. В трех случаях из четырех, за исключением последнего, с вшами, его такое воздействие вызывает смерть, а в четвертом, последнем, формирует условия его предсмертного в будущем состоянии.

Определенное действие на определенный животный (или древесный) объект сопровождается смертью (в примере с аистом не только ею) либо самого совершающего, либо кого-то из его близких (мать, смерти в доме),

либо отмечает его предсмертное состояние. Возможны при этом такие вариативные реализации: а) «лишение жизни определенного животного существа ведет к лишению жизни той, которая дала жизнь лишившему»; б) «уничтожение дома определенного животного существа, особенно при лишении жизни его детей, ведет к подобному деструктивному проявлению для дома того, кто нечто подобное совершит»; с) «сажание определенного дерева ведет к смерти его посадившего через определенное время»; d) «„не очищаемое” уничтожение определенного живого объекта „отяжеляет” предсмертное состояние совершившего».

Объединяющим показателем для трех (из четырех) проявлений будет то, что можно видеть как обращение, или возвращение, – нечто одно предполагает нечто себе подобное, за исключением (с), в котором о подобии говорить не приходится, а также то, что в каждом случае должен быть какой-то определенный объект, чего-то другого это касаться не будет. Если первые два примера (а, б) иллюстрируют то, что можно назвать ‘возвращаемым уничтожением’, реверсивной деструкцией, третий (с) ‘взрачиваемым самоуничтожением’, продуцируемой аутодеструкцией, то четвертый представляет ‘вызванное нечистотой самоотягощение’, инцестивный аутогравитатив.

Поскольку соотношение лягушка – мать⁴³ и, соответственно, убитая кем-то лягушка – мать того, кто лягушку убил, независимо от того, намеренно убил или нет, равно как и соотношение между гнездом аиста – домом, в том числе, если не в первую очередь, на крыше которого это гнездо, между его детьми и живущими в доме, вербой и смертью в заступе для могилы, вшами и их таким же каким-то, прямым или косвенным, отношением к смерти, – поскольку все это видится как объясняемое мифологически, а подобное рассмотрение не входило в задачу, характер, смысл и значение этих связей опустим.

Связи эти будут нужны для другого. Для того, чтобы увидеть, помимо указанных положений, сводимых к тем представлениям, которые были показаны в пунктах (а, б, с, d) и которые можно рассматривать как концептуальные единицы сознания типичного для поверий примет, – для того, чтобы увидеть и с этим определить, к какому разряду, если не разным, следует относить то, что выражено в четырех приведенных примерах. Содержащееся предостережение для всех четырех сводится к необходимости несовершения, избегания совершения, если таковое возможно, чего-либо, что объективно, в силу нарушения существующей связи, ведет, независимо от намерения, знания либо незнания, к тому, что имеет свое отношение к смерти. Вместе с тем соотношения эти видятся разными.

В первом случае это лягушка, т.е. само существо, запретный, точнее избегаемый, объект для деструкции (как убийства, или лишения жизни), направленной на него: $\lrcorner Nec(Obj)$ или $\lrcorner Destruct(Obj)$, если шире. В правой

части, определяемой к смерти матери, наблюдается соответствие с перенесением от убившего на ту, кто, как женское, дала ему жизнь. С точки зрения схемы происходит смещение с переходом к предшествующей позиции, или порядку, обусловленное значением объекта деструкции: лишаящий жизни лягушку лишает жизни его родившую. Деструктивный объект имеет скрытое в нем порождающее, феминитивно-генеративное, значение для деструктора.

Во втором появляется представление не об аисте, а его гнезде, с уточнением для деструкции в смысле убийства к его детям, не ему самому. Направление предполагаемой деструкции рассредоточивается, предполагая локус пребывания для объекта в центре определения, с подчеркиваемым при посредстве *в особенности* перенесением на тех, кто, будучи в данном локусе постоянно, является вместе с тем генеративным развитием и продолжением для него (его дети): $\lceil \text{Destruct}(\text{LocHabit:Obj}) \wedge \text{Praecip} \rceil \text{Nec}(\text{VitulObj})$. С точки зрения определяемого концептуального смысла, а точнее не формулируемого ощущения как его скрытого основания, и это имело бы отношение также к другому, дети для аиста внутренней мотивирующей и вместе с тем моделирующей схемы (так это можно себе представлять) фигурируют, применительно к связи с ним – центральной объектной точкой, – как его повторяющее себя, увеличенное в числе и во времени, экзистенциально-витальное продолжение (пересекутив). И тогда лишение этого центрообъекта места его пребывания, локуса хабитатива, или гнезда, с преципитативом (*в особенности*) лишения его экзистенциально-витального мультиперсекутива – длящести в отношении времени жизни и существования, т.е. детей, это лишение ведет к симметрии (мерой за меру), прилагаясь к агенту такого лишения.

Третий случай содержит в себе идею соотношения между тем, что делается кем-то над чем-то в данный момент, и тем, что для этого кем-то через посредство им произведенного в отношении чем-то от этого чем-то впоследствии следует ожидать. Важными показателями в этой взаимной связи оказываются, во-первых, то, что именно делается в отношении объекта, предполагая вегетативное его определение, т.е. возможность роста и существования для него, которые с достижением определенного времени (*когда верба вырастит*), и это было бы во-вторых, оборачиваются лишением, в-третьих, для совершившего того, что представляет собой произведенное им в предыдущее время вегетативное определение в отношении объекта (*то есть умрет*). В исходной части данное положение обобщенно можно выразить в виде $\lceil \text{Construct}(\text{Obj})$. И тогда, если в основе двух первых лежит идея ‘не уничтожения’, ‘не лишения жизни’, с перенесением на прямой либо связанный с этим прямым объект, как локально-хабитативный и продолжающийся множественный, то в примере с вербой

следует говорить о противоположном, ‘не создавании’, ‘не приобщении, не подключении к жизни’ того объекта, который во времени своего развития к лишению жизни приведет подключившего.

И, наконец, последний, четвертый пример, со вшами, после уничтожения, избияния которых руки следует мыть. Акцент переносится с уничтожения на очищение после него, освобождение от следов, но не самого уничтожения, а объекта его, в разбираемом случае множественного, с идеей в основе ‘не оставления (на себе) следов объекта деструкции’: *Impress* (ObjDestruct)*.

Все четыре приведенных примера, относясь к разряду эвитативов, т.е. предполагающих избегание, формулируемое в виде запретного предостережения, различались бы далее как эвитатив объектного деструктива (пример с лягушкой), эвитатив объектного локативно-хабитативного и генеративного деструктива (с аистом, его гнездом и детьми), эвитатив объектно-вегетативного конструктива (с вербой) и эвитатив импрессива в отношении объекта произведенного деструктива (со вшами).

Объектный деструктив, как дается в примере, связывается с субъектом в отношении к его женскому породившему (феминитивный генератив). Объектный локативно-хабитативный и генеративный деструктив – в отношении хабитативного локатива субъекта, с деструктивом и моруативом в нем. Объектно-вегетативный конструктив – с темпорально отложенным (депозитивным) моруативом субъекта. Импрессив объекта произведенного деструктива – с гравитативом стального моруатива (отягощением предсмертного состояния). Соотношения, которые будут иметь парадигмальный характер, как в отношении предметного мира поверий-примет, так и системы сознания, за этим миром стоящего.

Сигналы кукушки

Последнюю группу из выделенных четырех для единиц, предполагающих выбор в зависимости от передаваемого сигнала, один из которых будет нести с собой смерть, в то время как остальные нечто иное, представляют два следующих примера с кукушкой:

4) *Если кукушка кукует впереди – плакать придется, если сзади – умереть, если справа – будешь прав, слева – будешь виноват.*

* Лат. **imprimo, pressi, pressum, ěre** [in + premo] ‘вдавливать, втискивать’: i. vestigia ‘оставлять следы’; ‘ставить клеймо, клеймить’; ‘оттиснуть’.

Согласно другим поверьям, если услышишь кукушку справа от себя – жить благополучно и богато, если слева – жить несчастливо, если впереди – то много лет здравствовать, если позади себя – то скоро умрешь.

В обоих вариативных случаях предсказание смерти связывается с кукованием сзади. От услышавшего ничего не зависит, никаких проявлений и действий не требуется и не предполагается с его стороны. По внешнему виду, если воспринимать это как сигнал, нечто подобное себя отразило в примере со щукой, которая, если *плеснет хвостом перед рыбаком, то ему недолго жить* остается. С тем немаловажным отличием, что щуке это в целом не свойственно, явление это редкое, если не исключительное, в то время как для кукушки кукование в отведенное календарное время по весне дело обычное. К тому же, что также немаловажно, необходимо учитывать связываемый с ее таким кукованием гадательный компонент, в приведенных примерах себя отражающий в виде ориентационного выбора, определяемого стороной. Четыре возможные стороны соотносятся, но не соответствуют, четырем сторонам света, ибо трудно было бы предполагать, что вступает данное представление в параллель с востоком, севером, югом и западом. Впрочем, и подобное соотношение не было бы полностью неуместно, поскольку, если стать, определившись, лицом к востоку, а такая ориентация свойственна традиционному представлению как предписываемая и желательная, то спереди, соответственно, будет восток, запад сзади, справа юг, слева север. И тогда те значения, которые себя обнаружили в приведенных примерах вполне соответствовали бы воздействию характеру приведенных четырех сторон.

Посмотрим, однако, на все это несколько по-другому, отвлекаясь от географической и с нею телесной ориентации. Объединим для этого предсказания, заключенные в обоих примерах, отнесясь к ним как к показателям ожидаемого положения человека. Что означает в подобном ключе указание на то, что *плакать придется, что умереть, будешь прав, виноват; жить благополучно и счастливо, жить несчастливо, много лет здравствовать, скоро умрешь?* Как это одно с другим соотносится и чего может касаться?

Первое, что можно заметить, это то, что все перечисленные определения укладываются в противоположные по значению пары, за исключением первой, поскольку между *плакать придется* и *умереть* подобное отношение трудно усматривать. Второе видится в том, что показатели в первом примере не соотносятся с показателями второго, за исключением того, который касается смерти – *умереть, скоро умрешь*. И третье, связанное с этим вторым, отношение к смерти передано не одинаково. В то время как при *умереть* следует домысливать определитель *придется* (*впереди – плакать придется, если сзади – умереть, т.е. придется уме-*

реть), – *скоро умрешь* ничего такого не предполагает. Из чего получается, что повторяющимся в обоих вариативных случаях будет интересующее нас отношение к смерти.

Однако пойдём по порядку. Вопрос, который естественным образом возникает, касается необходимости выяснить, можно ли считать приведенное в первом, а затем во втором примерах, чем-то объединяемым по общему основанию и чем, если это возможно, в этом общем была бы предполагаемая смерть, характеризующаяся в определителях *придется* и *скоро*. Не вдаваясь в подробности и уточнения, о которых к тому же, с учетом особенностей материала, речь не может идти, под *плакать придется* имеет смысл понимать ожидаемое в скором времени неприятное положение, если не горе, касающееся либо состояния дел, включая имущество, либо несчастья, если не смерти, кого-то из близких, либо чего-то в подобном ключе. Тем самым, это было бы экзистенциальное по своему характеру положение, или казус, малефикатива, ожидаемый (может, точнее было бы говорить, понуждаемый, вынужденный, поскольку *придется*), в его, в отношении субъекта, переживающем проживании. Под *умереть*, соответственно, также вынужденное, но не положение (малефикатива), а утрату, лишение, амиссию, остановку, экзистенциально-витального состояния, что касалось бы представления кондиционалиса, а не казуса.

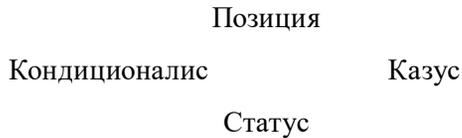
То, что *будешь прав* либо, как противоположное, *виноват*, в разбираемом отношении относилось бы к положению, понимаемому как позиция субъекта к другому (другим), предполагая параметром обремененность либо необремененность данной позиции – социализированный позиционный гравитатив / ингравитатив.

Показатели применительно к *жить благополучно и богато*, с противоположением *жить несчастливо*, понимая при этом то, что придется терпеть нужду, не находя дополнительно эмоционального выхода в чем-то сочувствии и поддержке, можно видеть как экзистенциальное положение, с уточнением к повышению либо понижению в сопровождении позитивного (для *благополучно*) либо не позитивного (для *несчастливо*) мотива. В отличие от *плакать придется* данное положение следует определять не как казус, положение, вызванное каким-то происшествием, случаем, а как более стабильную и длящуюся статальность, экзистенциальный статус субъекта.

И, наконец, *много лет здравствовать* при соотношении со *скоро умрешь*, в обоих случаях с дополнительным уточнителем темпоральности – как длительности, континуальности, в отношении *много лет*, либо не соотносимым с ней *скоро*, которое следует понимать в отношении бы-стро наступления, не протяженной краткости объявления того, о чем речь, его субитатива. Длительность, в свою очередь, будет касаться не просто долгого, но не обеспокоенного в физическом отношении жития

как экзистенциально-витального статально-эквитативного, или статально-санитативного (спокойного, уравновешенного), итератива (кондиционалис а). Для *скоро умрешь* его скорое наступление, субитатив, коснется экзистенциально-витального прерывания, абрупттива, указанного перед этим кондиционалис а.

Тем самым, все то, что заложено в куковании кукушки, касаясь условий ожидаемого существования, обращается вокруг усложняемых каждое своим показателем (показателями) казуса, как происшествия, или события, влияющего на самочувствие и эмоциональное состояние, кондиционалис а, как состояния жизни в экзистенциальном и биологическом смысле, позиции, определяющей положение в окружении как социальной среде, и статуса как экзистенциального положения. Кондиционалис в этом ряду полагает возможность реализации и проявления, того либо иного, для всех остальных, ибо именно он касается жизни в ее противоположении смерти, с утратой всего, что с существованием в этой жизни может быть связано, как пребыванием на земле в окружении себе подобных других:

Находящийся в центре и в обеспечивающем все остальное тылу кондиционалис существования связан с определяемой его позицией в обществе, статусом своего положения в смысле имущества и благополучия, проявляясь в том, что время от времени, но также и постоянно, осуществляется и происходит, влияя на все остальное в обозначенной схеме.

Коль скоро кукушка своим кукованием определяет, предсказывая, то, что касается всех четырех оснований, то ее место и отношение к кондиционалису, будучи сзади (*смерть у кого за плечами, спиной*), следует воспринимать не как предчувствие или призыв, но направляющее определение к смерти. Смерть находится сзади и там же кукушка с ее кукованием, обозначая, что время пришло. Ее положение спереди, применительно к казусу в *плакать придется* или к кондиционалису в благополучном его разрешении (*много лет здравствовать*), предполагает общую для того и другого ось, кондиционалис реально себя проявляет в том, что случается и происходит, в виде череды каких-то явлений, событий в жизни, ее, иными словами, казусности.

На этой оси, через центр, в котором субъект, спереди либо сзади него, кукушка своим кукованием его жизнь как таковую и располагает, в ее для него экзистенциально-витальном либо только экзистенциальном

определении (для казуса). То, что слева и справа, позиция и статус субъекта, взаимосвязанные, поскольку позиция на статус способна влиять, равно как и в обратную сторону, статус определять способен позицию, поэтому различие между правым и левым касается позитива и негатива для них, а не их таковых, при том, что статус, как нечто более твердое и стабильное, тяготеет к правой стороне для субъекта, а позиция, как менее твердое и более переменчивое, к левой. И тогда, полагаясь справа к субъекту, кукушка отмечает стабильность, правильность, равновесность экзистенционального кондиционалиса для него, в то время как слева, напротив, его переменчивость, нестабильность, неправильность.

Остается выяснить два вопроса для подведения итога сказанному в отношении двух рассмотренных в заключении примеров – чем является представляемая в них кукушка и чем является также и вместе с тем смерть, не отвлекаясь от показателей, с той же кукушкой связанных, для *придется (умереть)* и для *скоро (умрешь)*.

Кукушка, из этого получается, проецирует вынужденность, но вынужденность как ожидаемое событие, казусность, – придет нечто то, что ведет с собой *умереть*. И она же проецирует, в отношении *скоро*, время, прихода и наступления, но не события на сей раз, а прерывания жизни. Темпоральность для исполнения и событийность вынужденности делают из кукушки то, что выходит, укрытое, на поверхность, толкаемое, выталкиваемое понуждающей вынужденностью либо краткостью временного остатка. И тогда смерть, по причине которой *придется умереть* (либо *скоро умрешь*), выступает в этом ряду как то, что, сопровождая существование того, кому кукует кукушка, предстает проступающей, начинающей проступать, на поверхность, через кукование кукушки, модификацией кондиционалиса, изменением его в сторону ожидаемой в скором времени остановки экзистенционально-витальных процессов. Был бы это еще один применительно к смерти аспект.

Представить все происходящее в отношении двух приведенных примеров с кукушкой можно следующим образом. Субъект, на которого направляется кукованием предсказание, окружен невидимым для него и других людей (за исключением провидцев) полем своего на данный момент назначения, того, что, будучи в нем, находится вокруг него, по четырем его, а точнее шести, сторонам, с учетом верха и низа, то, что над головой и под ногами, не перед ними, а вниз.

Это в нем находящееся и его со всех сторон окружающее, актуальное, экзистенционально-витальное его положение, и выходит наружу, себя объявляя в кукушке, точнее в ее куку, поскольку сама кукушка здесь не при чем. Отнюдь не случайно куку используется как звук, исполняемый с целью приветствия в неожиданности, когда откуда-то выскакивают, вдруг появляются, желая, тем самым, нередко для смеха, собой удивить.

Для объявления наружу этого самого слышимого куку (кукушки при этом обычно не видят) необходимо стечение располагающих обстоятельств, ситуативных, пространственных и временных. Пространственных – в отношении леса и поля, т.е., тем самым, вне человеческого стечения и жилья, ситуативных – таких, которые вероятность кукушки (но не как птицы или не столько как птицы) с ее кукованием предполагают, и временных – применительно к календарно-сезонному и погодному времени, с показателем поры суток, тогда, когда обычно кукует кукушка, днем, при свете, не при ветре, не в дождь, что в своей совокупности и предопределяет способность незамутненного, без помех и искажений, выхода на поверхность куку, не столько сигнализирующего, сколько себя объявляющего как актуальное состояние субъекта, в нем содержащееся, при нем присутствующее, сопровождающее его, следующее с ним и вместе с ним в данный момент. Смерть, его в скором времени ожидающая либо та, которую придется переживать, будет для него, в этом случае, показателем предстоящего, в актуально данном его состоянии, модифицирующего земное существование, завершения и конца.

Отношение живых к умершему

В известном смысле точнее это можно было бы, если не называть, то видеть, как остающееся, или следовое, действие, а может, и не остающееся и не следовое, что покажет впоследствии материал, умершего, или мертвого, или смерти, на это также придется внимание обратить, на тех и на то, что, как живое, продолжает существование свое в этом мире. Покажем сказанное на одном пока что примере, с тем чтобы от него перейти к другим:

Лошадь, когда-либо отвозившую покойника, нельзя брать ни в свадебный поезд, ни в какие другие серьезные или парадные выезды; если на такой лошади перевезти улей с пчелами, то все пчелы помрут в дороге, а если на ней перевезти пустой улей, то в нем не будут водиться пчелы.

И для сравнения возьмем еще один, с той же лошадью:

Если на лошади отвозили покойника, то лошадь начинает тосковать; чтобы исправить это, надо дать кому-нибудь съездить на ней в церковь.

Действие, со стороны ли покойника, со стороны ли смерти при нем, и это второе будет более обоснованным, таково, что испытавшая на себе в свое время от них воздействие лошадь⁴⁴ остается отмеченной смертью уже навсегда. Поэтому ее не следует брать ни в свадебный поезд, ни в какие другие серьезные или парадные выезды, хорошо, если только удачи не жди, а на пчел она подействует умертвляюще.

Второй пример определяет трагичное положение самой лошади, точнее ее подавленное эмоциональное состояние, которое, как говорится в примере, необходимо *исправить*. Забота о том, чтобы лошадь не тосковала, имеет, в контексте народной жизни, не столько гуманный, сколько хозяйственный смысл, но не об этом речь, важно то, что лошадь от соприкосновения со смертью испытывает и что есть средство это определенным образом избежать. При этом, что видится необходимым добавить, хотя тоскливое состояние лошади и пройдет, брать ее в указанные в предыдущем

примере выезды возможным не представляется. Иными словами, отмеченность смертью при ней остается.

Лошадь, из этого получается, не просто средство, пусть и одушевленное, передвижения, но такое (что может касаться не только лошади, но и чего-то другого), которое и везет, и сопровождает, и от которого будет зависеть возможный, в итоге движения с перемещением в пространстве к определенной цели, исход. Смерть, при ней навсегда какой-то частью своей остающаяся, вместе с ней, при посредстве ее, неизбежно, мертвяще, будет влиять на исход затеваемого продвижения. Неравнодушные ли это смерти к тому, что в этом мире происходит с живыми и что их касается, или, скорее, нечто другое, что можно считать существующим порядком вещей, регулирующим отношение того, что мертвое, к тому, что живое (но не в обратную, видимо, сторону), – не так важно. Важно, что так сложилось, так этот мир существует и так оно есть. С точки зрения того сознания, которое находит свое отражение в мире поверий-примет, можно бы было добавить, но можно и не добавлять.

Интересовать нас в связи с тем, что было сказано, будет то, какие возможны виды воздействующего влияния со стороны того, что исходит от мертвого и что связано с ним, на то, что живое и как живое продолжает в этом мире действовать и существовать. Для определения видов, с тем чтобы сопоставить полученное на основе примеров, возьмем для разбора еще один, с лошадью на сей раз не связанный:

Умершему шьют саван крупными стежками, на живую нитку и иглою не к себе, а от себя, ибо в противном случае все домочадцы вымрут.

Производимое с саваном действие имеет защитно-предотвращающий смысл. Нечто делается таким образом, чтобы избежать повторения того, что как нежелательное произошло. Это общая схема, применение которой к умершему, получает вид, обусловленный тем, что а) саван б) для недавно умершего, которого предстоит хоронить, с) что производить, т.е. шить, его следует указанным образом, *ибо*, как говорится д) *в противном случае все домочадцы вымрут*, т.е. умерший с собой на тот свет заберет всех остающихся в доме живущих живых, в том же доме и после него.

Он ли с собой заберет, смерть ли через него или не через него, было бы не так важно, если бы не указание на саван, который связан, как это было отмечено в „Рассказах о мертвецах” А.Н. Афанасьева, со своим хозяином, с тем, кому он принадлежит, т.е. с самим мертвецом. Хотя вместе с тем не все это столь очевидно, ибо нечто стоит за ним, что толкает его к такому в отношении савана проявлению, какая-то сила, которую относить можно было бы к существующему порядку вещей, и эта сила себя объявила и действовала в первом рассказе, когда, налетев в виде

сильного ветра забравшую саван у мертвого, с собой унесла. Не будем, однако, входить в подобные уточнения, лишь попутно отметив неоднозначность и неочевидность источника проявления и действия того, что от мертвого, на то, что живое. Остановимся на определении вида возможного взаимодействия.

На примерах с лошадьё это будет, для первого случая, такое воздействие на предмет, не суть важно, что одушевленный, которое, при использовании данного предмета в процессии или церемонии отправления умершего, заряжает его мертвящим на все дальнейшее образом. Используемый применительно к смерти предмет становится в следовом отношении «мертвым», или мертвящим, предметом, что можно выразить в виде его преобразенно-обратного свойства, обозначив как мортуально-объектный узитатив: $Obj(UsitMort) = Obj(MortUsit)$. И это было бы видом рассматриваемого взаимодействия, одним из возможных видов, отношения мертвого, со стороны мертвого, к живому.

Второй пример с той же лошадьё одушевленность ее как животного предполагает, ибо речь о том, что та *начинает тосковать* – по покойнику ли, по той ли причине, что соприкоснулась со смертью, как тем, что не живое, а мертвое, либо как умертвляющая живое агентная сущность, не то, чтобы не существенно, а неизвестно и равным образом может быть все это в неразличении одновременно. Для определения вида важно другое – то, что участвовавший в церемонии отправления умершего одушевленный предмет, им будет также и человек, переживает затем состояние эмоциональной подавленности, смерть и то, что непосредственно связано с нею, действует на живой объект депрессивно, что можно выразить в формуле $ObjViv(PartMort) = ObjViv(DepressEmot)$, обозначив подобный вид как депрессивный эмотив мортуального партитива, представляя, что эмотив, равно как и партитив, будет свойствен объектам одушевленным, во всяком случае воображаемым как таковые.

Пример с шитьем умершему савана предполагает еще один вид. Объект, предназначенный для того, кто умер, должен производиться так, чтобы то, что при этом умершем, не распространялось затем на живых: $Obj(ProprMort) = Obj(ProdAvers)$, что было бы выражением мортуально-проприально-объектного аверсивного продуктива.

Предотвращающий, аверсивный, характер, но не продуктива, а производимого действия, и не проприально-объектного, а демиссивно-мортуального вида, при отправлении умершего, можно усматривать в следующем примере – аверсивно-акциональный мортуальный демиссив $Mort(Demiss) < Act(Avers)$:

Когда покойника выносят из дому, то сыплют ему вслед житом, чтобы в доме никто более не умер.

На основе рассмотренных четырех примеров можно было бы говорить о двух разрядах – аверсивном (предотвращающем) и эмотивном, связываемым с эмоциональным состоянием одушевленных предметов-участников. Первый пример с лошадью, которую нельзя брать для каких-то существенных выездов, относился бы к предотвращающим.

Внутри двух выведенных разрядов появляются видовые различия, определяемые как узитативные аверсивы, при использовании предметов, на примере с лошадью, которую нельзя брать, продуктивные аверсивы, при производстве предметов, на примере с саваном, и акциональные аверсивы, при совершении определенных действий с предметом, на последнем примере с житом. Пример с тоскующей лошадью в его разновидности можно определять как эмотив депрессивный. Во всех трех разновидностях мортуального аверсива себя проявили объекты, предполагающие, соответственно, предотвращение в отношении использования (аверсивно-узитативный объект), предотвращающий способ при производстве (аверсивно-модулятивный продуцируемый объект) и осуществляемого действия, имеющего целью предотвращение (аверсивно-акциональный объект).

Экстенциональная часть получаемой системы складывалась бы тогда из предметов одушевленных и неодушевленных, соотносимых с тем, что привычно видеть в грамматике, проявляя себя в интенционале так, как это было показано, с различием видов, которые, касаясь одушевленных предметов, не могут затрагивать неодушевленных (пример с тоскующей лошадью).

Последующие примеры, иллюстрирующие определяемое положение того, что исходит от смерти и связано с ней, в отношении к тому, что живое, покажем, объединяя по группам.

- Партиципирующий мортуатив. Воздействие от смерти через участников отправления умершего на тех, кто к таковым не относится, либо на них самих.

PartMort

В этой группе выделяются следующие разновидности:

- инвентинальный партиципирующий мортуатив (при неожиданном столкновении, встрече) – *Invent(PartMort)*
- ареактивный (не предполагающий должного реагирования)
- малефикативный (ведущий к неблагополучию):

Встреча с похоронной процессией – к несчастью; молятся Богу об отращении несчастья.

- депозитивного беатификатива (ведущий к отсроченному благополучию) с актуальным инкоммодативом:

Согласно другим представлениям, встретить похороны на улице, наоборот, предвещает счастье, но счастье в будущем, а в этот день успеха не жди.

- реактивный (предполагающий должное реагирование)
- витально-гравитативного эвитатива (предполагающий избегание отяжеляющего физического состояния, возможно с угрозой жизни, как в четвертом случае):

Если всадник не сойдет с коня при встрече с похоронной процессией, то он скоро тяжело заболеет.

Если перейдешь дорогу, когда несут покойника, то заболеешь, будут наросты на костях; чтобы излечиться от нароста, надо подавить этим наростом о пятку покойника, тогда нарост разойдется, пройдет.

Если покойника проносят мимо дома, то в окно нельзя смотреть, а надо выходить за ворота на улицу.

Если ребенок ест и в это время проносят мимо дома покойника, то надо под колыбельку поставить воду.

- проективный (предполагающий необходимость должного поведения участников) – *Project(PartMort)*
- эвитативного мортуатива (предполагающий избегание несения смерти другим):

С похорон ни к кому нельзя заезжать – привезешь смерть в дом к тому человеку, к кому заехал.

При эпидемиях, повальных и заразных болезнях покойника выносят вперед головой.

- эвитативного аутомортуатива (предполагающий избегание смерти участниками, направленной на себя):

Когда останавливается погребальная процессия, провожающие должны брать горсть земли, тереть ею руки и бросать вперед, чтобы этот покойник был у них последним.

Если под стол, на котором лежит покойник, положить кусок хлеба с солью, то в этом году никто из семьи не умрет.

Когда несут покойника, то не смотрят в окна собственного дома и не оборачиваются назад, иначе еще кто-нибудь умрет в семье, так как тем, что смотрят в окно, как бы призывают живых за покойником.

С похорон – домой, так руки – к печи: с проводов покойника надо руки погреть, чтобы не занести домой смерть.

- эвитативного аутомортуатива и пургатива (очищения):

По возвращении с похорон необходимо трижды приложить ладони к печи или потереть о нее руки, чтобы смерть с кладбища не привезти в дом, чтобы смерть онемела, как печь, и чтобы околели клопы и тараканы, а затем о пол, чтобы околели блохи.

- эвитативного эмотива (избегания «мортуального состояния» для живого, с отношением к умершему, а также смерти, предполагающим не отпускающее воздействие с их стороны):

После похорон заглядывают в печь, чтобы не бояться.

Если вдова собирается вновь выйти замуж, то она должна положить в гроб покойника неподпоясанным и незастегнутым.

- Субститутивный мортуатив. Заместительные в отношении своего умершего проявления.

SubstMort

- проективный – *Project(SubstMort)*

- локально-конституирующий (определяющий территорию, место, пространство умершего):

Перед опусканием гроба в могилу родные покойника бросают туда какую-нибудь монету, показывая тем самым, что покойник не даром взял, но купил себе место.

Прежде чем опустить покойника в могилу, бросают грош для выкупа места на том свете.

- субъектно-конституирующий (определяющий поведение тех, кто связан с умершим, продолжает быть связанным с ним):

Вдове нельзя носить серьги, так как это может позволить себе только замужняя женщина.

Вдова не должна быть в церкви, когда венчают молодых.

- перцептивный (предполагающий заместительно-характеризующее восприятие умершего либо того, что с ним связано) – *Perc(SubstMort)*
- обсервативный (предполагающий видение, наблюдение):

Как только падает на гроб первая горсть земли, будет ли это сделано священником или без него, душа окончательно расстается с телом; немногочисленные прозорливы видят в этот момент душу на выходе из могилы то радостной, то плачущей.

Гул в трубе – душа покойника пришла.

- Контагиозный мортуатив. Взаимодействующие, контактирующие отношения с умершим (при отправлении, амиссиве).

ContMort

- проективный – *Proj(ContMort)*
- эмотивно-конституирующий (предполагающий необходимое установление отношений с ним):

Чтобы не бояться покойника, его хватают за ноги.

Чтобы не бояться покойника, надо из савана ниточку выдернуть.

Чтобы потом не бояться покойника, бросают в могилу ком земли.

Чтобы не слишком тосковать по покойнику, надо к сердцу прикладывать землю из могилы и натирать ею.

Покойника не должны нести родные, чтобы не подумали, что они рады его смерти. (Что следует понимать, в первую очередь, в отношении самого умершего, не наблюдающих. И не с точки зрения радости по поводу его смерти, а необходимости избегания сопровождающего отправление контакта с ним.)

- в разновидности либератива (облегчения его состояния и освобождения):

Покойника дружно как можно скорее снять с постели и положить на стол, так как душа его якобы мучается за каждое перышко в перине и подушке.

До тех пор пока покойник в доме, на окно, выходящее на улицу, нужно ставить чашечку с водой – на «обмывку» души.

После покойника шесть недель стоит на окне стакан воды, а на углу избы, снаружи, вывешено полотенце: душа шесть недель витает по земле, купается и утирается.

Стружки от гроба не жгут, а пускают на воду.

Жечь щепу от гроба, то покойнику будет жарко.

После покойника сорок дней хмельного в рот не берут.

После покойника сорок дней надо на столе держать мед и хлеб и должна теплиться лампада. (Поскольку душа умершего сорок дней пребывает еще в этом свете.)

- либеративного пургатива:

Покойника обмыть и обрядить нужно, пока он не остыл, а лучше это сделать, пока еще человек не преставился и дышит, иначе он предстанет пред Божиим, будучи нечистым.

Покойнику дают в руки платок, чтобы было чем пот во время Страшного Суда отереть.

В некоторых местах покойнику под голову кладут мешочек с его волосами, собранными покойным за всю его жизнь, чтобы дать на том свете отчет в каждом волоске.

- либеративного пургатива агентной характеристики:

Покойника обмывают непременно вдовы.

- эвитативного аутомортуатива:

Покойнику обязательно нужно закрыть глаза, чтобы он не высматривал, кого из живых увести за собой на тот свет.

В доме, где лежит покойник, не метут до выноса тела: сор при покойнике вымести – всех из дому выносить.

Зеркала в доме, где покойник, завешивают, чтобы он не мог в них смотреться. (Иначе, высмотрит и заберет кого-то с собой из домашних).

Солому, на которой лежал покойник, сжигают за воротами.

Постель покойника на три дня выносят в курятник на опевание петухам, «чтобы петухи опели».

Образ, который стоял перед покойником, спускают на воду.

Мерку с покойника кладут с ним в могилу.

Щепы от гроба нужно выносить дочиста вон со двора.

- проприативного акквизитива (приобретения свойств):

После того как покойника обмоют, обрядят и положат в гроб, все участвовавшие в этом греют руки над огнем, который разводят из щепок и стружек, оставшихся от вытесанного гроба: делают это для того, чтобы руки не боялись ни холода, ни мороза.

Кто сорок покойников проводит, тому прощаются три тяжких греха.

- проприативного эвитатива (избегания нежелательных свойств):

Отвозя покойника в церковь, хозяин дома должен, наклонившись к земле, посмотреть из-под саней на ноги лошади, чтобы лошадь потом не спотыкалась, или же с той же целью в хомут втыкают иголку без ушка.

- перцептивный – *Perc(ContMort)*
- атрибутивно-констатирующий (удостоверяющий по контактным признакам что-либо в отношении умершего как исходящее от него)
- в разновидности аутомортуатива:

Если ноги у покойника теплые – значит, зовет за собой. Если у покойника открываются глаза, то это предвещает вскоре другого покойника в доме, потому что покойник высматривает, кого взять с собой.

Если покойник глядит одним глазом – высматривает другого.

Когда человек умирает с открытыми глазами, то говорят, что в этом доме будет еще покойник.

Если гроб не в меру велик, быть еще покойнику в доме.

Если могила, приготовленная для покойника, по какой-либо причине окажется больше мерки, снятой с покойника, то это означает опять скорого покойника в доме.

Если у покойника тело вялое, мягкое, то быть в доме еще одному покойнику.

Если забыть гробовую крышку в том доме, откуда вынесли покойника, то это предвещает в скором времени другого покойника в этом же доме.

Если после того, как со двора вынесли покойника, забудут закрыть ворота, то в ближайшее время умрет еще кто-нибудь из членов семьи.

Если могила обваливается, то следует ожидать другого мертвеца из того же дома, причем если могила обваливается с южной стороны, то умрет мужчина, с северной – женщина, с восточной – старший в доме, с западной – дитя.

- в разновидности гравитатива либо аутомортуатива:

Если гроб не входит в могилу и ее приходится расширять, то это значит, что либо земля не хочет принимать грешника, либо вслед за погребенным скоро придется хоронить и нового покойника, его родственника.

- в разновидности либератива / гравитатива:

Если, копая могилу, могильщики случайно попали на старую, где уцелели кости, то новый покойник благополучно начинает загробную жизнь и не будет «являться» и «беспокоить» оставшихся в живых родственников; но это же приобретает совершенно другое значение, если могильщики роют могилу на заведомо известном старом захоронении.

Тематический круг поверий-примет, определяемый тем или иным положением умершего, за которым стоит подключаемое к этому отношение к смерти как агентной сущности и как к мертвому, проявляющему себя, в том числе в мертвящем и умерщвляющем, действии на живое, соотносится с тем, что также будет иметь свое отношение к мертвому, но не через умершего, а по другим основаниям.

Представим в таком же дифференцирующем по признакам распределении два из них на примерах. То, что можно определить в виде действия и проявления того света в этом, понимая под этим отношение к собственной смерти и отношение к смерти других. И то, что будет касаться знаков смерти, воспринимаемых по каким-либо признакам. Исходя из проявленных признаков для двух указанных оснований, можно будет подойти к обобщению, которое позволит увидеть системный, парадигмальный, характер рассматриваемого явления – предметного мира поверий-примет, касающихся заявленного в заглавии проживания смерти.

Смерть и мертвые для живого

– Кондициональностный мортуатив. Соблюдение при жизни определенных условий обеспечивает достижение после смерти необходимо-желательного (для себя) состояния.

CondMort

- проективный – *Proj(CondMort)*
- эмотивно-конституирующий
- в разновидности либератива:

По представлениям раскольников, кошек нельзя бить, тогда в знак дружбы они снабдят на том свете своими когтями, с помощью которых легче будет влезть в царствие небесное (по крутой горе).

Кошку нельзя убивать, так как она первая на том свете встретит хозяина.

- в разновидности гравитатива:

О душах самоубийц думают, что они все идут к дьяволу, про самоубийц говорят: «Душу дьяволу отдал».

– Контагиозный мортуатив. Взаимодействующие, контактирующие отношения с умершими.

ContMort

- проективный – *Proj(ContMort)*

- эмотивно-конституирующий

- в разновидности либератива:

В скрипучем дереве томится душа умершего, которая как бы просит прохожего помолиться за упокой своей души, что обязан сделать каждый; если под таким деревом уснуть, то во сне можно увидеть мученика, спрятанного в этом дереве, и узнать от него его историю.

На могилу самоубийцы сыплют несколько пшеничных зерен и смотрят издалека: если птица не станет клевать тех зерен, то не надо и поминать покойника, исключая субботы Дмитриеву и Всех Святых; если же видят, что птица клюет зерна, то кидают их и потом на могилу в продолжение года и даже двух и поминают умершего.

- проприативного акквизитива:

Чтобы избавиться от той или иной беды, необходимо добыть землю с семи могил праведников.

Лед не пойдет по весне, если на реке весной не утонет двенадцать человек.

Земля из семи могил с различных кладбищ ослабляет у боязливых страх перед покойниками; предохраняет от заразного покойника и болезней; не подпускает смерть к данному дому; помогает при повальных падежах скота, при этом ограждаемое животное должно быть обсыпано такой землей троекратно.

- перцептивный – *Perc(ContMort)*

- атрибутивно-констатирующий:

Если снежная вьюга продолжается несколько дней, то непременно лежит где-нибудь не похороненное мертвое тело.

На могилах злых людей вырастают дурные травы: крапива, волчец, чертополох.

На могилах праведников и жертв несчастной любви вырастают розы, лилии, боярышник.

Сильный и продолжительный ветер, особенно при солнечной погоде, указывает на насильственную и преждевременную смерть какого-нибудь человека, преимущественно утопленника или удушенника. Возмутившийся преждевременную кончиной ветер хочет выплеснуть первого из воды, а второго – сорвать с петли.

Дождь пополам с солнышком – к утопленнику либо в этот день праведный человек умер.

Звезда на небе погасла – еще один человек на земле умер.

Если звезда падает с севера на юг или с юга на север – родился кто-либо, если звезда падает с запада на восток или с востока на запад – умер кто-нибудь.

Звезды падают вот почему: на небе есть светлые звезды – праведные души и темные звезды – неправедные души; первые сталкивают последних с неба, отчего и происходит падение звезд.

Распознаваемые знаки смерти

Рассмотрим такие, знаковые в отношении ожидаемой чьей-то смерти, соотношения:

Если самовар гудит печально – к покойнику.

Свеча ясно и хорошо горит – к счастью, трещит и тлеет – к тяжелой жизни, болезни; гаснет – к близкой смерти.

Стук в доме по неизвестной причине предвещает чью-либо смерть.

Нечто происходит каким-либо образом, возможно не слишком обычным, и это свидетельствует о том, что кому-то, без указания на то, кому, следует готовиться к смерти, некто, иными словами, умрет. Не будем на сей раз входить в детали и обстоятельства, с чем это связано, почему, что и как, поскольку не это предмет предпринятых рассуждений. Обратим лишь внимание на то, что важным видится в первом случае то, как *гудит*

самовар, и то, как гудит, воспринимается, с точки зрения слушающих, что *печально*. Так это им представляется, и самовару при этом приписываются человеческие проявления, поскольку реально он так не гудит, гудит каким-то собственным образом.

Следующий пример, со свечой, уже не столь субъективен, поскольку свеча, если горит, то горит, а колья скоро гаснет, то гаснет. То и другое как предсказание – *к покойнику* и *к близкой смерти*, хотя и выражено с помощью разных слов, различать вместе с тем не приходится. Так же как и *предвещает чью-либо смерть* последнего, третьего, случая, с тем не то, чтобы важным, но и не вполне безразличным, отличим, что если самовар, с тем чтобы греть в нем воду, был запущен для этого в ход, а свечи, хотя и зажгли для не обязательно гадательной цели, гадательность все же предполагают. *Стук в доме, по неизвестной* к тому же *причине*, никем из людей, пребывающих в доме, не производился, объявление это, не зная источника, воспринимать можно как стихийно-спонтанное.

Возможны примеры иного рода, один из которых в материале источника получился единственным:

Три свечи на столе одновременно – к покойнику.

Это не что иное, как предупреждение, – три свечи не ставить одновременно на стол. Кто это знает, не сделает, а предсказание коснется не знающего либо упрямого, поступающего наперекор. В этом случае не то, чтобы выбор, но само действие будут зависеть от человека.

Основную массу примеров с указанием на ожидаемую в недалгом времени смерть, составляют примеры с домашними либо дикими птицами и животными, характер и роль которых при этом различны. Однако, опять же, не это нас будет в данном месте интересовать, а то, как проявления подобного рода организованы и что представляют собой с точки зрения разбираемой парадигмосистемы. Прежде чем к этому подойти, обратим внимание на действующую во всех этих случаях закономерность, регулярно себя проявляющую при использовании языка. Все перечисленные определения, по крайней мере, трехкомпонентны. Имеется *самовар*, который *гудит*, и это первая часть утверждения. Вторую часть составляет то, что *печально*. И третьей будет *к покойнику*.

В том, что гудит самовар, и это обычно для самовара, если в нем развести огонь, нет ничего ни нового, ни неожиданного, его гудение как таковое ничего дополнительно в себе не содержит. Содержать будет то, что *печально*, и тогда *к покойнику* – то, что именно в себе содержать. И это обычная схема передаваемых сообщений, ничем по устройству не отличающаяся от подобных других. Имеется то, что определяется в синтаксисе как исходное, или тема, и то, что по этому поводу сообщается,

как рема, или новое. Иначе это можно представить себе как некое постоянное и переменное, обозначающее и обозначаемое (с точки зрения передаваемого знака). Покажем данное положение в таких регулярно себя отражающих соотношениях:

Постоянное	Переменное сообщения	Смысл сообщаемого
<i>Грачи ></i>	<i>Прилетели →</i>	<i>Весна</i>
<i>Погода ></i>	<i>Хорошая →</i>	<i>Можно гулять</i>
<i>Самовар гудит ></i>	<i>Печально →</i>	<i>К покойнику</i>

Возможны, не всегда экспликативно отображаемые, но с точки зрения смысла в себе содержащие, большее число компонентов, семантика сообщения (или воспринимаемого знака) тогда распадается на то, что можно представить как содержание и следствие его для кого-то:

Постоянное	Переменное	Содержание	Следствие
<i>В дверь ></i>	<i>Позвонили →</i>	<i>Кто-то пришел</i>	<i>Надо открыть</i>
<i>На улице ></i>	<i>Дождь →</i>	<i>Можно промокнуть</i>	<i>Надо взять зонтик (если куда-то идти)</i>

В том, что *открыть* или, напротив, *не открывать* при каких-то возможных случаях, содержится, в отношении следствия, элемент непрерывного реагирования, необходимо каким-либо образом отреагировать на звонок. В то время как положение с зонтиком будет ситуативно, с расширением (в скобках, *если куда-то идти*). И ежели не идти, то подобного реагирования в своем следствии не предполагать. С перенесением данного положения к материалу поверий-примет, можно видеть нечто аналогичное, что, впрочем, как и в примерах с дождем и звонком, вербального отображения, как правило, не находит.

В примерах с предсказанием в воспринимаемых знаках чьей-либо смерти также можно представить внутренне четвертый не объявляемый компонент: коль скоро кому-то смерть, то к смерти кого-то надо готовиться, настраивая себя соответствующим образом, представляя, возможно, кого это может затронуть из проживающих в доме.

С точки зрения смысла три и четыре представленных компонента передаваемого в сообщении раскладываются на две составляющих, одну из которых (включающую первое и второе, постоянное и переменное, тему и рему одновременно) можно воспринимать как часть констатирующую, или часть означающего, с точки зрения знака, а другую – как часть означаемого, или консеквативную. На основе приведенных примеров с повериями выглядит это следующим образом:

Констатирующая	Консекутивная часть
<i>Самовар гудит печально →</i>	<i>к покойнику</i>
<i>Свеча гаснет →</i>	<i>к близкой смерти</i>
<i>Стук в доме по неизвестной причине →</i>	<i>чья-либо смерть</i>
<i>Три свечи на столе одновременно →</i>	<i>к покойнику</i>

Посмотрим теперь на все это с еще одной стороны, постаравшись увидеть, в распределении по группам, различный характер для констатирующей части, т.е. в том, что можно считать означающим. Консекутивную часть для означаемого рассмотрим отдельно, прежде всего по той очевидной причине, что с точки зрения отношения к констатирующей она не прямо, если вообще, составляет нечто последовательно себя повторяющее, – предсказывается смерть для кого-то, без указания на то, для кого. Оттолкнемся в предлагаемых распределениях, с учетом предмета исследования, от того, каким незаметно внутренним образом способно то, что применительно к смерти произойдет, воздействовать на предмет, будь то неодушевленный либо одушевленный, в результате чего тот себя проявляет для наблюдателя, представляясь в отмеченном в материале виде. Из чего можно будет впоследствии предположить, в каких-то подобное допускающих случаях, что, применительно к смерти, способно так или как-то иначе в воспринимаемых знаках себя объявлять.

– Конгруэнтный мортуатив. Объявление смерти согласуется с представлениями о ней с точки зрения и с позиции человека, того, что с ней связано и какую реакцию в типичных случаях вызывает. В известном смысле это мортуатив впечатления (и импрессива).

CongrMort

- эмотивного импрессива (предполагающий соответствие того, что воспринимается в знаке, эмоциональному состоянию, связываемому со смертью кого-то из близких, – слово, передающее это, подчеркнуто)

Если самовар гудит печально – к покойнику.

[Собака] воет, опустив морду к земле, или яму роет – к покойнику, иногда – к собственной гибели. (Во второй знаковой части, при или, следует говорить о проявлении перцептивного импрессива в разновидности обсервативного атрибутива, см. след. параметр)

- перцептивного импрессива (предполагающий соответствие типично интерпретируемому восприятию умирания-смерти)

Свеча ... гаснет – к близкой смерти.

Если петух умрет, то в доме случится какое-либо несчастье: или случится пожар, или кто-нибудь в доме умрет, или для всего семейства год будет тяжелым.

Кто увидит весной первую лягушку пузом вверх, тот в этом же году увидит в своем доме мертвеца.

Если зимой деревья гнутся под тяжестью опавшего на них снега или инея, если их ветки обламываются, то в том же году следует ожидать высокой смертности среди людей; причем если гнутся и валятся преимущественно молодые деревья, то и смертность коснется исключительно детей, а если взрослые деревья, то умирать будут взрослые.

- в разновидности обсервативного атрибутива (наблюдаемое соответствует признаку, связанному с покойником либо смертью)

Если кошка лежит на столе, то это не к добру, кто-нибудь из семьи умрет.

У курицы в ногах волочится соломина – к покойнику.

Если весной через дорогу размоет много канавок, то будет много покойников.

- в разновидности директивного локатива:

Если свинья выроет яму перед чьим-нибудь домом и будет лежать в ней с головой, обращенной при этом в сторону кладбища, то в этом доме следует ожидать мертвеца.

Собака роет яму перед окном – к покойнику.

В какую сторону воют собаки – в той стороне быть пожару или покойнику: если перед домом – в доме.

Если ворона долго сидит на доме и при этом каркает с наклоненной в сторону кладбища головой, то это пророчит дому скорого покойника.

Если крот стал рыть землю в доме, то в этом доме следует ожидать покойника.

Если паук спустится на пороге – к умершему.

Когда филин прилетит на кровлю чьего-нибудь дома и станет кричать, то кто-нибудь из этого дома вскоре умрет или случится с ним другое несчастье.

- в разновидности обсервативного перфоратива (наблюдаемое предполагает пробой, прорыв, проникание, нарушение того,

что обычно целое, и это, как впечатление, видится следствием действия ожидаемой смерти)

Если в выгребном из печи угле замечается сквозная дырочка, то в доме следует ожидать мертвеца.

Если собака разобьет окно изнутри дома, то неприятностей нужно ждать в самом доме, например кто-либо безнадежно заболеет или умрет.

Если мебель трескается или лопается, то это предвещает смерть.

Если в потолке жилого дома покоробится доска, это предвещает покойника в доме.

- в разновидности обсервативного итератива (нечто наблюдаемое служит обоснованием для повторения ожидаемой смерти)

Уголек из кадила выпал во время каждения около покойника – скоро другой будет.

- Адвентивный мортуатив. Объявление смерти предполагает представление о ней как приход, себя обнаруживающий в предупреждающих знаках.

AdventMort

Стук в доме по неизвестной причине предвещает чью-либо смерть.

Ворон на крыше дома – к покойнику или к разорению.

[Ворон на крыше дома] три раза прокаркает – к смерти.

[Ворон] на церкви каркает – быть покойнику.

Если дятел долбит стены жилых строений, то нужно ожидать смерти одного из членов семьи.

Дятел мох долбит на избе – к покойнику.

Если заяц забежит в какое-нибудь людское строение и прокричит там, то хозяева должны ожидать мертвеца.

Если вблизи дома часто и подолгу кричит иволга, то быть в доме покойнику.

Если кукушка закукует после заката солнца, находясь в деревне, вблизи какого-нибудь дома, сидя на хозяйственном строении, и в особенности на жилой избе, то в скором времени здесь следует ожидать покойника.

Если ласточка влетит в дом через окно, а вылетит через дверь, то быть в доме покойнику, так как ласточка на своих крыльях принесла смерть и оставила ее в доме.

Летучая мышь залетит в комнату – быть в доме покойнику.

Мыши обувь изгрызут или одежду (платье) – к смерти.

Если сова повадилась прилетать к дому и кричать вблизи, то это к покойнику

Если кричит филин, особенно когда садится на крест церкви, то в том приходе умрет кто-нибудь из священнослужителей.

- Сигнализирующий мортуатив. К этой группе относятся знаки, с представлениями о смерти прямо не связанные и по внешнему виду не мотивированные, определение смысла которых необходимо искать в укрытых, возможно утраченных, впечатлениях коллективного знания, что не входило в задачу, не составляя предмет рассмотрения.

SignMort

Три свечи на столе одновременно – к покойнику.

Дятел вообще означает покойника и разорение.

Сверчок пролетел по избе – к смерти либо к пожару.

Если хлебный нож вдруг выпадет из рук во время нарезания хлеба и воткнется лезвием в пол, то в доме нужно ожидать мертвеца.

- Пертурбативный мортуатив. Предсказание смерти основано на нарушении привычного распорядка вещей. То, что делается и себя объявляет, не соответствует норме, переворачивая, обращая ее.

Perturb(Mort)

- проективный – *Proj(PerturbMort)*

Курица поет петухом и ноги у нее холодные – к несчастью, к покойнику. Во второй части примера, с ногами, следует говорить о проекции перцептивного импрессива, т.е. соединении признаков. Из чего будет следовать, что у курицы, запевшей вдруг петухом, ноги должны быть холодные, сомнительно, чтобы одно без другого себя могло проявить.

Если в дом в растворенное окно влетит голубь – к несчастью: либо кому-нибудь в доме умереть скоро, либо быть пожару.

Если крысы визжат, бегают и возятся под полом, то это предвещает смерть кому-нибудь или несчастье.

Если лягушка квакает в избе, на значительной глубине от пола, в доме следует ожидать покойника, особенно если та же лягушка выползет и станет прыгать по избе.

Мыши возятся, бегают и визжат под полом – к смерти или к несчастью.

Если в окно бьется дикая птица, то в доме будет убыль: умрет человек или скотина.

Дикая птица, залетевшая в окно, предвещает покойника или большое несчастье.

- в разновидности темпоратива (нечто, происходящее в необычное время, предполагает смерть)

Если петух пропоет днем в двенадцать часов – к покойнику.

Муха зимой в доме – к мертвецу.

- в разновидности темпорально-обсервативного итератива (нечто наблюдаемое в необычное время служит проекцией неоднократности ожидаемой смерти)

Вторичное цветение вишен в одном и том же году пророчит смертность в тех семьях, члены которых ели плоды с этих вишен, или смертность в этой округе.

- перцептивного импрессива

Если во дворе одновременно издохнут петух и курица, то кто-нибудь умрет.

- в разновидности обсервативного атрибутива

Кто увидит у змеи ноги, тот умрет в тот же год.

То, что касается второй, объясняющей, консекутивной, части и, соответственно, означаемого, возможным видится говорить о различии в указательной определенности (реже) и неопределенности (чаще):

- указательной определенности
- в отношении временного предела – (*умрет*) в тот же год, в этом же году (*увидит в своем доме мертвеца*)
- в отношении состава (группы) – *смертность коснется исключительно детей, умирать будут взрослые*
- по объекту – *тот (умрет, кто увидит у змеи ноги)*
- неопределенности, но в каких-то пределах
- в доме и, тем самым, в границах совместного проживания тех, кто связан кровно-семейными узами, – *кто-нибудь (умрет), к мертвецу, к покойнику, предвещает покойника, в доме следует ожидать покойника, в доме нужно ожидать мертвеца, предвещает чью-либо смерть,*

к смерти, быть покойнику, нужно ожидать смерти одного из членов семьи, хозяева должны ожидать мертвеца, быть в доме покойнику, в скором времени здесь следует ожидать покойника, предвещает чью-либо смерть, к близкой смерти (кого-то в доме), в этом же году увидит в своем доме мертвеца (кто увидит весной первую лягушку пузом вверх), кто-нибудь из семьи умрет, в этом доме следует ожидать мертвеца, в этом доме следует ожидать покойника, к умершему, предвещает смерть, предвещает покойника в доме, скоро другой будет (покойник)

- среди членов определенных семей – смертность в тех семьях, члены которых ели плоды с этих вишен
- места охвата – смертность в (этой) округе, в том приходе (умрет кто-нибудь из священнослужителей)
- временного предела – в скором времени (здесь следует ожидать покойника), к близкой смерти (кого-то в доме), (кому-нибудь в доме умереть) скоро, (кто-нибудь из этого дома) вскоре умрет, скоро другой будет (покойник в доме)
- неопределенности в отношении выбора
- по объекту – умрет человек или скотина, умрет кто-нибудь из священнослужителей
- по происшествию – быть пожару или покойнику
- в доме – к несчастью: либо кому-нибудь в доме умереть скоро, либо быть пожару, смерть кому-нибудь или несчастье, к смерти или к несчастью, к смерти либо к пожару, к покойнику или к разорению, или случится пожар, или кто-нибудь в доме умрет, или для всего семейства год будет тяжелым, быть пожару или покойнику (в доме), кто-нибудь из этого дома вскоре умрет или случится с ним другое несчастье, кто-либо безнадежно заболеет или умрет
- неопределенности как таковой – следует ожидать высокой смертности среди людей, будет много покойников, покойника и разорение

Как нетрудно заметить, и это вполне объяснимо, наибольшим числом представлены группы, касающиеся ожидаемой смерти в доме. Это, с одной стороны, наиболее ощущаемый в переживании смертного состояния ориентир, а с другой, то, что видится как актуализируемый в своем проявлении, направленный со стороны смерти, приход. Смерть приходит, в первую очередь, в дом, за кем-либо, проживающим в доме. И это служит дополнительным указанием на ее появление как агентной сущности.

Говоря о смерти в таком повороте, стоит еще раз затронуть вопрос о ее проявлениях, точнее, о том, что касается ее восприятия. Применительно к смерти как таковой это будет ее приход, появление (в доме). Смерть как событие определяется в отношении тех, кто либо близок к умершему, либо вследствие положения, связи, присутствия о ней узнает. Смерть-

состояние проявляет себя для умершего, для того, с кем это произошло. И возникает еще одно возможное представление – смерть-положение, или смерть-состояние, но не применительно к одному человеку, тому, кто умер или кому умереть, а как пространственно-временной и объектный континуум в отношении определяемого в этих параметрах множества. Речь о том, что передано словами *смертность, высокая смертность, много покойников* (которых следует ожидать), *умирают будут взрослые*. Воспринимать это можно как особое, экзистенциональное по природе своей, пораженное состояние (*detrimentum*), себя проявляющее в том, что в силу каких-то причин, люди, а также нередко животные, лишаясь витальности, не живут – на протяжении какого-то времени и в пределах (обычно) какой-либо группы или пространства.

Небезразличным и показательным было бы для рассматриваемого предмета выявление характера соотношений консеквативной части с частью для нее констатирующей. Покажем это лишь на одном примере, поскольку разносторонне дифференцирующее изучение требует обстоятельности и погружения в данный вопрос.

Стук в доме по неизвестной причине предвещает чью-либо смерть.

То, что приближается к дому чья-либо смерть, следуя из того, что слышится в том же доме *по неизвестной причине стук*, предполагает соотношением не мотивируемое, спонтанное, воспринимаемое на слух, проявление чего-то такого, что, имея направленность к данному дому, входя в него и распространяясь в нем, несет с собой поражение, урон для него, определяемый далее как смерть кого-либо из живущих в нем. Параметрами будут, в распределении по словам: а) то, что *Стук*, – явление, воспринимаемое на слух, акустическое, б) то, что *в доме*, – направленность, адресатная обращенность к тем, кто в нем проживает, с) то, что *по неизвестной причине*, – потусторонность, невидимость, необъяснимость реальным и наблюдаемым положением вещей.

Связываясь с представлениями о смерти как агентной в своих проявлениях сущности, приходящей за кем-либо, нарушающей своим вторгающимся входением сложившийся (в данном доме) домашне-семейный уклад, несущей с собой поражение, с отбиранием у забираемого человека того, что составляет его в этом мире существование, – обозначенное в параметрах (а, б, с), через (с), с проекцией к (а) и обращенностью к (б) дает основание видеть то, что выражено в консеквативной части – *предвещает чью-либо* (в данном доме) *смерть*.

То, что *смерть*, следует из того, что было показано, а то, что *чью-либо*, предполагая возможный выбор для (б) и открытую к допущениям неопределенность в нем, будет связываться с представленным в (с), поскольку

потусторонность, невидимость и необъяснимость (*по неизвестным причинам*) проявляемого в стуке не дают оснований прямо и непосредственно что-либо утверждать.

И еще одно, на что стоило бы обратить внимание в связи с тем, что было выведено в данном разделе, и это касалось бы парадигматического, или системного, положения. Отвлекаясь от смерти в различных ее проявлениях и говоря о том, что имеет к ней отношение как к 'нежизни', тому, что витально-животному и экзистенциальному проявлению человека в этом мире и мире земного противостоит, определяя все это в категориальном смысле и понимании как мортуатив, представим себе его вместе с тем как предметную область, или то, что можно (в известном смысле условно) видеть как отражаемый в собственных категориях и их значениях экстенционал. Иными словами, объемный и широко представляемый «предмет», своего для себя, проявляемого в собственном интенционале, проявляемого обнаружения и существования. То есть нечто весьма обобщенное.

Оттолкнувшись от этого как от исходного, обратимся в последующем представлении лишь к тому, что нашло свое отражение в данном разделе. Видеть это, системно, без объяснений и иллюстраций, можно было бы следующим схематическим образом. Мортуатив (в разделе) проявил себя в двух основных положениях – в отношении тех, кто связан с умершим, а тем самым, со смертью, и в отношении существующих представлений о ней. В первом случае предполагается соучастие (*партиципация*), замещение (*субституция*) и взаимодействие (*контагиозность*). И это был бы объектно-субъектный мортуатив. Во втором – обусловленность состояния (*кондициональность*), взаимодействие (*контагиозность*) и отраженные впечатления о нем (*импрессивность*), или имагинативный, воображаемый, мортуатив. Далее себя проявляют признаки, которые могут относиться как к одному, так и не к одному параметру. Представим это в виде следующей схемы:

Объектно-субъектный мортуатив

- *партиципация* (сопровождение умершего и смерти при нем)
 - инвенциональная (при встрече)
 - реагирующая / не реагирующая
 - малефикативная / бeатификативная / инкоммодативная
 - эвитатив (избегание)
 - гравитатива (утяжеления)
 - проективная (поведенческая, связываемая с проявлениями)
 - эвитативная (избегания)
 - мортуатива / аутомортуатива
 - мортуативного эмотива («смертного» отношения)
 - пургативная (очищения)

- *субституция* (замещение умершего, действия от него)
 - проективная (поведенческая)
 - конституирующая (устанавливающая)
 - локальная
 - субъектная
 - перцептивная (связанная с восприятием)
 - обсервативная (наблюдения)
 - *контагиозность* (непосредственность взаимодействия с умершим и со смертью при нем)
 - проективная
 - конституирующая
 - эмотивная (эмоционально заряженного отношения)
 - либератива (облегчения, освобождения)
 - пургатива (очищения)
 - агентности
 - эвитативная
 - аутомортуатива
 - проприатива (свойств)
 - акквизитивная (приобретения, получения)
 - проприатива
 - перцептивная
 - констатирующая
 - атрибутивная
 - аутомортуатива
 - гравитатива
 - либератива
- И м а г и н а т и в н ы й м о р т у а т и в
- *кондициональность* (обусловленность мортуативного состояния)
 - проективная
 - конституирующая
 - эмотивная
 - либератива
 - гравитатива
- *контагиозность*
 - проективная
 - конституирующая
 - эмотивная
 - либератива
 - акквизитивная
 - проприатива
 - перцептивная
 - констатирующая

- атрибутива
- *импрессивность* (отраженное впечатление о нем)
 - эмотивная
 - перцептивная
 - обсерватива
 - атрибутива
 - локатива
 - директива (направленности)
 - перфоратива (нарушения, прорыва, проникновения)
 - адвентивность (представление как о приходе)
 - сигнальность (представление как о приходе в сигналах)
 - пертурбативность (представление как о нарушающем)
 - проективная
 - обсерватива
 - темпоратива
 - итератива (повторяемости)
 - перцептивная
 - обсерватива
 - атрибутива

Повторяющиеся признаки пронизывают собой самые разные основания, с концептологической, а тем самым, и категориально-парадигматической, точек зрения вместе с тем не случайные. Позиция, которая нашла свое отражение в представленной схеме параметральных порядков, обусловлена взглядом, основанным на отношении к человеку, отсюда участвующая, замещающая, контактирующая, кондициональная и импрессивная составляющие. При восприятии того же с другой стороны возникают другие порядки и соотношения. Если взглянуть на то же самое с позиции того, что связано с широко понимаемой смертью (мортуативом), как себя отражающим, применительно к человеку, объявлением, можно представить это в виде четырех основных проявлений, которые, в свою очередь, способны определяться как категории.

Важным для мортуатива при таком повороте будет такое о нем представление, которое связывается с проникновением, вторжением, нарушением, вхождением в то, что живое и составляет витально-животный мир земного существования. Обозначить данное представление можно, для категориального отражения, как перфоративность. Далее следует говорить о способности к поражению (в аспекте витально-животного состояния) – детриментности. И через поражение при посредстве его, с предшествующим ему проникновением, – о заражении, инсертивности, не только пронизывающим собой объект поражения, но и, оставаясь в нем, начинающим его себе подчинять, делая носителем и переносчиком мортуатива. Отсюда способность, далее, переходить,

трансгрессивность, на что-то последующее и другое. Показать это можно в виде пятивалентной с своим основанием схемы:

	Поражение (детриментность)	
Мортуатив	Проникновение (перфоративность)	Способность переходить (трансгрессивность)
	Заражение (инсертивность)	

С этим связывается то, что можно видеть в проекции располагаемой деklinации, или казуса, определяемой к тому, что было названо для мортуатива агентной сущностью, в приходящей за кем-либо смертью, как за объектом, с целью лишения его жизни и забирая с собой, включая далее в это все то, что такую проекцию сопровождает. Далее и из этого, то, что предполагает для такового объекта, человека либо животного, т.е. любого жизнью наделенного существа, по мортуативу, его состояние (умирание, умирающий, умерший, как тот, в ком находится смерть). Состояние, в свою очередь, дает представление о событии (для кого-то, в их совокупности, чья-то смерть, умирание и смерть как то, что случилось и произошло). Состояния и, соответственно, события, в своей протяженности, множественности, каком-то воспринимаемом числе, определяют себя к положению мортуатива – в смертности, смертных случаях, умираниях, сюда же мор, падёж и подобное:

	Его состояние	
Агентная сущность (мортуатива)	Объект поражения	Положение
	Событие	

Все остальное из ранее перечисленного и в схеме объектно-субъектно-го и имажинативного мортуатива представленное укладывалось бы в виде проекций, соотношений и следствий в это общее, как категориальные в известном смысле значения и подзначения. Обозначенная ранее партиципация, участие, предполагающее сопровождение и отправление (демисив), следовала бы из пораженного (детриментного) состояния объекта. Субститутивность, замещенное позиционное проявление участвующих и сопровождающих в отношении умершего, предполагала бы отношение к мортуативу-событию с включением объекта, его состояния и детриментности (поражения). Контактующая, соответственно, в первую очередь,

концентрировалась на объекте с его состоянием. Кондициональная следовала бы из представления агентной сущности, способности переходить и того, что одновременно со всем этим составляет идею собственно мортюатива как иносуществования и инобытия, противоположных тому, что является существованием в этом мире и на земле. Импрессивная видится как такая, которая, связываясь с мортюативом агентной сущности, предполагает далее отношение к объекту со всем тем, что следует из него, как состояние, событие, положение, отражаясь, практически, во всех составляющих, включая проникновение, поражение, заражение, способность переходить.

Имеется еще один аспект, на который стоило бы обратить внимание в связи с тем, что было рассмотрено. Мортюатив, будучи тем, что понимается в отношении мертвого, смерти, умершего, потустороннего, т.е. нежизни, всего того, что в себе содержит ее, несет с собой, распространяет и передает, – при таком повороте определяет себя для сознания и предметного мира, о которых шла речь, в таких проявлениях:

- как то, что следует избегать, – эвитатив, *Evit*, и с этим связываемых гравитатива (утяжеления), малефикатива (неблагополучия) и нежелательных проприатива и акквизитива (приобретения свойств), не говоря, что естественно, о мортюативе в его трансгрессивности для других, равно как и для себя самого, т.е. аутомортюативе как умерщвлении;
- как то, что требует, и это следует из эвитатива, правильного поведения со стороны человека, – проектив, *Proj*, и с этим связываемых реагирования (при встрече), очищения (пургатива), облегчения состояния умершему (либератив), эмоциональной настроенности (эмотив), агентного соучастия;
- как то, что отражает себя в воспринимаемых, видимых, слышимых, чувствуемых, переживаемых проявлениях, – перцептив, *Perc*, и с этим связываемых значений конституирующей, локальной, директивной, перфоративной, адвентивной, сигнальной, пертурбативной, темпоративной, итеративной, субъектной, обсервативной, констатирующей, атрибутивной определенности из ранее выведенных и перечисленных.

Указанные три основания в соединении и сочетании с проекциями следующего из них состава находят свое отражение как в материале, так и в предметном мире поверий-примет. В предметном мире как в концептуально-парадигматическом, так и реализуемом в формах отображении. В исследованном материале в самых различных соотношениях и связях, обусловленных не только ситуативно-контекстуальным и прагматическим применением, но и наставляющим, ориентирующим, передающим необходимые знания, а тем самым, и мировоззренческим и онтологическим образом. То и другое и было предметом предпринятого в данном исследовании рассмотрения.

Литература и примечания

¹ При немалом количестве многообразных исследований, посвященных проблематике смерти в народной культуре, работ, специально затрагивающих данное положение в повериях и приметах, не обнаруживается, хотя сам этот материал нередко привлекается, наряду с другими источниками, в качестве иллюстраций нередко. В данном месте, как обобщенном и неконкретном, не видится смысла указанные исследования перебирать, отнесение к ним получит свое разрешение впоследствии, в связи с акцентирующим направлением рассуждений. Вместе с этим стоит в самом начале обратить внимание на то, что сведения эти у самых разных авторов и исследователей особым многообразием не отличаются, повторяясь в своей основе и разрабатываясь в контексте привлекаемых примеров, что, впрочем, не удивительно, поскольку характер народных воображений о смерти не безграничен и определен. Сохранившихся воображений, что следует добавить, в существующем материале, каковым, по источникам, помимо рассматриваемых нами поверий с приметами, являются сказки, загадки, пословицы, поговорки, легенды (в том числе этиологические рассказы), сказания, былички (мифологические рассказы), заговоры, всевозможного рода народные повествования, текстовые сопровождения в обрядах (погребальном в первую очередь), широко и узко понимаемые верования, находящие свое отражение в обычаях, ритуалах и пр. Исследования, связанные со славянскими, а также русскими (народными), представлениями о смерти отталкиваются в своих положениях от этих источников, извлекая необходимый для выведения соответствующих сведений подтверждающий материал.

² Литература о колдунах весьма обширна. О посмертной способности ходить, не только нарушая мир и покой живых, но и умерщвляя их (что не следует смешивать с вампирами, в славянском мире упырями, питающимися кровью и тем умерщвляющими, хотя такими способностями наделяются в разных локальных традициях и колдуны), говорится обычно в контексте так называемых ходячих покойников. Исходя из того, что «Колдуны и ведьмы наделяются признаками принадлежности к двум мирам (этого мира и потустороннего), испытывают к себе противоречивое отношение социума, но при этом обладают особым статусом как люди, владеющие сверхъестественной силой и сакральными знаниями», необходимо, как следствие, предположить, что их «неумирание», в том числе физическое, определяясь признаками данной принадлежности, существенным образом отличает их хождение после смерти от такого же хождения других. Отличает, в первую очередь, экзистенциально, а тем самым, по характеру способности, по назначению, по цели и мировоззренческому существу. Не будем, однако, развивать указанное положение, не бывшее предметом рассмотрения, попутно лишь отметив его. (Приведенная цитата из работы: Н.В. Анисимов, *Колдуны и ведьмы в мировосприятии современной удмуртской деревни*. [В:] *IV Всероссийский конгресс фольклористов*, т. 2: *Многообразие фольклорных традиций: история и современность*.

Сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. Ред. А.Б. Ипполитова. Москва: Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова, 2019, с. 254; разрядка моя – П.Ч).

То, что касается умершего и приходящего затем после смерти своей колдуна, об этом находим у М.Н. Власовой под названием «ЕРЕТИК (ЕРЕТИК ЖЕЛЕЗНОЗУБЫЙ, ЕРЕТИК ЛЕСНОЙ), ЕРЕСТУН, ЕРЕТНИК – колдун; дух, тень умершего колдуна, знахарь, встающий из могилы; выходящий из могилы мертвец; злой дух, чудовище; нечистая сила». И далее, с опорой на такие свидетельства: «Еретиками и еретицами в тех же районах России [арх., перм., вятск., олон., симб., тульск., сиб.] именовали умерших колдунов и колдуний (или даже исключительно покойников-колдунов и колдуний – в отличие от живых колдунов). Еретики-покойники и еретицы-покойницы сходны по описаниям с упырями и вурдалаками. «Один и тот же человек – кудесник, знахарь и порчельник – называется в жизни колдуном, а по смерти, если бы он заходил по ночам и стал бы есть людей, – что бывало на веках, – еретиком» (Арх.). Еретик – «умерший колдун, знахарь, встающий из могилы в полночь и шатающийся до первых петухов. Простой народ верит, что еретики, вставая из могилы ночью, не могут, однако же, ходить... но скачут» (Ю. Сиб.). ... наделенные сверхъестественными силами, способностями колдуны сохраняют их и после смерти: они не оканчивают свое существование, но продолжают «жить». ... Облик «встающих по смерти» колдунов, в общем, повторяет облик живых, лишь обряженных в «смертную» одежду людей. ... В Сибири, Поволжье, на севере России, в некоторых других районах еретиками, наряду с покойниками-колдунами, именуется и вообще все беспокойные, вредящие мертвцы, которые выходят из могил: еретик – это который помрет, а затем ходит (Забайк.)». (М.Н. Власова, *Новая АБЕВЕГА русских суеверий*, Санкт-Петербург: Северо-Запад, 1995, с. 85, 86) Представления о ходящем колдуне после смерти, способном вредить и не только вредить, как не умершем, но продолжающем «жить» (не только, что стоит добавить, колдуне или знахаре, но и вредящем живом мертвце), различаясь регионально в названиях и определениях, совпадая и не совпадая с представлениями о вурдалаках и упырях, в общем и целом довольно устойчивы и характерны для многих районов России. Приведем еще одно замечание в том же ряду: «Упырь – «заложный» покойник, чаще всего умерший колдун, он встает по ночам из могилы и поедает людей или высасывает из них кровь». (Е.Е. Левкиевская, *Мифы русского народа*, Москва: Астрель, 2010, с. 221)

Вместе с тем это верование не российское в его исключительности. О ходячих покойниках и покойниках-колдунах, в том числе опираясь не только на севернорусский, но и южнославянский (сербский, болгарский), закарпатский и др. материал, пишет Л. Раденкович, „Ходячий” покойник в духовной культуре славян. [В:] *Slavische Geistes-kultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen. Teil 1. Славянская духовная культура: Этнолингвистические и филологические исследования. Часть 1. Zum 90. Geburtstag vom N.I. Tolstoj. К 90-летию со дня рождения Н.И. Толстого, Вена 2013, с. 141–144 и след. И с опорой на тексты Полесского архива института славяноведения РАН: «Колдун ходит после своей смерти (...Ведьмы и колдуны после смерти становятся «ходячими» покойниками)». (*Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века*, т. I: *Люди со сверхъестественными свойствами*. Сост. Л.Н. Виноградова и Е.Е. Левкиевская, Москва: Языки славянских культур, 2010, с. 259)*

В связи со сказанным уместным видится также такое замечание: «Оценка «чужих» как враждебных и опасных существ восходит к архаическим верованиям о том, что все пришедшие извне и не принадлежащие ближайшему сообществу люди являются представителями иного мира и обладают сверхъестественными свойствами» (О.В. Белова, *Свой – чужой*. [В:] *Славянские древности: Этнолингвистический*

словарь. Под общ. ред. Н.И. Толстого, Москва: Международные отношения, т. 4, 2009, с. 581; разрядка моя – П.Ч.). Из чего бы следовало, что и колдуны (а также ведьмы), как враждебные и опасные, а потому «чужие» и представители иного мира, обладают сверхъестественными способностями, позволяющими им в том числе «ходить – не умирать», а тем самым, и особым образом относиться к своей смерти, а точнее находиться в ней. Приводимые в тексте нашей работы сюжеты у А.Н. Афанасьева это, без сомнения, подтверждают. К этому небезразличным видится добавить и его известное исследование предмета (хотя без хождения): А.Н. Афанасьев, *Славянские колдуны и их свита*. Москва: Директ-Медиа, 2014, а также Н. Сперанский, *Ведьмы и вдовство. Очерк по истории церкви и школы в Западной Европе*. Москва: Типо-литогрфия Т-ва И.Н. Кушнеревъ и К^о, 1906; Н. Будур, *Повседневная жизнь колдунов и знахарей в России XVIII–XIX веков*. Москва: Молодая гвардия, 2008; О.Б. Христофорова, *Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России*. Москва: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2010 (там же см. литературу вопроса); О.И. Тогоева, *Узнать врага в лицо. Иерархия ведьм и колдунов в «Демонии» Жана Бодена*. [В:] In Umbra: *Демонология как семиотическая система*. Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова, Москва: Индрик, 2014, с. 17–40.

Говоря о хождении умерших, следует иметь в виду лежащий в основе подобных представлений и их определяющий принцип, по своему характеру концептологический. Четко и ясно определяет это в своей книге А.Я. Гуревич: «...в мире ином в определенных случаях оказываются лица, которые умерли лишь на краткое время и затем возвращаются к жизни. Временно скончавшиеся, живые или ожившие мертвецы, загробное существование которых не имеет ничего общего с вечным сном и покоем...». И следом далее: «Между жизнью и смертью существует ряд градаций и переходов, и подобно тому, как есть души «совершенно добрые», «не вполне добрые», «не вполне злые» и «совершенно злые» (и соответственно участь на том свете каждой из этих категорий особая), так приходится предположить наличие среди людей наряду с вполне живыми и совершенно мертвыми не вполне живых и не вовсе умерших... Эти градации подчас оказываются текучими и неопределенными». (А.Я. Гуревич, *Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства*. Москва: Искусство, 1990, с. 151)

Вопрос о хождении покойников разных категорий (исходя из характеристики А.Я. Гуревича) затрагивается, попутно или прямо, у очень многих авторов. Назовем только некоторые, наиболее характерные, среди других: Е.В. Бобылева, Н.Н. Миргородская, *Народные рассказы о приходе покойника*. [В:] *Традиции в фольклоре и литературе*. Санкт-Петербург, 2000, с. 253–274; С.М. Толстая, *Полесские поверья о ходячих покойниках*. [В:] *Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы*. Москва: Индрик, 2001, с. 151–205; Е.Е. Левкиевская, *Полесские представления о «ходячем» покойнике*. „Живая старина”, 2013, № 1, с. 33–35; В.А. Черванева: *Как покойник «ходит»? Из наблюдений над лексикой физического восприятия в мифологическом тексте*. [В:] In Umbra: *Демонология как семиотическая система*. Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова, Москва: Индрик, 2014, с. 315–340; Т.В. Цивьян, *Сюжет «приход мертвого брата» в балканском фольклоре (К анализу сходных мотивов)*. „Труды по знаковым системам”, VI (308), Тарту, 1973, с. 83–105; М.Д. Алексеевский, *Мотив оживления покойника в северно-русских поминальных причитаниях: текст и обрядовый контекст*. „Антропологический форум”, 2007, № 6, с. 227–262; М.П. Ногавицына, *Образ «ходячего» покойника в быличках жителей старообрядческих поселений Кельмезского района Кировской области*. „Вестник Вятского государственного университета. Филология”, 2014, с. 197–201; Л. Раденкович, „Ходячий” покойник..., с. 141–144 и след.; А.К. Байбурын, *Тоска и страх в контексте похоронной обрядности (к ритуально-мифологическому*

подтексту одного сюжета). [В:] *Труды факультета этнологии*. Санкт-Петербург 2001, с. 96–115; С.М. Толстая, *Мир живых и мир мертвых: формула сосуществования*. „Славяноведение”, 6, 2000, с. 14–20.

Как отмечает Е.Е. Левкиевская, говоря о такой разновидности ходячих, как «заложные» покойники, они «доживают за гробом положенный им при рождении срок, то и дело скитаясь среди живых в своем прежнем облике». (Е.Е. Левкиевская, *Мифы русского народа...*, с. 212) Отдельные замечания о том же встречаются в работе: С.М. Толстая, *Славянские мифологические представления о душе*. [В:] *Славянский и балканский фольклор*. Народная демонология. Москва 2000, с. 52–95 (на с. 63–64). Хожение покойников «расценивается как опасная и угрожающая миропорядку аномалия», отмечается ею в еще одной работе. (С.М. Толстая, *Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале*. [В:] *Концепт движения в языке и культуре*. Москва: Индрик, 1996, с. 97) Многочисленные замечания о ходячих покойниках в связи с различием их происхождения см. также в работе: О.А. Седакова, *Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян*. Москва 2004, с. 40, 46, 48, 49 и др.

³ Касаясь вопроса о мертвых, в их отношении к живым (в первую очередь) и характере контактных взаимодействий с ними, поскольку об этом говорится в рассматриваемых сюжетах у А.Н. Афанасьева, необходимо иметь в виду, с одной стороны, то, что в целом затрагивает представления о мире мертвых в его противопоставлении миру живых, а с другой, дифференцированно различный характер самих умерших, существующие в народной культуре представления об их видах, категориях и формах. В научной литературе вопрос этот достаточно хорошо разработан, а соответствующие свидетельства можно встретить у многих авторов, со ссылками как на предшественников, так и на лингвокультурологический, фольклорный, мифологический, обрядово-ритуальный и иной материал (обычаев, правил, верований, сказаний, народных рассказов, повествований и пр.).

Попробуем, хотя это задание весьма не простое в силу многообразия положений-свидетельств, представить все это в концептуально определенных группах. Первое, на что следует обратить внимание, это на сходство, с одной стороны, и, при сходстве, обратность, можно было бы говорить противоположность, противопоставленность, с другой стороны, мира мертвых миру живых. Во многом из этого следует сложный характер определяемых между мертвыми и живыми взаимодействий, который предполагает как направление от мертвых к живым, так и в противоположную сторону, от живых к мертвым. То и другое при этом оказывается отнюдь не симметрично (что непосредственно связывается и с упомянутыми различиями категорий умерших).

Общие сведения о мире умерших в сопоставлении с миром живых см., к примеру, в таких работах: Г.С. Виноградов, *Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилородного населения Сибири*, Иркутск 1923; Н.Н. Велецкая, *Языческие представления о смерти и вечности*. [В:] Она же: *Языческие представления славянских архаических ритуалов*, Москва: Наука, 1978, с. 9–30; В.И. Еремина, *Языческие представления славян о смерти и посмертном существовании (по фольклорным и этнографическим данным)*. [В:] Она же: *Ритуал и фольклор*, Ленинград: Наука, 1991, с. 18–39; П.Ф. Лимеров, *Мифология загробного мира*, Сыктывкар 1998; С.М. Толстая, *Мир живых и мир мертвых...*; Н.А. Криничная, *Русская мифология: Мир образов фольклора*, Москва: Академический Проект; Гаудеамус, 2004 (Гл. III *На «том свете»: легенды о загробной жизни*); Е.Е. Левкиевская, *Представления о «том свете» у восточных славян*. „Славянский альманах”, 2004, с. 342–367; О.А. Седакова, *Мифология смерти и умерших и общий характер славянской языческой картины мира. Область смерти, «онный» свет*. [В:] Она же: *Поэтика обряда...*, с. 32–36, 37–38; Е.Е. Левкиевская, *Пространство потустороннего мира в народных представлениях восточных славян*. „Славяноведение”,

2006, № 6, с. 9–15; Л.А. Сафронова, *Категория жизни и смерти в славянской культуре*. „Славяноведение”, 2006, № 6, с. 3–8, и у многих других.

Об обратности мира мертвых по сравнению с миром живых упоминается у целого ряда авторов, ср., к примеру, то, что связывается с ритуальным переворачиванием, отмечающим обращение из этого мира в иной. По словам Н.И. Толстого, «Переход покойника в другой мир обозначается действием переворачивания самого покойника или предметов, так или иначе с ним связанных». И далее: «переворачивание предмета (тела) есть действие, включающееся в более широкую семантическую и семиотическую сферу действий преобразования, превращения, метаморфозы, принятия иного обличья, перехода из одного состояния в другое, наконец, в сферу общения „этого света“ с тем „тем светом“». (Н.И. Толстой, *Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде*. [В:] *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд*, Москва: Наука, 1990, с. 119, 126) По замечанию М.А. Андриуниной, «важным признаком «потустороннего» пространства является его «перевернутость» по отношению к нормальному миру живых ... на «том свете» все наоборот». (М.А. Андриунина, *Символика пространства в славянской похоронно-поминальной обрядности: этнолингвистический аспект (украинская, белорусская, западнорусская и польская традиции)*. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук, Москва 2015, с. 18). Об обратной организации сфер жизни и смерти упоминает Л.Г. Невская, *Дом в погребальном фольклоре (балто-балканские параллели)*. [В:] *Balkano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы*, Москва 1979, с. 92–95. Отмечая сходство производимых на том свете действий с теми, которые типичны для земного мира, О.А. Терновская указывает на существенное расхождение в устройстве двух миров: «Мир умерших противопоставляется миру живых во времени и пространстве, но по содержанию занятия живых и усопших идентичны». (О.А. Терновская: *Белые мухи (две жатвы)*. [В:] *Balkano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы*, Москва 1979, с. 110, разрядка моя – П.Ч.). Указывает на обратность также А.А. Плотникова, *Семантика «наоборот» в языке славянской похоронной обрядности*. [В:] *Ethnolingvistica Slavica. К 90-летию Н.И. Толстого*, Москва: Индрик, 2013, с. 92–100. Вопрос о противоположности этого мира и того затрагивает З.М. Волоцкая, *Тема смерти и похорон в загадках (на славянском материале)*. [В:] *Малые формы фольклора. Сб. статей памяти Г.Л. Пермякова*, Москва: Восточная литература, 1995, с. 245–255.

Смерть, умирание воспринимается как начавшийся для умершего переход из этого мира в мир потусторонний, что связывается с необходимостью, прежде всего, его туда проводить с соблюдением необходимых обрядов и правил, а затем, поскольку со смертью открывается вход в пространство потустороннего, произвести определенные действия для того, чтобы вход этот замкнуть, поскольку в противном случае это грозит дальнейшими смертями близким. Пишут об этом Н.Н. Велецкая, *О ритуале проводов на «тот свет»*. *Рудименты ритуала проводов на «тот свет» в традиционной обрядности. Похоронная обрядность*. [В:] Она же: *Языческие представления...*, с. 30–50, с. 50–88, 88–110; О.А. Седакова, *Погребальный обряд как обряд перехода*. [В:] Она же: *Поэтика обряда...*, с. 31–32; В.Е. Добровольская, *Суеверные представления, связанные с переходом в мир мертвых. На материале регионов Русского Севера и Центральной России*. [В:] *Славянская традиционная культура и современный мир. Сборник материалов научной конференции*, вып. 8, Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005, с. 107–119.

Интересные наблюдения в связи с отмечаемым переходом можно найти в статье С. Зохёс, *Народные представления о загробном мире в греческих и восточноевропейских традициях: случаи прохождения мытарств*. <https://www.academia.edu/35851843/> (дата

обращения: 02.06.2021): «Покойник был обязан исследовать различные миры до прибытия к своему конечному пункту назначения: Верхний мир, небесный и божественный, и мир Нижний (подземный), где размещалось мрачное и унылое пристанище мертвых душ, а также располагалась территория самой Смерти. Это загробное путешествие мертвеца должно было исследовать новый мир, изобилующий реками, озерами, воротами, тропами и мостами. Необходимым этапом пути были мытарства: они находились чаще всего в небесном пространстве между начальной точкой пребывания души (земля) и ее конечным пунктом назначения (небеса)». Обозначаемый переход, тем самым, может быть не прост и, по существующим представлениям, неединообразен.

Говоря о разделении не разделяемых миров, ибо мир живых и мертвых объективно существует в единстве, с субъективным, в отношении живого человека, различием пространства-времени (см. замечание О.А. Терновской, представленное ранее), неизменно следует иметь в виду, что вся обрядовая, ритуальная и символическая деятельность живых перед обликом покойного и его смерти имеет множественный, а точнее синкретический, характер, в котором трудно отделить одно значение от другого. Стремясь концептуально это разделить, О.А. Седакова выделяет «три основные функциональные группы актов в [погребальном] обряде: 1. Обрядовые действия, направленные на разрывы границы жизнь / смерть. Цель их – помощь умершему в достижении *онного света*. 2. Обрядовые действия, направленные на восстановление, укрепление границы жизнь / смерть. Цель их – замкнуть смерть, оградить живых от ее нового вторжения. 3. Обрядовые действия, направленные на установление контакта через границу *жизнь / смерть*. Следствием этого контакта ожидаются плодородие и обилие, посылаемые из области Смерти, от «родителей» (метафора смерть – плодородие)». И отмечает это (добавим от себя) как существенное для сознания живых «пространственное представление границы между областями жизни и смерти. Все основные обрядовые акты – операции с пространством так или иначе сосредоточены вокруг этой границы». (О.А. Седакова, *Функциональная направленность обрядовых действий*. [В:] Она же: *Поэтика обряда...*, с. 79, разрядка источника)

Итак, возникает пространственное (и временное к этому) представление о границе двух взаимосвязанных и взаимодействующих миров, в связи с чем необходимо говорить как о самой этой границе, так и об отделяемых и ею связываемых вместе с тем пространствах, предполагающих взаимное проникновение, вход и выход, и переход – трансверсию, обратность, обращение и вероятность возвращения, с пересечением границы, от одного к другому, из мира живых к миру мертвых и обратно. Вопросы границы касаются многие авторы, не только в связи с отношением к миру мертвых, но и защитной границы как таковой, в позиции своего и чужого, в противопоставлении того, что вне, тому что внутри. Во всем этом можно усматривать неизменное категориальное сходство. Стоит отметить в данной связи специально посвященную этой важной проблеме работу: Л.Н. Виноградова, *Граница как особая пространственная категория в народной культуре*. [В:] *Культура и пространство. Славянский мир*. Отв. ред. И.И. Свирида, Москва: Логос, 2004, с. 19–27. Определяя границу как категорию, «с помощью которой структурируется пространство», автор отмечает: «Разделяя разные участки пространства, граница не принадлежит ни к одному из них. Она принимает на себя множество противоположных значений: ограничивает зону «своего» и обозначает соседство с «чужим»; обеспечивает непроницаемость оградительной линии и в то же время предусматривает возможность ее преодоления; обозначает качественно разные («хорошие» и «плохие») пространственные участки; сигнализирует об опасности «перехода» из одной сферы в другую. Именно эта перегруженность знаковыми смысловыми противопоставлениями придает границе особый семиотический статус «конфликтной зоны», зоны напряженных

значений, которая характеризуется свойствами лиминальности (т.е. состоянием неустойчивости, позицией «ни тут, ни там»; от лат. *Limen* 'порог') и трансгрессивности (переходности), т.е. необходимости преодоления, перехода через рубеж». (с. 243, разрядка источника) И далее: «Одно из принципиально важных символических значений понятия «граница» – это огораживание, защита «своего» пространства». (с. 246)

Вопрос границы, в том числе применительно к миру живых – миру мертвых, затрагивается в статье Н.А. Лантух, *Дом как сакральный центр и сакральная граница в русской национальной картине мира*. „Культура народов Причерноморья”, 2000, № 13, с. 129–135, автор которой, в частности, отмечает: «Порог ... Это не только граница между миром живых и миром мертвых, но и место обитания душ предков, охраняющих жилище. ... С порогом связано множество суеверий, которые основаны на мистической функции разграничения миров. ... Порог, обладая магическими свойствами границы между мирами, может отрицательно повлиять на ребенка, его здоровье и здоровье матери, не «пустить» его в этот мир или даже «забрать» мать «туда» – в мир «иной»». (с. 131, разрядка моя – П.Ч.)

О пороге как категории, а поэтому о пороговости как границе между тем и этим миром при переходе в иной мир и поэтому переходности, пишет Л.А. Сафронова, отмечая, что жизнь и смерть – это также, если не в первую очередь, пространства, отграниченные друг от друга. (Л.А. Сафронова, *Категория жизни и смерти...*, с. 3) Вместе с этим, по замечанию Л.Н. Виноградовой, граница эта «выглядит на удивление размытой, неопределенной, зыбкой, что позволяет говорить о сближении (или даже – неразличении) понятий «жизнь» и «смерть»». (Л.Н. Виноградова, *Оппозиция «живой – мёртвой» в фольклоре и народной культуре славян. Семантика традиционной культуры*. [В:] *Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. материалов научной конференции*, вып. 8. Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005, с. 95–106, <https://slavtradition.com/stati/iskaniya/1696-oppozitsiya-zhivoj-mertvoj-v-folklore-i-narodnoj-kulture-slavyan>, дата обращения: 04.05.2021) См. также в связи с пограничностью: Е.В. Рязанова, *Пограничные локусы входа / выхода в фольклорном доме*. „Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика”, вып. 4, т. 9, 2009, с. 32–37. Той же проблематике посвящена работа, хотя несколько в ином повороте: Н.В. Большакова, *Граница как примета пространства в диалектном дискурсе*. „Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки”, 2014, с. 188–194.

В философском представлении, в связи с имманентной и экзистенциальной двойственностью, следует иметь в виду, что «Граница – это опосредование, через которое нечто есть и не есть; она одна на двоих, середина между нечто и иным, в которой они прекращаются. Они имеют свое наличное бытие по ту сторону друг от друга и их границы; граница как небытие каждого из них есть иное их обоих. В границе нечто и иное тождественны, у них есть общее им обоим единство и различие». (Д.В. Пивоваров, *Пространство и граница*. „Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки”, т. 11, № 1 (2016), с. 163, разрядка моя – П.Ч.) Иными словами, и это очень важно, граница обеспечивает, делая возможным, контакт одного и другого бытия, бытия и инобытия, сама при этом бытием не являясь.

Мир потустороннего, куда переходит умерший, не вдаваясь в детали его устройства, поскольку это отдельный вопрос, важен, в контексте взаимодействий мертвых с живыми, тем, что допускает существование пограничных мест, каковым является, в первую очередь, кладбище и могилы в нем (как упомянутая ранее граница). Пишет об этом, в частности, М.Д. Алексеевский, отмечая, что исходной точкой движения (от умерших к живым) является не тот свет, а кладбище (М.Д. Алексеевский, *Мотив оживления покойника...*, с. 238) с необходимостью, при взаимодействии с умершими, раскрытия

могилы. (с. 229) См. также на ту же тему: В.Е. Добровольская, *Кладбище как место встречи живых и мертвых: правила, регулирующие взаимоотношения двух миров в традиционной культуре Центральной России*. „Slovène”, 2013, № 1, с. 111–122. И с фило-софской точки зрения: С.Н. Тесля, *Кладбище как образ жизни (опыт атеистски-структуралистской интерпретации)*. „Альманах «Фигуры Танатоса». Кладбище”, (специально посвященный кладбищу вып. 6), Санкт-Петербург: Изд-во Института Человека РАН (Санкт-Петербургское Отделение), 2001, <http://anthropology.ru/ru/texts/teslya/klobr.html> (дата обращения 06.05.2021). Как отмечает автор, «Вся погребальная символика – от обряда причащения, положения во гроб, до зарывания могилы – это полная и емкая, осязаемая и оптическая рефлексия того, что не замечается (не осязаемо и не видимо) в повседневной жизни, но присутствует в ней с момента рождения: самоисчезновение» (ср. категорию границы как бытия в небытии). И там же: «Кладбище – амбивалентная жизненная структура. Как модус жизни, оно включено в определенную «бинарную оппозицию»: как есть «правое – левое», «верх – низ», так есть «кладбище – суетность». «Самостное» отличие кладбища от суетности в том, что в пространстве отношений последней господствует самополагание, а в пространстве кладбища – рядоположение». Как локус несуетности кладбище, и это общее место, есть локус покоя, спокойствия и оставленной в своем течении неподвижности, в известном смысле застывости.

В пятом параграфе второй главы своей диссертации «*Кладбище – область иного мира на земле*» М.А. Андрунина исследует «восприятие кладбища как проекции «того света» в мире живых: кладбище с семейными захоронениями изоморфно социальной организации села; у покойников есть дома и хозяйство (могила и надгробные сооружения), семьи; они охраняют границы кладбища, ряд быличек рассказывает, что они дружат или враждуют между собой». (М.А. Андрунина, *Символика пространства...*, с. 18, разрядка моя – П.Ч.) Мир мертвых, в восприятии живых, в известном смысле повторяет их мир, тот мир, который те оставили по смерти, и это уже как бы и не граница, точнее граница для живых, за которой действует и проявляет себя мир мертвых, определяющий их существование и бытие. Кладбище есть поселение умерших, а могила, гроб – дом покойного, что прямо отмечает О.В. Никифорова (равно как и другие авторы): «Ассоциация кладбища с поселением покойников на том свете объясняет восприятие гроба как дома покойного». (О.В. Никифорова, *Лексическая объективация народных представлений о смерти в нижегородских говорах*. „Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Языкознание»», 2015, № 2 (2), с. 490)

Говоря об „инакости” „чужого” мира, I. Raikova пишет: «Описание [кладбища] напоминает „антимир” ... „пустое место”, куда прогоняют – подальше от живых людей – болезни и несчастья: „где люди не ходят и не бывают, где птицы не летают, где звери не заходят”». (I. Raikova, *Русские загадки о смерти, покойнике, погребении в межкультурном контексте*. „Slavica Wratislaviensia” CLXVII, Wrocław 2018, AUWr, No 3838, с. 40)

Кладбище, как поселение и вместе с тем контактная граница для живых в их отношении к мертвым, но и наоборот, связывается с теми, кто это место «населяет», осмысляясь, по словам М.А. Андруниной, «как «святой» и «страшный» локус, как среда обитания опасных и мстительных душ «заложных» покойников и помогающих своим живым потомкам «родителей»; как место памяти, как поселок мертвых и промежуточное место между «тем» и «этим светом». (М.А. Андрунина, *Символика пространства...*, с. 15) Его семантика, тем самым, многозначна, – это и нечто отдельное, точнее отдельное, от живых пространство, страшное и вместе с тем святое, поселение опасных, мстительных и одновременно с этим помогающих, являясь промежуточком между тем и этим миром. Из чего следует, во-первых, общее и, во-вторых, дифференцированное, различающее представление о тех, кто умер.

Говоря об этом общем, в первую очередь, следует отметить неподвижность, пассивность, а также невидимость и незаметность. Умерший, по словам М.Д. Алексеевского, присутствует и одновременно отсутствует в реальности, с этим связывается двойственный характер его отношения к живым: «С одной стороны, он остается «родным» для своей семьи и после смерти, переходя в статус предков, «родителей», с другой стороны, перемещение из мира живых в мир мертвых делает его «чужим» и потенциально опасным». (М.Д. Алексеевский, *Мотив оживления покойника...*, с. 251)

О двойственности умершего, правда несколько в другой связи, пишет и Л.Н. Виноградова, отмечая, что «Сам образ смерти и умершего человека может характеризоваться признаками с прямо противоположным значением. Характерно, что в народной терминологии смертного состояния часто используются глаголы движения: *ушел, отошел, покинул, выходит в путь, переселяется*, а в загадках о смерти встречается мотив «бега» и «погони» ... Но наряду с этим, отмеченным для мертвого человека признаком, в народной фразеологии и паремологии, является признак отсутствия движения: ср. выражения, относящиеся к покойнику, – *ноги протянул, ручки сложил, глазки встали* или поговорки типа: «С руками, с ногами, а с лавки не слезет». В фольклорных похоронных плачах оппозиция *движение-неподвижность* выступает как принципиально важная для разделения принадлежности человека либо к миру **живых**, либо к миру **мертвых**. ... По контрасту с этой множественностью, движением, эмоциями окружающих покойник один, неподвижен, нем: „не дышит, не пышет, в сухом дереве лежит“; „не пыхнет, не дыхнет, не ворохнется“, „не пищит, не визжит, не шевельнется“. По вариантам он вообще как бы слит с сухим деревом и назван окказионализмом „суходерец“: „суходерца несут“ ... Согласно мотивам похоронных плачей, наиболее заметным (наблюдаемым со стороны живых людей) признаком смерти является отсутствие движения и дыхания: дышал – стал бездыханным, был зрячим – стал слепым, мог говорить – стал безмолвным, был подвижным – стал неподвижным». (Л.Н. Виноградова, *Оппозиция «живой – мёртвый»...*)

Вместе с этим то, что касается самого умершего и видов умерших, далеко не однозначно, поскольку «покойником считается погребенный в соответствии с обрядом человек, мертвец – умерший, усопший – уснувший». (О.В. Никифорова, *Лексическая объективация народных представлений...*, с. 490) И тогда не в соответствии с обрядом – не покойник, поскольку не успокоенный, а потому, возможно, идя далее, не умерший, не до конца умерший, не усопший, не уснувший, и в этом случае «недовольный покойник начнет являться живым». (М.Д. Алексеевский: *Мотив оживления покойника...*, с. 249) К этому следует добавить еще один аспект, касающийся умерших до положенного времени, ибо «Молодой покойник представляет особую опасность для живых, так как он умер до срока, не изжив свой век и поэтому опасен». (с. 250, разрядка моя – П.Ч.) Откуда возникает представление о смерти *хорошей и плохой* (см. об этом: Л.Н. Виноградова, *Смерть хорошая и плохая в системе ценностей традиционной культуры*. [В:] *Категории жизни и смерти в славянской культуре*. Сборник статей, Москва: Институт славяноведения РАН, 2008, с. 48–56). И к этой плохой, как у Л.Н. Толстого («Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», „Анна Каренина“, самое начало), относятся различные категории и разновидности умерших «несчастливой» смертью, и с этим также представление о времени для жизни и исполнении / неисполнении его для человека.

Параметр времени, в отношении смерти, но не применительно к миру потустороннего, а, скорее, экзистенциально, входит в представленные ранее положения о пространстве (кладбище, могила, и далее церковь при кладбище на погосте, могила первого покойника, общий крест, о чем пишет М.А. Андрюнина в первом параграфе *Центральная часть кладбища* второй главы (*Пространство смерти: кладбище*) своей

диссертации: М.А. Андриянина, *Символика пространства...*). Из чего, в отношении времени, следует опасность посещения кладбища (для живых) во «внеурочное время» (М.Д. Алексеевский, *Мотив оживления покойника...*, с. 249) – как мотив необходимо правильного совмещения проекции времени к проекции пространства, что в отношении смерти и мертвых оказывается определяющим, поскольку влияет на то, что касается жизни.

Не менее важной особенностью, определяющей как мир живых в его противопоставлении миру мертвых, так и самих живых тем, кто умер, является то, что связывается с видимостью / невидимостью, а также ведомостью / неведомостью, предполагающими оппозитивное отношение света и тьмы, *белого света* царству тьмы и слепоты и, тем самым, «не-свету»: «причастность к иному миру маркируется слепотой и невидимостью». (М.В. Ясинская, *Мотивы, связанные со зрением, в похоронно-погребальной обрядности славян: этнолингвистический аспект*. [В:] *Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*, Москва 2018, с. 527, <https://inslav.ru/sites/default/files/jasinskaja.pdf>, дата обращения 06.06.2021) Невидимое связывается и обращается в то, что неведомое: «как невидимые и неведомые характеризуются и онный свет, и душа, и деда, и смерть». (О.А. Седакова, *Поэтика обряда...*, с. 38) Возникает, тем самым, еще одна погранично себя отражающая категория, связываемая с восприятием – «визуальным кодом», в первую очередь, как одним из его проявлений, по определению А.К. Байбурина (А.К. Байбурина, *Ритуал в традиционной культуре*, Санкт-Петербург: Наука, 1993, с. 204), однако не только, поскольку с восприятием, скорее, как таковым, в различных его сенсуальных способностях, и к этому также со знанием как узнаванием и распознаванием вследствие видения с обращением к ведению, что следовало бы отнести к сфере знаний, сведений и с тем когнитивности.

В силу данного обстоятельства, в отношении знания и восприятия, говорить приходится об умерших как об иносуностях, проявляющих себя, действующих не так, как живые, и обладающих, в этой и не только в этой связи, иными, по сравнению с живыми, способностями. Переходя в мир тьмы, умерший, а перед тем умирающий, нуждается в свете, иначе он теряет способность видеть что-либо там, куда отправляется, погружаясь в кромешность окружающей его невидимости, и в обретении таковой способности ему должны помочь живые, зажигая свечи и давая ему в руки одну из них (первоначально), а затем также «прочищая глаза» ему на том свете. См. подробно об этом в известной статье: Н.И. Толстой, *Глаза и зрение покойников*. [В:] *Его же: Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*, Москва: Индрик, 1995, с. 185–205. Пишет о том же, с привлечением богатого материала, М.В. Ясинская в своей диссертации *Представление о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян*. (Дисс. ... канд. филол. наук, Москва 2016), равно как и в других работах (*Визуализация невидимого: способы контакта с миром*. [В:] *Славянский и балканский фольклор. Винограды. К юбилею Л.Н. Виноградовой*, Москва: Индрик, 2011, с. 109–120; а также, хотя несколько в иной связи, но на тему видения в народной традиции и культуре: «Света белого не видеть» (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий). „Славяноведение“, № 2, 2013, с. 79–89; *Визуальная магия: магическое действие смотреть сквозь*. [В:] *Slavica Sveitlanica. Язык и картина мира. К юбилею С.М. Толстой*, Москва: Индрик, 2013, с. 191–199; *Гуманитарные аспекты*», № 1(26), 2015, с. 115–123). «По различным поверьям русских», – замечает Т.А. Новичкова, – «покойник перестает видеть или в сам момент смерти, или когда во время похорон родные бросают землю в могилу». (Т.А. Новичкова, *Русский демонологический словарь*, Санкт-Петербург: Петербургский писатель, 1995, с. 539) Сам процесс умирания, провоцируемый смертью, связывается с утратой не только дыхания,

но и видения: «В Полесье верили, что смерть приходит к умирающему в виде женщины, она постепенно разворачивает черное полотно, закрывая человеку лицо – сначала рот, затем нос, наконец, глаза, после чего человек умирает». (Е.Е. Левкиевская, *Лицо*. [В:] *Славянские древности...*, т. 3, 2004, с. 124)

В этом ряду необходимо отметить взаимно направленную необходимость взаимодействия тех и других, и из этого между ними контактов. Мертвые нуждаются в своих живых, равно как и живые нуждаются в своих мертвых. Инициатива, однако, при этом, при соблюдении необходимых правил и предосторожностей (что также предполагает определенные знания), в нормальных условиях, обычно, должна исходить от живых. Если, что важно добавить, это умершие *хорошей* смертью и к тому же *свои*. В противном случае безопасный характер и равновесие, поддерживаемое и обеспечиваемое границей миров, разделяющей и одновременно связующей их, будут нарушены. По словам С.М. Толстой, «отношение живых к миру мертвых в архаических культурах обычно определяется понятием культа предков, подразумевающим различные ментальные, ритуальные и вербальные формы почитания, поклонения и обожествление умерших. Между тем отношения двух миров не полностью укладываются в это понятие: кроме культа, в них явно присутствует страх перед мертвыми, сознание зависимости от них, стремление к поддержанию определенного равновесия между двумя мирами, в котором усматривается гарантия сохранения всего миропорядка». (С.М. Толстая, *Мир живых и мир мертвых...*, с. 14, разрядка моя – П.Ч.)

Говоря о необходимости взаимодействия-контакта, следует упомянуть, применительно к зависимости живых от мертвых, о том, что мертвые, с одной стороны, обладают знаниями, невидимыми и неведомыми для живых, а с другой, способностями, в частности влиять на атмосферные явления, также не свойственными для обычных смертных (не беря в расчет наделенных сверхъестественными умениями). Отсюда вопрошения и просьбы, обращения в поисках совета, что предполагает неизменное задабривание, с ритуально по времени отмеченным приглашением прийти и кормлением умерших, но только близких родственников, «родителей», с такой же неизменноностью их отправления обратно, т.е. проводов. Замечания об этом можно встретить у многих авторов, см. для примера: Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая, *Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: формула и обряд*. [В:] *Малые формы фольклора. Сборник статей памяти Г.Л. Пермякова*, Москва: Восточная литература, 1995, с. 166–197; Ж.В. Кормина, С.А. Штырков, *Мир живых и мир мертвых: способы контактов (два варианта северорусской традиции)*. [В:] *Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы*. Отв. ред. А.А. Плотникова, Москва: Индрик, 2001, с. 206–231; Е. Maślowska, *Ludowe stereotypy obcowania świata i zaświatów w języku i kulturze Polskiej*, Warszawa: Agade, 2016; а также упомянутые ранее: А.К. Байбурун, *Тоска и страх...*, С.М. Толстая, *Мир живых и мир мертвых...*; О.А. Седакова, *Поэтика обряда...* (гл. 3 и 4); М.Д. Алексеевский, *Мотив оживления покойника...*; Его же: *Застолье в обрядах и обрядовом фольклоре русского севера XIX – XX вв. (на материале похоронно-поминальных обрядов и причитаний)*. Дисс. ... канд. филол. наук, Москва 2005; Его же: *Покойник как символический участник крестьянской поминальной трапезы*. [В:] *Проблемы изучения фольклора и русской духовной культуры. Материалы межвузовской научной конференции. 31 мая – 2 июня 2007 года*, Орел. Сборник научных статей, Орел 2008, с. 28–34; Его же: *Поминальные трапезы на Русском Севере: пищевая код и застольный этикет*. [В:] *Традиционное русское застолье. Сборник статей*, Москва 2008, с. 118–127.

О кормлении умершего с целью задабривания с необходимостью выделения положенной ему доли общего, всем причитающегося (отсюда не только имущественное, но

и экзистенциальное единство рода), с тем чтобы не забрал он ее потом от *своих* живых: А.К. Байбурун, *Обрядовое перераспределение доли у русских*. [В:] *Судьбы традиционной культуры: Сб. статей и материалов памяти Л. Ивлевой*, Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1998, с. 78–82. О той же доли пишет О.А. Седакова: *Погребальный обряд как дележ живых с покойным. Доля умершего*. [В:] *Ее же: Поэтика обряда...*, с. 39–50 и *Ее же: Тема «доли» в погребальном обряде*. [В:] *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд*, Москва: Наука, 1990, с. 45–63.

См. также работы Г.И. Чудовой, хотя не на славянском материале, но в единстве темы: *Пища в контексте похоронно-поминальной обрядности коми (зырян)*. [В:] *Рябининские чтения 2007 (Петрозаводск, 17–21 сентября 2007 г.)*. Отв. ред. Т.Г. Иванова, Петрозаводск: Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы», 2007, с. 377–383; *Символика пищи в контексте календарной обрядности коми (зырян)*. „Вестник Удмуртского университета”, вып. 4, 2012, с. 72–79, где рассматриваются трапезы календарной обрядности, носящие умиловительный и предохранительный характер, предполагающие обращенную к умершим благодарность за урожай и приплод скота и моделирующие будущее благополучие социума. Не на славянском материале, но в том же концептологическом ключе: М.А. Текуева, Е.А. Нальчикова, *Поминальная жертва и поминальная пища в традициях народов Северного Кавказа*. „Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований”, № 33(72), 2019, с. 26–36, где «В качестве предмета изучения ... избраны формы ритуальных мероприятий у ряда народов Кавказа, связанные с приемом пищи: жертвоприношением, «кормлением» умершего, поминальной тризной, благотворительной раздачей угощения». (с. 26) Я.С. Иващенко (*Традиционные обряды кормления: морфология, семантика, эволюция*. „Журнал интегративных исследований культуры”, 2019, т. 1, № 2, с. 105–115) отмечает, что «Ритуалы кормления были направлены на решение следующих главных вопросов:

- 1) обеспечение себя продовольствием в ходе взаимного обмена дарами;
- 2) предотвращение опасности, исходящей от мертвых и других духов, получение покровительства от них;
- 3) сохранение или восстановление здоровья живых членов коллектива;
- 4) воспроизводство коллектива;
- 5) получение тайной информации как необходимого условия нормализации психологической и производственной сферы (гадание, предсказание);
- 6) регуляция сферы социального: утверждение групповой солидарности, установление родства между двумя взаимно брачующимися родами, поддержание иерархии социальных статусов». (с. 112)

Цитировавшаяся не раз М.А. Андриянина характеризует обычай ««кормить» души (*своих умерших*) каждый раз, когда пекли хлеб или блины. Привлеченные запахом горячего хлеба, души подлетают к окнам домов и входят внутрь, где им на столе и на окнах оставляют угощение». (М.А. Андриянина, *Символика пространства...*, с. 14) Вопрос о доли и контактах с мертвыми затрагивается в работе: А.Б. Коконова, *Символика хлеба в родильном и похоронном обрядах Архангельской области*. https://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/kokonova_2009_11.pdf (дата обращения: 04.06.2021), где отмечается, что «Хлеб – это и функциональный заместитель человека, и носитель продуцирующей функции, и символ доли, распределяющейся между членами социума. Это и «предмет», позволяющий контактировать с миром мёртвых (обряд подачи милостыни первому встречному), и оберег для живых».

И, наконец, в контексте верований, о смерти, мертвых и их душах, как таковых и, в том числе, неуспокоенных, умерших до времени, не своей смертью, «заложных», заблудших, блуждающих (заблудших), с определением их различных видов и категорий, в за-

висимости от обстоятельств смерти, только назовем, не погружаясь в объяснения, работы некоторых исследователей: Н. Biegeleisen, *Śmierć w obrzędach, zwyczajach i wierzeniach ludu polskiego*, Warszawa: Dom Książki Polskiej, 1930; А. Ковальска-Левicka, *Ludowe wyobrażenia śmierci*. „Polska Sztuka Ludowa”, 1986, z. 1–2, s. 23–30; А. Козiele, *Dwa oblicza śmierci w kulturze ludowej*. „Rocznik Muzeum Etnograficznego w Krakowie”, 1994, t. 11, s. 31–44; А.Ю. Стишева, *К народным представлениям о душе в погребально-поминальной обрядности Русского Севера (локальный вариант)*. [В:] *Традиционные ритуалы и верования*, Москва: Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1995, ч. 1, с. 161–197; S. Niebrzegowska: *Dusze na pokucie. Lubelskie opowieści wierzeniowe*. „Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury”, t. 9/10, Lublin 1998, s. 319–328; Л.Н. Виноградова: *Материальные и бестелесные формы существования души*. [В:] *Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой*, Москва: Индрик, 1999, с. 141–160; К. Коść: „*Śmierć drzwiami życia*”. *O śmierci i umieraniu jako metaforach życia w polskiej kulturze ludowej, na podstawie tradycyjnych wierzeń i wyobrażeń*. „Literatura Ludowa”, 2004, nr 3, s. 3–29; К.К. Логинов, *Традиционный жизненный цикл русских Вологодья: обряды, обычаи и конфликты*. Петрозаводск: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010, Гл. 10: Обряды, обычаи и конфликтные ситуации, связанные со смертью; 3. Обряды и обычаи, связанные с кончиной человека и сборами усопшего в последний путь; 4. Дневные и ночные бдения над мертвым телом и прочие приготовления к похоронам; 6. Поименование усопшего и поименования предков (родителей); Е. Maśłowska, *Ludowe stereotypy obcowania...*; I. Rzepnikowska, *Представления о смерти в сказочной и несказочной прозе*. „Slavia Orientalis”, t. LXVIII, NR 1, 2019, s. 123–135.

И о «несчастливой» смерти в разных ее видах, с обращением, в первую очередь, к известным работам Д.К. Зеленина (*К вопросу о русалках (Кульм покойников, умерших неестественной смертью, у русских и у финнов)*). [В:] Его же: *Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913*, Москва: Индрик, 1994, с. 230–300; Его же: *Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки*, Москва: Индрик, 1995; Его же: *Древнерусский языческий культ «заложных» покойников*. [В:] Его же: *Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917–1934*, Москва: Индрик, 1999, с. 17–34), см.: О.А. Седакова, *Поминальные дни и статья Д.К. Зеленина «Древнерусский языческий культ заложных покойников»*. [В:] *Проблемы славянской этнографии*, Ленинград: Наука, 1979, с. 123–130; Н.И. Толстой, С.М. Толстая, *Первый гром в Полесье. Защита от града в Полесье*. [В:] *Обряды и обрядовый фольклор*, Москва: Наука, 1982, с. 49–83; Л.Н. Виноградова, *Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян*, Москва: Индрик, 2000, с. 69–99; С.А. Штырков, «*Святые без житий*» и *забудущие родители. Церковная канонизация и церковная традиция*. [В:] *Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции*, Москва: Центр «Сэфер», Институт славяноведения РАН, 2001, с. 130–155; А.А. Панченко, «*Заложные родители*». *Смерть, память и сакральное пространство*. [В:] *Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции*, Москва: Центр «Сэфер», Институт славяноведения РАН, 2008, с. 232–259; И. Левин, *От тела к культу*. [В:] Его же: *Двоеверие и народная религия в истории России*, Москва: Индрик, 2004, с. 162–190; С.Ю. Королёва, Е.М. Четина, *Ещё раз о «заложных» умерших: народные и церковные поминальные традиции*. [В:] *Зеленинские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции (Киров, 12 ноября 2013 г.)*. Науч. ред. В.А. Поздеев, М.С. Судовиков, Киров: Герценка, 2013, с. 67–73.

То, что ««заложные» покойники доживают за гробом положенный им при рождении срок, то и дело скитаясь среди живых в своем прежнем облике» (Е.Е. Левкиевская: *Мифы русского народа...*, с. 212, цитата, которая уже приводилось, здесь она в напоми- ние), – это их общее свойство, независимо от происхождения как умерших неестественной

смертью и (возможно?) «покойных особой группы, считавшихся недостойными лежать рядом со своими родными (самоубийцы, некрещеные дети и пр.). Могилы таких покойных на краю кладбища часто воспринимались как места пребывания их неупокоенных душ и потому опасные для живых». (М.А. Андрунина, *Символика пространства...*, с. 16 (параграф *Аксиологический статус кладбищенской периферии* ее диссертации), разрядка моя – П.Ч.)

Можно ли называть таких неупокоенных *покойными*, нет ли в этом противоречия? При том, что к «заложным» относятся и русалки (также умершие до срока и не своей смертью, но вместе с тем также и *духи*, не души), и мавки, и упыри, нередко определяемые как умершие колдуны, и проч. нечистая сила. По замечанию М.Н. Власовой, в крестьянских поверьях имеются свидетельства того, что «лешие (и даже водяные, русалки) могут посещать деревни [ср. сюжеты с приходящим в деревню мертвецом у А.Н. Афанасьева, т.е. пространство это открыто – П.Ч.], проникать в дома, черти и проклятые свободно забираются в избы и уносят то, что «положено не благословясь», а домовые духи и покойники, по мнению крестьян, могут находиться в доме постоянно». И отмечает далее со ссылкой на М. Элиаде (*Космос и история*. Москва: Прогресс, 1987), говоря о небезопасных, «насыщенных трансчеловеческим присутствием», что «возникающие в них «трансчеловеческие силы и существа» двойственно влияют на судьбу человека: они необходимы и опасны, способны и помочь, и погубить». (М.Н. Власова: *Новая АБВЕГА...*, с. 20, разрядка моя – П.Ч.) Несомненно о *своих* покойниках в данном случае речь, а тогда, если они «могут находиться в доме постоянно», то действительно ли успокоены они? Не будем, однако, углубляться в данный вопрос, отнеся его к тому, что отмечается многими исследователями как неоднозначность и вариативное, в том числе и локальное, многообразие славянских традиций и верований.

⁴ См. предыдущую сноску о покойниках-колдунах, и к этому еще одно общеизвестное и регионально не ограничиваемое представление: «По поверьям, некоторые из числа умерших «не своей» смертью могут выходить ночью из могил и вредить живым, ходя по земле до первых петухов». (Волхв Велеслав, *Славянская книга мертвых*, Москва: Амрита, 2015, с. 5, разрядка моя – П.Ч.) С полуночи до первых петухов, что необходимо добавить, в темное и глухое время активного действия всякой нечистой силы.

⁵ Статья Т.В. Цивьян, *Сюжет «приход мертвого брата»...* предполагает другую историю. Умерший брат приходит за своей сестрой, отданной девятью братьями замуж на чужбину, исполняя данное (умершими братьями) прижизненное обещание и возвращая ее домой. После чего снова уходит в могилу. «Сестра стучит в дверь. Мать не узнает ее и не впускает. Сестре удается уговорить мать, та открывает дверь, выходит, они обнимаются и падают мертвыми или превращаются в птиц». (с. 85) Т.В. Цивьян определяет этот сюжет как едва ли не единственно характерный для балканского ареала. Однако, в контексте рассматриваемого предмета, видится необходимым отметить такие важные в концептуальном отношении и, несомненно, общие, положения, как 1) исполнение умершим взятого на себя прижизненного обязательства-обещания после смерти; 2) позиции родственных отношений в этой связи, типа брат – сестра, братья и пр., действующие и после смерти; 3) дверь, которую не открывают, если не узнают, кто пришел; 4) выход за ту же дверь навстречу пришельцу (мать выходит к дочери, а не впускает ее внутрь дома); 5) умерщвление их обеих при исполнении мертвым его обещания либо их превращение в птиц, что можно считать тем же самым (птица = душа умершего). Ритуально не регулируемые родственные контакты с мертвыми чреваты смертью живым, на что указывает и приводимый у А.Н. Афанасьева (361) сюжет. Живые в подобных случаях будут отмечены мертвым.

⁶ Очень древнее и универсальное представление, на что, вне всяких сомнений, указывают египетские, китайские, скифские и др. народов захоронения, предполагавшие

обязательность положений предметов (и не только предметов), необходимых покойному на том свете и обеспечивающих его благополучие там и посмертный покой.

⁷ Что и как умершими производится на том свете (не имея в виду полуночные их хождения с посещениями живых, а также перемещения в потустороннем пространстве), сложно предполагать. В литературе можно встретить на этот счет указания в том смысле, что делается и происходит там все так же, как и на этом свете, только наоборот. См. упомянутые работы О.А. Терновской (*Белые мухи...*), А.А. Плотниковой (*Семантика «наоборот»...*). О перемещениях на том свете довольно подробно см.: Волхв Велеслав, *Славянская книга мертвых...*, а также цитируемую работу С. Зохёс, *Народные представления о загробном мире...* Затрагивается этот вопрос, правда косвенно и в другой связи, в статье: Е.В. Стельник, *К реконструкции византийских представлений о смерти. Прозвище Харон в контексте фольклорной танатологии*. „Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 4. История”, 2011, № 1 (19), с. 52–58. См. также работы к сноске 2: В.И. Еремина, *Языческие представления славян...*, с. 18–39; П.Ф. Лимеров, *Мифология загробного мира...*; Н.А. Криничная, *Русская мифология...* (Гл. III *На «том свете»: легенды о загробной жизни*); Е.Е. Левкиевская, *Представления о «том свете»...*; О.А. Седакова, *Мифология смерти и умерших...*, с. 32–36, 37–38 и др.

⁸ Об этом ранее уже говорилось, см. комментарии с упоминаниями работ Д.К. Зеленина, О.А. Седаковой, С.Ю. Королевой и Е.М. Четиной, Л.Н. Виноградовой, Е.Е. Левкиевской, М.А. Андруниной, М.Н. Власовой и др. к сноске 3.

⁹ О церкви при кладбище на погосте как центре кладбищенского пространства см. М.А. Андрунина, *Центральная часть кладбища* (первый параграф второй главы ее упомянутой ранее диссертации) и там же могила – как новый дом для умершего и вход на «тот свет», с литературой вопроса. Интересно также ее замечание «о восприятии могилы как аналога тела умершего, имеющего глаза, ноги, голову». (М.А. Андрунина, *Символика пространства...*, с. 17) Однако не будем, вдаваясь в подробности, аспекты могилы и церкви при кладбище развивать, поскольку это не наша задача, лишь обратив на них внимание как на существенные. В том, добавляя, ключе, что выход умершего из могилы на кладбище, с его отмеченным в приводимых сюжетах у А.Н. Афанасьева направлением к церкви, имеет, прежде всего, моделирующий пространству граничного и населяемого мертвым характер. С перемещением мертвого в нем, по своему пробуждении, предполагающем выход, но не с того света, а из *своего* дома в *свое* село (т.е. кладбище), к церкви первоначально как неперемемному центру в нем, после чего, уже далее, в село со *своими*, опять же, живущими. Картина известного и повторяемого по ночам посещения неуспокоенных душ, не завершивших земного пути и не разрешивших в этой связи оставленных ими при жизни заданий, ищущих их разрешения в «недозволенном» и не освященном контакте с живыми.

¹⁰ *Православный словарь*. *Азбука веры* содержит такое определение: «**Херувимская песнь** – песнь, которая поется на Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого (кроме дней великого Четвертка и Великой Субботы) во время совершения Великого входа. Составлена и введена в употребление в VI в. в Византии. ... поётся вскоре после чтения Евангелия. ... Эта молитва напоминает нам, как ангельские силы на небе служат у престола Божия и основана на видениях пророков Исаии, Иезекииля. ... является как бы переходом от подготовительной части литургии к главной – ... где совершается призывание Духа Святого на дары – хлеб и вино, – сердцу, ядру и вершине Литургии. ... является своего рода музыкальным центром литургии. ... песнопение, состоящее из двух частей, которые разделяются Великим входом. Во время Великого входа Святые Дары (хлеб и вино) выносятся из боковых дверей алтаря. Священник останавливается в Царских Вратах и молится за всех, помяная Предстоятеля Церкви, епископа и всех христиан».

Первая часть песнопения: «*Да молчіт всякая плоть челове́ча, и да стоїт со стра́хом и трéпетом, и ничто́же земно́е в себѣ да помышля́ет: Царь бо ца́рствующих, и Господь господствующих, приходит заклáтися и дáтися в снeдь вѣрнымъ*». И вторая часть: «*Предхóдят же Сему́ ли́ца Ангельстии со всяким Начáлом и Вла́стию, многоочітии Херувіми, и шестокрiлатии Серафими, ли́ца закрывáюще, и вопи́юще пeсьнь: Аллилу́иá, аллилу́иá, аллилу́иá*». (<https://azbyka.ru/xeruvimskaya-pesn>, дата обращения: 08.07.2021) Разделение частей, тем самым, предполагает противоположение земного и человеческого (первой части) перед Его лицом, тому, что ангельское, исходит от ангелов, *со всяким Начáлом и Вла́стию ... ли́ца закрывáюще, и вопи́юще пeсьнь* (части второй), что и находит, едва ли не прямо, свое отражение в приведенном у А.Н. Афанасьева сюжете.

¹¹ О социально-культурном аспекте примет и связываемых с чиханием обычаев с привлечением исторического материала и ссылками на известных предшественников с указаниями работ и страниц (Я. Гримма, Э.Б. Тэйлора, А.Н. Афанасьева и др.), в контексте в том числе мировоззренческо-идеологическом, см. показательную работу: К.А. Богданов, *Чиханье: явление, суеверие, этикет*. [В:] Его же: *Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности*, Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2001, с. 181–241. «Отношение к чиханью представляет собою ... частный пример гораздо более общего вопроса об отношении к человеческому телу и, в конечном счете, к самому человеку», – замечает автор (с. 184). Там же можно найти рассуждения о чудесном чихании и о чихании, связанном с возвращением к жизни. «В акте чихания дыхание лишено физиологически объяснимого утилитаризма. Чихающий дышит, но в данном случае вдох и выдох избыточны к обычному дыханию, символизируя, скорее, дыхание вообще – дыхание, свидетельствующее о жизни и Боге». (с. 191)

¹² В.И. Коваль, в свою очередь (*Мифологические верования восточных славян*. Пособие по курсу «Славянская мифология», Гомель: Гомельский гос. университет им. Ф. Скорины, 2016) затрагивает вопрос о чихании в связи с обличениями проявлений язычества в повседневной жизни со стороны христианских проповедников: «Кирилл Туровский, перечисляя «мытарства», через которые проходят души умерших, среди других грехов (ложь, зависть, гнев, гордость, срамословие, насилие, тщеславие, злопаметство), называет такие человеческие пороки, которые имеют языческое происхождение: волхование, ворожба, вера во встречу, чихание, птичьи крики и др.» и приводит цитату из исповедальных сборников конца XIX – начала XX века (наряду с другими прегрешениями): «*Не веруешь ли во встречу, будто бы нечто вредное от какова человека, скота, и зверя, и прочего что бывает?; Также не веруешь ли в чох, будто от того что может сделаться худое или доброе?*». (с. 24) Из чего получается, что христианские беспокойства по поводу народной веры в чихания, и не только в них, имели, с одной стороны, мировоззренческо-идеологический смысл, а с другой, держались, а возможно, и держатся очень долгое время. И если ставится это в ряд с волхованием, ворожбой и др. пороками, то можно представить себе довольно высокий статус подобного рода нехристианских по своему характеру представлений.

¹³ В ряде работ последнего времени принято отделять поверия от примет, понимая под этими вторыми явление более узкое и связываемое с непосредственным наблюдением происходящего, перенося его смысл, как вывод и заключение, к чему-то предполагаемому в будущем либо тому, что наблюдателю неизвестно и происходит, может происходить, в другом месте. Мы не будем вдаваться в не всегда очевидные различия подобного рода (хотя во многих случаях не беспочвенные и обоснованные), тем более, что в отношении избранного предмета это и не существенно, сошлемся лишь на работы, в которых данный вопрос поднимается, с опорой, что видится необходимым добавить, на критерии разного вида, порядка и уровня: В.К. Харченко, Е.Е. Тонкова, *Лингвистика народ-*

ной приметы, Белгород: Изд-во ОАО «Белгородская областная типография», 2008, с. 12; Е.Е. Завьялова, *Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации*. „Проблемы филологии, культурологии и искусствознания”, 2013, № 2, с. 188; Г.И. Берестнев, Л.Б. Бойко, *Лингвистические критерии разграничения примет и предписаний народной магии*. „Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта”. Серия: Филология, педагогика, психология, 2019, № 2, с. 31–40; О.Б. Христофорова, *К вопросу о структуре примет*. [В:] *Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика*, <http://www.ruthenia.ru/folklore/hristoforova2.htm> (дата обращения: 30.12.2019); Е.Г. Павлова, *Опыт классификации народных примет*. [В:] *Паремнологические исследования*. Сост. Г.Л. Пермяков, Москва: Наука, 1984, с. 296–299 и др.

¹⁴ Видимо, связано это с тем, что «М.[ед] считается любимой пищей душ умерших. ... У вост. славян первый горячий блин, смазанный М., клали на лавку в головах умершего, на окно или божницу. ... М. и кутью с М. обязательно подают на поминках и календарных праздниках поминального характера. На 40-й день после смерти пекли печенье *лесенки*, или *лестовки* (курск.), которые после заупокойной службы съедали с М. ... В обряде «кормления» духа-опекуна (*стопанова гозба*) у болгар (в Хасковско и Хармонлийско) М. и маслом мазали и ту часть ритуальной лепешки, которая предназначалась *стопану*, то есть умершему хозяину. У русских считалось, что если беременная желает блинов с М., то ребенок долго жить не будет (архангел.). М. и медовые кушанья готовили на праздники, связанные с культом предков». (М.М. Валенцова, *Мед*. [В:] *Славянские древности...*, т. 3, 2004, с. 208, разрядка источника.) Там же см. о других, но едва ли не всякий раз связанных с силами высшего и потустороннего, функциях и предназначениях меда. Видимо, не будет особым преувеличением предположить, с учетом, в первую очередь, *лесенок* или *лестовок*, а также обрядом «кормления» духа-опекуна у болгар, некую обеспечивающую, «смазывающую» (наряду, что понятно, с другими), проекцию меда в отношении движения или пути на тот свет. И тогда желание-просьба о меде со стороны умирающего могла бы восприниматься как его чувство, готовность к отпращиванию по такому пути.

¹⁵ Не вдаваясь в объяснения и комментарии, поскольку это не наш предмет, для иллюстрации, назовем лишь некоторые работы по данной теме, специально ей посвященные, поскольку упоминания о сглазах, уроках и порчах можно встретить у очень многих авторов, занимавшихся проблематикой народной культуры и мифологических представлений: Н.Ф. Сумцовъ, *Личные обереги от сглаза*, Харьков: Типография Губернского Правления, 1896; С. Maloney, *The Evil Eye*, New York: Columbia University Press, 1976; A. Dundes: *The Evil Eye*, New York: Garland Publishing, 1981; В.А. Коршунков, *Колдовские глаза и мальчики в глазах*. „Русская речь”, 2000, №3, с. 112–122. Многочисленные указания по теме содержатся в книге Е.Е. Левкиевской, *Славянский оберег. Семантика и структура*, Москва: Индрик, 2002 (см. предметно-тематический указатель с перечнем страниц); Л. Раденкович, *Дурной глаз в народных представлениях славян*. „Живая старина”, 2005, № 3, с. 33–35; Л.В. Беловинский, *Порча*. [В:] Его же: *Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XX в.*, Москва: Эксмо, 2007, с. 516; Е.Е. Левкиевская, *Порча. Сглаз*. [В:] *Славянские древности...*, т. 4, 2009, с. 178–183; 597–602 (подвержены сглазу люди, находящиеся в переходном состоянии, животные после отела, растения после цветения, работа в процессе ее выполнения, различные хозяйственные орудия, с. 597); Е.Е. Левкиевская, *Сглаз. Порча*. [В:] *Народная демонология Полесья...*, т. III, Мифологизация природных явлений и человеческих состояний, 2016, с. 21–158; 159–241.

См. также собрание материалов с предисловием, комментариями и справочным сопровождением *Знатки, колдуны, чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском*

Севере. Под общ. ред. А.Б. Мороза, Москва: ФОРУМ; Неолит, 2012 (*Сглаз и порча*, с. 64–102). Показательна работа с отнесением к современным верованиям и представлениям: Н.В. Петров, *Дурной глаз: традиция, современность, интернет*. [В:] *Сила взгляда: глаза в мифологии и иконографии*. Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2014, с. 317–355. Как отмечает автор, со ссылкой на К. Мэлони, сила взгляда исходит из глаз или рта, пострадавший объект значим для владельца, а обладатель дурного глаза может не знать, что у него дурной глаз (с. 320) и далее: «Понятие сглаза в текстах 1980–2013 гг. характеризуется расплывчатостью границ – сглазить может любой (колдун, простой человек) кого угодно или что угодно (ребенка, корову, дом) и с более или менее тяжелыми последствиями (недомогание, болезнь)». (с. 335)

Диалектной лексике, характеризующей понятия порчи-сглаза, посвящены работы: Лю Яньчунь, *Мотивационная структура субполя «сглаз, порча» лексико-семантического поля «вред» в диалектах русского языка*. „Вестник Томского государственного университета”, 2018, № 427, с. 47–54; Е.А. Ковригина, Народные представления о сглазе в говорах архангельского региона, <https://lomonosov-msu.ru> (дата обращения: 09.07.2021). См. также, хотя и несколько в ином ключе: Ю.Г. Диникеева, *Лечение сглаза у детей в традиционной культуре русских Башкортостана (по полевым материалам)*. [В:] *Традиционная культура народов Поволжья. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Казань, 09–11 февраля 2016), в 2-х частях*, Казань: Ихлас, 2016, с. 209–217.

Замечания по поводу порчи и сглаза можно найти в работе: J. Rybarczyk-Dujewska, *Język jako narzędzie magii na przykładzie zaklęć rosyjskich*. Kraków: Wyd. UJ, 2013, а также в статьях: Г.Я. Томилина, *Этнолингвистическая характеристика русских народных суеверий*. „Культура народов Причерноморья”, 2005, № 69, с. 142–144; А. Kupriałowicz, *Народная магия в повседневности сельских жителей (на примере нескольких сел Гайновского повята на фоне восточного славянства)*. „Folklorystyka i kulturoznawstwo”, t. 10, 2018, с. 415–428.

Определенный интерес могут также представлять рассчитанные на массового читателя и потому популярные и ненаучные издания, которые имеет смысл рассматривать как источник содержащихся в них сведений и материала возможного исследования: А. Морок, К. Разумовская, *Уроки колдовства. Сглаз, порча и защитные заговоры*, Москва: АСТ, 1998; А. Морок, К. Разумовская, *Уроки колдовства. Сглаз, порча и исцеление*, Москва: АСТ, 1999; Н.В. Белов, *Высшая магия. Наведение и снятие порчи. Сглаз*, Минск: Современный литератор, 1999; А.П. Аксенов, *Сглаз и порча*, Москва, Донецк: АСТ, Сталкер, 2008; Н.И. Степанова, *От порчи, от сглаза*, Москва: Рипол Классик, 2009; Н.И. Степанова, *От порчи, сглаза и проклятия*, Москва: Рипол Классик, 2016; М. Буш, *Сглаз и порча! Правда о том, как защитит себя и близких. Секреты практикующего экстрасенса*, Москва: АСТ, 2016 и др.

¹⁶ О печке (печи) в представлениях народной культуры написано немало, прежде всего как центре внутреннего защитного пространства, т.е. жилища, дома, и соответственно, месте домашнего огня и очага. Горшок рассматривается как часть, ей положенная и с нею связанная утварь: «горшок выступает в роли культурного символа, непосредственно связанного с самой сущностью дома – печью» (А.В. Красноперова, *Символика крестьянского быта в культуре древней Руси*, <https://core.ac.uk/download/pdf/295704861.pdf> (дата обращения: 10.07.2021), здесь же горшок характеризуется в связи с гаданиями (на шерсть).

Довольно подробно различные аспекты печи представлены в работе Н.А. Лантух, *Дом как сакральный центр...* Как отмечает автор, «особым объектом в доме, символизирующим сакральный центр дома и в то же время представляющим границу между «этим»

миром и «тем», является печь. ... В восточнославянском фольклоре многочисленными фольклорными данными подтверждается амбивалентное значение печи одновременно как символа загробного мира и женского чрева» (с. 133), «в печи обитает дух, охраняющий дом и его жильцов, – домовый». (с. 134) В заключении отмечается особая и многозначная роль печи во внутреннем пространстве дома, состоящая в том, что определяется автором как «совмещение черт центра и границы;

воплощение идеи дома в аспекте его полноты и благополучия;
 осуществление контактной функции между «этим» и «тем светом»;
 олицетворение рождающего женского лона;
 манифестация идеи загробного мира, самого царства смерти;
 реализация функции оберега дома.

Разные символические значения печи актуализировались в зависимости от обрядового контекста». (с. 135)

Специальный раздел посвящен печи в работе: В.И. Коваль, *Мифологические верования...* (с. 189–192). См. также, хотя не на славянском материале, Т.И. Чудова, *Печь в обрядах и представлениях коми (зырян)*. [В:] *Рябининские чтения 2003 (Петрозаводск, 15–19 сентября 2003 г.)*. Отв. ред. Т.Г. Иванова, Петрозаводск: Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Киж», 2003, с. 377–383; и на славянском материале: Н.А. Криничная, *Русская печь: структурные элементы в свете народных представлений*, <http://kenozerjelive.ru/krinichnaja.htm> (дата обращения: 10.07.2021); Л. Чернышова, *Печь как локус жилища в русской и белорусской фразеологии*. „Кантовский сборник. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта”, 2011, с. 106–113.

На семиотику печи в отношении пространства дома обращает внимание А.К. Байбурина, *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*, Ленинград: Наука, 1983 (в части II: *Семиотические аспекты внутреннего пространства восточнославянского жилища*, с. 125–176). См. также такие работы, затрагивающие проблематику народных представлений в отношении печи (и с ней, в том числе, но не всегда, горшка): Л.Г. Невская, *Печь в фольклорной модели мира*. [В:] *Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст 2*, Москва: Индрик, 1999, с. 101–109 (подчеркивается изоморфизм дом – космос – печь – человек); А.Б. Пермиловская, *Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века)*, Архангельск: Правда Севера, 2005. Семантике печи посвящен раздел *Печь как сакральный центр дома* диссертации М.А. Андруниной. По ее замечанию, «Печь отождествляется с домом и семьей в целом (ср.: рус. *дым*, пол. *ognisko* в значении ‘семейный очаг’)». «Тождественность дома / печи / семьи прослеживается в ряде примет о смерти, истолковывающих треск с разных сторон очага как предвестие смерти для разных членов семьи». (М.А. Андрунина: *Символика пространства...*, с. 11)

Ср. также такие замечания в связи с отношением печи к смерти: «Печь символизирует в одних обрядах материнское лоно, утробу, в других – могилу, иной мир, а в некоторых – то и другое одновременно: в обряде допекания / перепекания (символически в печи) большого младенца якобы больной ребенок умирает – и рождается новый, здоровый». «Печь и выпечка как человеческое сообщество фигурируют и в загадке с отгадкой „смерть”: „Печь день и ночь печет, а невидимка дошлую ковригу выхватывает”» (I. Raikova: *Русские загадки о смерти...*, с. 39). О перепекании большого ребенка пишет также А.Л. Топорков, замечая что «помещение ребенка в печь, помимо сжигания болезни, могло символизировать одновременно: 1) повторное «выпекание» ребенка, уподобленного хлебу, в печи, являющейся обычным местом выпечки хлеба и одновременно символизирующей женское чрево; 2) временное возвращение ребенка в материнское чрево, символизируемое

печью, и его второе рождение; 3) временную смерть ребенка, его пребывание в ином мире, символизируемом печью, и возвращение в этот мир». (А.Л. Топорков, «Перепекание» детей в ритуалах и сказках восточных славян. [В:] *Фольклор и этнографическая действительность*, Санкт-Петербург: Наука, 1992, с. 116) В том же контексте см. положения в материале: А.Б. Страхов, *Ритуально-бытовое обращение с хлебом и печью и его связь с представлениями о доле и загробном мире*. [В:] *Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции*, Москва: Наука, 1983, с. 99–100. «Процесс печения хлеба», – замечает автор, – «правила его вынимания из печи осмыслились славянами в связи с их воззрениями на загробный мир. Особую сакральность получила печь – вход в этот мир». (с. 99, подчеркивание источника, разрядка моя – П.Ч.)

¹⁷ В том числе, если не в первую очередь, при помощи запахов и пара приготовляемой пищи. Помимо упомянутых ранее (в сноске 3), в связи с ритуальным кормлением умерших, работ (Л.Н. Виноградовой и С.М. Толстой, Ж.В. Корминой и С.А. Штыркова, О.А. Седаковой, М.Д. Алексеевского, А.К. Байбурина и др.), имеет смысл обратить внимание на следующие немаловажные обстоятельства. Так, по словам М.А. Андриюниной, «В анализируемых [поминальных] обрядах особенно важным является динамический аспект пространства: перемещение участников обряда с ритуальной пищей. Сначала, во время приглашения душ, приглашающий движется из дома (от стола к окну, к печи, к двери, к порогу) наружу (на двор, к воротам и т. д.), что символизирует открытие границ жилища изнутри и приход душ через перечисленные локусы (ворота – двор – крыльцо – дверь / окно / дымоход – стол). В конце ужина, во время выпроваживания душ движение осуществляется в обратной последовательности (стол / углы / покуть / печь – дверь, порог, окно – крыльцо). Потом души вместе с предназначенной им пищей выпроваживаются еще дальше: еду относят в сад, в хлев, забрасывают на крышу или даже оставляют на кладбище на могиле, что символизирует возвращение душ на «тот свет». (с. 13, разрядка источника) И, в пояснение, приводившаяся уже перед этим цитата, в которой говорится об обычае «кормить» души каждый раз, когда пекли хлеб или блины. Привлеченные запахом горячего хлеба, души подлетают к окнам домов и входят внутрь, где им на столе и на окнах оставляют угощение». (М.А. Андриюнина, *Символика пространства...*, с. 14, разрядка моя – П.Ч.)

Аналогичные указания можно встретить в целом ряде работ, посвященных проблеме (см. в сноске 3). Ср., для примера: «В день погребения хозяин до рассвета ставит стопку Б.[линов] на стол, за который садятся лишь мужчины. Старший из гостей разрывает первый горячий Б. ... и кладет на окно, чтобы паром от него питалась душа умершего». (А.В. Гура, Л.С. Лаврентьева, *Блины*. [В:] *Славянские древности...*, т. 1, 1995, с. 194, разрядка моя – П.Ч.) Здесь все важно для правильного осуществления действия – и то, что в день погребения, и что до рассвета, и то, что хозяин, и что на стол, и при этом стопку блинов, и что садятся только мужчины, и что старший, и из гостей, и разрывает, и первый горячий, и на окно. Ничто не должно быть опущено или выполнено не в том порядке. См. также в цитированной ранее статье о меде: «После похорон старухи всю ночь караулят душу умершего, поставив на стол сыту; верили, что душа прилетит в образе мухи и будет пить приготовленный для нее напиток». (М.М. Валенцова, *Мед...*, с. 208, разрядка моя – П.Ч.) Раз в образе мухи, то опять же на запахе медовой сыты.

Интересные наблюдения в отношении мух применительно к их «потусторонней» духовной субстанциональности можно найти у О.А. Терновской. Рассматривая жатвенный обряд их изгнания (*мы из поля, а вы в поле*), в конце жатвы производимый жнецами, и отмечая замену *мухи-пчелы* – западный культурный эквивалент (отсюда значимость меда, ср.: *как пчелы (мухи) на мед*, имея в виду ‘слетаясь в немалом числе’), в то время как «для терминологии восточных и южных славян типично обратное соотношение

вещей: пчелы получают названия мух» (с. 109), в конце она замечает: «севернорусский жатвенный обряд изгнания мух выглядит территориальным и историческим вариантом исчезнувшего в других зонах ритуала, основывавшегося на противопоставлении земных и небесных сельскохозяйственных работ, магическая связь между которыми осуществлялась через извечных косарей и жнецов – комаров и мух. В русском обряде мухи не только выполняют функцию магического посредничества между двумя противоположающимися по времени (лето – зима) и пространству (земля – небо) жатвами, но и сами перенимают функцию небесных жнецов». (О.А. Терновская, *Белые мухи...*, с. 110, разрядка моя – П.Ч.)

Применительно к разбираемому в нашей работе предмету трудно удержаться от представления о смерти как жатве, возможно небесной жатве, и о ней же как косаре и с неизменной косой. Не обобщая, поскольку для этого необходимо дальнейшее рассмотрение различных мотивов, и отталкиваясь от приведенного материала, мухи, в их отношении к потустороннему, можно представить (в каких-то славянских традициях) как воплощения душ умерших, с одной стороны (о том же работы: С.М. Толстая, *Славянские мифологические представления о душе*. [В:] *Славянский и балканский фольклор. Народная демонология*, Москва: Индрик, 2000, с. 67 и посл.; Л.Н. Виноградова, *Материальные и бестелесные формы...*, с. 148–149), и как небесных жнецов, имеющих далее отношение к смерти, с другой, – мотив, известный еще у древних. Ср.: ханаанский Баал, Вельзевул филистимлян, זבוב, זבוב, Baal Zəbūb, Ba'al az-Zubab, 'повелитель мух', Баалзевул также «Господь над всем, что летает», бог погоды, контролировал дыхание и был богом, приносящим мор, болезни и их исцеление, а также дух разрушения и разложения. Баал Зубуб понимается также и как «повелитель летучих демонов» или «владыка (небесного) жилища» (см. об этом по разным энциклопедиям). Интересно также, и не без оснований, то, что в пьесе Ж.-П. Сартра «Мухи» богини-мстительницы эринии, преследующие Ореста с желанием его умертвить, изображены в виде мух. И мухи – как символы разложения и смерти во многих традициях, пчелы дьявола по некоторым славянским представлениям (А.В. Гура, *Символика животных в славянской народной традиции*, Москва: Индрик, 1997, с. 437).

¹⁸ Или так называемое состояние альфа – состояние смещенного сознания, при котором мозговые волны движутся с частотой от семи до четырнадцати волн в секунду. Находящийся в состоянии альфа ум открыт для нестандартных форм общения, таких, как телепатия, ясновидение и предчувствие, возможны различные формы необычного ощущения и психокинез, способность воспринимать информацию, недоступную для пяти органов чувств. В состоянии «альфа» рациональные фильтры, обрабатывающие информацию обыденной реальности, ослаблены или вообще устранены, и разум способен воспринимать не рядовую реальность. Почти во всех цивилизациях состояние смещенного сознания, подобное состоянию альфа, использовалось во время общественных религиозных ритуалов, личных духовных обрядов, сеансов исцеления и сеансов предвидения будущего. (О состоянии *Альфа* см. главу VI книги Лори Кэбот, *Сила ведм*. Перевод с англ. Москва: REFL-book, 1995, https://royallib.com/book/kebot_lori/sila_vedm.html, дата обращения: 17.07.2021)

Близкие к этому, а возможно, и совпадающие с ним, измененные состояния сознания (ИСС) предполагают качественные изменения в субъективных переживаниях и психологическом функционировании субъекта, как рефлекслируемые им самим, так и доступные для окружающих. При ИСС наблюдаются искажения представления внешней реальности или осознания себя в виде галлюцинаций или иллюзий, и искажения эти складываются в изменение восприятий и представлений. Одной из форм подобного состояния является сон. Изучением измененных состояний сознания занимаются общая и социальная

психология, психология личности, когнитивная, аналитическая, трансперсональная, клиническая психология, нейропсихология, психиатрия, антропология и др.

См. об этом в специальной литературе: А. Ludwig, *Altered states of consciousness*. „Archives of general psychiatry”, N 15, 1966, p. 225–234; А. Людвиг, *Изменённые состояния сознания*. Архивная копия. [В:] *Изменённые состояния сознания*. Под ред. Ч. Тарта. Перевод с англ. Е. Филиной, Г. Закарян, Москва: Эксмо, 2003; Д.Л. Спивак, *Лингвистика изменённых состояний сознания*. Ленинград: Наука, 1986; Д.Л. Спивак, *Изменённые состояния массового сознания*. Санкт-Петербург: Гарт-Курсив, Фонд «Ленинградская галерея», 1996; Л.П. Мордвинцева, *Изменённые состояния сознания. Современные исследования. Научно-аналитический обзор РАН*, Москва: Ювента, 2000; Д.Л. Спивак, *Изменённые состояния сознания: Психология и лингвистика*, Санкт-Петербург: Ювента; Филологический ф-т СПбГУ, 2000; Э.В. Бургиньон, *Изменённые состояния сознания*. [В:] *Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология*. Под ред. А.А. Белика, Москва: Смысл, 2001, с. 405–461; С.В. Дремов, И.Р. Семин, *Изменённые состояния сознания: Психологическая и философская проблема в психиатрии*, Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2001; В.В. Козлов, *Психотехнологии изменённых состояний сознания*. 2-е изд., испр. и доп., Москва: Изд-во Института психотерапии, 2001; Ч. Тарт: *Изменённые состояния сознания*, Москва: Эксмо, 2003; А.В. Россохин, В.Л. Измагурова, *Личность в изменённых состояниях сознания в психоанализе и психотерапии*, Москва: Смысл, 2004; *Изменённые состояния и культура. Хрестоматия*. Авт.-сост. О.В. Гордеева, Санкт-Петербург: Питер, 2009; А.В. Россохин, *Рефлексия и внутренний диалог в изменённых состояниях сознания: Интерсознание в психоанализе*, Москва: Когито-Центр, 2010; С.С. Корнеев, *Некоторые особенности восприятия, переживаний и мышления в изменённых состояниях сознания*. „В мире научных открытий”, № 5.1. (17), 2011, с. 545–563; С.С. Корнеев, *Особенности негативной трансформации личности в структуре изменённых состояний сознания*. «Психология и Психотехника», 2012, № 7, с. 62–72; А. Ревонсуо, *Изменённые состояния сознания*. [В:] Его же: *Психология сознания*. Перевод с англ. А. Стативка, З.С. Замчук, Санкт-Петербург: Питер, 2013, с. 221–262, и др.

¹⁹ В литературе, посвященной столу, отмечается, в разбираемом отношении, непрерывная связь стола с умершими: «стол – место общения семьи с умершими родственниками, своего рода посредник между миром живых и мертвых». (А.Б. Мороз, *Стол в севернорусских поверьях и обрядах*. „Традиционная культура”, 2002, т. 3, № 2(6), с. 41) Показательно также такое его замечание: «стол выражает идею полноты, целостности семьи, рода и шире – круга близких людей. Неполнота состава обитателей дома выражается через неустойчивость стола: после выноса покойника стол (или лавки), на котором стоял гроб, переворачивают вверх ногами». (с. 42, разрядка моя – П.Ч.)

Из чего получалось бы, что стол в этой функции представляет собой своеобразный начальный пункт отправления умершего, определяемого его выносом, первоначально за пределы дома, затем двора и далее. Ср. также такое определение: «Во время самого ужина предназначенную душам пищу оставляли на столе, клали под него и пр., что раскрывает семантику стола как локуса душ и подчеркивает идею «совместности» трапезы живых с умершими». (М.А. Андриянина, *Символика пространства...*, с. 13, разрядка моя – П.Ч.) Подробно о том же с примерами обычаев у славян см. А.А. Топорков, *Стол*. [В:] *Славянские древности...*, т. 5, 2012, с. 168–169 (о столе в поминальных обрядах). Интересно, в контексте семейной и родовой совместности, такое свидетельство: «В Пермской губ. во время поминок делали особый обед для покойных родственников, расставляли на С.[толе] еду и напитки, при этом кушанья ставили под столом для «скоропостижно умерших, утонувших, сгоревших, которые недостойны

сидеть за общим столом». (с. 168) Получается, что стол и такое место, которое предполагает возможность объявления к нему умерших как таковых, не только своих и не только «достойных». О столе, применительно к поминальной обрядности и, тем самым, его отношении к мертвым и с ними живым см. также работы: М.Д. Алексеевский, *Застолье в обрядах и обрядовом фольклоре русского севера XIX–XX вв. (на материале похоронно-поминальных обрядов и причитаний)*. Дисс. ... канд. филол. наук, Москва 2005; М.Д. Алексеевский, *Поминальные трапезы на Русском Севере: пищевой код и застольный этикет*. [В:] *Традиционное русское застолье*. Сб. статей, Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008, с. 118–127.

²⁰ О значимости, правда обрядового, хождения по солнцу (пóсолонь) и против солнца (прóтивосóлонь, прóтивусóлунь, óбсолонь), что не исключает вопроса как такового, достаточно ясно свидетельствует такое определение: «в классической античности, как и у большинства народов Евразии, направление культового движения по кругу было тесно связано со смыслом этого движения: если оно имело жизнеутверждающее, освящающее и апотропическое значение, оно проходило по движению солнца (посолонь) ... (от востока через юг на запад) ... Если же обряд был связан с миром мертвых, носил заупокойный характер и относился к потусторонним реалиям, движение осуществлялось против движения солнца справа налево (против часовой стрелки)». (А.В. Подосинов, *Литургическое движение в сакральном пространстве: об античных истоках восточно-христианской обрядности*. [В:] *Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств*. Ред.-сост. А.М. Лидов, Москва: Индрик, 2009, с. 53) В связи с православно-христианской символикой пишут об этом Б.М. Клосс, В.Д. Назаров, *Полемическое сочинение 1481 г. о хождении «посолонь»*. [В:] *Московская Русь (1359–1584): Культура и историческое сознание*, Москва: ИЦ-Гарант, 1997, с. 350–390, и Б.А. Успенский, применительно к противопоставлению правого (посолонь) и левого (против солнца), алтарного (посолонь) и внеалтарного (против солнца) движения в процессе храмового действия, в работе: *Крест и круг: Из истории христианской символики*, Москва: Языки славянских культур, 2006, с. 117–154. См. также Его же работу: *«Хождение посолонь» и структура сакрального пространства в Московской Руси*. [В:] *Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств*. Ред.-сост. А.М. Лидов, Москва: Индрик, 2009, с. 534–555.

В отношении смысла направленности хождения по кругу представляется важным также такое свидетельство: «Хоровод в Заонежье существовал до начала XX века. Назывался он «кругом» (зимний хоровод бесе́да). «Круг» явление многосложное. Это не просто хождение молодёжи кругом по движению солнца. «Круг» огораживал внутренне конечное сакральное пространство, на котором создавалась «иная действительность». (Р.Б. Калашникова, *Мастерство исполнителей зимнего хороводного веселья Заонежья: вербальный и невербальный аспекты*. [В:] *Мастер и народная художественная традиция русского севера. Доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения-99»*, Петрозаводск: Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Киж», 2000, с. 92, разрядка моя – П.Ч.)

²¹ О традиционной символике башмака и ноги подробно и обстоятельно, на обширно представленном материале, в том числе и в связи с продуцирующим значением, не исключительно эротическом, можно узнать из работы: Aigremont, *Fuß und Schuh-Symbolik und -Erotik. Folkloristische und sexualwissenschaftliche Untersuchungen*. Fotomechanischer Nachdruck der Ausgaben von 1908 bzw. 1909, Darmstadt: G. Bläschke Verlag, 1970. О ритуальном значении обуви у славян пишут Л.Н. Виноградова и С.М. Толстая, *Обувь*. [В:] *Славянские древности...*, т. 3, 2004, с. 475–479, отмечая, в частности, следующее: «Ритуалы с О.[бувью] в составе свадебного обряда, известные всем славянам, имеют двойкий смысл: они служат способом и символом приобщения «чужого» (невесты)

к «своему» (роду, дому жениха) и вместе с тем заключают в себе брачную и эротическую символику». (с. 476, разрядка источника) Из чего также следует, хотя и не прямо, вывод в отношении продуктивного родового (а с этим, можно бы было добавить, родительского).

²² См. подробно об этом у Т.А. Бернштам, *Половозрастная стратификация русской общины и периодизация жизненного цикла*, гл. I в книге *Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры*, Ленинград: Наука, 1988, с. 24–121. В работе отмечается локальная вариативность, от двух (дети и взрослые), трех (дети, взрослые, старики) до пяти (дети, подростки, молодежь, взрослые, старики) возрастных категорий. «В отдельных областях (главным образом в севернорусских) в бытовой практике выделялось до девяти стадий, учитывающих все значимые социовозрастные изменения». (с. 25) Приводится многообразный лексический, главным образом областной, материал, имеющий отношение к половозрастной дифференциации, иллюстрирующий экзистенциальную, социальную, функциональную и производительную важность для носителей народно-традиционного сознания этапов развития человека и его возрастов.

²³ Согласно «Указателю сказочных сюжетов» см. следующие сюжеты в соответствии с их номерами со ссылками на источники представленного в нем материала: 330.А. Кузнец (солдат) и чорт (смерть): смерть не может сойти со скамьи, с яблони и т.п. (выйти из торбы, табакерки и т.п.); 332. Смерть-кума: смерть стоит в ногах у больного, кровать или больного поворачивают, чтобы смерть оказалась в головах. (Н.П. Андреев, *Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне*. Ленинград: Изд. гос. русского географического общества, 1929)

В украинском варианте сюжета 330.А. (Бедняк и смерть, у Н.П. Андреева этого нет, поскольку сюжет не русский) герой затыкает соломой чубук, из которого смерть не может выйти, на десять лет, а после того как ее выпускает, ибо люди перестают умирать, сам умереть не может, смерть от него отказывается: «живи, пока от тебя только кости останутся! ... дед ходил, пока от него остались одни кости. Потом он рассыпался...» (<https://azku.ru/ukrainskie-narodnie-skazki/bednyak-i-smert.html>, дата обращения: 13.07.2021)

В абхазской сказке Старик и смерть нашел свое отражение вариант сюжета 332. с таким расширением, интересно, что в данном случае поворачивание к Смерти происходит не к изголовью, а наоборот: «Однажды старик сам заболел и слег в постель. Вдруг он увидел у своего изголовья Смерть. ... Решил он потягаться с ней хитростью и улегся так, что Смерть оказалась у его ног. но Смерть опять встала у изголовья. Он опять лег, повернув ноги к Смерти. – Чего ты вертишься? – сказала Смерть. – Раз я пришла за тобой – значит, тебе конец». Старик вымаливает у Смерти отсрочки под предлогом, что «не успел купить поминальной свечи», Смерть соглашается. Старик берет с нее клятву, что та «не тронет его, пока он не достанет свечи. Тогда старик радостно крикнул: – Клянусь, я никогда не куплю свечу! Поняла Смерть, что допустила оплошность, но поздно. Нарушить клятву она не посмела, так и ушла ни с чем. А старик снова стал жить-поживать, и смерти с тех пор не боится». (<http://audioskazki.net/archives/893>, дата обращения: 13.07.2021)

В венгерской сказке Старуха и смерть сюжет выглядит несколько по-другому. Героиня сначала просит у Смерти отсрочить свой неизбежный конец, затем пытается ее обмануть (та на двери написала, что «Завтра» за ней придет, и старуха на это ссылается каждый раз: завтра, а потому не сегодня), в конце концов, старается от нее укрыться, залезает в перину, после чего из нее вылезает, «Только стала прикидывать, куда бы скрыться, а в это время в комнату смерть вошла. И видит: стоит перед ней чудище страшное, все в перьях, и перья эти дыбом торчат и трясутся. Испугалась смерть, так испугалась, что в страхе убежала прочь из старухино дома; кто его знает, может быть, и до сих пор не приходила за старухой». (<http://hobbitaniya.ru/hungarian/hungarian19.php>, дата обращения: 13.07.2021)

Получается, что обман основывается на хитрости и неспособности Смерти отказаться от взятого слова. Предполагает это непрерывный словесный контакт, герои со Смертью вступают в прения. Смерть приходит за человеком, и срока этого не изменить, она сама его изменить не может. Спрятаться от Смерти нельзя, но, как следует из сюжета, в котором старуха с перинной, можно ее напугать. Страх Смерти и перед Смертью имеет свою обратную сторону, та также способна испытывать страх.

²⁴ Затрагиваемый вопрос с напоминанием о смерти, точнее с напоминанием ей о себе, видится как многосложный, с учетом различных аспектов понятий о ней как о наступлении, как о приходе (в том числе и в антропоморфическом смысле), как о сроке в отношении отведенного – положённого времени, кем-то, как-то, когда-то, как о предначертании, исполнении, „злодейке-судьбе” и т.п. Ср. к этому *смерть наступила, постигла кого, случилась с кем, произошла, незаметно подкралась, забрала кого, с собой унесла* и пр., что само по себе потребовало бы разносторонних, в том числе и концептуально-мировоззренческих, рассуждений. Небезосновательным в данной связи видится также имеющее в общем сознании представление об индивидуализированном отношении к своей смерти, предполагающем мысль о необходимости осуществления, совершения, завершения чего-то, что следует осуществить, и пока это не произойдет, пока человек не исполнит того, что ему положено, что он также, при этом возможно, сам выбрал себе, приняв на себя как задачу, смерть его не постигнет и смерть его, для него, не наступит и за ним не придет. И только после осуществления того, что положено, или того, что принято на себя, как задание в жизни и цель, она приходит, может прийти, поскольку, по его же словам, *(Вот) теперь можно и умереть*. Он так решил и вроде бы сам, тем самым, распорядился своим сроком смерти. Интересно, что *можно*, а не *могу (умереть)*, и *теперь*, в подобного рода конструкции. Все это, с одной стороны, казалось бы, проявление на уровне слов, но с другой, в этом стоит усматривать и нечто большее. Попробуем, хотя это не простая задача, дифференцировать, на основе ряда источников, то, о чем в разбираемом случае речь.

В связи с ожиданием и напоминанием о себе своей смерти, а также, поскольку за этим стоит отношение к собственной смерти, первое, на что обращают обычно внимание, – это на страх перед смертью. Интересно, что в приведенных народных сюжетах сказок нечто подобное свое отражение не находит. Вместе с тем как на общементальном, так и на этнокультурном уровне это себя объявляет: «на «первом» месте в культурных традициях стоит страх смерти, покойника. Этот страх обусловлен, прежде всего, биологическими и экзистенциальными состояниями человека. ... В пословице «Видимая смерть страшна» отразился страх, который вызван тем, что умирающий встречается со Смертью как с чем-то неизвестным. ... Со страхом смерти связывается в национальном сознании и страх перед высшими силами, в ведении которых человек оказывается до и после смерти». (В.А. Поздеев, *Отражение этнокультурных стереотипов страха*. „Традиционная культура”, 4 (60), 2015, с. 25, 26) Итак, это страх, обусловленный как состояниями человека, так и страх перед неизвестностью, тем, что может произойти и что его ждет, равно как и страх перед высшим. Из чего получаются биологическая, экзистенциальная, концептуальная и трансцендентная (как совместные) составляющие обуславливаемого отношением к своей смерти страха. В связи со страхом, но не своей смерти, а смерти как таковой, К.А. Байбуриин замечает, что «Страх приходит и уходит вместе с покойником, а тоска остается и провоцирует новое проявление страха». (К.А. Байбуриин: *Тоска и страх...*, с. 107) Страх появляется снова, будучи вызван эмоционально направленным состоянием, эмпатическим по основе своей, при котором эмпатия охватывает перенесение на себя, подключение к общему в смерти.

В связи с ожиданием как положенным каждому его сроком смерти, к этому также при «визуальной» мотивации страха ее появления, сто́ит отметить такое немаловажное, поскольку концептуально-мировоззренческое, растолкование: «Славяне полагали, что душа расстается с телом, когда к человеку приходит Смерть». И далее следует такое пугающее ее представление: «В преданиях она описывается чаще всего как старая женщина с большими зубами, костлявыми руками и ногами, в белом саване, с заступом, граблями, пилой и косой за плечами. Пилой она отпиливает умирающему человеку руки и ноги, а косой отсекает ему голову». Удручающе выглядят не только внешнего вида, но и инструментально-орудийные и акциональные, в связи с этим, подробности, хотя, но и это не выглядит утешающим образом, уподобляя происходящее змеиному проявлению: «По другим представлениям, с кончика ее косы капает яд. Когда одна из ядовитых капель попадает на человека, он умирает». «Часто Смерть изображали в виде человеческого скелета с провалившимся носом, одетого в белое покрывало, с косой в руках». Общеизвестный пугающий образ. И в отношении исполнения отведенного срока: «Смерть живет в подземном мире, в собственном большом доме, где горит несметное количество свечей, каждая из которых – чья-то жизнь. У тех, чья жизнь только началась, свечи едва обгорели, у тех, кто находится в середине жизненного пути, свечи сгорели наполовину, у тех, кто должен скоро умереть, остались одни еле теплящиеся огарки. Как только свеча гаснет, человек умирает. Смерть убирает догоревшую свечу, а на ее место ставит новую – для только что рожденного человека». (Е.Е. Левкиевская, *Мифы русского народа...*, с. 417–418, разрядка моя – П.Ч.) Смерть приходит за человеком, когда догорает его, ею поставленная в самом начале, свеча, в том своем виде приходит, в котором это описано, и производит по его умерщвлению необходимые действия по расчленению либо же отравлению (в этом случае яд капает на человека по причине ее перед ним появления). Как-то так это можно представить мифологически, а тем самым, и в мировоззренческом отношении, как порядок и существующее положение вещей.

С философской точки зрения (одной из имеющихся) «столкновение со смертью» определяется как «пробуждающее переживание», «ситуация «встречи со смертью» позволяет приблизиться к тому, что Виктор Франкл считал сущностью человеческого существования – самотрансценденции [В. Франкл, *Человек в поисках смысла*. Москва: Прогресс, 1990]». (И.Ю. Кулагина, Л.В. Сенкевич, *Отношение к смерти: возрастные, региональные и гендерные различия*. „Культурно-историческая психология”, 2013, № 4, с. 58, 59) Иными словами, смерть, как «пробуждающее переживание», при встрече с ней, выступает моментом и средством остро почувствовать (пережив в себе свою жизнь, равно как и (опять пережив) воспринять свой собственный смысл, как смысл самосуществования, так и смысл чего-то большего и высшего, поскольку трансцендентного, в себе и через себя.

И далее, возвращаясь к народно-культурному образу смерти, но через призму мировоззренчески-философского обобщения, стоит отметить еще и такое о ней представление: «В причитаниях смерть, персонифицируясь, не получает ясного антропоморфного облика, что позволяет воспринимать ее как высшую, неведомую и таинственную силу («голодная», «холодная», «неумная», «недосудная», «смерть-злодейка», «змея лютая», «кровожадная»). В поздних представлениях смерть предстает женщиной, тесно связанной с горем. Горе-старуха; кривая, одинокая женщина. Логическая цепочка: горе – смерть – женщина (Морена, Мара, Куга, Смертница)». (Л.Н. Лазарева, *История и теория праздников*. Учебное пособие, 3-е изд., испр. и доп., Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2010, с. 141) Смерть, иными словами, не то, чтобы многолика, но множественна в существующих, в том числе и исторически обусловленных, воображениях о ней, с чем связываются отталкивающее неприятие, страх, брезгливость и вместе с тем горестно-негативное, заряженное соответствующим переживанием, отношение к ней.

Небезынтересны, хотя и общеизвестны, такие свидетельства, приведем их, хотя об этом отчасти уже говорилось (см. сноску 3 о глазах и зрении покойников): «Свеча связана со смертью ... освещает умершему человеку путь на «тот свет». ... Саван указывает на переходное состояние человека, находящегося на границе двух миров. ... В сказках саван обычно белого цвета; он помогает отличить живого человека от ожившего мертвеца. Покойники в саване появляются в местах, индексально или символически связанных со смертью, – на могиле, на распутии, в опасное время суток – в полночь». И далее, довольно редкое положение: «В одной из проанализированных сказок («Бесстрашный», № 349 [по сборнику А.Н. Афанасьев, *Народные русские сказки. Полное издание в одном томе*. Москва: Альфа-Книга, 2017]) Смерть появляется в виде мертвеца». (Д.А. Писаренко, *Лингвосемiotические особенности знаков смерти в русских народных сказках*. „Гуманитарные и юридические исследования“, 2019, с. 250, 252). Свеча, получается, не только то, что отмирает своим горением в доме Смерти отведенную жизнь человеку, но и служит средством увидеть умершему путь на «тот свет». В связи с чем, если нет у него той свечи, то и не попадет он туда и заблудится (ср. заблудшие, неуспокоенные умершие). В свою очередь, саван отмечает как переходное состояние на границе двух миров, так и служит средством визуального отличия умершего от живых. Отчасти не этим ли обусловлено то, что мертвецы (в сюжетах у А.Н. Афанасьева) так привязаны к савану – как средству необходимого «экзистенционального» своего пребывания на границе миров, так и средству распознавания своих / не своих (тех, кто мертвые, от живых, но, что само собой разумеется, с точки зрения этих последних), а тем самым, и важной также для них самоидентификации?

То, что касается визуального отождествления смерти и мертвеца, с появлением ее в виде мертвеца, за этим стоит и более основательное, поскольку этиологическое, установление. В цитированной неоднократно работе А.К. Байбурина встречается также следующее: «В соответствии с народными представлениями, смерть – это первый умерший человек, точнее первопокойница». И несколько далее: «Ходячие покойники являются воплощением смерти». (К.А. Байбурин, *Тоска и страх...*, с. 107, 108)

И здесь мы подходим к двум существенным положениям – в отношении обликов Смерти (на некоторые из них перед этим указывалось) и в отношении происхождения Смерти, как антропоморфного действующего (в народной культуре) и, если не происхождения смерти, то философских и с этим психологических позиций и представлений с соответствующим отношением к ней.

Идя вслед за отмеченным различием, начнем с этого второго, как не то, чтобы менее, но как то, чтобы не так прямо, связанного с разбираемым предметом. Касаясь психологического аспекта проблемы, имеет смысл обратиться к такому существенно важному замечанию: «временная перспектива личности и, шире, переживание длительности «я» оказывают влияние на отношение к смерти». Интерес представляет то, что определено как *переживание длительности «я»*, и в том же контексте несколько далее «смерть же является последней границей индивидуального времени». Применительно к смерти и умиранию опять возникает идея границы, но не в пространственном, а во временном проявлении.

Психологически, в том же контексте характеристики личности, говорится о том, что «отношения к жизни и смерти связаны как сообщающиеся сосуды, и смерти придается излишняя значимость тогда, когда жизнь человека недостаточно наполнена смыслом, или он его недостаточно осознает [со ссылкой в этом месте на P.T. Wong, *Meaning management theory and death acceptance*. [In:] A. Tomer, G.T. Eliason, P.T. Wong. (Eds.) *Existential and spiritual issues in death attitudes*. New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2007, p. 65–876]».

Поднимается также проблема страха с проекцией к представлению смерти, дифференцируясь по основаниям – адаптивным и дезадаптивным, с последующим распределением: «К адаптивным были отнесены «Страх последствий смерти для личности», «Страх последствий для близких», «Нейтральное принятие смерти», к дезадаптивным – «Принятие смерти как бегства», «Страх забвения»; «Страх смерти», «Избегание темы смерти» и «Принятие приближения смерти», а также «Страх трансцендентных последствий», «Страх последствий для тела» проявили себя как защитные взгляды на смерть». (Цитируется по: К.А. Чистопольская, С.Н. Ениколопов, Е.Л. Николаев, Г.И. Семикин, С.Н. Озол, С.А. Чубина, *Отношение к смерти в контексте временной перспективы: адаптивные, защитные и неадаптивные взгляды на смерть у молодых взрослых*. „Suicidology” (Russia), vol. 10, № 1 (34), 2019, с. 58 и 59) В отношении страха, в индивидуальном понятии, см. также такую работу тех же авторов (двух из них) – К.А. Чистопольская, С.Н. Ениколопов, *Теория управления страхом смерти: основы, критика и развитие*. „Вопросы психологии”, 2014, № 2, с 125–142.

Тем самым, опуская вопрос о границе, поскольку это не требует необходимых оснований, важными видятся соотношение жизни и смерти применительно к осознанию смысла существования «я», из чего далее следуют страх последствий для личности либо нейтральное к ней отношение, страх забвения и страх смерти как таковой и отсюда, отчасти, избегание темы смерти либо, напротив, принятие ее приближения, страх трансцендентных последствий и последствий для тела как формы защитного в своем основании отношения. В особую, но при этом экзистенциальную, группу следует, видимо, отнести то, что названо страхом последствий для близких (эмпатическое, возможно отчасти, переживании) и принятие смерти как бегства (в неспособности разрешения индивидуальных проблем, своего рода форма экзистенциальной несостоятельности или неполноты).

Необходимо также заметить, что проведенное группой авторов исследование касалось определения взглядов на смерть у молодежи, что существенным образом обусловило и результат. Не будем, однако, входить в эту тему, тем более, что это не наш предмет, отметив лишь то, что может быть связано с представлениями о смерти в народной культуре, составляя, тем самым, какую-то универсальную доминанту, к которой, не особым образом сомневаясь, следует отнести, и об этом уже говорилось, – мысль о границе и, соответственно, переходе, со сменой не только психологической реализации для «я», и страх перед смертью либо напротив, ее для себя принятие и адаптивно-нейтральное отношение, которые могут быть неоднозначны, будучи вызваны чем-то определенным «в себе». То и другое нашло свое отражение в ранее охарактеризованном материале научных источников.

Продолжая вопрос о философском и следующем из этого психологическом понимании проблемы, приведем цитаты из известной работы, без комментариев, но имея в виду опереться на содержащиеся в них положения впоследствии. «Смерть», – говорится в ней, и это достаточно очевидно, – «один из коренных «параметров» коллективного сознания», что развивается далее в следующих замечаниях: «Проблема отношения к смерти и понимания потустороннего мира – составная часть более общей проблемы ментальностей, социально-психологических установок, способов восприятия мира». (с. 5) «Идеи на уровне ментальностей – это не порожденные индивидуальным сознанием завершенные в себе духовные конструкции, а восприятие такого рода идей определенной социальной средой, восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет». «Неосознанность или неполная осознанность – один из важных признаков ментальностей». «Проблема «народной культуры» – сколь ни неопределенно и даже обманчиво это наименование, – как проблема духовной жизни масс, отличной от официальной культуры верхов, ныне приобрела новое огромное значение именно в свете исследования истории ментальностей».

(с. 7) И это последнее замечание видится важным и для нашей работы. (Ф. Арьес, *Человек перед лицом смерти*. Перевод с фр. под общ. ред. С. Оболенской. Предисл. А.Я. Гуревича, Москва: Прогресс – Прогресс-Академия, 1992)

Обратим, в связи с процитированным, внимание на такую существенную последовательность, предполагающую взаимосвязанность и переходность: от а) коллективного сознания, которое в своей основе может быть неосознанным или недоосознанным (не случайная тавтологичность) и порожденным определенной средой, способствующей бес-сознательному и неконтрольному изменению, к б) общим идеям в ментальностях, с учетом социально-психологических установок и способов восприятия мира с) со стоящим за всем этим отношением к смерти и пониманием потустороннего мира, из чего далее следует как логический вывод д) проблема «народной культуры» в свете исследования истории ментальностей. Иными словами, вопросы исследования народной культуры суть вопросы исследования исторических (но не только) способов а) мышления человека, б) его же социально-психологических характеристик, с) восприятия им существующего и, тем самым, себя самого, неосознанно, полусознанно и с этим также осознанно, д) со стоящим за всем этим отношением к жизни и смерти, посюстороннему и потустороннему в их взаимном и дополняющем сосуществовании.

И тогда становится не только ясным, но и вписываемым в общее мысленное движение, обозначенное в предыдущем абзаце, еще одно замечание: «Тот, кто стремится жить в направлении своей собственной экзистенции, должен, согласно Хайдеггеру, взять курс на смерть, на свою собственную смерть, должен жить так, чтобы его смерть встретила его не как грубый факт, вторгающийся извне, а чтобы она пришла к нему как собственная смерть. Подлинная экзистенция у Хайдеггера может увенчаться лишь в этой собственной смерти». (Г. Лукач, *Экзистенциализм*. Перевод с нем. и примечания И.А. Болдырева. Перевод выполнен в 2004 г. по изданию: G. Lukas, *Der Existentialismus*. [In:] *Existentialismus oder Marxismus?* Berlin: Aufbau Verlag, 1951, с. 44, критикуемое данным автором, к слову сказать, положение Хайдеггера) Не играя словами, но видя в сказанном отнюдь не случайный изоморфизм, «пришла к нему как собственная смерть» стоит воспринимать, с переносом к народной культуре и предмету нашего рассмотрения, и в антропоморфном (в отношении к Смерти с ее приходом), а не метафорическом смысле. И тогда представление о собственной смерти будет иметь и наглядно-характеризующий вид, предполагая и облик, и сущность приходящего за своим человеком не посюстороннего существа. Понятия сущности и существа, существа в его сущности, равно как и не посюсторонность (поскольку не непременная потусторонность), были подобраны и составлены в данном ряду не случайно.

Небезынтересными представляются, в том же философско-психологическом определении, следующие положения применительно к смерти (также дадим их в виде цитат, выделив разрядкой то, что важно для нас): «смерть играет роль экранирующего элемента, формирующего горизонт желания и действия. Смерть как финал и как итог жизни придает культурному образованию завершенность структуры, окончательность конфигурации, весомость общего значения». «...идея смерти, способ ее тематизации имеют статус ориентирующего знания». «Жизненное целеполагание и ориентирование, траектория жизненного пути начинаются от могилы предка и заканчиваются собственной могилкой». Могила, тем самым, становится своеобразным мериллом жизненного существования и бытия, отмечая границы начала-конца (в дополнение к тем значениям, которые были представлены ранее). «Человек, который есть «смерть, проживающая жизнь человека» (А. Кожев), конструирует, собирает к концу жизни свою самость или, говоря словами Жоржа Батая: «Я получает доступ к своей специфичности и полной трансцендентности лишь в форме “я, которое

умирает”». «Жизнь и смерть ... взаимодействуют контактно-отталкивающим образом. Жизнь нетерпима к смерти и не содержит или стремится не содержать в себе ничего мертвого. Смерть – абсолютное ничто, исключющее даже намеки на живое». Последние положения противоречат тому, с чем приходится сталкиваться в разбираемых представлениях и в научной литературе о них – границы между живым и мертвым не очевидны, нечетки, размыты (по словам Л.Н. Виноградовой, см. сноску 3), а живое и мертвое, образуя общинное и родовое единство не только взаимодействуют, но и проникают друг в друга.

И далее говорится о восприятии и презенции смерти: «Смерть в своем присутствии, в своем пришествии фиксируется лишь косвенно и апофатически, т.е. как отсутствие признаков жизни» (присутствие и пришествие можно также, перенося, понимать в наглядно-воспринимаемом либо чувствуемом и ощущаемом отношении), «смерть можно сегодня представить, по крайней мере, в трех основных модусах: смерть тела, смерть сознания, смерть как разрыв всех связей (социальная смерть)», «смерть в культуре играет роль ориентирующего и гармонизирующего начала, сама при этом, предпочитая оставаться в тени». (А.В. Демичев, *Ориентация к-смерти. [В:] Стратегии ориентации в постсовременности*, Санкт-Петербург: Vorey print, 1996, с. 157, 158)

Появляется важное для народной культуры представление о тени, что можно интерпретировать в двух положениях – как то, что невидимо, скрыто, имея отношение к обратной и противоположной светлomu, потусторонней и мертвого, стороне, и как то, что само по себе, представляясь, является тенью, будучи воплощением души, в том числе после смерти, равно как и ее самой. «К бестелесным формам существования души относятся ее “световые” образы – **тьень** и **свет**, первая из них ассоциируется со временем, следующим за моментом смерти (до погребения или 40-го дня), а вторая – с периодом после 40-го дня ... “Душа – это тень человека. Когда человек умирает до срока, его тень (душа) может ходить” [ПА, Великий Бор Хойниц. р-на Гом. обл.]; “Душа је сенка. Кад човек умре из њега изађе његова сенка” (Душа – это тень. Когда человек умирает, из него выходит его тень”) [Петровић 1939: 33]». (С.М. Толстая, *Славянские мифологические представления о душе...*, с. 77) «Нередко сама смерть представляется в облике белой высокой Т.[ени] (гомел.). Т., похожей на собаку, kota (житомир.), иногда при скрипе дверей и др. можно видеть мелькание Т. (брест.)». (А.А. Плотникова, *Тень. [В:] Славянские древности...*, т. 5, 2012, с. 262) «По полесским свидетельствам, С.[мерть] появляется вечером или ночью в виде высокого белого столба или **тени**». (С.М. Толстая, *Смерть. [В:] Славянские древности...*, т. 5, 2012, с. 64)

В контексте философских проблем назовем еще только две работы, в которых можно найти не только необходимый анализ, но и историю и литературу вопроса: К.Г. Исупов, *Русская философия смерти (XVIII–XX вв.)*. [В:] *Русская философия смерти. Антология*. Сост., вступ. ст., коммент. К.Г. Исупова, Москва–Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2012, с. 6–30; К.Г. Исупов, *Русская философская танатология*. „Вопросы философии”, 1994, № 3, с. 106–115.

Обращаясь к второй стороне проблемы – обликам и происхождению смерти в народной культуре, первое, на что следует обратить внимание, это на то, что как литература предмета, так и характер указанных обликов, многочисленны и необъятны. Укажем в этой связи лишь на некоторые возможные положения, не претендуя ни в коей мере ни на исчерпанность, ни на полноту, с тем лишь, чтобы наметить кое-что из имеющегося, тем более, что это не наш предмет, к тому же очень многое повторяется, встречаясь в разных работах, хотя и с отсылками к не совпадающему в своих источниках материалу. Изберем в представлении тот же принцип – цитаты с разрядками, обобщениями и краткими комментариями.

«Смерть часто предстает как **антропоморфный персонаж**. Она приходит к тому, кому скоро умереть, в облике хорошего знакомого, живого родственника или даже двойника того, кому умереть». (И.А. Подюков, *Образы смерти в русской народной культурной традиции Прикамья*. „Традиционная культура”, т. 19, № 5, 2018, с. 169)

«Смерть принимает орнитоморфный облик – это Птица Юстрица / Юрица / Веретеница / Веретено / утка / орел / сова / голубь / ворон / птица немилостивая / ужасная, которая сидит на дубу (реже на столбе / на плоту / на престоле)» (с. 36), «... смерть оборачивается, принимая разные облики ... Кроме того, веретено – это не просто вращающийся предмет, а древнейшее приспособление для прядения, так что можно говорить и о символике прядения и пряжи, нити человеческой жизни ... Тогда птица Веретено / Веретеница – русская параллель древнегреческим мойрам и римским паркам». (I. Raikova, *Русские загадки о смерти...*, с. 37)

«В причитаниях смерть, персонифицируясь, не получает, как правило, ясного антропоморфного облика (калика переходящая, в которую иногда превращается смерть, представляет собой пока еще не выясненное исключение), что позволяет воспринимать ее как высшую, неведомую и таинственную силу». «О более ранней образной природе смерти в русских похоронных причитаниях свидетельствуют целая цепь ее определений – «голодная», «холодная», «неумная», «недосудная», «смерть-злодей», «змея лютая», «кропивка кровожадная», «постоянный антропоморфизм ее действий: она приходит, не спросясь, украдкой, никогда не стучится в ворота и пр.», «Смерть (как болезнь и горе) тоже имела, по всей видимости, на какой-то определенной стадии развития, и постоянный антропоморфный облик. В поздних по времени записях смерть представляется женщиной: «Вот шел человек в час ночи, а по улице идет женщина. В одной хате светилось, там человек лежал, болел. Как женщина вошла в хату, там заголосили: умер. Там говорят, это смерть была, душа вышла». «По поверьям славян, «смерть и болезнь олицетворялись в образах демонических старух (Морена, Мара, Куга, Смертница и т.д.), которые предвещают кончину человека или же сами поражают его смертным ударом». (с. 21, 22), «по древним представлениям, смерть, как и все живое, была смертна, а потому ее должно похоронить так же, как мертвого». (с. 23) (В.И. Еремина: *Ритуал и фольклор...*)

В народной традиции сохраняются не только различные, региональные главным образом, представления о возможных обликах смерти, но и «особая манера поведения (например, она то безмолвно бродит по селу, то на ходу громко стонет, плачет, причитает; просовывает руки в окно и хлопает в ладоши; проникнув в дом, встает в ногах или в изголовье лежащего больного [в ногах или в изголовье, что для примеров из сказок в предыдущей сноске было не равнозначно – П.Ч.]), «для образа Смерти-женщины характерны подчеркнутая худоба и костлявость, запавшие глаза и рот, иссохшие руки-ноги, – что свидетельствует об иномирной природе этого персонажа, генетически связанного с категорией «возвращающихся покойников» (ср. смерть – первый умерший человек, точнее первопокойница, у А.К. Байбурина в приведенной раньше цитате). (Л.Н. Виноградова, *Персонификация Смерти в фольклорной традиции восточных славян и в древнерусской иконографии*. [В:] Она же: *Мифологический аспект славянской фольклорной традиции*, Москва: Индрик, 2016, с. 175) Та же идея происхождения смерти развивается дальше: «генетические корни анализируемого персонажа, по-видимому, восходят к классу «возвращающихся мертвецов» (в виде их посмертной души или телесных останков)», «людей забирают на тот свет их умершие родственники». (с. 177)

Объясняется также многообразный характер действия смерти: «Чаще всего Смерть с косой в руке просто появляется в доме своей жертвы, но человек умирает от одного ее присутствия, или от взгляда, прикосновения, или от капли яда, скатывающейся

с лезвия косы в рот умирающего, или от других способов воздействия». Смерть, отмечается далее, согласно белорусским повериям, «*душыць*». «В селах польского Подлясья рассказывали, что она, вместо косы, носила с собой мешок, в который собирала души уморенных людей (B. Wağanowski, *W kręgu upiórów i wilkolaków*, Łódź: Wyd. Łódzkie, 1981, s. 269). А в чешских быличках Смерть приходила в дом, держа в руке ветку, которой она прикасалась к груди человека – и тот засыпал вечным сном (Z. Profantová, *Językowy obraz śmierci na Słowacji*. „Etnolingwistyka”, Lublin, 1998, t. 9/10, s. 113)». (с. 177)

Характер действия Смерти при этом неоднозначен: «Кроме очевидной функции прерывания человеческой жизни, приписываемой этому персонажу, Смерть в славянской мифологии часто выступает в роли предвестницы кончины человека (а не его убийцы), и в этом смысле она заметно сближается с образом персонифицированной Судьбы, Доли-Злочастия». «Вторая, тоже очень популярная у всех славян, функция этого персонажа – насылание болезней – позволяет отметить черты сходства Смерти либо с образами какой-нибудь конкретной болезни, либо с персонификацией повальных эпидемий и мора на людей. Такие совпадения (вплоть до полного неразличения) обнаруживаются и во внешнем виде Смерти, если она изображается как женщина в белом или черном убранстве; и в манере поведения: она стучит в окно или окликает свою жертву по имени; проникает в дом через замочную скважину; наваливается на больного, душит его; громко стонет или причитает, переходя от дома к дому; машет «окровавленной хусткой», рассеивая вокруг заразу, и т.п. Эта же функция отмечается в ряде типовых сюжетов о Смерти. Например, она просит рыбака перевезти ее на другой берег реки и за эту услугу обходит стороной его двор, в то время как все село вымирает. Либо Смерть уговаривает встречного, чтобы он носил ее на спине от села к селу (после чего везде гибнут люди), и оставляет в живых лишь человека, носившего ее». «Для полесских верований очень характерно сближение образов Смерти и Моровой болезни» (с. 178), «значительная группа признаков позволяет установить сходство Смерти с типичной нечистой силой)», «невидимую Смерть чувствуют собаки, которые своим лаем «ведут» ее по селу» [«ведут» здесь, видимо, следует понимать как лаем сопровождают ее в ее продвижении по селу – П.Ч.] (с. 179).

На материале польских волшебных сказок, а также, отчасти, легенд выводятся следующие признаки смерти, отмечаясь при этом, что «в данном типе народной прозы Смерть может принять любой облик: животного или человека (священника, еврея, знакомого соседа, родственника), а также огонька или каменной фигуры Богоматери». Вместе с тем «в сказках преобладает женская ипостась Смерти. Она изображается как обыкновенная женщина или женщина с признаками скелета. Для внешнего вида антропоморфной Смерти характерны в основном два признака: цвет, который касается ее наряда, а кроме того рост и телосложение. Чаще всего она выглядит как худая, высокая, безобразная женщина в белой, реже черной (или грязной) одежде: „Śmierć, jest to kobieta chuda, bardzo wysoka i w białym odzieniu. Ukazuje się ona temu, kto ma umrzeć wkrótce”; „staruszka, chuda koścista”; „pani, wielgá, wysoka, biało ubrana”; „strasná biáá pani”. Помимо «чрезмерной худобы безобразия Смерти-скелетоподобного существа подчеркивается иногда отсутствием глаз и носа». (I. Rzepnikowska, *Представления о смерти...*, с. 125, с цитатами из источников) «Одно из наиболее интересных воплощений Смерти зафиксировано в Малопольше. На первый взгляд она лишена антропоморфных признаков, поскольку сначала в ее характеристике доминирует соотнесение с туманным столбом, но на одном его конце видны женские руки, а на другом – ноги». И, как уже отмечалось, нет сколько-нибудь единого воображения об облике смерти, поскольку даже ее «представления о женском обличье Смерти в польских сказках колеблются от фигуры ясно очерченной до расплывчато-мерцающей». (с. 126)

Что касается происхождения Смерти, «в сказках и несказочной прозе» это «не объясняется. По сюжетному типу, который можно отнести к быличкам, известно лишь, что первоначально участь людей решали три Смерти (Т 7010 „Trzy śmiercicki”). Поскольку одна из них стала хромо́й, попросила своих спутниц идти медленнее, а когда они оказались равнодушны к ее просьбам, стала угрожать, что передаст людям лекарство от кончины. И на этот раз, не дождавшись ожидаемого результата, хромая Смерть на самом деле раскрыла людям тайну бессмертия, но сама подвергла себя... смерти. Перед гибелью успела, однако, уничтожить косо́й одну из своих спутниц, в результате чего о́стала́сь лишь одна Смерть. Смертность самих Смертей становится понятной лишь в контексте народного этиологизма, с одной стороны, объясняющего существование в мире лишь одной Смерти, с другой – толкующего бессмертие людей как нарушение установленного порядка вещей, за сохранение которого вступают две нехромы́е Смерти». (с. 127)

«Смерть мыслится частью божественного порядка мира, залогом его гармонии и равновесия в основном в тех случаях, когда ее пытаются уничтожить или обезвредить люди, например, хитростью заманивая ее в гроб (сундук), мешок, табакерку, о чем повествуют многочисленные варианты сюжетов» (что отмечалось в сюжетах с попытками ее обхитрить, обойти, обмануть, отсрочить ее приход – см. в сноске 23). «Опасным, угрожающим космическому равновесию оказывается знание человеком срока своей смерти. Он лишается этой информации, поскольку перспектива скорой кончины приводит к потере интереса к своим обязанностям или небрежному их выполнению». (с. 129, см. об этом также работу: С.М. Толстая, *Почему люди не знают срока своей смерти?* [В:] *Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Н.И. Толстого*. Отв. ред. С.М. Толстая, Москва: Индрик, 2013, с. 253–268)

«Основная функция Смерти – функция прерывания человеческой жизни. Сказочный герой преимущественно испытывает страх перед кончиной, поэтому всячески пытается отсрочить ее наступление». «Смерть оказывается, однако, неумолимой, что объясняется отсутствием у нее слуха, которого лишил ее Бог в наказание за проявленную когда-то жалость к женщине-матери маленьких детей. С тех пор она стала беспристрастной к любым человеческим просьбам». (с. 130) Из чего неизбежно следует, что Смерти, не только первоначально, свойственны человеческие движения: «в исключительных случаях Смерть может проявить к человеку милость, например, в ответ за оказанную ей услугу. Благодарная Смерть прибавляет несколько лет жизни мужику, который переносит ее через реку, бедной служанке, принявшей ее за нищенку и угостившей кашей, а даже людям случайно освободившим ее из ловушки, поскольку, как можно полагать, они противодействуют установлению нежелательного порядка вещей». (с. 131) «Иногда благодарная Смерть обещает человеку посылать своих *послов*, т.е. знаки приближающейся кончины: ухудшение здоровья, выпадение зубов и поседение волос». (с. 132)

При том, что «Тенденцию к персонификации смерти в сказке и несказочной прозе следует считать преобладающей», «смерть выступает» в них также «как некая трансцендентная нематериализованная сила, детерминирующая жизнь человека вопреки его воле» (с. 133). «В народной прозе», – сообщается далее, – «можно отметить понимание смерти как исчерпывание жизненной энергии, распад, уничтожение форм, т.е. можно выделить процессуальный аспект смерти». (с. 134)

Обстоятельный и разносторонний материал, с опорой на многочисленные источники в отношении смерти, в том числе с описанием ее обликов, агентов и атрибутов, видов смерти, причин умирания, времени, знаков, предвестий, гаданий на смерть, форм защиты, представлений в фольклоре и т.п., можно найти в словарной статье: С.М. Толстая, *Смерть*. [В:] *Славянские древности...*, т. 5, 2012, с. 58–71.

Философствующий и абстрагирующий взгляд на тот же предмет находим в работе: А.В. Малинов, *Образ смерти в русской сказке*. „Вече. Альманах русской философии и культуры”, вып. 3, Санкт-Петербург, 1995, с. 163–178. В ней, впрочем, нет ожидаемого представления образа, но отмечается нечто другое: «Смерть в сказках понимается пространственно, а не временно ... время в смерти сжимается, становится незаметным, неважным, незначительным; с другой стороны, смерть обладает собственным пространством и определенной топографией. Можно обнаружить топос смерти, но не ее хронос». (с. 168–169) «Смерть», – сообщает с своем заключении автор, – «не представляется как конец жизни (кончина) [в сказках – П.Ч.], производства (продукт), повествования (концовка), истории (эсхатология)... – она разворачивается в бесконечность самопорождающегося (для того, чтобы тут же вновь рассыпаться) мира. ... Смерть бесконечна». (с. 178) В таком же философствующем направлении, применительно к сказке как форме осмысления жизни (не смерти), см. работу в том же альманахе русской философии и культуры: А.Е. Рыбас, *Философия русской сказки*. „Вече. Альманах русской философии и культуры”, вып. 28, Санкт-Петербург, 2016, с. 113–124. О философском аспекте, но не на сказочном, а на художественном материале, с мотивом «циклического круговорота жизни и смерти», в том числе и с идеей «передвижения в пространстве», см. также: Н.В. Злыднева, *Смерть как возвращение*. [В:] *Категории жизни и смерти в славянской культуре*. Сборник статей, Москва: Институт славяноведения РАН, 2008, с. 156–165.

²⁵ Касаясь вопроса экзистенциалистского отношения к смерти, приходится сталкиваться с двумя противоположными направлениями, представленными М. Хайдеггером и Ж.-П. Сартром. Не вдаваясь в пространные рассуждения по теме, поскольку это не наш вопрос и не наша специальность, и к тому же об этом написано много, обратимся к работе, в краткой, но сжато определяющей форме затрагивающей важные положения в данной связи: С.А. Величко, *Концепт смерти в европейской философии XX века*. „Культура народов Причерноморья”, 2012, № 244, с. 190–194. Со ссылками на источники в ней отмечается, в первую очередь, то, что «Смерть для Хайдеггера – «это способ быть, онтологически наличествовать, который принимает вид «здесь бытия». (с. 192, здесь и далее разрядка моя – П.Ч.) «Смерть – это судьба личности, это онтологическая структура человеческого бытия, это одно из основных проявлений временности существования индивида. И чтобы быть подлинным, человек должен жить, ориентируясь на свою смертность, а не так, как будто он бессмертен [Е.К. Краснухина, *О смысле конечного существования. Проблема смерти в экзистенциализме М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра*. „Вестник Ленинградского ун-та”, 1991, с. 16]». (Там же) «Вырваться за пределы этого неподлинного существования можно, только ощутив «экзистенциальный страх», который открывает перед человеком новую перспективу – смерть [В.Ш. Сабиров, *Этический анализ: проблемы жизни и смерти*, Москва: Знание, 1987, с. 17]». (Там же) «Смерть, по Хайдеггеру, в самом широком смысле есть феномен жизни, ибо «здесь бытие не имеет кончины [М.А. Шенкао, *Смерть как социокультурный феномен*, Киев: Ника-центр, 2003, с. 202]». (Там же) «Бытие-к-смерти становится модусом подлинного существования человека и воплощением амбивалентного родства Бытия и Ничто. Человек обращен к смерти, проектирует и осиливает ее, обретает принадлежность к истине Бытия и к истине Ничто [А. Демичев, *Дискурсы смерти. Введение в философскую танатологию*, Санкт-Петербург: Инапресс, 1997, с. 54]». (Там же) «Онтологический статус смерти в учении Хайдеггера очень высок. Будучи храмом бытия, танатос является тем феноменом, без которого подлинное существование человека просто невозможно. Метафизически, по мнению мыслителя, уход не является концом существования, так как человек после смерти переходит из одного вида бытия в другой». (Там же)

«В отличие от Хайдеггера», – пишет далее автор, – «Сартр настойчиво подчеркивает абсурдность смерти: «Смерть никогда не придает смысл жизни; наоборот, она в принципе лишает ее всякого значения» [Цит. по: Е.К. Краснухина, *О смысле конечного существования...*, с. 12]». (Там же, с. 193) «Если для Хайдеггера смерть – это будущее измерение человеческого существования, то для Сартра смерть, напротив, связана с модусом прошлого времени: «В момент смерти человек весь обращается в свое прошлое, его субъективность становится чистой объективностью, фактичностью, переставая существовать как свободно проектируемая человеческая реальность», – считает философ [Цит. по: Е.К. Краснухина: *О смысле конечного существования...*, с. 13]». (Там же) «Кроме того, смерть, по мнению Сартра, не может быть индивидуализирована или субъективизирована. То, «что смертен всегда другой, а не я», есть, согласно Сартру, подлинная, а не иллюзорная характеристика экзистенции. Для меня самого смерть «есть победа точки зрения на меня другого над моей собственной точкой зрения, победа моей жизни, объективно увиденной извне, над моим существованием, переживаемым изнутри...» [Е.К. Краснухина, *О смысле конечного существования...*, с. 16]». (Там же)

В еще одной работе на ту же тему, хотя и в другой связи, можно встретить такие соображения: «По М. Хайдеггеру, смерть понимается в смысле «предстоящего, встречного в окружающем мире события. Предстоять может, к примеру, гроза, перестройка дома, приезд друга, стало быть сущее, которое налично, подручно или сопresentует» [М. Хайдеггер, *Бытие и время*. Перевод с нем. и примеч. В.В. Бибихина, Москва: Ad Marginem, 1997, с. 250]. Таким образом, автор рассматривает смерть как заботу. [Там же]». «Это специфическое усматривающее-толкующее приближение озаботившего называется соображением. Его схема: «Если – то» – схема актуализации приближения будущего» [Там же, с. 341, 359]». (С.В. Туганова, *Экзистенциальное понятие смерти в суеверном сознании (на материале русских и английских примет антропологической направленности)*. „Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета“, 2011, №1 (23), с. 192).

Напомним еще одно положение, типичное для М. Хайдеггера, цитировавшееся несколько по другому поводу, с представлением о собственной смерти, но с акцентом на сей раз на необходимости, с тем, чтобы «жить в направлении своей собственной экзистенции», «взять курс ... на свою собственную смерть». (Г. Лукач, *Экзистенциализм...*, с. 44)

²⁶ Проблематике обонятельного восприятия смерти, хотя с другой точки зрения, – как признак приближающейся смерти, запах земли, которая в себя заберет, старения, т.е. старческий запах, запах «нечистой смерти» либо, напротив, благоухания, исходящего от праведника и его мощей, и «как важный канал общения человека с потусторонним миром», что позволяет либо узнать об ожидаемой близкой смерти либо, напротив, защитить себя от нее, посвящена небольшая работа: Г.И. Кабакова, *Запах смерти*. „Славяноведение“, 6, 2000, с. 21–25.

²⁷ О семантике молока трудно судить однозначно. Мотивы, с ним связанные, вращаются главным образом вокруг продуцирующей или защитной магии. (См. статью: С.М. Толстая, *Молоко*. [В:] *Славянских древности...*, т. 3, 2004, с. 284–288) То, что не прямо, а косвенно, позволяло бы как-то соотносить подавание милостыни молоком в отношении, указанном в разбираемой примете, можно усматривать в представлениях о связи молока с потусторонним миром, где *молочные реки и кисельные берега*, или в таком стихе, согласно «Славянской книге мертвых», *Ирию мой прекрасный ... В тебе, Ирию, реки дивные / Мёдом и млеком текут-истекают* (Волхв Велеслав, № 19, впрочем, без указания на источник), а также в таком свидетельстве, приводимом С.М. Толстой:

«Первое надоенное М. раздавали на помин души, выливали в текучую воду, чтобы целый год М. текло как вода». (Указ. соч., с. 286) В той же статье уделяется немало внимания отождествлению молока с водой, в разных, опять же, как правило продуцирующих либо защитных, значениях, проявлениях и функциях. Если связать молоко с молочными реками (= водами) того света, можно было бы допустить, что раздавание милостыни молоком предполагало бы провоцирующее воздействие в отношении 'вод того света' на *огонь в аду около родственников*. При таком допущении это была бы уже несомненно мифологическая, а потому, отчасти, возможно, также утраченная и скрытая для сознания и осознания мотивационная связь.

²⁸ Мотив этот реализует себя в «Страшной мести» у Гоголя, в поколениях поочередно встающих из своих могил мертвецов, каждый последующий из которых «еще страшнее, еще выше прежнего», в муках и непреодолимом желании съесть последнего в роде своем, который, уже как мертвец, «увидел поднявшихся мертвецов от Киева, и от земли Галичской, и от Карпата, как две капли воды схожих лицом на него». «Бледны, бледны, один другого выше, один другого костистей ... И все мертвецы вскочили в пропасть, подхватили мертвеца и воззили в него свои зубы. Еще один, всех выше, всех страшнее, хотел подняться из земли; но не мог, не в силах был этого сделать, так велик вырос он в земле; а если бы поднялся, то опрокинул бы и Карпат, и Седмиградскую и Турецкую землю; немного только подвинулся он, и пошло от того трясение по всей земле». (Цит. по изд.: Н. Гоголь, *Собрание сочинений*, Москва: Изд-во «Правда», 1952, т. 1, с. 119, 144) Так представлен у Гоголя этот их первопродок.

М.Д. Алексеевский в работах, посвященных вызыванию и кормлению своих умерших, или «родителей», «с целью задабривания», «застолье мертвых» и «общая трапеза» (*Покойник как символический участник...*), обращает внимание на «мотив раскрытия могилы» (с. 229) как «призыв к невозможному и, в сущности, даже нежелательному» (с. 231, со ссылкой на: А.К. Байбурун, Г.А. Левинтон, *Похороны и свадьба*. [В:] *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд*, Москва: Наука, 1990, с. 72) и на «Оживление покойника», или «вызывание его с того света», при котором «душа возвращается в безжизненное тело, получая возможность двигаться, видеть, слышать, говорить, ходить». (с. 239) Происходит при этом «Встреча покойного», усаживание его за стол, при котором покойник, а не живущие, приглашает и рассаживает предков рода. Тем самым, предполагается, что крайне важно, «адресное обращение», посредничество, с соблюдением иерархии умерших, живые не имеют возможности и не должны обращаться к своим предкам-покровителям непосредственно (обладающим наиболее высоким статусом), делает это за них их умерший «родитель». Поскольку «безадресное обращение ко всем умершим с призывом явиться считается недопустимым и опасным как радикальное разрушение границы между живыми и мертвыми, чреватое негативными последствиями, недавно умерший покойник выступает посредником между живыми родственниками и умершими предками». Предки-покровители «воспринимаются как самые дорогие гости, в то время как недавно умерший покойник пользуется меньшим почетом, более того, он отчасти выполняет функции хозяина, а не гостя, рассаживая невидимых гостей». (*Мотив оживления покойника...*, с. 245 двух последних цитат, здесь и далее разрядка моя – ПЧ).

В тех же его работах, впрочем не только в них (к мотиву о молоке в предыдущей сноске), определяется так называемое прямое и косвенное кормление, при котором **«кормят не самого покойника, а его символических «заместителей»:** священника, нищих и х, странников, птиц и т.д.), поскольку «кормление «чужих» равнозначно кормлению самого покойника» (*Покойник как символический участник...*, с. 31), «угощение нищих осмысливается как кормление умерших родственников». (*Мотив оживления покойника...*, с. 256)

То же различие отражено в работе Я.С. Иващенко, *Традиционные обряды кормления...*: «Сухим табаком угощали души давно умерших сородичей, тогда как трубку с подожженным растением готовили для тех, кто умер недавно или еще не погребен. Границей между категориями «давно умершие» и «недавно умершие» у народов Приамурья был обряд переправления души в потусторонний мир *буни / були*, т.е. первые уже «достигли» нужного места, а вторые еще нет». (с. 111–112)

Имеется еще одно существенное различие, при котором «приглашаемые мифические персонажи должны были участвовать в трапезе вместе с семьей, а покойные предки, для которых оставлялась еда и посуда на столе, должны были, как правило, ужинать отдельно от семьи. С этим, видимо, связана и разная локализация еды (приглашаемым персонажам она подносилась к границам, а предкам оставлялась на столе), и разный способ – «активный» и «пассивный» – угощения (подношение и оставление на столе)». (Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая, *Ритуальные приглашения...*, с. 174)

Как сообщается далее, «Выделяются следующие группы персонажей: 1) Бог (болг., макед., реже – южносербск; карпат. и вост.-слав.); Богородица (болг., макед., юж.-серб.); святые – Герман (юж.-слав.), Никола (польск. краковск.), Василий (белор.), все святые (карпато-укр.), ангелы (польск.); 2) демонология: ведьма, чаровница (польск.), чернокнижники, планетники (карпат.), домовый (полесск.), черт, нечистик (карпат.); 3) души предков, умершие родственники; члены семьи, умершие в течение года; умершие неестественной смертью, утопленники, висельники и т.п. (юж.-слав., карпат., полесск.); 4) праздники: все праздники (серб.), Божич (макед., серб.), Коляда (полесск., русск. владимирск.), Щедрик (полесск.); рождественские обрядовые персонажи щедравальники (моравско-словацк. пограничье); 5) стихии: мороз (вост.-слав.), туча (юж.-слав., карпат.), ветер (макед.), буря (карпат.), град (серб.); 6) звери: волк (зап.-слав., карпат., редко – полесск., серб.); медведь (русс. калуж.), дикие звери вообще (серб., зап.-слав., русск. калуж.); мелкие грызуны – мыши, крысы и т.п. (полесск.); домашний скот (карпат.); 7) птицы (польск., карпат., серб.), воробьи (польск.), ястреб (моравск.), птицы-ирицы (карпат.); 8) гады (ужи, жабы) (локальн. полесск.); 9) насекомые – жуки, оводы, клопы, тараканы, блохи (локальн. белоруск. Витебск., полесск. киевск.); 10) болезни – лихорадка, болезни злаков «ржа», «бель» (локальн. белоруск., карпат.); 11) фруктовые деревья (локальн. словацк.).» «При всей разнородности этих персонажей», – по заключению авторов, – «приведенный ряд обнаруживает, как и другие функционально-символические ряды, несомненное семантическое единство, позволяющее говорить об определенном архетипе приглашаемого персонажа, описываемом такими характеристиками, как принадлежность к «тому», нездешнему миру, миру предков, имеющих власть над природными силами, осадками, урожаем, приплодом скота и т.п.». (с. 185–186)

Видимо, можно говорить, опираясь на представленный ряд «потусторонних» либо с тем светом связанных персонажей, приглашаемых к трапезе, об определенной их иерархии, в которой души предков, умершие родственники и т.п. занимают довольно высокую позицию (3), после божественных, святых и наделенных сверхъестественными способностями.

²⁹ Ср., в указанной связи, мышей как персонажей, приглашаемых к трапезе в ряду других зверей (п. 6 в предыдущей сноске). А.В. Гура, приводя в качестве примера то же разбираемое, но определяемое им как белорусское, поверие, замечает, со ссылкой на Мошиньского (К. Moszyński. *Kultura ludowa Słowian*, t. 2: *Kultura duchowa*, cz. 1, Warszawa: Grafika, 1968, s. 557), что «В образе мышей представляют души умерших». (А.В. Гура, *Символика животных...*, с. 405, разрядка источника) Там же находят свое отражение и многие другие стороны традиционных представлений, связанных с мышами, в том числе в их отношении к смерти и как предвестников смерти. О мышах в их

положении к потустороннему и мертвому см. также работу: M. Nadel-Czerwińska, *Мышь в фольклорной традиции восточных славян*. „Zoophilologica. Polish Journal of Animal Studies”, Nr 3/2017 *Podmiotowość*, с. 97–107.

³⁰ См. в этой связи такие немаловажные соображения: поскольку «порог отделяет свое, домашнее, защищенное пространство от чужого, населенного разными силами, в том числе и недобрыми ... переступая эту границу с открытым (жующим) ртом, человек позволяет нечистому вселиться в него». (И.А. Панкеев, *Тайны русских суеверий*, Москва: Яуза, 1997, с. 55) Ср. также обычай у православных русских с той же целью крестить рот, открывая его при зевании (но также и чтобы душа через рот не отлетела).

Об открытых глазах покойника подробно пишет М.В. Ясинская (*Мотивы, связанные со зрением...*, с. 531). Приведем лишь некоторые свидетельства из ее работы со ссылками на источники: «Для живых открытые глаза покойника выступают как дурная примета – предвестие еще одной смерти в доме или по соседству, так как умерший «высматривает» следующего покойника». (Довольно известное и общераспространенное поверие, здесь и далее разрядка моя – П.Ч.) «У балканских славян незакрытые глаза умершего могут свидетельствовать о том, что он отошел в мир иной с неисполненными желаниями (болг., серб.) [М. Галанова, *Представи за омото и зрението в традиционната култура на славяноезичните балкански народи*. [В:] *Этнографски проблеми на народната култура*, т. 8, София: Институт за етнология и фолклористика с Етнографски музей при БАН, 2011, с. 289]». «В Орловской губ. не разрешалось перед трапезой класть ложку «вверх лицом», иначе умрешь с раскрытым ртом и глазами [А.Л. Топорков, *Структура и функции сельского застольного этикета у славян*. [В:] *Этнознаковые функции культуры*, Москва: Наука, 1991, с. 196]». В приведенном случае отмечается, что перед трапезой, а не вообще, как в разбираемом нами поверии. «Характерным в этом смысле представляется болгарское проклятие: *Да те видя облъиценъ (умръль съ несклопени очи)* (Чтобы я тебя увидел с выпученными глазами после смерти (чтобы ты умер с незакрытыми глазами) [М. Дабева, *Български народни клетви. Принос към изучаването на народната душа и народния живот*, София: Печатница С.М. Стайкова, 1934, с. 99]». «Открытые глаза покойника представлялись каналом, по которому можно было «связаться» с умершим. Если кто-то был виноват перед покойником, для того, чтобы вступить с ним в контакт и попросить прощения, нужно было открыть глаза умершего: «В случае невольного убийства... в Орловской губернии виноватый кланялся покойнику, открывал ему глаза, просил простить, затем закрывал их и менялся с мертвым крестами» [Т.А. Новичкова, *Русский демонологический словарь*. Санкт-Петербург: Петербургский писатель, 1995, с. 381]».

³¹ В разбираемом случае стоит вспомнить о понятии Самости, которое принято вслед за К.Г. Юнгом рассматривать как архетип (ее же можно интерпретировать как категорию в отношении личности), представляющий глубинным центром и выражением психологической целостности индивида, объединяя сознательную и бессознательную части его психики. Согласно учению Юнга, Самость понимается как архетипическая позиция целостности, символ полноты и единства личности. Вместе с тем Самость непостижима, выражая «неразличимую сущность». «Начала всей нашей душевной жизни ... зарождаются в этой точке, и всё высшее и последние цели ... сходятся на ней». (К.Г. Юнг, *Аналитическая психология: Прошлое и настоящее*, Москва: Мартис, 1995, с. 219) См. изложение теории Юнга о Самости: М. Стайн, *Трансцендентный центр психики и целостность (Самость)*. [В:] Его же: *Юнговская карта души: Введение в аналитическую психологию*. Перевод с англ. под ред. Ю. Данько, Москва: Когито-Центр, 2010, с. 163–183.

³² О правом и левом в различных традициях и культурах написано очень много. Сошлемся для краткости лишь на одну работу в разбираемой связи: Н.И. Толстой,

Бинарные противопоставления типа правый – левый, мужской – женский. [В:] Его же: *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*, Москва: Индрик, 1995, с. 151–166. И о том же: С.М. Толстая, *Правый – левый.* [В:] *Славянские древности...*, т. 4, 2009, с. 233–237.

³³ См. известную во многих районах (Украины, Белоруссии, у сербов, болгар и балтийских народов) приводимую Н.И. Толстым полесскую легенду об аисте: «О происхождении буськи существует такое поверье: когда много развелось гадов на земле и человек стал терпеть от них много зла, Бог сжалился над человеком, собрал их всех в мешок, завязал и отдал одному человеку, чтобы он бросил мешок в печь, приказав ему не смотреть, что завязано в мешке. Человек не утерпел: развязал мешок, и гады все оттуда выползли. Бог за это обратил непослушного человека в аиста, приказав ему собирать гадов. Буська поэтому христианской веры, и считается за грех, если кто убьет его. [Д.Г. Булгаковский, *Пинчуки. Этнографический сборник*. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и К^о, 1890, с. 188]». (Н.И. Толстой, *Иван-аист.* [В:] *Славянское и балканское языкознание*, Москва: Наука, 1984, с. 115)

Ту же легенду приводит и А.Б. Страхов (*Балтославянский миф о происхождении аиста и античные параллели.* [В:] *Balkano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы*, Москва 1979, с. 106–108), усматривая связь аиста с небесным огнем и подземной водой (с. 107) и, проводя параллели с античными мифами, находит соотношение с аналогичным мотивом Пандоры и ее ящиком, который та, не удержавшись, раскрыла, выпустив многочисленные несчастья на землю. Немаловажным в этой связи видится не только происхождение аиста от человека, собственно говоря, он и есть человек, но и свойственное ему любопытство, которое можно интерпретировать как любознательность, неспособность подчиниться запрету и побуждающий действовать интерес, вопреки возможной опасности, а потому нередко рискуя. Вместе с тем, помимо этих в нем человеческих свойств, в аисте несомненно присутствует, исходя из легенд, и сверхчеловеческое начало, делающее его наделенным знанием, скрытым для человека, что находит свое отражение во многих поверьях о нем. Об аисте у славян см. также: В.И. Коваль, *Мифологические верования...*, с. 229–232.

Как отмечает В.Н. Грищенко, «В народных верованиях и фольклоре ... распространены представления о том, что, улетаая на зиму в дальние края, аисты превращаются там в людей, что они понимают человеческий язык, что аист – превращенный в птицу за грехи человек». (В.Н. Грищенко, *Белый аист в мифологии европейских народов и современные представления о происхождении индоевропейцев.* „Гуманітарна орнітологія“. Беркут 7, вип. 1–2, 1998, с. 122) В той же работе можно найти многочисленные отнесения к другим европейским и не только европейским представлениям и поверьям об аисте, с подробной литературой предмета.

³⁴ См. об этом в сноске 29: мыши – предвестники смерти. А.В. Гура в подтверждение данного положения приводит те же поверья и приметы с указанием их распространения: «когда прогрызут кому-то одежду или обувь (рус., морав.), шуршат под кроватью (бел.) или в изобилии начинают плодиться в доме (босн.-герцеговин.)». (А.В. Гура, *Мышь.* [В:] *Славянские древности...*, т. 3, 2004, с. 348) И то же самое, но с указанием на источники в своей работе *Символика животных...* (с. 405). Остается неясным при этом вопрос, почему мыши – предвестники смерти и какую связь с ней как с агентным и антропоморфным субъектом можно при этом усматривать. Не будем, однако, входить в его рассмотрение, что требует обстоятельности и погружения в предмет, лишь отметив его неслучайность.

³⁵ О меде и молоке в их отношении к потустороннему см., соответственно, сноски 14 (там же о смазывании маслом) и 27. Впрочем, предмет этот требует более глубокого и разностороннего определения, что не входило в задачу.

³⁶ В дополнение к сказанному о мухах в сноске 17 и применительно к разбираемому представлению существенными представляются следующие свидетельства: «летящие насекомые ... вслед за птицами, оказываются во всех славянских традициях наиболее типичной ипостасью человеческой души. По представлениям жителей Смоленской губ., душа вылетает из умирающего мухой, бабочкой или птичкой [В.Н. Добровольский, *Смоленский этнографический сборник*, Санкт-Петербург: Типография Е. Евдокимова, 1894, ч. 3, с. 307]. Судя по материалам восточнославянских быличек, муха-душа способна покидать тело не только умершего, но и спящего человека. Особый интерес представляют зафиксированные на Житомирщине поверья о том, что зимующие в доме мухи воспринимались как души – двойники живых домочадцев, т.е. мух остается в доме на зиму якобы ровно столько, сколько человек в семье, и если убить одну муху, то кто-то из обитателей дома умрет [А.В. Гура, *Символика животных...*, с. 440]. Сходным образом душами умерших родственников поляки Живецкого восе. считали ос и мух, оставшихся в доме в зимнее время, особенно тех из них, которые летали над столом в Рождественский сочельник [К. Moszyński, *Kultura ludowa Słowian...*, t. 2, cz. 1, s. 550]». (Л.Н. Виноградова: *Материальные и бестелесные формы...*, с. 148–149) По этой причине внезапное пробуждение мух зимой и их шумный полет в доме (пробудившиеся души умерших, но также, возможно, при этом живых) предвещают *домашнее неблагополучие и даже смерть хозяина*.

³⁷ Как отмечает О.В. Белова (ограничимся только этим свидетельством), «Исследователи соотносят Д.[ив] с птицей (филин, гриф, удод), предвещающей несчастье («Дивъ кличетъ връху древа»); с птицеобразным демоническим существом («уже връжесе Дивъ на землю»); с оборотнем или колдуном (удар Д. о землю как способ оборотничества); с аллегорической фигурой воинственного противника – половца. Более убедительной представляется интерпретация Д. в связи с гипотезой об иранском происхождении образа и его имени (ср. персид. *div, dev*, авест. *daeva* «злой дух, демон»). В иранском фольклоре встречаются дословные соответствия формулам СПИ [Слова о полку Игореве] *збися дивъ, уже връжесе Дивъ на землю*: «див бросился (кинулся)», «див треснул об землю и сдох». ... В ряде списков поучений против язычества (с XIV в.) в перечне славянских божеств Д. появляется на месте Симаргла, что дает возможность предположить некую функциональную преемственность между Симарглом (как иранского происхождения воинским божеством, воплощаемым хищной птицей?) и Д. ... В др.-рус. памятниках иранское имя «див» получает дополнительный оттенок за счет наслоения славянской семантики. ... В сербских и болгарских сказках Д. – человекоподобное существо огромного роста и силы (см. Великан), обладающее магическим знанием. ... С представлениями о Д. как вредоносном существе (персонификации болезни?) соотносится единичное поверье: «Лыхый див в полночь встает из болота, такой сухой, да высокий и с раздвоенной головой; если увидишь его, то тикай скорее, потому что если поймает, то такая пропасница (лихорадка) нападет, что жизни не рад будешь» (укр. ...). Ср. ст.-пол. *dziv* «чудовище, страшилище, урод», укр. *div* «злой дух, чудовище» ... Д. фигурирует в укр. проклятьях *Щоб на тебе Див прийшов!*, *Диво би на тебе зайшло* и поговорке *з доброго дива (сталось) <неожиданное происшествие, несчастный случай>*. (О.В. Белова, *Див. [В:] Славянские древности...*, т. 2, 1999, с. 91–92)

³⁸ Обходя многочисленные работы о мифологических представлениях в отношении совы, с тем чтобы не углубляться в по-разному определяемый предмет, укажем попутно только на два таких положения. Птица-душа (умершего) принимать может вид кукушки, голубя, ласточки, аиста, жаворонка, кулика и пр., а также совы, сыча, филина (Л.Н. Виноградова: *Материальные и бестелесные формы...*, с. 147). Первый ряд птиц от второго отделены не случайно, однако не будем и в это входить. И в загадке о смерти:

Сидит сова на корыте, Не можно ее накормити Ни попами, Ни дяками, Ни пиром, Ни миром, Ни добрыми людьми, Ни старостами. (Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Составил Д. Садовников, Москва: Современный писатель, 1995 (по изд. Санкт-Петербург: Типография Н.А. Лебедева, 1876 г.), № 2032, с. 314)

³⁹ Сошлемся в этом месте на работу Н.Е. Грысык, *Щука в верованиях, обрядах и фольклоре русских*. [В:] *Из культурного наследия народов Восточной Европы*. Сборник статей, Санкт-Петербург: Наука, 1992, с. 56–61. Автор в ней отмечает (перечислим лишь некоторые аспекты, имеющие для нас интерес) «мотив чудесного рождения героя от съеденной женщиной щуки», характерный для ряда восточнославянских сказок, чем обуславливается у белорусов связь щуки «с мужским началом: если беременной женщине снится щука, то у нее родится сын [М. Fedegowski, *Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905*, Kraków: Akademia Umiejętności, 1897, s. 215]»; общеизвестное представление о том, что «щука является хозяином воды» (с. 58); то, что «По представлениям русских водяной может выступать в образе щуки»; «В восточнославянских волшебных сказках щука нередко является чудесным помощником героя», «Исследователи отмечали, что благодарные животные – это тотемные предки», «с щукой также связан мотив оборотничества», «Колдун превращается в щуку во время преследования своего ученика». (с. 59) Данные положения могут, если не прямо, то косвенно, наводить на мысль о щуке не просто как обладателе знания о потустороннем и с этим о связи со смертью, но таком, которое будет иметь свое отношение к данному рыбаку.

А.В. Гура, в свою очередь, наряду с другими значениями щуки, приводит ту же примету со щукой, которая, если «плеснет хвостом перед рыбаком, то он вскоре умрет», «по белорусской примете – не проживет более трех лет», в подтверждение положения о том, что «Ей приписывается близкое знакомство с нечистой силой». (А.В. Гура, *Символика животных...*, с. 752)

⁴⁰ Мотив двойника в связи с представлениями о смерти появляется во многих работах. Приведем лишь некоторые свидетельства. Специально этому посвящена статья: Н.А. Криничная, *Двойник: к семантике мифологического образа*. „Русская речь”, 2013, № 5, с. 113–118, в которой затрагиваются разные стороны разбираемого отношения. Характеризуя целый комплекс особенностей, в первую очередь, она замечает, что «Этот персонаж представлен как воплощение души, которая может покидать тело человека, пребывающего в состоянии перехода: полудремоты, сна, болезни, агонии, смерти. Выход души из тела стимулируется мыслью и словом. Образ двойника рассматривается в контексте представлений о мифическом предке-родоначальнике» (с. 113, здесь и далее разрядка моя – П.Ч.).

Согласно предложенному ею положению двойник – это «знакомый незнакомец» (с. 113). И ему дается такое определение: «Знакомый незнакомец, или двойник, – это мифическое существо, сверхъестественный аналог человека, имеющий с ним полное сходство (черты лица, фигура, рост, даже физические увечья, равно как и походка, жесты и голос) или же внешне очень похожий на данного человека. В любом случае он осмысливается как подставное лицо», «двойник является неким средоточием жизненной силы, или души, того субъекта, копией которого он оказывается». (с. 114)

Двойник, отмечается далее, «Это внешняя, или свободная, душа, наделенная способностью повторять действия своего владельца» (с. 115), «душа-двойник совершает автономное странствие со смертью ее владельца». «Будучи обитателем загробного мира, душа умершего, воспользовавшись моментом, когда «размыкаются» миры, может в виде двойника-призрака странствовать по земле либо блуждать в медиативном пространстве». (с. 116)

И в отношении к людям, при встрече с ними, «знакомый незнакомец», «хотя какое-то время и фигурирует в мире людей», «остается совершенно отрешенным, отстраненным от него», «людей он как бы не видит», «загадочный двойник людей не слышит. Когда же, случается, что-то произносит, то невнятно, нечленораздельно, непонятно. Оказавшись «здесь», знакомый незнакомец как бы продолжает оставаться «там», контакт с ним «чреват опасностью, поскольку он не регламентирован ни ритуалом, ни этикетом. Подобный персонаж исчезает бесследно и так же внезапно, как и появился». (с. 117)

Понятие двойника получает свое воплощение также в таких поворотах. «Образ человека, душа – его двойник». (Л.Н. Виноградова, *Материальные и бестелесные формы...*, с. 142) «Домовая змея или уж – двойник, тень, душа кого-то из живых домочадцев (а также душа первого умершего хозяина)». (Там же, с. 151). «По представлениям русских крестьян, домовый – предок, покойник, двойник, рачительный «хозяин» дома, «хозяин» судеб живущих в доме людей». (Н.А. Лантух, *Дом как сакральный центр...*, с. 134) И близко к тому, о чем речь в разбираемом материале: «Смерть часто предстает как **антропоморфный персонаж**. Она приходит к тому, кому скоро умереть, в облике хорошего знакомого, живого родственника или даже двойника того, кому умереть». (И.А. Подюков, *Образы смерти...*, с. 169) «Двойник умершего человека живет в мире мертвых столько же лет, сколько там жил человек в настоящей жизни». (Н.Н. Велецкая, *Языческие представления о смерти у славян*. [В:] *Македонски фолклор. Le Folklore Macedonien*, N VII, 14. Скорје, 1974, с. 31)

⁴¹ В отношении тени также можно встретить замечания у многих авторов. Не вдаваясь в подробности, сошлемся на упоминавшуюся ранее обстоятельную статью (А.А. Плотникова, *Тень*. [В:] *Славянские древности...*, т. 5, 2012, с. 262–265) и приведем такие высказывания из цитировавшейся перед этим работы Н.А. Криничной: «К категории «свободной души» относится и персонифицированная тень. Отбрасываемая человеком тень у многих народов считается вместилищем его души [С.А. Токарев, *Душа*. [В:] *Мифы народов мира*. В 2 т., Москва: Советская энциклопедия, 1980, т. 1, с. 414]», «представления о душе-тени» осмысливаются, в частности, «в качестве двойника самого индивида». (Н.А. Криничная, *Двойник...*, с. 116, разрядка моя – П.Ч.). О смерти, являющейся в облике тени, см. в сноске 24 со ссылками на статьи А.А. Плотниковой и С.М. Толстой.

⁴² This is the house that Jack built. This is the malt that lay in the house that Jack built. This is the rat that ate the malt That lay in the house that Jack built.

This is the cat that killed the rat That ate the malt that lay in the house that Jack built.

This is the dog that worried the cat That killed the rat that ate the malt That lay in the house that Jack built.

This is the cow with the crumpled horn That tossed the dog that worried the cat That killed the rat that ate the malt That lay in the house that Jack built.

This is the maiden all forlorn That milked the cow with the crumpled horn That tossed the dog that worried the cat That killed the rat that ate the malt That lay in the house that Jack built.

This is the man all tattered and torn That kissed the maiden all forlorn That milked the cow with the crumpled horn That tossed the dog that worried the cat That killed the rat that ate the malt That lay in the house that Jack built.

This is the priest all shaven and shorn That married the man all tattered and torn That kissed the maiden all forlorn That milked the cow with the crumpled horn That tossed the dog that worried the cat That killed the rat that ate the malt That lay in the house that Jack built.

This is the cock that crowed in the morn That waked the priest all shaven and shorn That married the man all tattered and torn That kissed the maiden all forlorn That milked the cow

with the crumpled horn That tossed the dog that worried the cat That killed the rat that ate the malt That lay in the house that Jack built.

This is the farmer sowing his corn That kept the cock that crowed in the morn That waked the priest all shaven and shorn That married the man all tattered and torn That kissed the maiden all forlorn That milked the cow with the crumpled horn That tossed the dog that worried the cat That killed the rat that ate the malt That lay in the house that Jack built.

This is the horse and the hound and the horn That belonged to the farmer sowing his corn That kept the cock that crowed in the morn That waked the priest all shaven and shorn That married the man all tattered and torn That kissed the maiden all forlorn That milked the cow with the crumpled horn That tossed the dog that worried the cat That killed the rat that ate the malt That lay in the house that Jack built.

См. о таком построении: В.Я. Пропп, *Кумулятивная сказка*. [В:] Его же: *Фольклор и действительность*. Избранные статьи, Москва: Наука, 1976, с. 241–257; С.М. Лойтер, *О жанровой специфике кумулятивной сказки*. [В:] *Проблемы изучения русского устного народного творчества. Республиканский сборник*, вып. 6, Москва: Московский областной гос. пед. институт им. Н.К. Крупской, 1979, с. 18–28; А.М. Новикова, *Народные кумулятивные песни*. [В:] *Проблемы изучения русского устного народного творчества. Республиканский сборник*, вып. 6, Москва: Московский областной гос. пед. институт им. Н.К. Крупской, 1979, с. 75–88; И.Ф. Амроян, *Типология цепевидных структур*. „Кунсткамера. Этнографические тетради”, Санкт-Петербург, 1995, вып. 8–9, с. 286–293; А.В. Рафаева, *Изучение кумулятивных сказок: Формальный и типологический аспекты*. „Живая старина”, 2002, № 1, с. 50–52; А. Кретов: *Сказки рекурсивной структуры*. [В:] http://www.ruthenia.ru/reprint/trudy_i/kretov.pdf (дата обращения: 18.07.2021); А. Кретов: *Рекурсивные сказки-2*. [В:] <https://www.ruthenia.ru/folklore/kretov1.htm> (дата обращения: 18.07.2021).

⁴³ Л.Н. Виноградова отмечает, что лягушке у славян присуща «женская или детская символика». «В виде лягушек существовали на земле души еще не родившихся детей», «у кашубов же зафиксировано выражение по отношению к беременной женщине – «обеллась лягушек» [В. Sychta, *Słownik gwar Kaszubskich na tle kultury ludowej*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1974, s. 261]». Лягушка воспринимается также как воплощение души умершего, чем объясняется ее «широко известная роль в обрядах вызывания дождя». И далее: «лягушки выступали как вместилище человеческой души» (Л.Н. Виноградова, *Материальные и бестелесные формы...*, с. 151–152, 156)

В отношении женской символики А.В. Гура со ссылками на источники материала пишет следующее: «Из-за сходства лягушачьих лап с человеческими руками считают, что лягушка в прошлом была женщиной ... У южных славян известны рассказы об обращенной в лягушку девушке ... Гуцулы, увидев весной первую лягушку, называют ее «панной». ... Существует примета, что в доме будет много лягушек, если первым посетителем на Рождество, Новый год, Пасху, Благовещение и другие большие праздники окажется женщина». «По севернорусским народным представлениям, лягушки – обращенные люди ... Происхождение их, в частности, связывают с утонувшими во время потопа ... Придет время, когда они вновь станут людьми, а мы, ныне живущие, превратимся в лягушек. Поэтому бить лягушек и жаб грех». (А.В. Гура, *Символика животных...*, с. 381, разрядка источника) Приводит он и запрет убивать лягушек с наиболее распространенной мотивировкой «умрет мать», «реже – умрет сам убивший», «его родители или родственники». «У южных славян, кроме того, известен запрет называть детям лягушку *жаба*, вместо этого они называют ее *баба*, так как иначе у них преждевременно умрет мать». (с. 382)

⁴⁴ Касаясь того же вопроса, хотя и несколько в другом повороте, Л.Н. Виноградова приводит такие свидетельства: «домашний скот, по народным представлениям, соотносится каким-то образом с душами умерших предков ... прямые свидетельства того, что вол или лошадь могли выступать носителями души человека, отражены в белорусских поверьях о тягловых домашних животных, на которых отвозили покойника на кладбище. ... считалось, что душа умершего в течение нескольких дней после похорон *слоняйтца по разным статку* или что она *припадаць* в ту лошадь, которая отвозила тело покойного на кладбище; в виду этого, лошадь освобождается на три дня от работы, ее отводят на гумно, сопровождая это выразительной мотивировкой – «чтобы ни томиць души нябожика» [Н.Я. Никифоровский, *Простонародныя примѣты и повѣрья*, Витебскъ: Губернская Типо-Литографія, 1897, с. 292]». (Л.Н. Виноградова, *Материальные и бес-телесные формы...*, с. 154) Еще более почтительное отношение отмечается к такой лошади у крестьян Витебской губ. в материалах Шейна [П.В. Шейнъ, *Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Стѣверо-Западнаго края*, Санктъ-Петербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1890, т. 2, с. 516, 521–522]. (Там же, с. 154–155)

Как замечает далее Виноградова, «речь здесь идет не о превращении человеческой души в животное, а о ее вселении (на какой-то ограниченный срок)» (с. 155, разрядка источника). О вселении на какой-то ограниченный срок, в то время как запрет в приведенном поверии *братъ* такую лошадь *в свадебный поезд* либо *в другие серьезные или парадные выезды* вряд ли можно таким представлением объяснять. За этим должно стоять нечто другое, что можно усматривать как отмеченность такой лошади смертью, назначенность ею, с сохранением этой назначенности в себе, и не на ограниченный, считаемый днями по времени, срок.

Piotr Czerwiński

Świat przedmiotów we wróżbach i podaniach (Przeżywanie śmierci)

Streszczenie

Czwarta książka z serii prac poświęconych analizie rosyjskich ludowych wróżb i podań. Jej istota polega na tym, że wybrany materiał badawczy służy jako podstawa dwóch przenikających się i nawzajem uzupełniających podejść. Pierwsze z nich zakłada opis odzwierciedlonej we wróżbach i podaniach specyficznej rzeczywistości czy też typowego w jego percepcji i przekazie świata przedmiotów, w którym coś się dzieje i wydarza. Jednocześnie wzajemnie oddziałują w nim różne wydarzenia, sytuacje, zjawiska i okoliczności, jak również wykonawcy czynności i określone obiekty. Przy czym owi wykonawcy nie zawsze są ze swej natury istotami ludzkimi. Wszystko to związane jest z charakterystycznymi dla przedstawicieli rosyjskiej tradycji mentalnej wyobrażeniami o otaczającej człowieka rzeczywistości, jego miejscu, istnieniu, życiu i śmierci oraz stosunku do nich.

Drugie podejście zakłada w efekcie systemowo-paradygmatyczny opis tego, co uprzednio zostało określone jako obiekt. Ideę owego podejścia można sprowadzić do założenia, że wszystko to, co zostało odzwierciedlone we wróżbach i podaniach, wynika ze szczególnego rodzaju wyobrażeń o świecie. Wyobrażenia te tworzą specyficznie ukształtowany paradygmat konceptualny. Z tego też właśnie wynika założenie o możliwości wyłonienia i opisanie wspomnianych wyobrażeń.

W opisywanej świadomości (typowej dla tekstów kultury ludowej) otaczająca człowieka rzeczywistość odzwierciedlona jest poprzez takie o niej wyobrażenia, które presuponują obraz zwyczajowo nazywany w literaturze przedmiotu modelem świata (MŚ) lub obrazem świata, także językowym obrazem świata (JOS). Jednak w niniejszym studium chcielibyśmy od nich odejść. I nie dlatego, że wydają się nierelevantne, co byłoby nie do końca uzasadnione, ale dlatego, że naszym celem badawczym było coś innego – poszukiwanie i wyłonienie określonego uprzednio paradygmatu odnoszącego się do konceptualnej semantyki tego „języka”, który wyraża się poprzez swoje jednostki semantyczne w badanym materiale. Jednocześnie owa rzeczywistość lub ów świat przedmiotów, o którym mowa, nie jest wynikiem samej tylko percepcji, odzwierciedlenia i interpretującej orientacji w nim. Jest to świat i rzeczywistość bycia i egzystowania w nich, w określony sposób rozumiane i odbierane przez przedstawicieli danej tradycji mentalnej i charakterystyczny dla niej język semantyczny.

Jedną z cech charakterystycznych takiego wyobrażenia i stosunku do świata polega na konieczności nie tyle dostrzegania tego, co otacza człowieka, i podejmowania na tej podstawie właściwych działań, lecz właśnie umiejętności odpowiedniego zachowania, by w konsekwencji dać mu możliwość uniknięcia niepożądanych skutków lub osiągnięcia upragnionego celu. W wybranym tym razem materiale znajduje to swoje odzwierciedlenie nie tylko w widzialnym i przeżywanym świecie żywych, lecz także we wszystkim tym, co związane jest z przeżywaniem śmierci w chwili jej pojawienia się, nadejścia, wtargnięcia w świat żywych oraz ze światem zmarłych i zmarłymi. Przy czym we wróżbach i podaniach relacja ze światem zmarłych nie ma charakteru bezpośredniego, lecz bardziej zakłada interakcję samych zmarłych

z żywymi (a przy tym z istotami żyjącymi lub nie). Ale nie tylko z nimi, lecz także z umierającymi, swoimi i obcymi, z ich duszami i nie tylko.

Na materiale wróżb i podań tematycznie powiązanych z wyobrażeniami o śmierci wyłanianiami i określani są zarówno żywi, jaki i nieżywi uczestnicy, a także nakazywane jednym i drugim określone, a przez to prawidłowe, normy zachowania, jak również przejawy i działania, przedmioty, przestrzenie, obiekty, zdarzenia wraz z ich potencjalnymi funkcjami i celami. Wszystko to, co związane jest z analizowanym światem przedmiotów w kontekście śmierci (i życia) oraz umierania, omawiane jest tu bez uogólnień i filozoficznych rozmyślań, lecz z wydobyciem głębszego sensu uwarunkowanego przez analizowany paradygmat semantyczny. Ów sens w pewnym stopniu odnosi się do istnienia człowieka i jego bytu, do czekającego go w przyszłości przejścia na drugą stronę. Stronę nie do końca poznaną (jeśli w ogóle poznaną), lecz w pewien sposób wyobrażaną.

Istotną, jeśli nie najważniejszą, cechą omawianego kręgu wróżb i podań stanowi konieczność rozpoznawania na podstawie odbieranych i widocznych oznak zbliżającej się, nadchodzącej, czekającej lub omijającej kogoś śmierci (w przypadku ciężkiej choroby). Nie tylko przedmioty, ale także zjawiska, ludzie, zwierzęta, ptaki i in., uczestnicząc w obserwowanej sytuacji, stają się wskaźnikami odpowiednich znaczeń. Posiadając podstawową w danej tradycji mentalnej wiedzę, można i należy owe wskaźniki w odpowiedni sposób interpretować. W sposób niezbędny dla człowieka, jego sytuacji i stanu, interpretowany według badanego paradygmatu.

W związku z tym wróżby i podania poprzez odzwierciedlone w nich przedmioty i odbieraną jako realna rzeczywistość mają przede wszystkim charakter regulacyjny. Wskazują bowiem na to, co i jak być powinno, co należy robić, a czego unikać. W zależności od okoliczności, jakie towarzyszą zdarzeniu, jego aktanci, w tym uczestnicy, zarówno wykonujący jak i niewykonujący żadnych czynności, otrzymują różne określenia i z semantycznego punktu widzenia mogą być opisywani i wyobrażani w różny sposób. Pierwiastek martwy wchodzi i przenika w to, co żywe, nie w jednej chwili i nie od razu, lecz stopniowo ekspandując i podporządkowując to sobie. Istotne, by w tym przypadku oznaczyć i określić charakter owej ekspansji. Nie mniej istotne w procesie rozpoczynającego się i postępującego, podporządkowującego sobie umierania wydają się czynności i zachowania, których sens i cel polega z jednej strony na tym, aby pomóc umierającemu odejść, z drugiej zaś, aby uchronić przed śmiercią i odseparować od niej innych, którzy nie umierają i żyją. Równie istotne stają się w konsekwencji odpowiednio ustalone i skodyfikowane reguły kontaktów ze zmarłymi. Rodzaje tych kontaktów w relacji do żyjących mogą być różne, niejednoznaczne, zależne od czasu i innych okoliczności, wymagać odpowiedniej wiedzy i właściwego stosunku.

Wszystkie wzajemnie oddziałujące elementy opisane w materiale badawczym są charakteryzowane, jak wspomnieliśmy, z punktu widzenia właściwej dla danego zagadnienia paradygmatyki, a następnie omówione z perspektywy stojących za nimi konceptualnych jednostek semantycznych. Jednostki te, opisywane z perspektywy relewantnych i powtarzających się wykładników semantycznych, stają się jednocześnie obiektem nie tylko paradygmatycznego, lecz także wielostronnego opisu typologicznego. W związku z tym nakreślanych jest kilka typologii, mogących dać wyobrażenie o tej semantyce i jej strukturze, która jest charakterystyczna dla świata przedmiotów we wróżbach i podaniach odnoszących się do tego, co nazwano tu *przeżywaniem śmierci*.

Piotr Czerwiński

The world of objects in predictions and tales (Experiencing the Death)

Summary

The fourth book in the series on the analysis of the Russian folk predictions and tales. The main idea of the book is the penetrating and complementing of two approaches dealing with the research material. The first of these approaches gives a description of the specific reality reflected in the predictions and tales. This description also includes the typical world of objects and its perception in the course of various events. At the same time various things happen in this world and many situations, phenomena, circumstances and agents are present in it. These agents of course are not always human beings because of their nature. All these elements are typical for representatives of the Russian mental tradition and their imaginations of the reality that surrounds a man, his placement, existence, life, death and the man's attitude towards these elements.

The second attitude implies (as the result) the systemic and paradigmatic description of what has formerly been determined as the object. The idea of this attitude can be presented as the following assumption: All that was reflected in predictions and tales is the result of a specific kind of the world images. These images create a conceptual paradigm which is shaped in a specific way. This assumption makes it possible to show off and to describe the aforesaid images.

In the described awareness (typical for the folk culture texts) the reality that surrounds the man is reflected via images which assume the imagination which is usually called the world model (WM) or a world image as well as the linguistic image of the world (LIoW). In this book both are put aside not because they seem irrelevant (which would not be justified), but because the aim of this publication is to search for and (to) show off a formerly determined paradigm referring to the conceptual semantics of this "language" being expressed by its semantic units in the material examined. At the same time *this* reality or *this* world of objects in question is not the result of perception, reflection and interpreting orientation in it. It is the world of being and existing in them and they are understood and construed by the representatives of the specific mental tradition and of this tradition's semantic language.

One of the characteristic features of such image and its reaction to the world depends on the necessity *not* only to notice what the man is surrounded by and thus he knows what to do but at the same time he must be able to behave properly to avoid undesired results and then to achieve the long-awaited goal. This time the selected material reflects the visible and experienced world of the living people as well as in all which is bound with experiencing the death in the moment of its arrival, barging into the world of the survivors and the departed. In the predictions and tales the relation with the world is not of the direct character but this relation implies the interaction of the departed with the survivors (and the creatures dead or alive). This interaction also refers to the dying people both fellow countrymen, strangers and their souls.

The research material of predictions and tales on the death images also shows off the departed and surviving participants. They are shown how to behave in these specific circumstances. The material also presents the indications, actions, objects, spaces with their potential functions and goals. The world of objects that is analysed in the death, life and departing context is discussed here without any philosophical background. What is emphasised is the deeper sense being analysed by the semantic paradigm. This sense refers to the human existence and to its transition to the *other side* which is the great unknown but it can be imagined to some extent.

The most important feature of these predictions and tales is the necessity to recognize the received and visible symptoms of the death which is very close or in some cases the death which is expected or luckily missed for a person suffering from a serious disease. Not only the objects but also various phenomena, animals, birds etc. being the elements of the situation are the indicators of the proper meanings. Having possessed the basic knowledge in a given mental tradition one may / must interpret these indicators in a proper way. This interpretation must be done according to the paradigm that is examined.

Due to the above predictions and tales the objects reflected in them and the reality are of the regulating character i.e. they show what should / shouldn't be done and what should be avoided. According to the circumstances of the event all the people involved get various definitions and from the semantic point of view they are described and imagined in various ways. The death element gets gradually into the living matter and dominates over it. The character of this expansion must be determined. In the process of passing away there are actions and behaviours which on one hand help the dying person to get away and on the other separate those who are alive from the act of dying. The rules of the contacts between the departed and the survivors are in turn established and codified. The types of these contacts in the relation to the survivors may be of various kinds, ambiguous, dependent of time, of other circumstances and so they must be based on proper knowledge and correct attitude.

All the active elements described above are characterised of the proper paradigmatics and then discussed from the point of view of conceptual semantic units. These units are being studied due to the relevant semantic interpretations and so they are subject to paradigmatic and multilateral typological description. Thus several typologies are sketched and they give shape of the semantics and its structure. This semantics is typical for the world of objects in predictions and tales which are connected with so called *experiencing the death*.

Projekt okładki
Magdalena Pache

Redaktor inicjujący
Przemysław Pieniążek

Wersją referencyjną publikacji jest wersja elektroniczna
Publikacja na licencji Creative Commons
Uznanie autorstwa - Na tych samych warunkach
4.0 Międzynarodowe (CC BY-SA 4.0)

 <https://orcid.org/0000-0001-6575-5736>
Czerwiński, Piotr
Predmetnyj mir primet i poverij (Proživanie
smerti) / Pëtr Červinskij. Wydanie I. -
Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu
Śląskiego, 2022

<https://doi.org/10.31261/PN.4117>

ISBN 978-83-226-4185-9
(wersja elektroniczna)

Wydawca
Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego
ul. Bankowa 12B, 40-007 Katowice
www.wydawnictwo.us.edu.pl
e-mail: wydawnictwo@us.edu.pl

Wydanie I. Liczba arkuszy drukarskich: 18,25. Liczba arkuszy wydawniczych: 22,0. PN 4117.

Egzemplarz bezpłatny

ISBN 978-83-226-4185-9

Więcej o książce

